

№ 2(32). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2019 № 2 (32)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 15 апреля 2019 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.
Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе Ё. Тексты, где игнорируется эта буква, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза	
Павел Демидов. Путь. Роман, ч.1	4
Александр Чумиков. 90-е. Повесть, ч. 1.	14
Тимур Зулфикаров. Стрела Чингиз-хана (глава 9-я из книги сказок)	51
Сергей Пылёв. Пан Пивак. Повесть	62
Владимир Пронский. Хожалка. Рассказ	82
Александр Жданов. Кулон из Сухума. Повесть	89
Поэзия	
Григорий Блехман. Стихи о любви	102
Валентина Ефимовская. Спектральный анализ.. Стихи	106
Владимир Подлузский. Львы. Поэма	108
Владимир Спектор. Из одной провинции в другую... Стихи	114
Северо-Двинские берега	
Юрий Ананьин. Стихи	117
Валерий Шабалин. Стихи	120
Людмила Гродская. Все дороги ведут к дому. Очерк	123
Владимир Сивцов. Записки изобретателя. Юмореска	126
Берега Крыма	
Татьяна Назарова, Ирина Свешникова. Сохраним культурное наследие Крыма!	128
Берега Новоросии	
Александр Морозов. Дебальцево – Островец. Стихи	131
Андрей Чернов. Бумажный самолёт из огненного Донбасса	134
Берега искусства и культуры	
Валентин Баюканский. Пять писем о Тарковских	136
Мир без границ Берега Германии	
Бэла Иордан. Стихи	138
Инна Иохвидович. У открытых ворот. Рассказы	141
Берега Франции	
Елена Лебедева. В Русском доме в 2015 году	145
Критика	
Евгений Белодубровский. Я петербуржец, или интеллигент – это звучит гордо	151
Наталья Советная. «Так войди же под своды и ты!..» Светлой памяти Глеба Горбовского ...	154
Людмила Яцкевич. По былинам нашего времени. О повести Николая Олькова «Мать сыра земля»	158
Берега памяти	
Станислав Федотов. Свидание с отцом	164
Олег Черницын. Иваныч	168
Берега молодых	
Сергей Цей. Стихи	178
Наталья Алейникова. Стихи	180
Бережок	
Алексей Клыков. Стихи	183
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	184

Проза

Павел Демидов

Павел Павлович Демидов. Родился в 1931 году, как теперь оказывается, за границей – в Баку. В Одессе окончил школу, институт иностранных языков и мореходное училище. Работать начал на Камчатке, стал журналистом. Всего прожил на Дальнем Востоке 17 лет (Сахалин, Приморье). В Москве с 1970 года: газеты «Известия», «Советская Россия», Центральное телевидение, киностудия Мосфильм. Последние годы – главный редактор православного журнала «Лампада». Член Союза журналистов и Союза кинематографистов. Автор сценариев игровых и документальных фильмов, нескольких книг. Имеет правительственные, церковные и профессиональные награды

Путь

Автобиографический роман, журнальный вариант

Признаюсь: я взялся за эту книгу не без колебаний. И вот почему. Если писать воспоминания о своей жизни, это может быть интересно родным (и то не всем), немногочисленным друзьям и довольно узкому кругу оставшихся коллег, с которыми меня связывает общее прошлое. Аудитория, прямо скажем, не аншлаговая, хотя и достойная. А для кого ещё сегодня писать тому, чьё имя не занимает в современной литературе никакого места? Я понимаю, если бы речь шла о дебюте человека, чья жизнь всем интересна. Или о неожиданных подробностях чьей-то известной биографии. В моём случае нет ни того, ни другого. А что же есть?

Неожиданно, и прежде всего для меня, оказалось, что из предполагаемого героя книги я стал просто автором, а всё, что составляло антураж моей личной жизни, превратилось в часть нашего всеобщего бытия. Я почувствовал себя как бы бытописателем того, теперь уже безвозвратно ушедшего, времени и людей, своего рода коллекционером из лавки древностей. И даже испытал, простите за нескромность, нечто вроде чувства исторической ответственности за то, что делаю.

Хотя книга во многом связана с прошлым, она всё же больше о настоящем и даже о будущем. Потому что посвящена событию, полностью изменившему мою жизнь. Событию, природу которого я до сих пор не могу до конца осознать и осмыслить. Из отдельного факта оно оказалось частью контента времени, потому что чудо обретения Бога как мною, так и тысячами и тысячами моих современников, можно сказать, стало таким же символом эпохи, как когда-то символом эпохи были гонения за веру. Как мы приходим сегодня к Богу, через какие тернии пробиваемся к свету Вифлеемской звезды?

Вот, коротко, почему я всё же сел за письменный стол. А уж вам, мои возможные читатели, судить, следовало это делать или нет.

Красная волчанка

Судьба первая

Когда после длительной размолвки Егор вдруг обратился ко мне, как в прежние годы, конечно же, было приятно. И вовсе не потому, что это был *сам Егор Яковлев!* – символ демократии и свободного слова новой России. Нас просто связывало много хорошего. Однако мой интерес и готовность проявить внимание к гостю объяснялись больше фигурой гостя. В ответ на просьбу принять *сам понимаешь* как я спросил, что за хмырь. В ответ услышал:

- Кто был третьим врагом народа в тридцатые годы, помнишь?
- Каменев что ли ожил? – съязвил я.

– Всё узнаешь у него сам. Привет!

...Троцкий, Зиновьев, Каменев... Классическая триада, навсегда вошедшая в наше сознание, даже больше в подсознание. Когда Егор спросил меня о враге народа, сразу всплыл устоявшийся штамп: «дыхание истории». Что поделать: чем выражение точнее, тем оно банальнее. На меня словно пахнуло её холодным выдохом. В зыбкой детской памяти ещё как-то удерживались семейные хроники. А вот страницам истории народа, страны – для них места не было. Каменев – одна из этих страниц. Со временем найдётся место и для неё, но уже в ином историческом контексте, хотя имена останутся прежние: Бухарин, Рыков, Пятаков...

Мы любим порассуждать о нашей особости. Я бы приравнял эту склонность к национальной идее, поиском которой мы вроде бы столь озабочены. И поняв, как она нам вредит, постарался бы отказаться от неё как можно скорее. Я имею в виду очевидную нелепицу – шараханье из крайности в крайность. Мы – страстный народ. Нам претит стабильность. Нам становится скучно. Мы начинаем вянуть, как цветок без воды. Ладно, если речь идёт о том, что сливочное масло, оказывается, полезно, а сахар, допустим, вреден. Но едва не с такой же лёгкостью мы меняем знаки на противоположные у целых исторических пластов: враги становятся жертвами, жертвы – врагами, преступления – ошибками, умыслы – заблуждениями... Вот и Каменев с соратниками по троцкистско-зиновьевскому антипартийному блоку спустя полвека будет реабилитирован. Естественно, посмертно.

В дверь позвонили. Передо мной стоял высокий, очень худой мужчина лет... сорока пяти – пятидесяти. Короткая стрижка, седые виски, пронзительные, усталые глаза. Голова чуть наклонена к правому плечу, отчего вся поза просительна-ожидающа, как у собаки, готовой выполнить команду хозяина, разве что уши не торчком. Обратил внимание на лицо, не мог не обратить: тускловатая красная сыпь симметрично покрывала большую часть щёк, напоминая распластанные крылья бабочки. Гость привычно пояснил:

– Не бойтесь. Не заразное.

Представился:

– Кравченко. Виталий.

На мой удивленный взгляд пояснил:

– Это по матери. А по отцу – Каменев.

– Проходите, – я протянул руку.

Виталий Кравченко отбыл лагерный срок и зарулил во Владик по необычному делу: отыскать на Морском кладбище одного мужика. Нет, не из мёртвых. Он должен работать в похоронной команде. А я – чтоб не беспокоился: есть гостиницы. На послезавтра уже билет до Москвы. Вот только бы на кладбище...

Ни в какой похоронной команде искомый мужик, разумеется, уже не работал. Крепкие молодые парни в элегантных спецовках, которым не мертвецов бы таскать, а живым делом заниматься, ответили: «Такого не знаем. Может, когда и был».

– Тебе тот мужик из похоронки родич?

– Он у родича моего был в охране. А потом сам загремел.

Чувствовалось: гость был не в настроении. Но мне очень хотелось ему помочь. Я предложил съездить к знакомому майору из местного КГБ и попробовать через него узнать об исчезнувшем могильщике. Виталий отреагировал на предложение нервно:

– К этим? С меня хватит.

И тут меня словно оглушило:

– Виталь, а ты бывал у Орджоникидзе на даче?

– Может, и бывал. Когда он умер, мне было три года. А почему спрашиваешь?

– Потому что он был другом моего деда.

Виталий поднялся:

– Давай до вечера. Бутылка найдётся?

Рассказ Виталия Кравченко о своей жизни

– У тебя лёд есть? Порядок... Слушай, а для чего тебе всё это знать?.. Ах, ни для чего? Хочешь сказать, это нужно мне? Я-то свою жизнь хорошо изучил. Среди ночи разбуди – сходу ответу. «Осужденный Кравченко Виталий Александрович. Статья 58-прим УК РСФСР. КРТД – контрреволюци-

онная троцкистская деятельность. Приговорён постановлением Особого совещания КГБ к высшей мере социальной защиты – расстрелу с заменой на пятнадцать лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии строгого режима». Не ждал? И я не ждал, когда к нам приканали ребята с прозрачными глазами... Лёд еще есть? Спасибо. Думали: со шмоном, хотя что у нас шмонать? А они – видишь, как? – мать на три года в ссылку, а меня под белы ручки и в трюм на Лубянку. В такой душняк закатали – мама, не горюй! Не бойсь, теперь мне пить можно... Потому как недолго осталось... Год, от силы два. Красная волчанка, слышал? Мне её лагерь подарил. Поражается соединительная ткань в организме. А без неё – нет человека. Представляешь? – иммунная система вместо того, чтобы защищать, повреждает, сука, здоровые клетки! А я знаю, почему?! Вся медицина не знает, как лечить эту сволочь. Непонятно происхождение. Пока у кого в организме прочность есть, тот и держится. Кто пять лет, кто десять... Повезёт – все двадцать... А на зоне какая прочность? Всё за пару лет утекает... Бутылка-то какая здоровая – пьём, пьём, а ещё только до наклейки дошли. Как раз под мою биографию объём ... Я тебе расскажу, но с условием: пока я жив – никакого базара. Ждать недолго. Да не маши ты руками! Я своё уже отпереживал. Меня-то освободили почему? Сначала думали ещё десятку влить – это у них так водится, когда багаж к концу подходит, а выпускать западло. А потом переиграли: освободили подчистую, «за отсутствием состава преступления». Это мне санитар из больничного барака сказал: через год, мол, всё равно откинешься, а им только статистику испортишь. Не любят, когда у них дуба дают от болезней, да ещё от какой-то красной волчанки. Можно, прилягу? Не дрейфь: я у тебя не помру. Не свинья – на тебя такой геморрой вешать. Ладно, шучу. Наливай! Переходим к главной интриге? Мой дед Лев Борисович Каменев – очень известный партийный бугор в двадцатые–тридцатые годы. Чуть не третий человек в стране. Да, в «девичестве» звали его иначе. Совершенно верно: Розенфельд. А ты в истории сечёшь. Почему у меня другая фамилия? Так я же сказал: мать. Ну, представь: был бы я с погонялом врага народа или, не дай бог, какой-то там Розенфельд или Розенблюм. Тогда многие кремлёвские так делали. А вообще-то, смешно – страусиная конспирация...

Перестреляли у нас практически всех – и близких, и дальних, даже побочную жену деда. Моего отца, само собой, то есть дедова сына. Остались только мы с мамашей. За нами пришли, когда мне было уже двадцать, за два года до смерти усатого. Спрашивается: на хрена я им сдался? Не утобил тебя? Тогда слушай. Дед был не только пламенный большевик, но такой же пламенный блядун. У него даже была параллельно вторая семья, и тоже с детьми, и все знали. Но ему и в двух постелях было тесно. Со мной тянул срок тот самый мужик, из похоронной команды. А до ареста он служил в охране у деда. Он мне и намекнул, что дед затянул в кровать сноху, то есть мою мать. И это как раз совпадало с моим появлением на свет. Я не верю, а гвоздь торчит. Как его вытащить? У матери спросить не могу... Почему? Не знаю. Не могу – и всё! А больше не у кого... За этим я сюда и припёрся. Думал, удастся спокойно побазарить. А тут видишь как... Сдохнуть бы скорее...

Спросил, было, чем я-то повязан с кремлёвскими, а потом махнул рукой: «Другим разом».

Другого раза не случилось. Через день Виталий улетел в Москву. А через год умер. В день моего рождения, 3 августа. Разумеется, совпадение, как и то, что мы с ним были ровесниками.

...Есть такое красивое слово – кварталон. Это человек, в ком одна четверть не главной его крови. Допустим, в семье все русские, кроме деда или бабки. Я как раз и относился к таким кварталонам: мой дед по материнской линии был азербайджанцем. Бедные родители-крестьяне не могли дать ему образование, и он, полуграмотный, повёлся на посулы бакинских большевиков сделать его счастливым и богатым, если станет помогать им бороться за новую жизнь. Поскольку для строительства новой жизни требовались деньги, на ячейке постановили грабануть отделение Банка России, которое очень для этого удобно располагалось – в отдалённом районе города, на полуострове Баилов. Однако с налётом что-то не заладилось, и моего будущего деда в числе прочих борцов быстренько скрутили и законопатили за решётку, благо там же, на Баилове, находилась и городская тюрьма. Когда уже на первом допросе выяснилась цель налёта, дело переквалифицировали из уголовного в политическое, а это уже и другие условия содержания, и другой порядок судопроизводства, и вообще всё другое. Юный Баги Джафари почувствовал масштаб собственной личности, хотя скажи ему кто-нибудь об этом, он вряд ли понял бы, о чём речь, да и вообще ничего бы не понял, поскольку русским не владел даже со словарем.

Так мой будущий дед оказался в ссылке в Туруханске. Нет, не с будущим Сталиным, но тоже в подходящей компании. Там ему предстояло куковать восемь лет, если, разумеется, удастся выжить под коротким сибирским солнцем. Как ни странно, южанин довольно легко адаптировался к здешнему климату. После Баку с его частыми пожарами на нефтепромыслах, вечно коптящими керосинками, на которых готовили еду, а зимой ими ещё обогревали жилище, с пятнами мазута, покрывающими приборные полосы на пляжах и в порту, туруханская глухомань и в самом деле была экологическим раем: здесь, кроме дров, никакого другого топлива не знали. Не зря говорят: человек быстро привыкает к хорошему. Вот знойный юноша Баги Джафари быстро и привык.

Был в его жизни ещё важный момент: вместе с ним в Туруханске оказались не только подельники, но и политические ссыльные из других мест Российской империи. В этом заключалась существенная методологическая, как теперь сказали бы – системная, ошибка самодержавия. Надо было рассредоточить, распылить смутьянов по гигантской территории России, так, чтобы на каждого приходилось минимум по сотне верст безлюдья. А их кучковали вместе, благодаря чему революционная тусовка не только не теряла формы, но, напротив, ещё дополнительно закалялась, обрастала новыми людьми и связями и к моменту выхода на волю была вполне разогретой, сплочённой и готовой действовать. Эта мысль пришла в голову, когда я готовился к выпускному экзамену по истории СССР. Попал вопрос: «Подпольная работа РСДРП в первые годы её создания в условиях царской реакции в начале XX века». И, помнится, я тогда удивился своему выводу: реакция, похоже, была не столь уж реакционной, если так обращалась со своими политическими антагонистами.

...Полина Аксёнова оказалась в Туруханске тоже не по своей воле, как и Баги Джафари, только чуть позже. Как и Баги Джафари, сперва оттряслась две недели в теплушке до Красноярска, а потом на барже, привязанной к пароходу «Святитель Николай», доплыла до стрелки Енисея с Нижней Тунгуской, конкретно – до причала Туруханска. Точнее, её доплыли – ссыльным этапом (опять же, как Баги Джафари). Семейная легенда гласит, что Поля Аксёнова оказалась в местах столь отдалённых в наказание за революционную деятельность. Но помилуй бог! – что за революционная деятельность могла быть у двадцатилетней девахи в уездном городишке Холм, да хоть на всей Псковщине, на стыке XIX и XX веков, да ещё такая, чтобы загреметь по этапу в Сибирь?! Однако легенды, как известно, ответов на вопросы не дают, посему будем довольствоваться тем, что имеем.

В то время люди не знали таких слов, как толерантность, веротерпимость, уважение религиозных чувств. А раз не было слов, значит, не было и явлений, от которых эти слова родились. Во всяком случае, ни Баги, ни Полина об этом не задумывались. Мусульманин и православная просто полюбили друг друга, и когда наступало для него время намаза или для неё – утренней или вечерней молитвы, никто друг другу не мешал и не чувствовал себя ущемлённым. Отношение властей к политическим всегда было более уважительным, чем к уркам, и Полине с Баги разрешили жить вместе. Её революционная деятельность в российском захолустье, честно говоря, вызывала сомнения; здесь же она очень скоро стала приметной фигурой в политическом истеблишменте. Малограмотность Полины и безграмотность Баги не помешали бы их карьерному росту, но таковой не предусматривалась концепцией пролетарского преобразования мира. От них требовалась всего лишь беззаветная преданность и готовность доказать её делом. И того, и другого было у них в избытке.

Матримониальных отношений молодожены не оформляли. Да и сделать это в Туруханске было невозможно. Надзирающее за ссыльными полномочное лицо с подобной практикой прежде не сталкивалось и потому не знало, как далеко простирается его, лица, компетенция в этом вопросе. Можно бы, конечно, обвенчаться – церковь в Туруханске имелась, да и набожная Поля рада бы избежать плотского греха, но опять же незадача: как венчать православную с магометанином? Ни один батюшка в округе не брал на себя такую смелость. «А давай мы его окрестим, – предложил туруханский священник. – И всем будет хорошо». Но дремучий Баги неожиданно воспротивился. Вернее, поначалу он был вроде бы не против – почему не покреститься ради любимой женщины? – но узнав, что при этом ему нужно будет отречься от своей веры, решительно ушёл в отказ. «Что говорить мне Аллах? Что я сказать Аллах, когда приходит к нему?». Батюшка пытался урезонить: «Ты уже не к Аллаху своему придёшь, а к нашему Иисусу Христу. И говорить будешь Ему». Баги израсходовал значительную часть своего словарного запаса. Кое-что, правда, ещё оставалось, но он понимал, что эти знания вряд ли подойдут к данному случаю, и потому просто замолчал. Убедившись, что дальше

заниматься прозелитизмом бесполезно, священник отпустил молодых с миром. Так они и зажили – как теперь сказали бы, партнёрским браком – православная Полина (в крещении Пелагия) Ивановна Аксёнова и магометанин, он же мусульманин, Баги Джафар оглы Джафари. Зажили мирно, ладно и вскоре поняли, что у них будет ребёнок.

В других условиях это событие окрасилось бы только радостью. Здесь же мгновенно выросла гора неразрешимых проблем. Трудности, связанные с рождением ребёнка, да ещё в заполярной ссылке, думается, настолько представимы, что вряд ли стоит отвлекать на них внимание читателя. Хуже всего оказалось другое: примерно через месяц после появления на свет первенца – мальчика, а по-другому и не мыслилось! – каким-то невообразимым способом ссылкой переслали директиву из Баку. Штаб партийной ячейки приказывал готовиться к побегу. Назывались конкретные имена, в числе их и Баги.

Думали подождать до лета, когда малыш хоть чуток подрастёт (он родился в ноябре), но центр не соглашался даже на это. Накануне побега выяснилось, что Мамед заболел корью, однако остановить партийный маховик было уже нельзя. И в марте 1907 года, сопровождаемые запасной собачьей упряжкой, все трое отправились выполнять приказ партии.

...Мне выпало счастье жить в двух великих городах страны: в Баку, где родился и откуда уехал в четырнадцать лет, и в Одессе, где окончил школу, мореходку и институт. И даже женился. Почему я считал великими именно эти города? Одесса – она и в Африке Одесса, о ней столько написано и сказано... Баку в этом смысле не так обласкан. А зря. Ещё тогда, до войны, у бакинцев много чего можно было перенять. Например, умение жить без громких скандалов, кровавых конфликтов и прочих, как теперь говорят, разборок. Азербайджанцы, армяне, казанские татары, горские евреи, обычные евреи, немцы... не говоря уже о русских, – они жили не одной семьёй, они жили многими семьями, и порой трудно было различить, где кончается одна семья и начинается другая. Дни рождения и прочие личные даты, равно как и общие праздники, отмечались вместе: в одном на всех коридоре или, если по сезону, во дворе сдвигались столы, а дальше понятно – приносили кто чем богат и поесть, и выпить.

Лет через двадцать я встречу нечто подобное, правда, иное по форме, в Петропавловске Камчатском. Тогда в городе много домов ещё было из дерева и в один этаж, на манер деревенских, и считалось в порядке вещей – не запирают их на замок. Если к наружной двери прислонена швабра, значит, и входить незачем: хозяев нет. Кражи, разумеется, случались и там: дело ведь не в запорах, а в людях. Трудились на Камчатке так: работаешь подряд два с половиной года, а шесть месяцев отдыхаешь. И было правило – к возвращению отпускников капитально прибирать их квартиру и встречать праздничным столом. Не говоря уже о том, что по первому сигналу немедленно переводили отдыхающему деньги.

Радостно и легко я впаялся в эту цепочку, сразу почувствовав себя своим, хотя был ещё салагой в сравнении с маститыми камчадалами, получавшими «сто на сто» – двойной оклад, который причитался через пять лет. Опять же: такие странные, но милые сердцу сближенья – южный довоенный Баку и через двадцать лет чуть ли не приполярная Камчатка.

Но Баку всё же имел свою, неповторимую фишку. Особыми днями единства, в частности, в доме на Чадровой, где я родился и прожил до четырнадцати лет, был мор клопов. Тогда вместо столов двор заполняли кровати, диваны и раскладушки, кипятилась в гигантских объёмах вода, и всем миром шпарили, шпарили этих молчаливых, живучих, вездесущих кровососущих. Справедливости ради надо сказать, что солидарность объяснялась не столько родством душ, сколько прагматичным расчётом, рождённым опытом: если морить паразитов в отдельно взятых квартирах, они – не дураки! – мгновенно переселяются к менее радивым соседям. С детства запомнилось это чувство причастности к общему делу, чувство, которое рождало ощущение неделимости, целостности, наполняло сознанием собственной значительности. Позднее, повзрослев и набравшись житейского опыта, я понял, что никакие идеи так не объединяют людей, как общий враг. Даже если это обыкновенный клоп.

И ещё – очень коротко! – о нём же. У нас всегда было много книг. А в книгах всегда любили жить клопы. Обычно они собирались в корешковой части: там попросторнее и много вкусного клея. И, соответственно, оставляли после себя следы жизнедеятельности. Крохотные чёрные точки, словно звёзды на небе, заполняли – страшно сказать! – страницы второго издания (красная обложка

со знакомым профилем) полного собрания сочинений Ленина, а ведь под ними, под точками, отлитые в слова мысли о материализме и эмпириокритицизме, о национальной гордости великороссов, о Толстом как зеркале русской революции. Когда, года через два-три, к нам придут с обыском, лейтенант в серой коверкотовой гимнастёрке, раскрыв один из томов и вытряхнув оттуда пергаментных, прозрачных негодяев, брезгливо скажет неизвестно о ком и неизвестно кому:

– Сволочи! Даже товарища Ленина не постеснялись.

А какие похороны бывали в Баку!.. Стоило услышать основательную, как шаги командора, медь духового оркестра – обычно играли Траурный марш Шопена, реже Моцарта, – как мы, пацаны, мгновенно бросали свои занятия, что бы это ни было – игра, уроки, домашние ли дела, и устремлялись на улицу. Выскочив за ворота, озирались по сторонам и, завидев процессию, мчались туда что было сил.

И вот он, траурный кортеж. Впереди – особо приближённые к покойному при его жизни. Им доверено нести самое ценное – знаки, подтверждающие заслуги виновника события. Перед страной, перед народом, перед городом или районом – у кого как. На подушечках могли лежать значки ГТО (Готов к труду и обороне), «Ворошиловский стрелок», крайне редко попадалась медаль «За трудовые заслуги», а если орден – это вообще было событием. Тогда мы толкали друг друга локтями и шептали: «Зырь, зырь!». Я тоже толкал и тоже шептал. Если почему-то заслуг не было, протокол всё равно соблюдался свято. Тогда шествие возглавляли рамки с грамотами. Однажды видел даже благодарность от домоуправления за высаженное покойным во дворе дома дерево.

Затем шёл оркестр, который, созывался по принципу нынешнего флешмоба. Баку, конечно, был городом большим, за полмиллиона, но прокормиться музыканту только похоронами, особенно если с семьёй, было трудно. Приходилось прирабатывать – на танцплощадках, на торжественных приёмах, на свадьбах... Последнее было самым прибыльным – как-никак всеобщая радость, – но в интернациональном Баку это был, пожалуй, единственный сюжет, который национальным фактором отягощался.

Если свадьба была азербайджанской, тон задавали зурна, тара или кеманча. На еврейской – первую скрипку, простите за каламбур, играла-таки скрипочка. Немцы – известно всем – любили губные гармошки. Армяне, грузины... – эти тоже предпочитали свои музыкальные инструменты. Оставались русские или смешанные браки, и вот тут уже во весь голос заявляли о себе валторны, корнет-а-пистоны, трубы, тромбоны и даже туба, величественная и неповоротливая, как пушка «Большая Бerta», из которой в Первую мировую войну немцы обстреливали столицу Франции аж из Берлина.

Покойника обычно везли на запряжённой парой гнедых «пролётке» в открытом гробу. Мы старались идти рядом и не отрывали глаз от сосредоточенно-отрешённого лица того, кто закрутил всю эту историю. Что нас притягивало? Великое таинство смерти? Наверное. Даже наверняка. Но мы этого не понимали, и не только из-за возраста. Из-за чего же ещё? Я осознаю это много позже, когда стану не просто старше – когда стану *другим*. Но до этого расти и расти.

Наконец – родные, соседи, близкие и дальние друзья, сослуживцы действующие или бывшие... Сочувствующие и любопытные присутствовали непременно, причём число их, как правило, росло по мере продвижения кортежа по городу. Особо следует сказать о плакальщиках. Эти – из родственников и знакомых, но встречались и бескорыстно любящие своё дело подвижники. На русских похоронах плакальщиков не бывало, а на прочих иных всё зависело от особенностей и обычаев того или иного этноса. Плакальщикам полагалось идти сразу за гробом или вместе с роднёй.

В Баку мне не случилось участвовать в похоронах никого из своих близких (все потери пришлось на Камчатку и Москву), поэтому смерть воспринималась тогда скорее зрелищем. Пусть таинственным, пусть завораживающим, от которого, как бы, заходило сердце, но никак не эмоциональным потрясением и символом горя. Вплотную я соприкоснулся со смертью лишь соседки – старенькой Анны Львовны, мамы тёти Брони, которая никогда не была замужем, но зато всю жизнь прожила со своей мамой и чьё горе было душераздирающе безутешным. Однако это было всё же чужое, а не моё личное горе, да и мёртвой Анну Львовну я увидел мельком – на носилках, с головой, укрытой простынёй, когда её выносили из комнаты. На похороны меня не взяли – мал, хотя, и родители это знали, я проводил в последний путь не один десяток бакинцев. Но посторонние, незнакомые люди это одно, а вот Анна Львовна – совсем другое. Именно она всплеснула руками, когда меня привезли

из роддома, и именно она воскликнула на родном идиш «Майне либе пунэм!», что в переводе на русский означало «Мое любимое личико!», тем самым подарив мне второе имя – Пуня, а фактически первое, ибо на много-много лет я стал Пуней для всех, кто любил меня, а любили меня многие.

Да, в похоронах своих близких не довелось участвовать, живя в Баку. Но это не значит, что не было самих потерь. Просто они происходили по-иному и облекались памятью в образы, далёкие от традиционной формы. Счёт потерям открыл дедушка Баги (они с Полей кроме Мамеда народили еще трёх детей: двух девочек – Фатьму и Нигяр, будущую мою маму, и общего любимца Чингиза). Баги Джафар оглы Джафари просто исчез из жизни. Был – и не стало. Я запомнил это... событие (?), впрочем, события-то как раз не было, факт (?), но не было и факта, так что же, спрашивается, запомнил? Как ни странно, некие приятные перемены в своей жизни. Например, стал часто бывать у бабушки Поли, которую называл мамой, как все вокруг, тогда как собственную маму называл по имени, ибо так слышал от всех.

Раньше мама-бабушка приходила к нам на Чадровую редко и как-то крадучись и торопливо. Теперь же мы часто бывали у неё на Коммунистической, а я с удовольствием оставался и ночевать. Раз, помню, спросил: «А где дедушка?». – «Уехал». Меня ответ устроил: я очень любил маму-бабушку, любил её дом, ни с чем не сравнимые её пирожки с картошкой, тряпичных кукол, которых она делала для меня. Я очень скучал, не понимая, почему однажды меня вдруг лишили всего этого. Уже взрослым узнаю от своей мамы (не бабушки), что она со своим отцом крепко поссорилась, и тот запретил ей бывать у них дома, а Поле – навещать внука и дочь. Так что когда дедушка, как мне сказали, уехал, я особо не печалился.

Близилось лето. Бакинцы, как всегда, готовились увезти детей из раскалённого города. «Когда мы опять поедem в Москву?» – спросил я у мамы-бабушки. В ответ услышал: «Теперь уже никогда». – «Почему?». – «Нет уже для нас той Москвы, Пунечка», – печально вздохнула она, притянула к себе и тихо сказала на ухо, хотя мы были вдвоем: «Нам хотя бы здесь остаться...». Я почувствовал, что маме-бабушке грустно, и, совсем как взрослый, решил сменить тему.

– Помнишь, в Кисловодске я скатился с Сосновой горки? Кубарем прямо на Площадку роз! – и засмеялся. Засмеялась и мама-бабушка:

– Я так испугалась за тебя! Думала – расшибся, а ты только коленки ободрал.

– Испугалась, а отшлепала.

– Так это от испуга! Прости.

– А я на тебя никогда не обижаюсь. Я тебя преочень-очень люблю! А в Кисловодск? Тоже не поедem?

– Пунюша, ну что ты терзаешь меня?! – чуть не взмолилась мама-бабушка. – Вот дождёмся дедушку Баги...

Довоенные бакинцы очень любили Москву. Объяснить природу этого чувства было невозможно, как вообще невозможно объяснить природу любви. Стоило бакинцу услышать слово «Москва», как он мечтательно вздыхал и закатывал глаза. А поездка в столицу представлялась ни с чем несравнимым подарком судьбы. И это при том, что Баку никогда не страдал комплексом провинциального города, его можно было назвать даже в какой-то мере европейским. А вот Москву любили здесь самозабвенно.

Для семейства Джафари Москва тоже была особым городом. Баги даи (дядя Баги) – так его называли почти все – был накоротке со многими крупными партийными и хозяйственными руководителями страны. Ещё до революции с некоторыми из них он нелегально работал в Персии, а потом и в Баку. Например, известный террорист-революционер Камо нередко прятался у них в туалете, за что дети прозвали его дядей с газетами. Особенно дружили с семьёй Орджоникидзе. К ним-то и ездила в гости мама-бабушка со мной – приглашала Зинаида Гавриловна, жена Григория Константиновича, дяди Серго, как звали его у нас дома.

По малолетству, я помню эти поездки смутно. Так, какие-то фрагменты. Скажем, предложила нам тетя Зина с дороги зелёных щей. В моей тарелке было целое крутое яйцо, а мне яйца нельзя было из-за диатеза, по-нынешнему аллергии. Я мигом сунул его целиком в рот, а мама-бабушка сдавила мои щёки, и яйцо выскочило пулей, и все смеялись. Или: за большим обеденным столом много друзей-гостей, дети – Этери, Тиночка, я – играем на веранде в мяч. Подают мороженое. И вдруг мяч влетает в комнату, прыгает на стол, и мороженое брызжет из вазочек на сидящих. И опять все смеются,

особенно те, на кого мороженое не попало. А там собралась, говорила мама-бабушка, шишки – будь здоров: Пятаков, Микоян, Каменев, Ворошилов...

Сталин? Нет, Сталина я не видел и не встречал. Просто один эпизод отпечатался в моей пятилетней памяти, как тавро на крупе лошади. Мы с мамой-бабушкой приехали в Кремль, где жили Орджоникидзе, и пошли в бюро пропусков. В большой комнате сидели человек двадцать пять – ждали. Мама-бабушка и я сели тоже. Вскоре из полукруглого окошка позвали: «Джафари-Аксёнова!». Получив пропуск, мы направились к двери – массивной вертушке с матовыми стёклами, но в этот момент оттуда в комнату вошли два военных в фуражках с синим верхом и с кобурами у пояса и застыли у двери. Мама-бабушка хотела было показать одному из них пропуск, но он предупреждающе поднял ладонь: подождите. И все почему-то замолчали. И наступила душная тишина. Я увидел, как с наружной стороны дверей по матовым стёклам прошла чья-то тень. И исчезла. И военные тотчас обмякли, и один из них сказал нам: «Проходите». Кто это был – я не знаю, да и так ли важно, особенно теперь, но и спустя годы ощущение липкого страха, пережитого тогда, не ушло из памяти.

В общем, Баги Джафар оглы Джафари имел довольно прочные позиции в Москве и, соответственно, в республике. Вот только не заладилось с первым человеком в Азербайджане Мирджафаром Багировым, хотя с ним тоже было общее прошлое. Не заладилось, как это часто бывает, из-за безделицы. Так, во всяком случае, считали в семье. И ошибались. Однажды Мирджафар напросился к ним в гости. Посидели. Поужинали. А уходя, Багиров сверкнул стеклами пенсне в сторону портрета, висевшего на стене: «Дружишь?». Это был их соратник по борьбе за народное счастье Нариман Нариманов. Баги даи с ним действительно дружил, а вот Багиров был злейшим врагом Нариманова. Дед пожал плечами: «Подарил». – «Может, мой повесишь? Могу подарить». Дед промолчал. «Шучу! – засмеялся Багиров. – Зачем тебе два друга?». Мама-бабушка сказала с сердцем, когда за гостем закрылась дверь: «Ишак завистливый!». – «Нет, Поля, Мирджафар не ишак. Ишаки обиды не помнят».

У меня хранится документ – пожалуй, единственное уцелевшее подтверждение семейного предания о конкретной судьбе конкретного человека. «Дело по обвинению Джафари Баги Джафар оглы пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 10 октября 1956 года. Приговор Военной коллегии от 11 октября 1937 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменён и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Джафари Б.Д.О. реабилитирован посмертно». Коротко и ясно. Как сам приговор. Как выстрел, который когда-то последовал за ним. Теперь, зная главное – куда уехал тогда дедушка Баги, надолго ли и по какой причине, вспомнив что-то из рассказов двух его дочерей и жены, я воспроизвёл тот эпизод с Багировым: каким он мог быть.

Почему так? Жил человек. Честно служил делу, которое избрал, которое считал правильным. Потом выяснится, что и с выбором ошибся, и дело кривое. Но он не дотянет до времени Правды. Его убьют. Свои же. А потом свои же признают невиновным. Правда, это будут другие «свои же», из следующего поколения. С них вроде и спроса нет. И не у кого выяснить, что это за «вновь открывшиеся обстоятельства». Обычная безграмотность формулировок или неожиданный глазок в тайную жизнь страны?

Если обстоятельства открылись вновь, значит, они когда-то уже открывались, но потом кто-то их закрыл. Кто и почему? А если это действительно новые обстоятельства, то, значит, они открылись впервые. Тогда причём здесь «вновь»? А может, я просто умничаю, и на самом деле всё проще? Взяли по ошибке. Соответственно – по ошибке – расстреляли. Проще некуда... После этой справки из Военной Коллегии Нигяр ездила в Москву, была в приёмной КГБ на Кузнецком, потом на Лубянке. Её познакомили с делом отца (она имела право, как дочь реабилитированного). Тоненькую папочку читала в присутствии майора. Спросила, показывая на скоросшиватель: «И это всё?». В ответ услышала: «Особая тройка скакала быстро». – «Неужели они не могли придумать что-нибудь поумнее? Английский шпион... А это что?» – Дочь обратила внимание на темные пятнышки возле корявой подписи отца. Майор молчал. Потом разлепил губы: «Из-под ногтей...».

...Вопрос к мужчинам, который здесь может показаться нелепым. Можете ли вы вспомнить, когда и при каких обстоятельствах впервые увидели обнажённую женщину? Лично со мной это произошло в пяти– или шестилетнем возрасте. Нет, я видел голых женщин и раньше, и в большом количестве. Когда, скажем, Берта Моисеевна или Дина брали меня с собой в Сураханские бани.

В огромном зале с огромными мраморными скамьями их было столько, что если бы я захотел сосчитать, у меня вряд ли бы получилось: во-первых, их было очень много, и потом они всё время ходили с места на место, и говорили, говорили... Как будто в баню только за тем и ходят. В общем, все они казались мне на одно... лицо? Нет, лица как раз они имели разные...

В семь лет меня лишили доступа в женское отделение, но я ничуть об этом не пожалел. Напротив, среди однополчан, то есть людей одного со мной пола, оказалось куда интереснее. Чего стоили хотя бы татуировки! Помню, я всё ходил за дядькой, у которого на одной половинке попы была выколота мышь, а на другой – кошка перед прыжком, и когда он ходил – сами понимаете, кошка всякий раз прыгала и ловила мышку. Ещё был дядька с Лениным и Сталиным над правой и левой сисями. А у одного на плечах были красно-синие звезды, и это, мне объяснили, знак того, что он – большой человек среди урок. О том, чего я там начитался на руках, ногах и спинах, не говорю.

А вот обнажённую женщину я по-настоящему увидел у нас во дворе. Было лето. Естественно, жарко. Она зашла к нам с улицы, остановилась посередине и начала что-то говорить. Я удивился: в такую жару она была одета в пальто. Дворик у нас маленький, а дом трёхэтажный, поэтому и кричать не надо, чтобы тебя услышали: все звуки поднимаются наверх сами. На голос привычно выглянули соседи: с верхнего этажа Алиевы, со второго Барагамовы, с нашего Саркисовы. Я играл на галерее и тоже высунул нос. Женщина просила милостыню. Она что-то рассказывала о себе, о своих детях, а потом распахнула пальто, и я увидел, что она абсолютно голая. Это не было, как в Сураханских банях, это было что-то другое. Я не мог отвести глаз от этого женского тела, но то был не безотчетный сексуальный интерес. Мне стало страшно. Точно так же, как в кремлёвском бюро пропусков. Я не мог объяснить природу этого чувства, не могу и сейчас.

Соседи стали приносить ей вещи, кто-то вынес еду. Она хватала за руки тётю Соню Саркисову, бабушку Барагамову, её внучку и мою подружку Жаннку, пыталась целовать им руки, те уворачивались, прятали руки за спину и все вместе плакали. Во дворе стояло такое рыдание, что я не удержался и заревел тоже. Женщина переоделась в подаренный ей сарафан, остальные вещи и свое пальто она увязала в два больших тюка и, счастливая, пошла со двора. Мы проводили её аж до ворот и смотрели, пока она не свернула с нашей Чадровой на Армянскую. Я спросил у взрослых, кто это такая. Ответила, утирая слезы, тётя Соня: «Раскулаченная». Разумеется, тогда я ничего не понял. Должно будет пройти много времени. Я встречу с Виталием Кравченко. Услышу от него о красной волчанке. Пойму, что она поражает не только тело. Кажется, если бы сегодня, спустя восемьдесят лет, мне показали ту, впервые увиденную мной обнажённую женщину, я бы её безошибочно узнал.

Баги Джафари арестовали буквально через считанные дни после «скоропостижной смерти» (официальная версия) Григория Орджоникидзе. Он пришёл с работы раньше обычного и коротко сказал жене: «Умер Серго. Разрыв сердца». У Поли подкосились ноги. Она заплакала: «Я не верю, что он умер!». К тому времени почти все из измазанных тогда мороженым уже были кто расстрелян, кто ожидал приговора суда. Дед только произнес: «Скоро придут за мной».

Потом арестовали младшего из четырех детей – Чингиза. Ему был двадцать один год. Обвинили в создании контрреволюционной молодёжной организации и дали десять лет лагерей. Я помню, как мы с мамой (не бабушкой) готовили ему посылки – тёплые носки и нижнее бельё, шарф, варежки, что-то из дозволенных вкусок, как обшивали собранное белой бязью, как мама, смочив ткань водой, выводила химическим карандашом незнакомые слова: сперва это был Котлас, потом Коми АССР, какой-то п/я и – Джафари Чингизу.

Много-много лет спустя я окажусь в командировке в той самой Республике Коми. Буду ходить по улицам Ухты, которая тогда, во время Чингиза, была крохотным, занюханым посёлком, хотя уже и столицей – страны по имени Ухтпечлаг. Не очень благозвучно, зато точно и географически, и социально: Ухт – от Ухта, печ – от реки Печора, лаг – от очень популярного слова «лагерь». Чингиз мог не огорчаться: из одной столицы он переместился в другую – только и всего.

На этих улицах мне приходили в голову странные мысли: 35–40 лет назад здесь же ходил родной мне человек, может, как раз вот сюда ступала его нога? Но разве я этого когда-нибудь дознаюсь? Чаще следы оставляются всё же временем, а не людьми. Спорно? Возможно. Но именно так подумалось мне в другой моей поездке.

В Петровске-Забайкальском, на металлургическом заводе, где отбывали каторгу декабристы,

из крохотного двора-колодца, который, верно, и не изменился с тех пор, я смотрел на лоскут ночного звёздного неба. Наверное, даже наверняка они смотрели на это небо тоже. Возможно, их взгляды, оттолкнувшись от звёзд, уже возвращаются назад, ко мне, а может, уже вернулись к кому-то, кто был здесь до меня. Но романтическую виртуальную связь с прошлым сохранить, увы, не удалось: она разбилась о жесткую реальность.

На обратном пути был Тайшет. Ничем вроде бы не примечательный провинциальный сибирский город. Советская история накрепко связала его с другим городом. Абакан – Тайшет. 650 километров железнодорожной «трассы мужества», комсомольская стройка и пр., и пр. Действительно, типично для советского времени. Тогда к чему «вроде бы», затесавшееся во второй фразе абзаца? Когда я поднялся на вершину сопки, меня поразила планировка Тайшета. Таковую я встречал только в двух городах – Ленинграде–Санкт-Петербурге и в Одессе. Прямые линии улиц можно назвать идеальными, кварталы – геометрически законченными. Поражённый, я спросил у местных газетчиков:

– Какой гениальный архитектор планировал ваш город?

– Начальник ГУЛАГа по поручению Сталина.

Видя, что я не врубаюсь, мне пояснили:

– Раньше здесь был лагерь. Планировку сохранили.

Я подавленно молчал. Красная волчанка снова напомнила о себе. Планировка сохранилась. Добавить просто нечего.

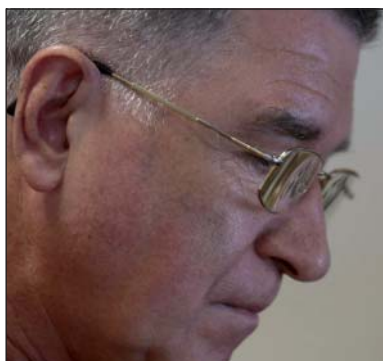
За Чингизом пришли к нам домой, на Чадровую – в ту ночь он остался у нас ночевать. Вежливые такие, даже весёлые, предъявили ордер на обыск. Когда один из них выдвинул средний ящик письменного стола, то удивлённо воскликнул: «Кто тут у вас живет?! Учёный, инженер или взломщик?». А это был просто мой ящик. «Не плачь, Нигярчик, – сказал Чингиз сестре. – Я скоро вернусь. Это ошибка». Его взяли в тридцать восьмом, а через десять лет без одного месяца, когда страна ликовала по поводу семидесятилетия отца всех народов, мы, уже в Одессе, читали письмо от Виолетты (они поженились в лагере, и она, освободившись, вместе с сыном ждала мужа на вольном поселении), что когда совсем уже выходил срок, ему дали ещё «десятку», и он не вынес этого и покончил с собой.

Третьей была мама-бабушка. Помню, мы с Нигяр пришли к ней на Коммунистическую и увидели на двери квартиры сургучную печать. Тогда даже такие мальцы, как я, знали, что это означает. Возле двери плакал пьяный Мамед – старший сын и старший брат. Он жил там же, но кому он был нужен – калека и алкоголик? Когда в 1904 году родители по приказу партии бежали из сибирской ссылки, он, больной корью, застудился и получил какое-то непонятное осложнение. К десяти годам начала уже заметно выгибаться левая стопа – пятка не касалась земли, и упор приходился на пальцы. Естественно, стала деформироваться осанка – левое плечо пошло вверх, а лопатка выпирала наподобие горба. К пятнадцати годам ходил, уже опираясь на палку. Позже её сменил костыль. Женщинам он был неинтересен, но его к ним влекло, и это причиняло дополнительные страдания. Стал попивать, а потом и запивать. От природы одарённый, с математическим складом ума, он был прекрасным и экономистом, и бухгалтером, его ценили на работе и мирились с серьёзным изъёмом, да и специалистов такого класса – поди, поищи.

Всю дальнейшую жизнь Мамед прожил при сестре Нигяр, то есть в нашей семье. С нами переехал в Одессу, потом на Камчатку, где и умер. Не однажды можно было увидеть в Петропавловске картину: начальник тралфлота и член бюро горкома партии с корреспондентом областной газеты – отец с сыном – тащат под руки, а то и на закорках, пьяного «в дупель» родича. Куда ж было такого, пусть пока и помоложе и покрепче, в тюрьму или в лагерь? Себе дороже. Вот и плакал пьяный Мамед под дверью за сургучной печатью, преградившей ему путь в отчий дом.

Большая семья разлетелась, как от удара кием раскатывается пирамида на бильярдном столе. И если бы только она одна. У дедушки Баги было два брата – Таги и Наги. Последний жил в какой-то глухой деревне, и о нём никто, в том числе и НКВД, ничего не знал. С Таги и его семьёй общались часто, каждый поход к ним домой – жили они в Крепости, в старом городе, – доставлял мне большую радость. Но очень скоро после того, как «уехал» старший из трёх братьев, за ним последовал средний – Таги. Его жену – этническую немку Эмилию Ивановну, тетю Милюшу, – с началом войны отправили в лагерь, а вместе с ней – младшую дочь, Диляру (не разлучать же ребёнка с мамой!), которая детство провела за колючей проволокой и вышла на волю после смерти матери вполне сложившейся зэчкой.

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов. Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор. Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий по проблематике связей с общественностью (PR), медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах. В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PRофессионала» (Издательство «Питер»).

В журнале «Берега» ранее опубликовал повести «Москва-400» и «Кам–са-мол!». Лауреат журнала «Берега», 2018

90-е. Александр и другие¹

Повесть

... И помню, какой славный бой был!
Тепло было, солнышко, тепло, но не жарко...

*Михаил Булгаков
«Бег»*

ЧАСТЬ I

Александр. Когда они начались

15-го августа 1991 года на Северном Кавказе, в Кабардино-Балкарии, мы рубились на «пятёрочную» вершину Тютю Башы. В альпинизме все вершины подразделяются на шесть категорий трудности, то есть «пятёрка» – это сложная вершина, и без специального снаряжения, а также виртуозного лазания по скалам не обойтись. Шли тремя связками по два человека. Мне, Александру Москвичёву, с напарником Толиком Рябовым вершина шла уже в зачёт на КМСа (кандидата в мастера спорта). Вторая «двойка» – только-только перворазрядники. Но всунули ещё девчонку, которой страсть как хотелось закрыть первый разряд. На фиг она нужна в мужской компании, тут не танцы! Но уговорила и оказалась вполне ничего: маленькая, юркая, мы запускали её первой на очередной скальный участок, в конце которого Таня миниатюрной, но сильной и ловкой ручонкой забивала крючья, а мы уже подтягивались по верёвке на мускулах и жумарах (механический зажим кулачкового типа для подъёма по верёвке). Сама Таня шла в связке с инструктором, мастером спорта из Одессы, тоже Толиком со смешной фамилией Олик.

Ни о каких политических катаклизмах мы не знали, поскольку никаких вещающих устройств с собой не имели. Оснастились, само собой, рацией для связи с лагерем, но по рации московских, а также региональных новостей не передают.

К вечеру нашли на стене малюсенькую площадку, позволяющую условно поставить палатку. Что значит условно? А то, что площадка размером метра полтора на два, и палатку кое-как неровно закрепили на крючьях. Получается, что укладываться спать и готовить еду – тоже условно. А отправлять, простите, естественные надобности в присутствии девушки?.. Но обустроились без цинизма:

¹ В повести много персонажей проходит просто под именами. Но они очень похожи на реальных и в большинстве своём хорошо известных людей. Повествование порой ведётся прямо от имени «похожих». Список возможных прототипов приводится в конце каждой части повести.

один конец верёвки, для мальчиков, бросили на почти отвесную стену в одну сторону; другой, для девочек в единственном числе, – в другую. И отправляли надобности, приспустившись на верёвке и пристегнувшись к ней, радуясь и веселясь...

И-да, последние три года творилось что-то странное. За десять лет в альпинизме мне пришлось пару раз участвовать в переноске раненого, а про более серьёзные случаи только слышал. А тут что ни сезон, так кто-то упал, сорвался с верёвки, провалился в трещину, убится камнем – и вот спускаешь его с горы вниз, бездыханного; а если раненого, так сложнее: раненому больно, а мёртвому – нет. Спускаешь порой часами, а иногда и днями; порой большим отрядом спасателей, а иной раз только своей малой группой; порой с продуктами, а бывало, что и без еды.

Размышляю над странным, почти мистическим трёхлетием, а сверху летит камень. Выбирая стоянку, мы старались, конечно, избежать камнеопасного места; камень шуршит значительно правее, но вот он ударяется о скалу, раскалывается, и осколки сыплются на нас. Примус с супом перевернуло, палатку пробило, но – о чудо – никто из людей не задет. Пытаемся уложить на коврики конструкцию из шести тел для последующей попытки уснуть.

На второй день складываем дырявую теперь палатку, пакуем рюкзаки и лезем на скалы. Таня по-прежнему хорошо проходит сложные участки стены, но мужики, естественно, периодически её меняют и идут первыми. На «кошках» проходим ледовый участок, вертим ледобуры и страхуемся, затем попадаем на снежно-ледовый гребень. Вроде бы не крутой, но острый. Как по нему передвигаться – задача, «пешком» не пройдёшь. Вот и едем буквально «верхом» и лишь изредка переступаем ногами.

Вершина! Что делают восходители, когда попадают на вершину? Они отдыхают, очень недолго. Они пишут записку и кладут её в консервную банку, а ту прячут в каменный тур, если вершина не снежная – это свидетельство о том, что восхождение состоялось. Они перекусывают на скорую руку, скорее всего шоколадкой и сухофруктами с запивкой чаем, соком или обычной водой. И постоянно присутствует мысль: быстрее-быстрее вниз, как бы чего не случилось. Главное «как бы чего» – это погода, которая может стремительно испортиться, и светлое время дня, которое может почти мгновенно перейти в тёмное.

Проводим на вершине минут тридцать максимум – и вниз. «Как бы чего» случилось: напоз туман, мы сидели и ожидали просвета в небе прямо среди ледниковых трещин. Потом наступила темнота, так на краю ледника и заночевали в мокрой и дырявой палатке. С утра 17-го августа плутаем ещё полдня, наконец, выходим на знакомые ориентиры и добираемся до базового лагеря.

Опять заночевали, а 18-го спустились вниз на автомобильную дорогу; по ней, совсем вечером, дошли до маленького городка Тырнауз в Баксанском ущелье. Добыли трехлитровую баночку вина и, в ожидании попутного транспорта, который должен был доставить нас поближе к альплагерю «Эльбрус», её прикончили. В лагерь пришли к полуночи и завалились спать.

19-го августа мы с Толей Рябовым планировали вновь добраться до Тырнауза и там провести ночь, чтобы не опоздать на улетающий утром 20-го из Нальчика в Москву самолёт.

Пошли на склад сдавать снаряжение, а там чудноватый с виду бородач завскладом Коля говорит:

– В Москву? Давай-давай: как раз вас танки там и встретят!

– Что за бред? Какие танки?!

Да, радиоприёмник в лагере работал и сообщал: что-то там, в Москве, происходило, типа митингов. Но в конце 80-х митингов было навалом, отсюда какого-то особого интереса информация не вызвала, тем более постоянно мы приёмник и не слушали – так, отрывками. Говорили ещё, что образован какой-то чрезвычайный комитет. Ну, образован и образован, мало ли всяких комитетов.

Да, в гостинице в Тырнаузе смотрели по телевизору пресс-конференцию членов этого самого комитета; да, видели «знаменитые» трясущиеся руки председателя комитета Геннадия Янаева. Но смотреть надоело, и мы пошли доставать очередную трёхлитровую банку кислого вина – другого здесь в те дни и не предлагалось.

20-го августа в Нальчике авиарейс задержали на четыре часа. И вообще ощущалось какое-то беспокойство вокруг. Оно усилилось, когда самолёт сел не в близкое Внуково, а в далёкий аэропорт Быково, откуда предстояло добираться до Москвы целый час на электричке. Ну, ладно, вот Москва, вот метро, и, слава Богу! Но как бы не так: эскалаторы не работают, и приходится с тяжёлыми рюкзаками шлёпать по ступенькам вверх-вниз. А вокруг расклеены листовки с призывами куда-то идти, чтобы защищать свободу и демократию. Какую свободу и от кого защищать – было не совсем понятно.

Моей квартиры достигли такими уставшими, как будто взяли очередную вершину. Не до телевизора, сразу спать. И только утром более-менее разобрались в ситуации. Тем более, что постоянно звонили друзья и знакомые: кто-то спрашивал, что делать, а кто-то предлагал двигаться к Белому дому.

«Почесав репу» и хлебнув кофейку, я попробовал в себе разобраться. Пришёл к выводу, что апологетом низвергаемого режима не являюсь. Впрочем, диссидентом и поклонником назревающего и неизвестного нового, ага, свободного и демократического, – тоже. Ощутил, что мне просто не нравится ВСЁ происходящее.

21-го августа вечером с трудом и случайно купил на Казанском вокзале билеты на поезд, в общий вагон, и уехал в далёкую деревню Казеевка Пензенской области, где отдохали жена Галя и 10-летний сын Тимофей. Жёг на огороде костёр, жарил случайно подвернувшееся мясо,пил ранее заныканную и крайне дефицитную в то время водку: не с горя и не с радости, а просто с удовольствием от сочетания с простой неполитической природой.

* * *

Выходит, так начались девяностые? Нет, не так. Начались они раньше, как и любые «е» и любой «й», 1-го января 1991 года. Новый год мы справляли в общежитии АОН. Не знаете, что такое АОН? Так я расскажу. АОН – Академия общественных наук ЦК КПСС – элитное учебное заведение, включавшее в себя аспирантуру. В аспирантуру, о которой и пойдёт речь, поступали партийные номенклатурщики, да с немалых должностей. Списки на зачисление утверждал целый генеральный секретарь ЦК КПСС.

Аспиранту выделялась площадь в комплексе зданий на Юго-Западе Москвы. Площадь только называлась «общагой», а на самом деле представляла собой одноместный гостиничный номер «квартирного типа» со всеми удобствами. Зарплата от прежнего места работы аспиранту, заметьте, сохранялась. Это не всё. Закрытая территория. Коньяк в буфете. Столовые и кафе с шадящими ценами. Продуктовые заказы. Одежные распродажи. Загородный пансионат.

И это тоже не всё. Имела место и неформальная сторона социалистического быта в виде самих аспирантов и аспиранток 30-35 лет от роду, временно оставивших семьи в регионах необъятного СССР. Как в популярном анекдоте. Эх, один. Совсем один... Совсем один? Совсем один! Са-всем а-дин, са-всем а-дин, са-всем а-дин!!! Короче, учись – не хочу.

Это для аспирантов. Что уж говорить о профессуре! Для неё не «квартирного типа», а квартиры. Не сохранённая зарплата, а нормальная и возрастающая. В плане взаимоотношений с аспирантами... Врать не буду, про *такие* отношения с аспирантами я не слышал. Другое дело, с аспирантками! Вступительные, текущие экзамены, а также защиты проводились в ряде случаев, как бы поточнее выразиться, через ... Впрочем, в абсолютно правовом поле, по обоюдному согласию.

А потом что-то зашаталось, и в воздухе запахло незнакомым. Блага сильно поурезались. Зарплату поела инфляция. И вот мы встречаем новый год в АОН, в одном из номеров «квартирного типа». Шампанского, водки, пива не купить, поскольку компартия – КПСС – руководящая и направляющая сила огромной страны, шесть лет назад объявила беспощадную борьбу с пьянством и алкоголизмом. Нормальной колбасы тоже не купить, хотя борьбу с ней никто не объявлял.

Что касается борьбы с зелёным змием, то сильно достала меня эта борьба! Пару лет назад, когда я ещё не учился, а работал в райкоме партии, позвонили из «Московской правды».

– У вас, спрашивают, есть Общество борьбы за трезвость?

– А как же, – отвечаю, – само собой!

– А какие мероприятия оно проводит?

– Все мероприятия фиксирует ответственный секретарь общества Татьяна Гусева, спросите у неё.

Звонят Гусевой:

– У вас в райкоме есть такое общество?

– Конечно!

– А какие мероприятия оно проводит?

– Не знаю, я взносы собираю с членов.

– Почему же вы не знаете?

– А зачем мне лишняя информация...

Напечатала антиалкогольные диалоги «Московская правда», и прогремели мы на весь город...

Граждане роптали и собирались на митинги. А КПСС что?

«Вот нам тут подбрасывают!» – говорил генеральный секретарь.

«А мы что? Мы твёрдо, крепко и без сомнений. Мы должны отстаивать нашу идеологию, – вторила академическая профессура. – Какую, спрашиваете, идеологию? Ясно, какую: нашу, научную, марксистско-ленинскую. Как отстаивать? В народ выходить надо».

Но с такими призывами безопаснее и уютнее выступать в аудиториях АОН. А в народ уютнее посылать аспирантов.

Днём 31-го мы вышли в народ, потому как оказалось, что пиво купить всё-таки можно...

Чуть-чуть лирических воспоминаний. Вообще-то пиво в бутылках было в Союзе всегда. А к Олимпиаде-80 в столице нашей Родины, откуда предварительно выселили бомжей и вывезли в загородные лагеря детей, появилось пиво в банках. Финское. И финский же сервелат, казавшийся тогда запредельно вкусным. И финская горчица, столь же вкусная и совсем не острая.

Пиво в кружках тоже имелось всегда: в ларьках, столовых и заведениях, которые так и назывались – «пивная». Однако после Олимпиады банки мало-помалу исчезли, а к 1991-му, в пивных, что без официантов, исчезли и кружки.

Так что под хождением в народ у аспирантской братии подразумевался поход в пивную-автомат, где пиво было, но кружек не было. Как же поступить? Пытливый народный, а с ним и партийно-аспирантский ум («Народ и партия едины!» – констатировал партийный лозунг) нашёл выход: наливаем пиво из автоматов в полиэтиленовые пакеты, а дома переливаем в нормальную тару: ну, в чайник там или в стеклянную банку. Градусов в этом «автоматном» пиве содержалось определённо мало, поймать кайф получалось где-то после употребления трёхлитровой банки. А всё ж: на безрыбье и рак рыба!

Откуда брались шампанское и колбаса? Из этих самых бластных заказов, которые существенно реже, но поступали. Откуда водка в безалкогольное время? Достали... Вспомним знаменитые ответы застойного времени на вопросы типа «где взял»: «достал», «давали, и я взял», «выбросили, а я отхватил».

Всего оказалось в достатке за новогодним столом в общежитии квартирного типа АОН ЦК КПСС. Даже новых костюмов и платьев, купленных на предновогодней закрытой распродаже в Академии. Торговый процесс проходил без драки, давки и даже крика, поскольку «выбросили» по одному фасону костюмов и платьев, к тому же не всех размеров. Хочешь покупай («бери»), хочешь – мимо проходи....

Справили новый год отлично. К утру москвичи разъехались по домам. Впрочем, некоторые задержались. И разошлись вместе с регионалами по номерам: кто спать, а кто продолжать. Одни – разговоры за жизнь, вторые – пьянку, третьи – любовь...

Николай. «Накройте, как положено»

Село Крылатское стоит с давних пор. Помянуто о нём ещё во времена Василия Первого, в духовной грамоте 1423 года. А при Иоанне Грозном освятили здесь храм, даже вроде бы и в присутствии царя, так и началась история церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В последующие годы много пришлось претерпеть храму: долгострой, пожары, разрушения, закрытие.

С 1936-го храм пустовал и постепенно подвергался разграблению. По воспоминаниям, иконы сжигали на церковной площади, хотя часть образов разобрали благочестивые прихожане.

Перед войной атеисты задумали превратить бывшую церковь в клуб. Однако начавшиеся 22-го июня события помешали этому. Было ещё одно обстоятельство: стоящие на холмах и возвышающиеся над местностью строения, в первую очередь колокольня, служили ориентиром для вражеской авиации и артиллерии. Поэтому в 1941-м с храма сняли купол с пятиглавием, а колокольню разобрали до первого яруса.

Когда я пришёл в церковь в самом конце 80-х, то увидел лишь подобие большого кубообразного дома из красного кирпича, из стен которого торчали крючья самодельных горнолыжных подъемников. Однако милостью Божьей в 1989-м снова зачалась жизнь в старой церкви: стукнуло и забилося сердце колокольни, затеплились свечи и лампы, потёк ручей акафистов.

Вот сейчас Рождество. В евангелиях говорится, что Пресвятая Дева Мария и Иосиф Обручник пришли в Вифлеем на перепись. Их не пустили ни в один дом, и они провели ночь в пещере для скота: здесь и родился Христос. Воспоминания об убогости обстановки рождения Господа приводит

к мысли о значении смирения. Сейчас всё бурлит вокруг, и не всегда это бурление носит положительный характер. Поэтому нужно смирение, но не только. Я хотел бы пожелать всем вам новых духовных и телесных сил, чтобы можно было успешно трудиться в это новое и тяжёлое время на своём поприще в великом, спасительном созидании.

Но нынче, похоже, всё идёт по-другому. Созидания, братства, взаимной любви не получается – ни в обществе, ни в семье. Часто на исповеди я слышу о плотских грехах, супружеской неверности и неверности в новом для меня слове «бизнес». Столь же новы неслыханные ранее слова «разводка», «кидалово». Учёные склонны видеть причину семейных неурядиц в бытовой неустроенности, а неурядиц экономических – в бедности.

Но я думаю, что это только часть истины. И бедные, и богатые не могут преодолеть такие пороки, как алчность и нечестность. Что же касается семьи, то никакое благополучие не в силах уберечь семейный союз, если супруги пренебрегают Божьей заповедью: избирая подругу или друга, ты делаешь это раз и навсегда. От крепости вашего союза, любви зависит облик детей, а значит и общества. Есть согласие в семье – есть согласие и в обществе. Начинают муж и жена ненавидеть, пренебрегать своей половиной, и дети растут отверженными, неприкаянными, и вот уже мы видим общественный разлад.

С негативными проявлениями такого рода мы сталкиваемся постоянно. Да, люди потянулись в церковь, в выходные, по праздникам она теперь всегда полна, несмотря на временную неустроенность. Среди прихожан немало истинно верующих, а остальных я осуждать не вправе. Скажу лишь о том, что некоторые люди думают так: пришёл в храм, помолился, снял с себя грехи, а потом можно грешить заново. Так и живут. А нам бы жить по любви, не по злобе...

О семье. Годы советской власти привнесли много неправильного и, я бы сказал, вредного в трактовку семейных ценностей. Скажем, возникший в пятнадцатом-шестнадцатом веках свод житейских правил и наставлений «Домострой» характеризовался как документ, защищающий деспотическую власть главы семьи. На каком основании? На том основании, что встречается в «Домострое» и вошла даже в школьные учебники фраза «Да убоится жена мужа». Но о какой боязни идёт речь? Страх в переводе с древнеславянского – это боязнь причинить боль Богу или другому человеку, а совсем не трепетание перед ним. Это любовь, без которой не может быть никакого брака – ни гражданского, ни церковного, не может быть и самой жизни. Мне, священнику и человеку, хочется видеть супружескую пару такой, где прежде чем муж попросит прощения, жена уже простит его и наоборот; где основу семейного очага составляют любовь, уважение, верность и преданность.

Сегодня многие традиции нравственного воспитания утрачены, ведь в течение многих десятилетий духовных пастырей либо не было совсем, либо ими становились безнравственные люди.

Отрадно, что в последние годы многие приходят крестить детей. Но важно, чтобы человек, приобщаясь к обрядовой, внешней стороне православной деятельности, приобщался и к внутренним святым таинствам – а сюда входит и участие в делах просвещения, и в фондах милосердия, различных видах социальной помощи.

Осенью при храме открылась воскресная школа, в ней около ста пятидесяти слушателей. Школа имеет четырёхгодичный цикл обучения, занятия проходят по воскресеньям. К нам приходят и дошкольники, и 14-15-летние подростки из семей рабочих и учителей, инженеров и учёных, верующих и неверующих. Школа не только даёт знания по религиозно-нравственным дисциплинам, но воспитывает в учащихся доброту и милосердие к ближним, терпимость и уважение к старшим. И вот что интересно: ребята зачастую приходят записываться в школу сами, без родителей, а потом приводят сюда пап и мам, приобщая их к духовной жизни. Почва вспахана, мы поливаем её, и я верю, что со временем появятся хорошие всходы.

Нужно любить и трудиться. Не для выгоды или славы, не в зависимости от симпатий к тому или иному человеку, но исходя из того, нуждается он в этом или нет. Нужно и бороться. Не друг с другом, а прежде всего со злом внутри себя. Господь сделает то, что мы не в силах сделать сами...

Отец Николай остановил свою речь, посмотрел на собравшихся в вагончике людей и накрытый стол. Да-да, в вагончике: в церкви шли ремонтные работы, и рядом поставили три вагончика. В одном жили строители, а два других использовались для церковных нужд. В Рождество в вагончике накрыли стол, который помогающие храму тётушки обставили всякой съедобной всячиной. Ну, и водочка, и винчишко, конечно, присутствовали – православному уставу это не противоречит. Но за два часа сидения за приятной беседой красавец рождественского стола порядком поуявля:

скатерть выглядела несвежей, от трапезы остались объедки, бутылки опустошились.

За столом сидели служители храма и представители церковной общественности. А тут пришли какие-то гости. Вроде с ними была договорённость о визите, но случилась она месяц назад, и кто пришёл, зачем – отец Николай не очень помнил.

– Вы, это, уберите всё здесь, – строго велел батюшка.

Тётушки засуетились, и вскоре стол принял девственно чистый вид, а публика вокруг настороженно замолчала.

– Нет, не так. Накройте, как положено, опять – праздник ведь!

Суета, разговоры, весёлые настроения возобновились.

Николай плеснул себе и гостям в рюмки:

– Братья и сёстры! С Рождеством!

Александр. Кандидатство – это не костюм

Плотские грехи – чего ж отказываться – бывали, причём без всякой исповеди. Ну, например, *той* новогодней ночью.

И про детей, которые водят в храм родителей, а не наоборот – тоже в точку. Подошёл ко мне 10-летний сын Тимофей, возбуждённый и озабоченный:

– Папа, давай меня покрестим.

– Это каким образом, сынок, ты до этого созрел?

– Да никаким! Бабушка совсем достала; татарчонком, говорит, растёшь, стыдно даже. Скажи маме с папой, пусть тебя покрестят, сами-то крещёные.

Мы с женой и вправду крещёные, однако никто при этом о желаниях младенцев не спрашивал: те же бабушки тайком от родителей отнесли в церковь и покрестили.

– И ты готов пойти креститься?

– Да, я готов.

– Не забудь галстук пионерский в церковь повязать, – вставила своё лыко в строку жена.

Во время разговора мы с Лёвой, одним из первых, во всяком случае в нашем районе, рублёвых миллионеров, приятно выпивали. Он экспромтом зашёл в гости, услышал слова моего отпрыска и завёлся:

– О! И я с Тимофеем покрещусь. Вы-то с Галей, оказывается, крещёные, а я-то нет!

Не откладывая в долгий ящик, пошли в церковь договариваться. Лёва с благоприобретённой миллионерской «скромностью» попросил:

– А нельзя ли во время обряда храм ненадолго прикрыть, чтобы люди не заходили. Я взрослый человек, стесняться буду.

Батюшка попытался возразить, но Лёва продолжал:

– Церкви поможем, само собой. Это обязанность порядочного человека...

И отец Николай пошёл на уступки.

Обряд крещения прошёл торжественно и сердечно. В процессе, впрочем, произошёл казус: выяснилось, что предполагаемая крёстная мама Наташа была... некрещёной. Решение по устранению казуса нашли быстро: покрестили и Наташу.

А дальше батюшка пригласил всех участников обряда в трапезную, в уже знакомый вагончик, где дождался накрытый стол, и даже с коньячком. Выпили, поговорили о Боге, о добре и зле...

Ладно, крещение – дело хорошее, а теперь, в отличие от советских времён, ещё и безопасное. Проблема заключалась в другом. На дворе ноябрь, а я с того самого 19-го августа только и делаю, что бухаю.

Правда, не примитивно, а вполне интеллектуально. Однажды Володя Воронов, работавший до 19-го в соседнем райкоме, сказал, что с нами, бывшими партЕйными работниками, хочет встретиться некая французская журналистка. Зачем? А чтобы выяснить наши оценки сложившегося положения и поинтересоваться дальнейшими планами на жизнь. Почему такую встречу взялся организовать именно Володя? Потому, что у его жены имелись кое-какие французские корни, и супруги готовились «линять» за рубеж на ПМЖ.

К визиту француженки по имени Иветта мы хорошо подготовились. Спиртное после путча появилось в изобилии: в обыкновенных палатках стояли в ряд батареи коньячных бутылок с многими

медалями и по бросовым ценам. И ликёр «Амаретто», любимый женщинами. Позже мы осознали, что палаточный коньяк – ни разу не коньяк, а ликёр «Амаретто» – никакой не ликёр. Зато спирт «Royal» («Рояль», по-народному) есть самый что ни на есть спирт и цепляет неплохо.

Затарились, нарезали колбасы, огурцов и, как положено, встретили француженку. Она, впрочем, поначалу была разочарована, поскольку диалог, регулярно прерываемый тостами за дружбу России и Франции, строился, примерно, так:

– Я понимаю, что для вас происшедшее – перелом, драма, кризис, что вы переживаете...

– Да не! Какой перелом, какой кризис!? Фигня какая-то. И мы не переживаем.

– Понимаю. У вас есть накопления?

– Нету у нас накоплений.

– Вам предложили хорошую работу?

– Не! Не предложили работу – безработные мы покамест.

– А что же с вами будет, может, вас арестуют или запретят занимать престижные должности?

– Арестуют? Кто? Все вокруг такие же, как мы! А эти дерьмократы... Типа младшие научные сотрудники или строительные бригадиры, которым места у кормушки не хватило. Ну, покушают немножко из кормушки и отвалят. А у нас всё будет нормально!..

Напились под этот разговор как дикие свиньи, песни русские запели и «Марсельезу», разумеется. И француженку напоили до невменяемости – это ж мы умеем, она подпевала.

Что потом? Забегу чуть вперёд. Француженка как появилась, так и исчезла. Володя Воронов с женой «слиняли» в Канаду. Через восемь лет жена вернулась, а Володя остался, получив «хорошее» место работы: будучи по специальности инженером-электронщиком, он ночью мыл агрегаты на фабрике по переработке куриного мяса, снимал скромную квартирку, вступил в местное отделение компартии.

Те, которые должны были покушать из кормушки немножко, увлеклись и съели довольно много...

Мы пока бухали и бухали. А какие варианты? До 19-го августа как всё происходило? Не работали, учились под бдительным надзором партийно принадлежной и партийно убеждённой профессуры. Но надзор после подавленного путча существенно ослаб, поскольку Академии стало не до аспирантов: туда пришли люди, назвавшиеся демократами, начали искать оружие и грозиться, что всех разгонят. За оружие профессура не беспокоилась: оно содержалось на военной кафедре, но со спиленными бойками и просверленными дырками в стволах. А вот касательно «разгонят», мандраж присутствовал. Быстренько переименовались из АОН ЦК КПСС в Российскую академию управления, но последовал очередной вопрос: а чем вы тут занимаетесь? Партийные задачи выполняете? Но КПСС распущена, так что и задачам каюк, и Академии тоже. Тут-то профессура про меня и вспомнила!

Почему именно про меня? Да всё просто: девяносто процентов аспирантов писали диссертации действительно по партийной тематике. Ну, не дословно, но примерно, такой: «Идеологическая работа партии в период освоения целины», «Руководящая роль КПСС в Великой Отечественной войне», «Значимость учения Маркса-Энгельса в современный период», «Сравнительный анализ буржуазных и социалистических ценностей на примере таких-то стран» и так далее.

А я в то время увлёкся модным научным направлением «конфликтология»; литературу по теме, за отсутствием советской, читал преимущественно американскую, из спецхрана, на английском языке, куда через ряд бюрократических инстанций получил доступ. Про КПСС – руководящую и направляющую силу нашего общества в диссертации, конечно, было, но в основном не про это. Более того: «не про это» годом раньше могло через учёный совет и не пройти. И вовсе не по причине крамолы и диссидентства, а совсем по иным аспектам.

Конфликт – это плохо, аномально, конфликтов надо не допускать, а если появятся, устранять вплоть до полной ликвидации. В общем, миру – мир. В будущем коммунистическом обществе не будет конфликтов, – гласила советская доктрина.

Но я уразумел из умных книг, что конфликт – это не плохо и не хорошо, это тип социальных взаимоотношений, в принципе неустранимый. Конфликтом надо управлять с помощью определённых технологий, максимизируя позитивные стороны, которые присутствуют в *каждом* конфликте и минимизируя стороны негативные, – так считали «у них», на буржуазном Западе.

Про что ещё было в диссертации под вполне демократическим названием «Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления»? Да про многое интересное и даже, как чуть позже стало модно произносить, эксклюзивное.

В общем, вынесли меня на защиту буквально на руках. Про собственную талантливость и прозорливость сказать, конечно, охота, но скромно промолчу. А вот что *эта* защита была всем академическим выгодна – очевидно: работаем, мол, тут не на КПСС, а в рамках самой что ни на есть актуальной мировой научной конъюнктуры. О, как! И защитился я на год раньше всех своих коллег-аспирантов. И стал кандидатом философских наук. Почему не политических? Да потому что в 1991-м эта степень только вводилась, не разобрались ещё, что там и как, отсюда решили: быть мне философом.

В общем, угодил я защитой и «нашим» (бывшим партЕйным), помогая им показать свою значимость и закрепиться в новом времени, и «вашим» (сторонникам демократических тенденций в науке). Всё бы хорошо, кроме одного: защиты обычно проходят *не так*, и никто никого на руках и с ликованием не вносит, а вот выносы в состоянии обморочном или даже прединфарктном случаются. Но я о таком не знал, и нестандартно успешная защита сыграла со мной впоследствии, на защите докторской, о-о-очень неприятную штуку.

Но пока – кандидат наук! Приятно и престижно! Только что делать с этим кандидатством? Впору вспомнить рассказ «Срезал» Василия Шукшина:

– ... Позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать....

Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно...

Ой, как правильно-то! И вот хожу я с такими проблемными мыслями и думаю, теперь уже по Владимиру Маяковскому, «сделать бы жизнь с кого». И тут...

Лера. Ты сможешь выйти на площадь в твой назначенный час

Мне рассказали, что на недавней сходке национально-патриотического движения «Память» один из присутствующих спросил лидера «Памяти» Дмитрия Васильева, как он ко мне относится. Тот ответил: «Когда я слышу, что где-то идёт Лера, то данное место обхожу за километр. Боюсь, она меня за ухо укусит».

Если это единственное опасение Васильева, пусть живёт спокойно. Где он почерпнул такие представления о революционерах? Насколько мне известно, даже Троцкий, Каменев, Зиновьев и Владимир Ульянов никого за ухо не кусали. Я тем более человек мирный, интеллигентный и хорошо воспитанный. А вот плечистая, мускулистая, чернорубашечная «Память», пожалуй, не только ухо, но и голову отхватит. Мне тамошние ребята как-то звонили, по-доброму так обещали повесить на фонаре.

А какая же, говорят, Вы мирная, коли цветочными горшками бросаетесь? Тут совсем другое дело. Шёл суд над членами партии «Демократический союз» – участниками очередного несанкционированного митинга. После традиционного беглого рассмотрения кто-то получил сто рублей штрафа, а кто-то двести, 20-летняя Леночка Авдеева десять суток, а я, главный организатор, ничего. Причина заключалась в боязни разборок с прессой и общественностью.

Словом, надо было заставить по-прежнему советское по форме и духу правосудие исполнять советские законы хотя бы в репрессивную сторону. Как? Путём совершения какого-нибудь маленького теракта, желательно без жертв и кровопролития. Я выбрала самый лояльный вариант и швырнула горшком в окно, а потом объяснила председателю суда, что, если не получу наказания, то перебью все остальные окна. Там было чем. Вокруг, знаете ли, вечный ремонт: доски, палки, кирпичи... Судья сразу всё понял и стал выяснять, сколько я хочу получить. Сказала – десять суток, столько и дали.

Не думаю, что мой поступок свидетельствует о дурном воспитании, прилично воспитанные люди ещё не тем на Руси занимались: бросали бомбы, закалывали кинжалами губернаторов, стреляли в монархов. Грех на меня жаловаться.

Тем более плеяда, родная кровь, так сказать. У меня прадед – народник, создавший подпольную типографию в Смоленске; дед – эсдек, который сидел в илимском остроге, а впоследствии служил у Будённого. Отец, правда, оказался обычным представителем советской генерации.

В 17 лет я поняла, что дело честного интеллигента – подобрать оружие, выпавшее из рук белой армии, и драться дальше. А через 21 год, в 1988-м возникла партия «Демократический союз». Меня называют лидером ДС, но это не так: иерархия у нас не предусмотрена. Мы – эдакие кошки, гуляющие сами по себе; вольные художники-импрессионисты, каждый со своим мольбертом. И с партбилетом без номера, но с красивым девизом из неприятного для СССР поэта и барда Александра Галича: «Ты сможешь выйти на площадь в твой назначенный час». У меня назначенных часов было много. Если подвести некоторые итоги, то в мои 42 года в активе семнадцать арестов, семь месяцев и три недели отсидки в подходящих учреждениях.

Мы боролись с прежней властью. Но после августа так называемые аналитики пояснили, что приверженцы тоталитаризма потерпели поражение, а демократический российский парламент укрепился. Но простите, о каком парламентаризме, о какой демократии вы говорите? Парламенты, советы – всего лишь сборища статистов, которых пригласили на массовку, а они на свою беду приняли это всерьёз. Шестой съезд нашей партии, проходивший в январе 92-го, высказался за упразднение всех органов старой власти, включая не только советы, но и мэрии, префектуры, а также президентские посты.

Пока народ не очистится покаянием и не отодвинет в сторону власть, которая к покаянию не способна, мы не можем говорить ни о правовом обществе, ни о демократическом государстве, ни о парламентаризме.

Покаянием народа будет демократическая революция. Она начнётся со всеобщей политической стачки под лозунгом устранения всех структур власти. Коль власть уходит, конфликт исчерпан. Начинает сопротивляться, применять танки – конфликт заканчивается вооружённым восстанием.

Вам кажется странным, что члены ГКЧП сидят в тюрьме, а я остаюсь на свободе? Разумеется, это крайне несправедливо, но дело вот в чём: гэкачеписты, являясь верными сподвижниками Горбачёва, Ельцина, Яковлева и Шеварднадзе, в попытках стабилизировать ситуацию имели с названными лицами небольшие разногласия. Но у большевиков соратники-еретики всегда считались опаснее врагов, ведь именно они, а не мы выступали реальными соперниками нынешнего руководства. Вот их и убрали с помощью разыгранного путча, а меня, призывающую к действительному свержению советского строя, держат на свободе в чисто рекламных целях.

Впрочем, в «психушку» на экспертизу меня всё-таки отправили. И планировали повторять такие эксперименты регулярно. Однако им хватило четырёх дней сухой голодовки, чтобы комиссия дала нормальное заключение. Больше на этом рояле они не играли...

Считают, что никого из так называемых революционеров не уважаю. Почему же? В исторической ретроспективе с уважением отношусь к народовольцам, к героям 1905 года – тем, кто ничем себя не запятнал и не дожил до 1917-го – скажем, Бауман, Бабушкин. После Октябрьского переворота можно говорить об уважении к людям, боровшимся с большевиками до последнего. Гумилёв; террористы, взорвавшие большевистское совещание.

Вы спрашиваете про генерала Власова? Я отношусь к нему и всем власовцам с состраданием. Несчастные люди не нашли брода в огне. Но для меня такой путь вряд ли был бы возможен, мне ближе Карбышев, чем Власов, позиция последнего слишком лёгкая и доступная. Почему он не выступил против Сталина до своего плена?

Я и ДС выступаем против режима здесь и сейчас! И не планируем бороться за торжество демократии потом и в эмиграции. Один из немногих принципов, который у нас свято блюдётся – отказ от эмиграции как поступка морально недостойного. Мы предпочитаем умереть там, где стоим.

Развитие дальнейших событий в стране многовариантно. Например, все тихо и мирно умрут с голоду. Это любимое занятие советского народа, он освоил его в совершенстве.

Может возникнуть реставрация коммунистической или возникновение консервативно-охранительной диктатуры. Тогда у честных людей появится возможность честно умереть – даже у несчастных бездарных демократов, даже у Ельцина: его поставят к стенке, он умрёт и отчасти искупит свою вину.

Вариант самый оптимистический? Какая-то часть народа хватается за голову, сознательно выби-

рает свободу со всеми её издержками, и мы свергаем эту власть. Далее возникает временное революционное правительство, через полгода проводятся выборы в учредительное собрание и начинаются глубокие реформы...

На кухне тесной двухкомнатной хрущёвки в Марьиной роще, где вещала Лера, сидели и пили чай вполне мирные еврейские бабушки.

– Лера, иди к нам ужинать!

– Я не ем на ночь.

– Тогда вот тебе ржаной сухарик, на всякий случай.

– Не люблю я сухари, тем более чёрные. В Лефортовской тюрьме каждые два дня дают вкусную булочку. И сыру сколько угодно.

Александр. Клуб. «Вечерний клуб»

И т-у-у-ут.... И тут! Осенью 91-го меня, через некоторых общих знакомых, просят подготовить какой-то материал для новой газеты «Вечерний клуб», а затем приглашают туда на работу – всего-навсего спецкором, а позже обозревателем. Согласился, забыл про комсомол, партию и кандидатство; отрастил бороду, волосы до плеч и бросился в пучину свободной журналистики.

Нет, не так. Характеристика «Вечернего клуба» как *просто новой газеты* – это слабо. Хотя про новую газету – чистая правда. Но описывать её стоит, опираясь на яркие аналоги. Скажем, вот:

Бонд. Джеймс Бонд.

Гуд. Робин Гуд.

И получится: Клуб. «Вечерний клуб».

Уже лучше! Брендом именно такого уровня в Москве стал «Вечерний клуб» в начале 90-х.

Как вспоминали очевидцы, и я вместе с ними как тесно приобщившийся к явлению, это была газета-мечта. Пусть читатель самостоятельно поразмыслит, по каким причинам, но не могло быть такой газеты ни до, ни после 90-х. И это тоже правда: не было такой газеты ни раньше, не стало и потом.

Создал «ВК» Валерий Евсеев в трудном и противоречивом 1991 году. Само по себе событие характерно для революционного периода, когда новые газеты, журналы, каналы, программы резко и бурно стартуют. Дальше хочется сказать «расцветают» и «процветают», но это, к сожалению, не совпадает с действительностью. Случается, конечно, что расцветают и временно процветают, но чаще бывает, что быстро погибают.

«ВК» расцвёл в считанные месяцы. Во-первых, потому, что Валерий Петрович был не мальчиком с улицы и даже не талантливым начинающим журналистом. В его профессиональном портфеле уже лежали главное редакторство в журнале московских стройотрядов «Студенческий меридиан»; школа «Смены», «Правды», «Московской правды». Во-вторых, попали газетой в актуальную и незаполненную «нишу», а это не только профессионализм, а ещё и удача, провидение, подарок Божий.

История у «ВК» суперинтересная. Решение об издании новой московской газеты принимали в апреле 1991-го. А приняло его... Бюро Московского городского комитета КПСС. В надежде на то, что газета будет отстаивать, так сказать, накопившиеся за 70 с лишним лет советской власти идеалы. Первый пробный номер «Вечернего клуба» вышел накануне 19-го августа; второй, тиражом 999 экземпляров, 28-го августа 1991-го. На фасад этого номера выставили снимок от 19-го августа, когда Пушкинскую улицу (ныне Б. Дмитровка), где располагалась редакция «ВК», перекрыли бронетранспортёрами. А «настоящий» первый номер «ВК» пошёл в народ 2-го октября.

Как вспоминал Валерий Евсеев, мой сначала начальник, потом наставник, затем партнёр и, наконец, многолетний друг, «мы сначала не знали, каким надо делать «Вечерний клуб». Одно казалось бесспорным: исходя из названия, газета должна быть клубной. Но что такое «клубная газета», мы тоже тогда толком не знали. Свою истину мы искали в спорах и экспериментах, интуитивно, шаг за шагом продвигаясь к искомому. Если посмотреть наши первые выпуски, то можно увидеть, что каждый последующий номер отличался от предыдущего».

В канун выхода сотого номера напечатали на машинке манифест:

– Мы, члены Общественного совета и редколлегии «Вечернего клуба», все как один заявляем о полной поддержке курса газеты, выраженного известным девизом: меньше политики, больше выпивки и закуски...

Конечно, это шутка, для внутреннего пользования. Но под ней поставили свои автографы Юрий Нагибин, Никита Богословский, Юрий Никулин, Ирина Мирошниченко...

Серьёзное обращение к читателям опубликовали в начале 1993-го:

– Нельзя всё население усадить за круглые столы политических дискуссий. Людям по-прежнему по душе столы иной конфигурации. Для тех, кто считает так же, мы и открыли на страницах нашей газеты клубы самого разного направления. И для поклонников театра, кино, музыки (разной), литературы, авангардного искусства; для знатоков истории, спорта; для любителей домашних дел и даже для интересующихся всякими оккультными штучками... Да и клубные встречи с людьми интересными публикуем практически в каждом номере. Судя по результатам подписки на нынешний год, читатель оценил эти предложения и принял девиз нашей газеты: «Минимум политики, максимум информации и хорошего настроения»...

В Общественный совет редакции вошли, помимо уже перечисленных персон, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Борис Брунов, Ольга Остроумова, Эдуард Успенский, Иосиф Кобзон, Клара Новикова, Лев Лещенко – и это не полный перечень уважаемых всей страной людей.

«ВК» вскоре окрестили «газетой московской интеллигенции». Казалось, что в редакции шумела, ругалась, смеялась, выпивала вся культурная Москва. Немало и «простых» читателей знали, что здесь их всегда выслушают, да ещё за чаем, и придумают, как вместе сделать город чище, свободнее, умнее и вообще нашим.

А какой пул золотых перьев сложился! Ну, скажем, звезда нынешнего холдинга «Комсомольская правда» и участник президентского пула Александр Гамов; дочь секретаря ЦК КПСС и главного редактора «Правды» Михаила Зимянина музыкальный критик Наталья Зимянина. Кроме штатных сотрудников было много тех, кто отдавался газете «не по службе, а по душе».

Взять хотя бы Никиту Богословского со знаменитыми «Заметками на полях шляпы». Никита Владимирович публиковал эти заметки в «ВК» на злобу дня 90-х годов. Вот кое-что из них:

- В пустынных степях Аравийской земли
Пока ни копейки для нас не нашли.
- Примета нашего бремени – банк «Российский кредит».
- Постановка «Гамлета» сегодня – это Шекспир во время чумы.
- Вышел в свет новый бестселлер: «Руководство по затягиванию поясов».
- ЧВС (Черномырдин Виктор Степанович – премьер-министр, ранее председатель правления «Газпрома» – авт.) прошёл огонь, воду и газовые трубы.
- Распродажа – это когда на ценниках обозначается настоящая стоимость товара, а сверху пишется вдвое большая и зачеркивается косым крестом.
- У членов всех творческих союзов теперь осталась только одна важная привилегия – платить членские взносы.
- Немало демократов перебивало в коридорах власти. В кабинеты их не пускали.
- Я налоги платил невысокие,
Мы с женою прилично жили,
Но теперь, как нам пел Высоцкий,
«Обложили меня, обложили!»
- Об одном среднеазиатском президенте:
Это есть наш последний
И решительный бай!
- Потомки про нашу эпоху будут говорить: «Вре́мён собчаковских и отделенья Крыма».
- «Новые русские»... А есть ещё «новые нищие».
- Борис Ельцин. Борис Немцов. Борис Федоров. Борис Березовский. МногоБорье...

Был Никита Владимирович, по Грибоедову, «чувствителен, и весел, и остёр» до последних дней. На любую фразу мог моментально ответить шуткой. Как-то раз я по ошибке назвал Богословского Никитой Сергеевичем. Композитор и писатель, народный артист СССР в свои 90 лет отреагировал мгновенно:

– Молодой человек, Вы путаете. Никита Сергеевич ноты писал, а я – музыку!..

Шляпа с заметками лежала в редакции «ВК» и вдохновляла нас на творческие подвиги.

Вспомню ещё одного «внештатника» – поэта-юмориста Володю Вишневого, который тоже живо откликнулся в «Вечернем клубе» на «опыты быстротекущей жизни».

На августовский путч 91-го:

– Роняя ключ,

Прижав к груди буханки,

Вот так войдешь домой,

А дома – танки.

На одну из первых заметных бизнес-структур «Российская товарно-сырьевая биржа»:

– И я шепчу во сне, охреневая:

Российская! Товарно-сырьевая!

И на любимую любовную тему:

– Мадам!

Для Вас не жаль и брокерского места!

– Сегодня в Сексе всё важнее Бартер...

Вместе с текстами «Вечерний клуб» производил само творчество как таковое. Оно помогало вместо чиновничьих отчётов, выборов, демократических и коммунистических дискуссий, жалоб на нынешнюю жизнь и возвышений жизни прежней находить *другие* аспекты и события нашей действительности; вместо «белых» и «красных», «врунов» и «правдолюбцев» идти к *иным* людям – способным на обычное человеческое общение, рассуждающим без надрыва и не бьющим себя кулаком в грудь, обладающих талантом взглянуть на происходящее мудро, спокойно, сочувственно.

Алла. Не кочегары мы, не плотники

Мы поженились вскоре после окончания съёмок фильма «Высота». Сто процентов людей старшего поколения помнят песню, которую Коля там поёт: «Не кочегары мы, не плотники...». На премьере фильма в Доме кино сидим рядом с ним. Когда герой «Высоты», а его тоже звали Николаем, произнёс с экрана: «Эх, прощай, Коля, твоя холостая жизнь!» – зал взорвался аплодисментами. С тех пор мы прожили вместе 34 года. Редкая пара в кинематографе может похвастаться таким супружеским стажем...

Много курьёзов связано с киносъёмками. Снимали на Украине фильм «Дикий мёд» по роману Леонида Первомайского. Коля в этом кино не играл, а мне досталась любопытная роль. Ничего себе роль: ползать по-пластунски между танками; снаряды, пусть и холостые, рвались постоянно; копать пороховая прочно въедалась в кожу. Николай приехал и возмущается: «И эта чумазая – моя жена? А ну сейчас же домой!». Мы с режиссёром его давай успокаивать, еле уломали. А уехал – началась опять та же самая пальба.

Или ещё случай. Есть город Хвалынский на Волге – не слышали? А ведь там родился сам Сулов (в советское время секретарь ЦК КПСС по идеологии – авт.)! Коля туда на съёмки, а в городе грязь; ни асфальта, ни дорог приличных нет. Николай и без того не в духе, а его ещё полдня заставляли шагать по этой грязище с транспарантом в руках. Он вспылит: «Если в своём родном городе Сулов не может порядок навести, то что же говорить о всей стране?!»

Сама-то я коренная москвичка, а Коля родом из Воронежской области. Учились мы вместе во ВГИКе у Сергея Аполлинариевича Герасимова и Тамары Фёдоровны Макаровой. Николай тогда был жуть каким худющим: жил в общежитии, питался в столовках. Однажды не оказалось масла на завтрак, так он съел с хлебом целую банку майонеза. С того времени видеть майонез не мог, на дух не переносил...

Кто только ни бывал у нас дома! Писатели, композиторы, художники, спортсмены, космонавты. А особенно знаете кто? Шахматисты! Представьте, собрались гости. В одной комнате заседает мужская шахматная компания: Спасский, Таль и, конечно, «гроссмейстер» Коля. В другой играют в покер, здесь партия складывалась сугубо женская: Нонна Мордюкова, Лариса Лужина; правда, Фима Геллер иногда подсаживался. А в третьей комнате накрывали стол для «смешанного» общения.

Старшей дочке Алёне было годика четыре. Приходит она из сада и культурно говорит гостям: «Добрый вечер». Гости отвечают: «Добрый вечер, деточка! Ой, какая хорошенькая!» Просыпается утром, а гости на тех же местах. Она спокойно говорит «Доброе утро». Гости: «Доброе утро, деточка! Тебе хороший сон приснился?» Да, весело жили...

Дочки уже большие. Старшая работает монтажёром ТВ «Останкино», младшая – полиграфист.

Николай любил и умел готовить, причём, не по книгам, а по призванию, по вдохновению. То

сибирскую стряпню затеет и всех гостей посадит раскатывать тесто и лепить пельмени, то капусту решит засолить. Бывало, такую сотворит, что куда бы я ни отправлялась, всюду брала с собой баночку. А какие он закатывал помидоры! Они славились среди московских гурманов, здорово шли под водочку. Последний раз Коля готовил свои помидоры летом 1990 года, обещал: «Седьмого ноября отведаем». Но пришлось есть на поминках...

Очень жду воскресного вечера его памяти в Доме кино. Жду встреч со старыми друзьями, тепла. Понимаете, прошло два года, как Коли не стало, а на его могиле до сих пор нет приличного памятника. Очень уж дорого всё нынче. Надеюсь, часть собранных на вечере средств пойдёт именно на это.

13-го декабря ему исполнилось бы шестьдесят два. Весёлым человеком был мой Коля. Поэтому давайте не будем грустить в день его рождения. Давайте лучше вспоминать доброе, хорошее, светлое!

Давайте я Вам супу налью! Или, может, чаю?..

От супа и чая я отказался, а водочки – с удовольствием помянул бы рюмкой хорошего артиста – хозяйка не предложила. Оглядел квартиру. Да, она была четырёхкомнатной, но как большая и шикарная могла восприниматься лет двадцать назад, но не сейчас. Алла Дмитриевна одета в спортивный («олимпийский», с тремя полосочками) костюм тоже из 70-х. Актриса грустна и лишь чуть-чуть оживилась на том самом вечере памяти супруга. Она не вписалась в 90-е и умерла, ещё не старой, накануне их окончания.

Иван. Жизнь, она вечная

Вы просите меня поделиться впечатлениями о нынешнем времени, о 90-х. Но какое-такое время? Всегда люди жили, всегда переживали, всегда существовало хорошее и плохое, злое и доброе. Я не смотрю на отдельные эпизоды того или другого времени, я смотрю на вечное. А вечное было всегда, есть сейчас и после нас будет. Поэтому я расскажу о вечном.

ЦАРЬ

Снимали сказку «Иван да Марья», где я играл царя Евстигнея Тринадцатого. Жили мы в Калуге, а моё царство – великолепный бревенчатый терем – располагалось километрах в пяти от города.

Раз встал я часов в семь утра, надел лапти, костюм из мешковины, корону и приехал на место съёмки. Постоял-постоял, съёмочной группы ещё нет. Зашёл во дворец, сел на трон и уснул. Проснулся от топота. Открыл глаза и вижу: во дворец входит свадебная процессия. Впереди отец в сапогах, мать в платочке, невеста с женихом, подружки невесты, друзья жениха...

Подходят ко мне родители и просят:

– Царь-батюшка, благослови молодых.

– Какой я царь, – хочу сказать, – я ведь артист.

Но у матери такая мольба в глазах. Думаю, а что, благословлю.

– Становитесь вот сюда на колени, – показываю жениху с невестой.

Положил им на головы руки и говорю:

– Я, царь Евстигней Тринадцатый, благословляю молодых. Желаю счастья, чтобы любили друг друга, уважали старших. Желаю... – и не знаю, чего дальше желать.

– Аминь, – говорю.

И когда я произнёс «аминь», мать мне что-то в руку сунула. Посмотрел: десять рублей. Говорю:

– Мать, подожди, я хоть и царь, но не взяточник, возьми обратно.

А отец ей шепчет:

– Я тебе говорил, что надо дать больше...

ШУКШИН

Я снимался в Киеве и жил один в двухместном гостиничном номере. Раз прохожу мимо дежурного и слышу такой разговор:

– Вот приехал тоже артист, а мест нет.

Смотрю – стоит человек в кожаных сапогах, в гимнастёрке, в кепке, с большим старым чемоданом. Я подошёл к нему:

– Будете со мной жить? У меня одна кровать в номере свободная.

– Буду, – отвечает.

Оформился, берёт чемодан, вроде тяжёлый.

– Чего там, камни, что ли?

Засмеялся:

– Да нет, так...

Пошли в номер, сели. Я на свою кровать, он – на свою. Сидим и смотрим друг на друга.

– Меня, – говорит, – звать Василий.

– А меня Иван.

– Давай на «ты».

– Давай.

Раскрывает свой чемодан и выкладывает на стол обыкновенные ученические тетради:

– Я, говорит, беспокойный сосед, рано встаю.

– Во сколько?

– Да в полшестого – шесть.

– Зачем так рано?

– Я немного пишу....

Ну, значит, живём. Раз прихожу вечером домой – его нет. Почитал, лёг. Десять часов, одиннадцать, двенадцать – нет. В первом часу заявляется «под банкой», говорит:

– А-а, твою мать, интеллигент, Кадочников (Народный артист СССР, исполнитель роли лётчика Алексея Мересьева в фильме «Повесть о настоящем человеке» и многих других ролей – авт.).

Ну-ну, думаю, встанешь ты в шесть часов.

А потом слышу утром сквозь сон – тапки шлёпают, он действительно встал, взял тетрадь и пишет. Поднимаюсь, он ко мне:

– Иван, встал? Ну, пойдём на базар.

– Зачем?

– Там вино очень хорошее.

– Не, у меня съёмки.

– Да пойдём, деньги есть.

Живём дальше. И однажды я ему говорю:

– Вась, я на тебя обижен. Ты меня интеллигентом зовёшь, да ещё Кадочниковым. Сам ты интеллигент!

А я знал, что он хоть из деревни родом, но лошади у него не было. Значит, запрягать не может. И задаю ему вопрос:

– Ты можешь лошадь запрячь?

– А ты можешь?

– Могу.

– Ну как?

– Сделай вот так вот руки. Смотри: это оглобли, вот сюда я лошадь завожу, – начинаю ему таким манером всё показывать. И когда я затянул супонь, потянул чересседельник и закричал радостно «но-о-о», он начал хохотать:

– Ну, поймал!

СТАРИК

Однажды в свободный от съёмок день мне советуют:

– Слушай, поезжай в соседнюю деревню, там живёт интересный старик.

– Я поехал. Захожу в дом и вижу: сидит могучий дед с бородой, в валенках.

– Отец, чего в валенках-то, жарко ведь?

– Ноги болят, – говорит.

Попросил меня накопать ему картошки в огороде, я накопал ведро, приношу и спрашиваю:

– Дети-то есть?

– Двое, один военный.

– Деньги дают?

- Да, дети хорошие, денег хватает.
– А где жена?
– Ушла. К другому мужику, уж скоро два года.
– Два года?! Сколько ж ей лет было?
– 68.
– Далеко ушла-то?
– В деревню за четыре версты.
Ну, думаю, надо сходить посмотреть, что за Джульетта такая. Пришёл в другое село:
– Мария Степановна из соседней деревни где живёт?
– А, невеста... (её там «невестой» звали). Вон в том доме.
Стучу. Выходит маленькая старушка, во рту два зуба и больше ничего примечательного нет.
– Я от вашего бывшего мужа.
– От Кольки? Ну, заходи. Как он там кондыбачит?
Я спрашиваю: что же Вас заставило в такие годы уйти к другому мужчине?
А она:
– Любовь.
– Где ж Ваш новый муж?
– Митька-то? В огороде, сейчас позову.
Появляется Митька, такой же маленький, остроносенький, в галифе и разговаривает только матом. Старуха кур запустила в огород, а он её ругает. И во всём этом ругательном монологе одно приличное слово – «куры».
– Куры, .. твою мать! Куры, трам-там-там!
И так далее. А она в восторге:
– Во, какой!

* * *

Ну что, это не про сегодняшнюю жизнь? Я считаю, что про сегодняшнюю. Это про вечную жизнь. А про всякую ерунду рассказывать... Вот смотри, принесли мне недавно сценарий. Внук приводит девушку и уединяется с ней. А дед подсматривает в щелку и комментирует: ух ты, ах ты, вот мол, как это делается...
Да сыграю я это – на улицу будет стыдно выйти, скажут: старый дурак, из ума выжил? Вроде мы и не знаем, где что находится. Как будто мы сами не можем ничего! Да это не сегодняшний день, а похабень какая-то, и рассказывать тут нечего!
Ну, давай на посошок...

Александр. Детство человечества

Есть такая популярная трактовка античности: мол, это – детство человечества. Подобное видение исповедовал даже сам Карл Маркс, имея в виду совокупность философских учений, возникших в Древней Греции и Древнем Риме.

Несколько иной смысл вкладывала в понятие «детство человечества» мой преподаватель истории античной литературы на журфаке МГУ профессор Елизавета Петровна Кучборская. «Человек с другой планеты», как Кучборскую называли и называют её слушатели, считала, что античность – древнегреческое «детство человечества» – это незапятнанное, незамутнённое, неконъюнктурное восприятие мира и отражение его в литературе, в первую очередь, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера.

– О, как мне жаль вас: вы не можете читать Гомера в подлиннике! – вскрикивала Елизавета Петровна на своих лекциях и заливалась реальными слезами прямо на кафедре.

Древний Рим, по её мнению, уже не был «детством человечества», поскольку теперь ушли все «не» и остались замутнённость, запятнанность и конъюнктура. Поэтому из двух вопросов экзаменационного билета (по древнегреческой и древнеримской литературе) второй вопрос она просто игнорировала или рассеянно, не прерывая студента, слушала.

К чему это я? К тому, что «Вечерний клуб» был условным аналогом трактовки Маркса и Куч-

борской. А именно «детством новой журналистики». Апофеозом же этого детства стала довольно большая вкладка в газету (четыре полосы размером А2) под названием «ВК и сыновья».

Мне было тогда 37 лет, спецкору «ВК» Игорю Панкову – 30, а начинающему журналисту, ещё студенту Феде Мозговому – вообще 19. При всей разности во многом, что-то нас объединяло, и мы пошли к Валерию Евсееву с абсолютно неконкретной просьбой:

– Валерий Петрович, хотим что-то втроём замутить.

Евсеев же воспринял просьбу совершенно конкретно и без удивления:

– И правильно! Хотите – мутите. Начинайте делать молодёжные выпуски «ВК» и придумайте, как их назвать.

– А что в них должно быть?

– Ребята, вам несказанно повезло. Сейчас можно всё! Отсюда что придумаете, то и должно быть. Главное, чтобы читали.

И мы погнали! В первом выпуске «ВК и сыновья» опубликовали, как и полагается, «Обращение к народу», ни больше, ни меньше:

– Соотечественники! Пока птицы сбиваются в стаи, рыбы – в косяки, деклассированные элементы – в массы, чтобы не пропасть поодиночке, мы, группа молодых авторов «Вечернего клуба», решили собраться в компанию «ВК и сыновья». Отцы «Вечернего клуба» благословили нас на творческий поиск, заранее простили блудных сынов своих за пассажи, эпатажи, плюмажи и даже...

Задачи нашего авторского выпуска просты до неприличия: нам – нескучно работать, а вам (хотелось бы надеяться) – нескучно читать. Так что жди нас в гости, драгоценный читатель! А мы всегда рады приветствовать тебя в нашей компании...

Первый выпуск получился стёбно-крутым. Стёбность выражалась, например, в опросах московских школьников на тему «Любимые лидеры современности». Вот что получилось (в порядке убывания рейтинга):

– 1. Никто. Все надоели.

2. Жириновский. Пупсик Ельцин скоро сдуется, а Жириновский будет ещё быстрее работать руками, как ветряная мельница. Потому что он пытается в такое трудное время веселить народ.

3. Козырев (в то время министр иностранных дел России – авт.): вечно улыбается как во сне и не хочет просыпаться.

4. Травкин (демократ, лидер Демократической партии России, выходец из строительных бригадиров, возглавил один из сельских районов Московской области – авт.): человек дела – поехал в деревню, чтобы на себе испытать все трудности...

Стёбным был и блок «Из жизни замечательных людей (подражание Даниилу Хармсу)», где речь шла уже о персонажах исторических:

...«Как Есенин пописать пошёл».

Поэты Осип Мандельштам и Борис Пастернак подозревали, что Есенин – есть скрытый еврей, и наперебой приглашали его пописать. В конце концов, Есенину это надоело, и однажды он сказал: «Ладно, идёмте».

После этого случая Мандельштама больше никто не видел, а Пастернак так перепугался, что даже отказался от Нобелевской премии.

...«Как Станиславского хватил кондратий».

Константин Сергеевич Станиславский мало доверял людям. Приносит ему, к примеру, официант счёт за ужин, а он: «Не верю!». Говорят, что на улице дождь и нельзя выходить без калош, а он опять своё: «Не верю!». Так и шлёпает по лужам в штиблетах.

Однажды артист Ливанов решил проучить Станиславского. Достал из кармана портмоне с ассигнациями и спрашивает:

– Константин Сергеевич, не Вы обронули?

Тут Станиславского и хватил кондратий...

Что же касается крутизны, то таковую отражала полоса с говорящим названием «Очень крутые маршруты». А там – «Война и мир генерала Аушева» (про героя-афганца, а впоследствии президента Ингушетии Руслана Аушева), «Я зол, похабен и груб» (про артиста Петра Мамонова), «Снежные барсы штурмуют Аннапурну» (про моего товарища-альпиниста, мастера спорта международного класса Владимира Башкирова).

Мы с удовольствием делились площадями с «братскими» газетами – такими, названия которых и тогда, и сейчас никто особенно не знал в силу быстротечности их рождения и ухода в небытие, но очень прикольными. Вот напечатанный в «ВК и сыновья» маленький рассказец Виктора Трушкина «Два – три», проливающий в художественной форме немного света на ситуацию в стране того времени:

- Борис Николаевич, вызывали?
- Ну.
- А чего?
- Что же у вас цены-то?
- Что?
- Скакнули как.
- Интересно, мы ту причём?
- А кто? Вы экономисты, вы рассчитывали.
- Так у нас всё сошлось.
- Что сошлось? Обещали в два-три раза, а они в двадцать-тридцать.
- Это жизнь вмещалась. Она у нас непредсказуемая. А по расчёту должно в два-три. Всё точно.
- Точно... Сказали в два-три, а они в двадцать-тридцать! Когда всё наладится?
- Месяца через два-три.
- Опять два-три... Не подведёте?
- Когда мы подводили?
- Расчёты окончательно когда будут готовы?
- Часа в два-три.
- Вы, кроме двух, трёх, какие цифры ещё знаете? Дыра в бюджете большая ожидается?.. Я спрашиваю: дыра в бюджете большая ожидается?
- Миллиарда два-три. Всё будет нормально, Борис Николаевич! Вот дайте руку. Видите, у Вас на ладони та линия враскосяк идёт с этой?
- Ну и что? У меня давно так.
- А всё! Значит, всё будет нормально!
- Могут обещать людям?
- Спокойно. Наука гарантирует. Но в первое время, когда станет хорошо, ещё будет плохо, и народ нас за это может того, Борис Николаевич.
- Чего?
- Сильничать.
- Сколько раз?
- Раза два-три...

Сто экземпляров только что отпечатанного номера «ВК» с нашей вкладкой сами вынесли на Пушкинскую площадь. О результатах свидетельствовала заметка в следующем номере газеты: «Мы купились на Пушке 100 раз за 15 минут».

Руководству понравилось:

– Давайте мы вас наградим. Может, съездить хотите куда-нибудь, развеяться, только не слишком далеко?..

И мы – я, Игорь, Федя и примкнувшие к нам фотокор Игорь и редакционный стажёр 18-летняя девушка Саша (она примкнула совершенно зря, поскольку рано) – буквально на 3-4 дня поехали в Питер. События во время поездки развивались почти как в бессмертном произведении Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

Сев в поезд, мы выпили за успешную поездку. В течение ночи тост повторялся несколько раз. Утром в гостинице «Октябрьская» мы выпили за благополучный приезд. Мы хотели выпить ещё, но тут в фойе гостиницы увидели Юрия Никулина.

- Юрий Владимирович, здравствуйте, а можно у Вас взять интервью?
- Нет, я очень спешу.
- Тогда расскажите анекдот хотя бы...
- Лучше я вам загадку загадаю. Сначала простая загадка: сколько слонов может поместиться в автомобиль «Запорожец».

– Ну, смотря что имеется в виду...

– Отвечаю: четыре. Поскольку в техническом паспорте «Запорожца» написано, что перед нами четырёхместная машина. Теперь загадка посложнее. В Питер приехал цирк «Шапито», и вы спешите на представление слонов. Но как определить, приехали слоны к вашему приходу или нет?

– Э-э-э...

– Даю ответ: если «Запорожец» стоит возле цирка, значит, слоны уже здесь!..

Меж тем нас уже ждали в родственной газете «Вечерний Петербург». Выпили и там, за дружбу газет всего мира. Потом разъехались кто куда. Я встретился с двоюродной сестрой Валентиной, которая жила в Питере, в её квартире и просидел с Валей за коньяком всю ночь.

Когда приехал утром на такси в гостиницу, оказалось, что прибыл первым. Чуть позднее подтянулись остальные участники премиального вояжа. Выпили за хорошо проведённые день и ночь, а потом – за день будущий. Позвонил мой питерский приятель, и мы все безотлагательно поехали к нему. Выпили за дружбу Москвы и Питера...

Вернувшись к Москву, пошли к Валерию Евсееву. Выпили и с ним, а потом выложили на стол полностью спланированный очередной выпуск «ВК и сыновья» под заголовком «Сыновья с приветом из Северной Пальмиры». А в нём трогательный рассказ о посещении митьков в их штаб-квартире (выпили и с ними), мой огромный материал «Баллада о чёрном рыцаре. Миллион секунд из жизни Александра Невзорова» (я достал Александра Глебовича прямо в знаменитой тогда студии «НТК-600», не пили) с довеском от Игоря Панкова «С точки зрения мамы» (а он параллельно доставал маму героя, тоже обошлось без алкоголя).

Евсеев был поражён и поделился впечатлениями с замом, доктором философских наук Николаем Михайловым:

– Смотри, Коля, их отдохнуть-побухать отпустили, а они какие материалы привезли! Орлы!!

Не всё задуманное получилось в Питере: жаль, но переговоры с народным артистом СССР Кириллом Лавровым и лидером группы «Наутилус Помпилиус» Вячеславом Бутусовым результативными встречами не увенчались. Но всё равно успели много. Как же это сочеталось с балдежом? А так: молодость, задор, здоровье.

И такой отрыв в режиме «детства человечества» или «детства журналистики» – уже было не понять, где что, поскольку трактовки сильно смешались, – продолжался аж целых полгода.

Митёк. Ящерица, закон и Пол Маккартни

– Ну, заходите. Зачем пришли? А-а-а! Хотите, чтобы я вам что-нибудь почитал? А за что вы со мной так? Я что, убил кого-нибудь? Ограбил? (Тут Митёк замечает принесённую нами бутылка портвейна «Агдам», оживает и меняет тональность).

Сейчас для начала я почитаю вам Пушкина (открывает бутылку, наливает и пьёт).

Пушкина не надо, что-то своё? Ну, ёлы-палы, ладно. Тут рассказ Володя написал про Гребешка нашего и сына его Глебушку, дык я зачту. «Ящерица и закон» называется.

– Гребенщикову подарили ящерицу. Удивительно красивую, совершенно зелёную. Видимо, заграничную. Гребенщиков и Люда (жена Б.Г.) просто наглядеться на неё не могли – держат в ладонях и смотрят, какая она зелёная, светится, переливается искрами. Добрая очень, хорошая. И только Глеб (сын Б.Г.) люто невзлюбил ящерицу.

Мы как раз в тот вечер отмечали отъезд Гребенщикова в Америку, и весь вечер из-за этой ящерицы грустно было. То Глеб ей на хвост наступит, а то взял и опустил в воду, и руку 15 минут под водой держал, не поленился. Ящерицу потом вытащили, а она еле дышит, сидит на одном месте, рот как раскрыла, так и не закрывает. Люда слезами плачет, взяла ящерицу в руки, стала гладить, отогревать, всё дышит, дышит на неё. А ящерица совсем холодная. Не ест ничего. Засунули ящерицу в банку с тараканами – она на них ноль внимания.

Потом постепенно отогрелась, рот закрыла, стала хвостом вилять, тараканов наворачивает, уши торчком, шерсть распушила. В общем, видим, – будет жить. Ну, все на радостях стали спокойно пить, и всё вроде хорошо.

Просыпаюсь утром на диване, глаза разлепить ещё не могу, только мычу тихонько, чтобы кто-нибудь помог. И слышу рядом такой разговор.

Боря тихо с мукой спрашивает у Глеба:

– Глеб, ты трогал сегодня ящерицу?

– Нет, не трогал.

– А видел её сегодня?

– Видел.

– Подходил к ней?

– Подходил. (Митёк-рассказчик произносит эту реплику трёхлетнего ангеловидного мальчугана неимоверно низким, рычащим, грубо агрессивным голосом, полным нескрываемого торжества и глумления над всем светлым, добрым и чистым. Реплика исполняется с ёрническим завыванием, переходящим в неразборчивый мат и какое-то лающее хрюканье).

– И что же ты с ней сделал?

– Застрелил!

Тут пауза. Я ничего не вижу ещё, но слышно, как у Бори с похмелья чердак поехал; он совсем растерялся, не понимает пока:

– Как... чем застрелил?

– А вот пистолетом...

– Как ты её застрелил? Разве он стреляет?...

– А вот так! (Слышен резкий стук деревянного пистолета об стол).

Тут очень долгая пауза. И потом Боря, совершенно изнемогшим голосом даже без всякого выражения:

– Глеб, Глеб! Вспомни, как ящерица была живая, играла с тобой, и вот теперь она лежит раздавленная... Как же ты мог?

– Закон такой!!!...

Провожая нас, Митёк рассказывает:

– Вчера пошёл в гости к Виктору Цою, взял у него все пустые бутылки и сдал их, выручив 11 рублей.

Позавчера пошёл в гости к Борису Гребенщикову и, сдав гребенщиковские пустые бутылки, выручил 13 рублей (потом ещё братки 4 рубля добавили).

Третьего дня хотел пойти в гости к Константину Кинчеву, да меня отговорили: Кинчев, сказывают, в Москве.

– А может, к Полу Маккартни?

– Да ну, у него такие бутылки, что и не примут...

* * *

В 1992-м пятидесяти тысячным тиражом выпускалась «Митьки-газета» под глубоко непротивленческим девизом «Митьки никого не хотят победить». Цель издания декларировалась так: как можно меньше рассказывать о том, что наше правительство в очередной раз лопухнулось, и как можно больше – зачем жить на свете, зачем быть хорошим и зачем (почём) растут цветы...

БГ. Наш спонсор – Рамзес Четвёртый

Про изменения к худшему пишут газеты. В действительности же плохо стало старикам и старушкам – это я вижу. Но если брать среднестатистических русских людей, мне не приходилось наблюдать, чтобы они умирали с голоду. А бардак в России был всегда, мы привыкли жить в бардаке.

Что касается меня, то в 1984-м я жил, сдавая бутылки, которые находил на лестнице. Теперь мне этого делать не приходится. Кстати. Их до сих пор принимают или уже нет? Так что мой уровень жизни, наверное, вырос. Но главное в другом: по своей насыщенности, по числу написанных песен за тот или иной период жизнь всегда одинакова.

Когда-то я читал Булгакова, Аксёнова, Стругацких, восторгался трилогией Толкина. Теперь я не читаю книг. Зачем их читать?

Известно, что в 1994-м начнётся изменение жизни на этой планете: с нашим сознанием пересекутся несколько иных сознаний. Неожиданно станет ясно, что мы не единственные живые существа во Вселенной. Тот, кто давно закамouflированно общался с другими мирами, будет общаться напрямую. В этой связи мы с Дэйвом Стюартом и другими людьми, а также существами нечеловеческого

плана давно работаем над проектом открытия сети православных монастырей на побережье Англии, Шотландии. Италии, Испании.

Я много поездил по России. Но особо тёплые отношения связывают меня с Поволжьем. Это потому, что мы все с Волги. Мы бурлаки. Из небесного Иерусалима вытекает небесная Ганга, вдоль её берегов мы и бурлачим.

Кто спонсирует наше творчество? Кроме Рамзеса Четвёртого, никого нет. Я не вижу необходимости продавать своё физическое, астральное или ментальное тело кому-то, кто мог бы прийти и сказать: «Я вам денежки отстёгивал? Теперь давайте пляшите». Мы пляшем, когда нам хочется.

И вообще; всё, что нужно, само происходит. И желать ничего не надо.

Граф. Ебелдосы нам не друзья

К прозвищу «граф» я отношусь категорически отрицательно. Бред, манерщина. Но разные бывают дамы, с разной степенью романтических наклонностей. Совершенно это несправедливо, ничего у меня нет графского, дворянского, и никогда не было.

Живу в роскошных, обалденных апартаментах в виде однокомнатной квартиры без лифта и горячей воды на последнем этаже трущобного домика на улице Достоевского. Всё хозяйство на мне.

А по поводу женщин вот ещё что: меня раздражает, когда женщина имеет по какому-то вопросу собственное мнение. У неё должно быть мнение того мужчины, которому она принадлежит. У меня здесь абсолютно узбекский и абсолютно древнерусский подход. Женщина нормальная должна твёрдо и спокойно знать, что всё, о чём нужно подумать и решить, за неё подумает и решит мужчина...

Вы хотите знать, есть ли у меня политические симпатии. А как же! Политические симпатии есть даже у Петрова. Расскажу про него. Прошлым летом, когда «Секунды» закрыли (популярная передача «600 секунд» на питерском ТВ – авт.), в студию стал кто-то скрестись. За дверью обнаружили серого в полоску кота, который сразу же зашёл в мой кабинет. Пришельца оставили жить и нарекли Борисом Михайловичем Петровым (в честь тогдашнего председателя Лентелерадио). Ласково-уменьшительное имя зверя – Петрусик, а кличка – Аппаратчик. Всамделишный Петров крестника невзлюбил и однажды рекомендовал изловить на телестудии всех котов и кошек под предлогом борьбы за сангигиену. Но «Секунды» в обиду Петрусика не дали и тайно вывезли в укромное место, завернув в знаменитую кожаную куртку.

Кот в совершенстве овладел местной политграмотой. Очевидцы вспоминают, как он, подойдя к газетному киоску, бросился на демократическую газету «Смена» и порвал её. Плохо относится Петрусик и к «Независимой газете». А вот «День» очень уважает.

Мои симпатии... Варенников, Лукьянов, Язов, а также все члены законного правительства, которое свергнуто и арестовано. В симпатиях к этому правительству я спешу личный раз объясниться.

Если говорить не о сегодняшнем дне, а о собирательном образе, нужно назвать Жукова. Это одна из самых сильных фигур как мировой, так и русской истории. К сожалению, он не сделал того, что мог и должен был сделать...

А теперь об антиподах. Постройте антипод к фамилии Жуков – у вас сразу получится существо с фамилией Шапошников. Двуличный, улыбчивый, вёрткий.

Кто будет антиподом Столыпину? Ваш московский Попов, откровенно рассуждающий на страницах прессы о том, какой величины взятки можно брать, а какой нельзя.

Мы, конечно, отомстим. Того же самого Горбачёва будут не просто судить, а растерзают. Но молока в дивной запотелой бутылке по 30 копеек уже не вернуть...

Чёрт знаем кому – даже стыдно имя произнести – позволятся в эфире русского телевидения объяснять, в связи с КГБ владыка Питирим или нет. Да мать их за ногу! Православным людям решать, подходит им такой владыка или нет. Пусть и был он в связи с КГБ – может, нам так нравится! Наша вера – наше дело, чего лезут! Да я при встрече за перенесённые унижения на колени перед Питиримом опущусь и край мантии поцелую...

Принесли плёнку с видеозаписью процессии, сопровождающей гроб с телом Великого князя Владимира Кирилловича (умер в США в апреле 1992-го года. В соответствии с завещанием останки перевезены в Санкт-Петербург. Похоронен в великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора – авт.). Граф смотрит и комментирует:

... Великая княгиня Леонида! Урождённая Багратиони? Я со смеху помру – она ведь племянница Берии.

А вот охрана Собчака. Хорошие ребята – такие пьяницы!

Гляди-гляди, дама в тюрбане (Людмила Нарусова, жена губернатора Санкт-Петербурга Анатолия Собчака – авт.). В кружевах, голову скорбно опускает, а потом глазками стрель-стрель по сторонам: все ли оценили её вселенскую скорбь? (Оператору): Дима, я тебя Христа ради просил Собчачиху не снимать, а то опять будут говорить, что меня терзает тайная любовь к ней...

Вы удивлены? Как это я с такими убеждениями и без всякого благоговения? Да, я с «такими» убеждениями, я монархист. Но монархизм – это идеология, а не приверженность какому-либо конкретному лицу или даже династии, которая к тому же полностью себя скомпрометировала. То, что Вы видите сейчас, никакого отношения не имеет к русскому царскому дому. Похороны превращены в элитарное мероприятие, власть имущие устроили для себя тусовку, чтобы ощутить собственную светскость. Избранным людям в городе дозволено постоять у гроба Романова, который не Романов; Великого князя, который не Великий князь; провести под руку его милейшую супругу...

Вы поймите правильно: я ничего не имею против Лаврентия Павловича, даже с симпатией отношусь. Шучу? Может, и не шучу. Мы имеем дело с мифом. Он создан для того, чтобы когда мы начали думать о своём славном, великом прошлом, эти минуты были омрачены какой-то пакостью. Начало положил, как известно, Солженицын, а потом миф о глобальных, повальных, тотальных репрессиях стал стремительно развиваться. Причём, миф этот засланный, на его внедрение затрачены колоссальные деньги.

И ебелдосы миф всячески поддерживают! Вы не знаете, кто такие ебелдосы? Это люди, которые постоянно кричат: «Ельцин. Белый дом. Свобода!» С ебелдосами мне точно не по пути.

* * *

В кабинете Графа висят две поясные мишени со сплошь изрешечёнными «десятками» и чуть задетыми «девятками», пуль по сорок в каждой. Это для души – «мелкашка» с оптическим прицелом.

Стоит манекен, а на нём бронежилет с вырванным животом («Бронежилет привезли из Москвы. Решили его испытать боевым оружием. Надели на манекен – вот Вам результат, пробило»).

На столе у Графа лежит какая-то газета, на ней – застреленные Графом два часа назад утки. Течёт кровь, и струйки её пересекают газетные столбцы.

Александр. Даже поздороваться не с кем

В Каминной собирался народ. Сев возле камина, Владимир Дашкевич с медалью лауреата Государственной премии СССР на лацкане пиджака выбрал, вероятно, не самую удобную позицию, так как прибывающие гости то и дело любопытствовали:

– Володя, тебя за что наградили-то?

– За оборону Советского Союза.

Других пояснений и не требовалось: собеседники, старые и молодые, с чинами и без оных оказались вместе именно потому, что понимали такие шутки, и сочиняли такие песни, и почитали своё братство физиков и лириков. В братстве этом Нина Жукова была не заместителем министра культуры, а просто студенткой («Вон, смотрите, женщина – в институте она училась на курсе с Кимом и Вахнюком»); Татьяна Никитина – не вице-префектом Центрального округа Москвы, а половинкой песенного дуэта с мужем Сергеем; доктор наук Александр Городницкий басил в микрофон нечто совсем не похожее на научный доклад, но от этого не менее значимое и любимое:

От злой тоски не матерись,
Сегодня ты без спирта пьян,
На материк, на материк
Ушёл последний караван...

Завтра здесь будут предаваться грёзам поклонники джаза, послезавтра встретятся коллекционеры-филателисты, потом – желающие познать секреты йоги...

Отсчитаем два этажа и попадём в большой зал, на концерт Национального симфонического оркестра

стра Михаила Плетнёва. Или на «Биг-Бэнд» Григория Гараняна. Или на спектакль театра «Артист» с Фатеевой, Малявиной, Кузнецовым и Ясуловичем...

Итак, мы в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ) – старейшем творческом доме столицы: зданию на Пушечной улице перевалило за 160. Когда-то здесь располагался Немецкий клуб, сменивший с началом первой мировой войны вывеску на «Славянский». Стены дома помнят, как начинающий актёр Алексеев, ставший впоследствии Станиславским, играл в любительской постановке гоголевских «Игроков» роль Ихарева. Сюда, в Клуб работников коммунального хозяйства, дважды приезжал вождь пролетарской революции Владимир Ленин.

Я перебираю старые фотографии. Вот Василий Иванович Качалов взял с тарелки одну виноградинку и как-то тоскливо на неё смотрит. А вот писатель Анатолий Иванов, он отвечал за политмассовую работу в ЦДРИ, торжественно принимает дар коллег с Украины – картину с изображением Леонида Ильича Брежнева, погружённого в мысли о народном благе.

В Доме есть люди, знавшие великих мастеров не только по фотографиям. Рассказывает заведующая творческой секцией Энгелиса Погорелова:

– Увидев однажды Леонида Осиповича Утёсова, спросила у него, почему давно не заглядывал. Утёсов в ответ:

– А чего теперь здесь, даже поздороваться не с кем. Ходят вон какие-то лохмачи...

«Лохмачом» был Гена Бортников (актёр театра и кино, народный артист России – авт.) только что вернувшийся из Франции, где его окрестили советским Жераром Филиппом. Услышав об этом, Утёсов удивился:

– Да?! Ну, хорошо. Жаль только поздороваться не с кем...

Как-то раз заскочил в ЦДРИ на минутку один знаменитый француз – Поль Мориа. Какова российская минутка, сами понимаете: выставили маэстро два ящика шампанского, и завертелся пир горой до утра. Любопытно, что именно в эту ночь Сергей и Татьяна Никитины спели «Под музыку Вивальди», а вскоре появилась импровизация песни в исполнении оркестра Поля Мориа.

Так бы и продолжать до конца: Дом всех муз, традиции, шутки-байки и сплошные удовольствия. Однако не получится. Прежний хозяин ЦДРИ – ЦК профсоюза работников культуры – Дом теперь не финансирует. Как же решаются вопросы? А так: снимает кто-то из ветеранов ЦДРИ телефонную трубку и говорит, примерно, такое:

– Ося, ты знаешь, у нас совсем нет денег, надо бы дать платный концерт.

С той стороны слышится голос Иосифа Кобзона:

– О чём разговор, готовьте билеты.

Руководство Дома хвалит своих сотрудников: «У нас сотрудники верные, трудолюбивые, прекрасные!» Но зарплаты у прекрасных сотрудников мизерные. Часть помещений передана под офис биржи «Алиса». Целый этаж отдан ресторану, работающему исключительно на собственную клиентуру, никаких узнаваемых завсегдатаев из числа служителей муз здесь не встретишь – отучили.

Дом распродаётся, растаскивается по кускам, а кардинального решения проблемы нет. Старый, с Лубянки, вход в дом давно заколочен, войти можно от станции метро «Кузнецкий мост». Протолкавшись через барахолку, через пьющих алкашей, через разудало-примитивные мелодии совковых звукозаписей. Всё это норовит прорваться и туда, внутрь. А Дом противится. И до сей минуты остаётся храмом, пусть обветшалым и неприбранном,

... где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались...

Сегодня они улыбнутся оперным пением, а завтра – исполнителями-бардами; сегодня – классикой, а завтра – авангардом. Дом держится.

Пётр. Зато я умею лета-а-ать

Не нужны мне никакие интервью в наших газетах и журналах. Плевать мне на общественное мнение, которое ни черта не понимает. Я сам свой.

Почему? Потому что лет тридцать назад сказали, что у меня нарушена координация рук и нет слуха. А если бы не сказали, может, ничего и не было бы. Может, я читал бы «Трёх сестёр» и слушал лай дорогих собак. И знался с чужой женой, и ездил бы с ней на юг. А у себя в квартире изрекал бы глубокомысленно: «Кошка, которая мочится дома – плохой пример для ребёнка». Я занялся бы спортом, купил фотоаппарат и делал снимки.

Ночью, когда все соседи спят, я решал бы кроссворд и радовался. А днём думал о самом главном: наступает новое время, все строят планы, хочется всюду успеть, новые кинопрограммы так интересны. Надо идти вперёд. Смотреть бодрее. Быть весёлым, терпимым и абсолютно надёжным. Сверхтерпение. Транснадёжность.

Я бы работал и копил деньги, поселился в просторном доме и наклеил на стены уборной кафель. Бросил бы курить и ходил в глаженных рубашках. Я бы стал пусиком, рыбонькой и ласточкой. В пятьдесят второй понедельник я надевал бы красивый костюм, а ум, смеясь, оставлял в шкафу. Я делал бы взгляд пустым и на каждый вопрос отвечал «за». Я мог бы бросить хамоватые замашки и стать хорошим. До хорошего гроба.

Но я стал сторожем, оставшимся без работы. Шофёром, забывшим карту мест. Лифтёром с пустой головой, еле считающим до ста. Я брал консервный нож и вырезал на столе разные буквы. Мне надоело жить в этом доме, разбирать кровать и экономить деньги. Видеть лица учителей и участвовать в первенстве по футболу. Леню ходить по городу, звонить по телефону и любить женщину.

Я лежал на диване и думал про деньги, которые мне дадут в долг. И надеялся лишь на то, что утром меня не тронут, не разбудят и не позвонят. Я целый день пил красное вино, а ночью смотрел видео и от этого сходил с ума. А от белого вина у меня появилась белая горячка, синий почтальон, чёрный медальон и страшный чёрт. Со слабой дрожью я наливал в стакан горькую влагу, а когда она кончалась, валился на грязный пол.

Я ел на помойке, пил из луж, искал на земле хлебные крошки. Меня мочил дождь и давили машины. Я стал грязен и болен, я превратился в серого голубя, в старого волосатого попугая. Ноги гудят, в ушах вата. Цвет красный, число пять, вкус кислый.

Меня перестало интересовать, когда я схохну. Приехал Никсон, и всех повязали. Порядок у них такой: разделся и в ванную. Кто не хочет, тому предписание: в буйную и без передач.

А потом я узнал, что, несмотря на тонкую шею, которую очень легко скрутить, *я у-ме-ю ле-та-а-а-ать*. Меня перестала смущать свежая краска газет, не способных дать ничего, кроме несбыточных мечтаний. Я понял, что мода на чёрные ботинки, розовые внутри, или лозунги за счастье народа – в сущности одно и то же. Что каждый вечер и каждый день – это несколько сот минут секса с самим собой. Что вокруг пышут золотом, плаваются, дышат, двигаются и живут сплошные мумии. Мне вдруг стало ясно, что усталость профессионалов кончается смертью. Что не может быть травы, растущей с середины стебля.

И тогда мой лифт стал лифтом на небо.

И тогда я сказал своим гостям, что все они творческие импотенты.

И тогда я начал везде кричать, что мы делаем фальшивые деньги. И все наши моральные заповеди ни копейки не стоят. Вы готовы поспорить? Вы торжественно рассуждаете о смысле жизни: «Родить ребёнка. Посадить дерево. Написать книгу. Вот наше предназначение». Бросьте! Дерево всё равно повалит, поэтому лучше спилите его сами и сделайте себе ящик. Извольте что-нибудь ещё?

– Я помню чудное мгновенье –
Передо мной явилась ты...

И это теми же интонациями и голосами, что много лет вдумчиво и проникновенно произносили: «Мы строим социализм. В одной отдельно взятой стране». Бред! Маразм!

Просто надо взять какую-нибудь штучку – гитару или, например, се-ксо-фон и научиться с ней хорошо обращаться. И на этом заработать деньги, которые кинуть в харю подтянутому и хорошо выбритому таксисту. Или купить бутылку водки, тут же вылить её в себя и заговорить гомеровским гекзамером. И получить вопрос: «Не псих ли ты?». Нет, скорее, вы сумасшедшие. Ладно, больше не буду.

Лучше пойду на кухню,
Выпью воды стакан,
Лучше пойду на кухню
И отверну кран.

Вам не нравится моё творчество? Вам ближе мистер Феллини? Тогда позвольте мне поселиться в музее.

Там бы на досуге
Танцевал я буги,
Плясал бы на досуге
Я с чучелами буги,
Танец буги...

Виктор. А чаще всё-таки коктейль из пива с самогонкою

Из детства. Идём с мамой по городу и видим афишу. А на ней громадными красными буквами выведено: «Виктор Т.». Прямо заворожило. С одной стороны, моя фамилия, моё имя; с другой – не я. Заворожённость прошла не скоро, с появлением собственных афиш.

Но от светлого образа однофамильца всё равно никуда. Однажды приезжаем с моим директором в Ялту. Встречает дама из филармонии и чуть не целует:

– Давно ждём, народ соскучился по Вашему искусству. Залы будут полными, как и в прошлый раз.

– Да мы здесь вроде не выступали, – говорю в ответ.

– Обижаете, мы Вас помним.

Потом просекла, что Т. не тот, схватила за голову и выдала совершенно замечательную фразу:

– А я сдуру люкс заказала!..

Я не поэт, не музыкант и не певец. Называюсь банальным термином «автор-исполнитель», другого, к сожалению, не придумали. Крёстным отцом в искусстве считаю Высоцкого, близким по духу – Талькова. Может быть, о них строки песни:

Если боль выливается через край,
А душе нету места в кромешной мгле,
Вот тогда Бог уводит поэтов в рай,
Не давая им мучиться на земле...

Я считаю, что любой человек, поэт в особенности, появляется на земле для выполнения высшей миссии. А когда совершает предназначенное, то уходит из жизни. И Высоцкий, и Тальков, с которым я был знаком, до конца сделали то, что должны были сделать.

Бывает и другое: человек изменяет своему предназначению, и тогда ему тоже нет места на этом свете. К сожалению, второе случается чаще:

И лишь для избранных дуэль,
С кончиной под иконкою,
А чаще всё-таки коктейль
Из пива с самогонкою...

Игорь (Игорь Тальков – музыкант, певец, поэт, киноактёр, убит в октябре 1991-го года – авт.) чувствовал свою смерть. Как-то один его приятель испугался лететь на самолёте, а Тальков сказал: «Сомной можешь не бояться, я умру по-другому – меня застрелят».

А я пишу песни трудно и нечасто. О том, что пережил сам. О Боге. О России. О любви, конечно:

А помнишь, мы у «Звёздного» ловили такси,
Я в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал,
И в сотый раз прощаться просто не было сил,
Я лишь глаза печальные твои целовал...

Я ведь родился в Риге и прожил в этом городе большую часть жизни. Во время учёбы в техникуме начал играть и петь, из-за чего попал на фестиваль художественной самодеятельности. Познакомился там с девушкой из Москвы, началась любовь. Я приезжал в Москву, она в Ригу, звонили друг другу чуть не каждый день. Даже когда я в армии служил под Москвой, она какое-то время приезжала ко мне, а потом... не дождалась. Жила она возле кинотеатра «Звёздный». Всё правда в песне, только про такси выдумал: не было у нас тогда денег на такси.

В разгар «перестройки» я, как и многие, неистово боролся с большевизмом. Шёл вместе со своими песнями «мимо сборников всех речей, мимо тридцать седьмых ночей, мимо зон и тройных по-

стов, мимо храмов, что без крестов». Но на каком-то отрезке этого пути родились несколько другие слова:

Можешь верить в Христа,
Можешь верить в строй,
Только святость нужна душе.
Колокольню свою построй,
Но не тронь, что стоят уже!..

Настоящее не сильно отличается от прошлого. Когда-то стиралась история царской России со всеми своими ценностями, Богом. И сейчас точно так же сметается всё, что относится к прошлому. Вечная борьба: то социализм борется с капитализмом, то капитализм с социализмом.

А я теперь не хочу ни с кем бороться. И формулирую собственную задачу так: научиться любить людей. Это важнее и интереснее, чем борьба с большевизмом...

Ни к каким группам, движениям, течениям себя не причисляю. Одному непросто, но держусь. Оставил Латвию, потому что не захотел быть гражданином второго сорта, и вот пишу песни на чужой московской кухне.

Какими придём мы к родному порогу,
Последние грешники ста поколений,
Что скажем в своё оправдание Богу,
Когда упадём перед ним на колени?

Я не знаю, какими придём и куда. Это относится не ко мне, а к каждому из нас. По большому счёту, я на сцену выхожу именно за тем, чтобы заронить такой вопрос в души сидящих в зале. Хочется быть услышанным. Хочется ещё многое написать.

Что поделаешь – молюсь,
Страшно, знаешь, умереть.
Что поделаешь – боюсь
Не успеть о главном спеть...

Александр. Кому без Руси жить хорошо

Летом 92-го сидел я в одной уютной квартире... ну, в общем, не один. Было хорошо, но денег оставалось катастрофически мало. Такие ситуации случались в моей жизни нередко, но подходил я к ним примерно одинаково: «Деньги — навоз, сегодня нету – завтра воз. Поэтому последнюю оставшуюся купюру надо оперативно пропить». Я побежал в магазин и купил две бутылки дешёвого молдавского вина. Думать о том, на что я буду покупать вино завтра, не хотелось. А хотелось вспомнить фильм «Живые и мёртвые» со знаменитой и чрезвычайно загадочной фразой: «Они не знали и не могли знать, что...».

То есть и я не знал, что уже на следующей неделе мне придется плотно совместить журналистику с пиаром и освоить заветный материальный рубеж объёмом в миллион рублей. С нашими инфляциями-дефолтами-деноминациями вспомнить о том, что можно было купить на миллион в 92-м, трудновато, но возможно – помогает опубликованная в нашем «ВК и сыновья» справка. Итак:

«Что можно купить на среднюю зарплату в 1246 рублей?

- 303 кг картошки в госмагазине.
- 62 кг пончиков.
- 10 бутылок водки.
- 1 кг импортного кофе.
- 2,5 банки икры (чёрной, «с рыбкой»).
- 5 маленьких кокосовых орехов.
- 0, 05 автомагнитолы «Панасоник».
- 1,5 штанов мужских коротких.
- Одну туфлю.
- Рукав кожаной куртки или одну штанину от джинсов.
- 124 поездки на метро...»

Добавлю к этому, что моя зарплата в «ВК» составляла, примерно, три тысячи рублей, и это счи-

талось сносным. Надеюсь, вы поняли, что миллион в 92-м воспринимался совсем неплохо! Что происходило в рамках этого миллиона, я теперь и расскажу.

Итак, две бутылки вина. Красивая женщина. И телефонный звонок. Звонила знакомая. Она излагала не очень желающему слушать мне историю о том, как готовится оперно-балетный фестиваль «Красная площадь приглашает», как для фестиваля на базе популярных тогда «Московских новостей» предполагалось выпускать специальную газету, как что-то там не склеивается. И предлагала взяться за это дело мне.

А почему мне? Из скромности забыл упомянуть, что имелась у меня под рукой одна московская городская газетка – «Точка зрения». В предыдущие годы я её издавал, и вполне успешно, на партийные деньги, а после 19-го августа компартия всё бросила и разбежалась в разные стороны. Бросили и эту газету, с юридическим лицом, мной как главным редактором и даже кое-какими деньгами. Ну, я её как-то на плаву поддерживал и, судя по поступившему предложению, не напрасно.

Сказав уверенное «да», следующим утром я сидел в хорошем двухэтажном номере безжалостно сметённой впоследствии с лица земли гостиницы «Интурист» на Тверской улице и беседовал с человеком по имени Омари Сохадзе, из визитки которого следовало, что он является генеральным директором фирмы «Интертеатр», она-то и организовывала фестиваль.

Что это за фирма? Как говорил сам Омари, «это агентская компания с филиалом в Лондоне, которая занимается международными контактами в области искусства». А сам он вроде бы окончил Тбилисскую академию художеств, преподавал в Московском архитектурном институте, занимался дизайном, писал пьесы и даже романы... А потом решил замахнуться на нечто более масштабное.

- Что Вам нужно, чтобы быстрее начать работу? — спросил Сохадзе.
- Бюджет в... миллион рублей.
- Договорились. Что еще?
- Офис.
- Занимай соседний номер!
- Автомобиль.
- Э-э-э, дорогой, остальное сам решай.

Через неделю у меня работало человек двадцать пять. Номер в «Интуристе» жужжал, как улей. Стучали пишущие машинки (да-да, ещё стучали, хотя сам я в Академии общественных наук уже привык и пристрастился к компьютеру и даже подумывал о покупке такового), люди бегали туда-сюда, в типографии «Московская правда» верстался макет. А я в одиночку определял содержание номера. Как в сказке про Курочку Рябу: не простого номера, а золотого; такого, чтобы не просто интересно читался, но и чтобы показывал всё величие фестиваля «Красная площадь» вместе с организаторами.

Получалось? Во многом да. В первом номере, который удалось отпечатать вечером 3-го июля, накануне открытия фестиваля, уже стояло интервью с одним из главных героев фестиваля – знаменитым испанским тенором Хосе Каррерасом, а рядом – с Игорем Моисеевым, Валентином Юдашкиным.

Во втором номере, который вышел через три дня, в разгар фестиваля, мы рассказывали о том, как фестиваль триумфально начался, как пели Евгений Нестеренко и Зураб Соткилава, танцевали Владимир Васильев и Екатерина Максимова, как гремели фейерверки и выражали свое удовлетворение именитые зрители.

Омари опять был доволен, заметив, однако, что номера надо активно продавать. На продажи я никогда не подписывался, не стал заниматься ими и на этот раз.

В третьем... Про третий номер Омари сказал, что его выпускать не надо. А я все равно оплатил все расходы и под занавес фестиваля выпустил. Хотя, может, и зря.

Но я не думал о деньгах, когда предложили (всего-навсего вдвоем с коллегой) поехать в аэропорт и встретить саму Майю Плисецкую. Она долгое время провела за рубежом, в конце 80-х – начале 90-х работала художественным руководителем балетной труппы «Театро лирико националь» в Мадриде. В Россию прилетела специально на фестиваль.

– Прибыл самолет из Мадрида, буднично произнес голос из динамика. А в VIP-зале всё спокойно: кроме нас с партнером, всего два человека – пожилая женщина да мужчина лет тридцати с небольшим. Родственники, знакомые?

Появилась Майя. В чёрных брюках, красной блузке со змеящейся золотой кистью. Рыжие волосы. Слегка напряжена: что за люди вокруг, как себя вести, на что настраиваться? Раскланиваюсь, представляюсь от имени фестиваля, вручаю букет из пятнадцати больших роз и начинаю задавать вопросы, а она отвечает, довольно неохотно.

– ...По поводу того, насколько много для меня значит отъезд в Испанию. Ничего не значит! Просто я работала в Испании, а теперь уже не работаю. В Испании больше нет классического балета, только модерн. Только без туфель, босиком – совершенно другой стиль. Им так нравится, но это не мой профиль. Я люблю модерн, но не сильна в нём и тренером здесь не могла бы быть. Так что Испания – это уже прошедшее.

– Майя Михайловна, в одном из интервью Владимиру Васильеву задали вопрос: до каких же пор Вы будете танцевать? А он ответил: видно, на том свете отдохнем. А ему уже шестой десяток...

– А мне седьмой. Так что ж, бросить? И чем прикажете заниматься?

– «Не знаю, кому на Руси жить хорошо, — говорили вы когда-то. — По-моему, никому». Изменилось ли что-то теперь?

– Я должна сначала всё увидеть. Боюсь, что лучше не стало. Я слышу кругом только плохое. Но может быть... Я хотела бы, я очень хотела, я мечтала бы об этом... Если у вас есть такие букеты, не всё потеряно.

– Вы сказали «у вас»?..

– Да у нас, конечно, у нас. У меня только эта культура, только этот язык. Родное мне только то, что тут. Поэтому и больно...

На следующий день она танцевала «Лебедя» на Красной площади. А в редакции «ВК» трепетно распечатывали сделанную наскоро в аэропорту чёрно-белую фотографию. На ней я стоял вдвоем с Плисецкой и... оказался слепым!

Ничего, сказал ретушёр (была и такая должность – и никаких фотошопов; работали руками, кисточкой, пером, мазилкой), мы тебе глазки откроем. И открыли – вышел сумасшедше-хитрый прищур. Зато Майя Михайловна получилась хорошо! Снимок поместили в номере «ВК» на первой полосе.

История с «Красной площадью» закончилась одновременно помпезно и прозаично. Мы отметили успех в банкетном зале Кремлевского дворца съездов. В честь главного гостя, Хосе Каррераса, из Испании самолетом подогнали шампанское Codornio. Среди гостей был даже старик Иван Козловский (советский оперный и камерный певец, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда – авт.), бодрый и весёлый в свои 92 года. От власти присутствовал вице-мэр столицы Сергей Станкевич.

А потом Омари Сохадзе объявил себя банкротом. Из заветного миллиона я получил 700 тысяч, чего хватило, чтобы расплатиться с нанятыми людьми и самому не думать некоторое время хотя бы о том, на сколько бутылок ещё хватит.

Лёва. Миллионер – это социально незащищённый человек

Давай откроем рассказ Горького «Один из королей республики». Начинается он так:

– Это вы... миллионер? – спросил я, не веря своим глазам.

– О, да! – ответил он, убеждённо кивая головой...

Ну, ты вспомнил *того* миллионера, собеседника Алексея Максимовича? Он был сухим, лысым старичком с золотыми зубами. Он мало кушал, интересовался молоденькими артистками и страстно любил две книги – Библию и Главную Бухгалтерскую. Пролетарским писателем он воспринимался как диковинка.

Но годы летят, и вот уже мы сами имеем немалое количество «деревянных» (скоро, при такой инфляции, таковыми станут все), и некоторое число конвертируемых миллионеров. По телевизору и в прессе из второй категории засветился, может, десяток-другой. А где остальные? Они, как и положено, невидимые, так сказать, герои. «Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем, однако бодр и свеж, и дожил до седины, монашеским известен поведением!..»

А я «невидимо» езжу на «Жигулях», «невидимо» живу в обычной «двушке». Ну, «видашник» «Самсунг», двухкассетник «Шарп», кокер-спаниэль – это самое большое, что может броситься в глаза.

Из еды могу позволить себе практически всё, что продаётся в Москве, но это теоретически. А

практически... Скажем, кофе кончается, а в коммерческом магазине банка стоит полтыщи. Не беру, не привык к таким ценам, пытаюсь доставать более дешёвый.

Если говорить об одежде, то покупаю то, что нравится – это может быть и дешёвым, и дорогим. Вот пошли на днях смотреть жене шубу: серьёзные деньги, песец, 78 тысяч. Да неуклюжая какая-то, тяжёлая – не взяли.

Персональным авто пользоваться не люблю. Хотя бы потому, что зависишь от водителя. Но машина бывает нужной в любой время, поэтому гоняю сам. Подумываю о покупке второй: жена тоже водить умеет.

Сакральный вопрос: откуда миллионы? Большинство граждан задаст его в существенно более жёсткой стилистике: где наворовал?! Отвечаю. Я человек дисциплинированный; корпел пять, десять, пятнадцать лет, получая свои сто пятьдесят, двести, триста рублей. А потом вдруг объявили генеральную линию на создание новых экономических структур – дескать, вперёд, ребята! Я взял под козырёк. Схема успеха? Хорошо.

Первое – вкладывать капитал под проценты: в банки, ассоциации, товарищества, во что угодно. Второе – разные посреднические операции. И третье, самое лучшее – вложить деньги в товар. Почему? Потому что никакие проценты не спасают сегодня от инфляции, стабильность даёт лишь товар как таковой. И самый выгодный из товаров – продукты питания. Как говорит народная мудрость, «любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда».

Вроде схема гладкая – ан, нет! Нынешняя власть курс-то провозгласила, но зарабатывать мешает. У меня контейнеры с продовольствием из-за рубежа месяц не могут попасть в торговлю, задерживают на таможне: там закорючки не хватает, сям. Система клерков, чиновников осталась прежней, она и служит помехой. Мне? Если бы только!

Убытки от долгой растаможки оплачивать, простите, кто будет? Да тот самый простой человек, о котором на словах все пекутся. Я ведь убытки отнесу на затраты и, стало быть, увеличу цену товара. А ты как думал?!

Приходится ли давать взятки и многие ли чиновники их берут? Приходится. А берут сто процентов. Ну, если напрячься и вспомнить нетипичные исключения, то получится девяносто восемь. Взятка в миллион наличными уже не считается большой суммой. А начальный рубеж – хоть борзыми щенками!

Миллионер, как бы странно мои слова ни звучали, человек у нас социально не защищённый. Например, я засветился: ты нарушил наш уговор и раскрыл «общественности» мою фамилию. Что дальше? Последует какая-нибудь подлянка со стороны государства, типа замораживания счетов за найденные нарушения. Плюс вымогатели из уголовного мира. Придётся увеличить расходы на охрану: удовольствие дорогое, но гарантии полной безопасности всё равно не даёт.

Но самое парадоксальное, введённое многими советскими десятилетиями, – это отношение «простых тружеников». Я на дне рождения у отца, где собирались достойные пожилые люди, и наёмка не допустил на свои миллионы. Иначе сразу бы перешёл в категорию барыг и жуликов. Вот и прячутся по норкам многочисленные Корейки (на всякий случай напомним: подпольный миллионер Корейко – персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» – авт.)...

* * *

В 1992-м, по сведениям газеты «Коммерсантъ», в числе самых богатых соотечественников значились:

- Константин Боровой – президент и главный управляющий Российской товарно-сырьевой биржи;
- Герман Стерлигов – совладелец системы независимых бирж «Алиса»;
- Сергей Монахов – исполнительный директор объединения «Менатеп»;
- Артём Тарасов – бывший гендиректор внешнеэкономической ассоциации «Исток»;
- Гавриил Попов – мэр Москвы.

Александр. «Сити» – поле чудес на Красной Пресне

Хорошо и широко известна Красная площадь. А Красная Пресня известна, пожалуй, и не меньше, а в Москве точно не меньше. Впрочем, события 1905-го года, когда столичный пролетариат

до последнего бился здесь с царизмом на баррикадах, в народной, особенно молодёжной, памяти существенно стёрлись. Однако о них постоянно напоминает памятник рабочему с булыжником у метро «Краснопресненская», Горбатый мост возле российского Белого дома и множество более мелких объектов. Да и сам Белый дом – тоже краснопресненское детище, но уже из эпохи развитого социализма. А новейшая история Пресни началась как раз в 90-х и затмила собой даже Девятьсот Пятый год...

Я дежурю выпускающим редактором «Вечернего клуба» и сижу в типографии «Московская правда» на улице этого самого 1905-го. Входит Алексей Ситников, хорошо известный в профессиональном PR-сообществе. У Лёши собственная фирма «Имидж-контакт», оказывающая услуги политического консалтинга. Мы слышали друг о друге, даже учились в одной аспирантуре в Академии общественных наук, но ранее никогда не встречались. И, наконец, по телефону договорились о встрече – у Алексея было ко мне какое-то предложение.

Лёша человек очень интересный: увлекающийся, увлекающий и умеющий даже рядовое событие представить в жанре интригующей сказки, в которую, впрочем, большинство слушателей неизменно верит. Сказкой казалось и то, о чём он рассказывал теперь. Что, мол, в Москве, на Красной Пресне вырастет «Сити» – новый город небоскрёбов – а венцом его станет 100-этажная башня. И новое метро. И монорельсовая дорога в аэропорт Шереметьево.

Но в начале 90-х, если кто помнит, всё не строилось, а ветшало и разрушалось. Люди торговали тем чем может и где только можно – на стадионах, в кинотеатрах и даже в туалетах, и тем зарабатывали себе на жизнь. Отсюда у меня возникло не то чтобы недоверие, а полная уверенность в том, что на очереди очередная «панاما».

Но я не стал обижать Алексея и только спросил:

– Всё это здорово, но моя персона тут при чём?

– А притом, что я иду в «Сити» советником президента, а тебе предлагаю место руководителя пресс-службы.

После того, как была названа зарплата, раз в пять превышающая ту, что я получал в «ВК», ощутил реальность происходящего и воспроизвёл в памяти строки Маяковского: «Если звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно». И ответил Ситникову, что готов строить на Красной Пресне «Сити», Изумрудный город или иное Поле чудес.

Алексей конкретизировал задачу:

– Строить станут другие, а мы *пиаром* будем заниматься!

– Чем-чем?

– Да вот этим. – И Ситников протянул мне оранжевую книжечку англичанина Сэма Блэка с заголовком «Что такое паблик рилейшнз (PR)».

Одолол я книжечку за один вечер. Вспомнил кстати Мольера с его «Мещанином во дворянстве». Герой пьесы на склоне лет с удивлением узнаёт, что есть стихи и поэты. И что он тоже обладает талантом, поскольку владеет другим жанром – прозой, на которой общается всю жизнь. Я тоже понял, что пиаром я всю свою жизнь как раз и занимался.

Именно так вошёл в мою жизнь этот термин, именно наша встреча легла в основу последующей истории-легенды о возникновении российских PR-технологий...

С главным редактором «ВК» Валерием Евсеевым мы поговорили по-хорошему. Именно поговорили, но никак не расстались, поскольку я продолжал писать для «ВК» до конца дней газеты. Но уже через неделю перешёл в «Сити» – акционерное общество, только что созданное для реализации столь грандиозного проекта, что в его реальность полностью не верил тогда, вероятно, никто.

В одном из Красногвардейских проездов, недалеко от «Экспоцентра», рядом с заводом железобетонных изделий стояло типовое кирпичное пятиэтажное здание. В нём располагалась гостиница под названием «Союз-2». Здесь и сформировался мой офис, представлявший собой трехкомнатную квартиру с кухней, ванной и прочими удобствами. Вскоре я получил продвижение и занял пост, официально зафиксированный в трудовой книжке как «руководитель службы паблик рилейшнз». Вместе с Алексеем (он проработал в «Сити» около года) мы набрали людей и стали «толкать» проект вперёд.

Сначала выпускали пресс-релизы с базовой информацией, которую пресса охотно и бесплатно публиковала: общий замысел, создание акционерного общества, его учредители, совместная деятельность АО и правительства Москвы по реализации проекта.

Но о чём информировать дальше, если «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»?! Долгое время ничего такого, что можно было посмотреть и потрогать, вокруг «Сити» не происходило.

Ну и что? Можно рассказать о том, как подобные проекты реализовывались в Великобритании, во Франции. Или... в России. Например, как в 1888-м году возникло акционерное общество «Торговые ряды» – прообраз будущего ГУМа на Красной площади, которое выпускало облигации для граждан: в 1889-м году на два миллиона рублей (тогда очень большие деньги!), в 1891-м – ещё на столько же, в 1892-м – на миллион. Про облигации – не просто так! А зачем, скоро прояснится.

Иной раз фантазия иссякала. Мы листали проектные материалы и находили в них изыски типа красиво нарисованных висячих садов. Может, сделаем пресс-релиз про висячие сады в будущем «Сити»? Отличная идея! Очередной пресс-релиз рассылался по изданиям, и они, представьте себе, такого рода информацию размещали.

Но зачем нужны фантазии и изыски? Какие задачи тем самым решались? Вполне конкретные. Благоприятный информационный фон способствовал тому, что в ноябре 1992-го АО «Сити» и правительство Москвы подписали договор, в соответствии с которым «Сити» получило в долгосрочную аренду участок земли в 13 гектаров; в декабре того же года – ещё один договор, на управление проектом со стороны АО «Сити».

А 30 декабря Минфин зарегистрировал проспект эмиссии АО «Сити» на сумму 1,5 млрд. рублей – деньги и по новым временам немалые. Теперь речь шла уже не о «фоне»: каждая публикация в печати, передача на телевидении оборачивались реальными деньгами москвичей – и физических, и юридических лиц – за выпущенные акции. Необходимость в «висячих садах» отпадала; требовалась информация, благодаря которой можно было бы поднять престиж акций и привлечь народные средства.

Время пошло, открылись пункты продаж...

Отвлечёмся ненадолго от хронологического изложения развития «Сити» и чуть-чуть коснёмся экономического ликбеза. Итак, продажа акций в начале 90-х, что для этого требовалось? Создать акционерное общество, что и было сделано применительно к «Сити». Как добиться того, чтобы акции стали привлекательными и раскупались? Предложить дивиденды по акциям! Отличная идея, но их, и весьма значительные, уже предложили памятное старшему поколению АО «МММ» («МММ – нет проблем», как гласила реклама), АО чековый инвестиционный фонд «Хоперинвест фонд» («Вот мы и в Хопре») и многие им подобные, получившие вскоре название «финансовых пирамид».

Одна из компаний, вроде бы производящая обувь, запустила в телевизионной рекламе слоган «Мы обуем всю страну!». И «обували»...

Вкладчики чего-то не понимали? Многие понимали, но вот какая штука. Человек вкладывал деньги в ценные бумаги АО и получал объявленные заранее по сумме и срокам дивиденды (позднее такие объявления были запрещены законодательно – авт.). Вкладывал все полученные средства в акции – и получал очередные деньги! Вероятно, мелькала мысль, что лафа когда-то закончится крахом. Но, может, не сейчас и не на нём?

И «Сити» намеревалось обусть? Нет: мы хотели показать, что можно делать бизнес по закону, в «белых перчатках». «Сити» не обещало никаких гарантированных процентов – только... светлое будущее. Концепция продаж разрабатывалась такая: АО «Сити» должно стать народным акционерным обществом. Это значит, что каждый рядовой гражданин может вложить свои деньги и приобщиться к городу будущего. А когда он появится вместе с отдачей на вложенные кровные? В перспективе...

Достаточно ли было такой мотивации? Да, в том случае, если бы её поддержали пресса и авторитеты. Кто мог тогда выступать авторитетом? Политики? Нет, они в народном мнении «крикуны и болтуны». Бизнесмены? Нет, они «воры и барыги». Известные артисты? Нет, плохо жилось тогда артистам, сами чуть ли не милостыню просили.

Хорошо бы высказались власти. Да и зарубежные деятели пришлось бы кстати. Но пока происходило обратное.

– «Нас дурят», «Нас хотят обмануть», «Чего стоят так называемые пресс-релизы, рассылаемые господином Москвичёвым!» (мною – авт.) – взывала лозунгами к массам «Российская газета».

А издание «Русский вестник» разразилось статьёй «Откровенная бесовщина», где предлагалось целое исследование:

– ...Начиная с 1915-го года, – гласила статья, – когда появился «Чёрный квадрат» Малевича (символ начала наступления на Россию дьявольских сил) и другие опусы так называемого авангарда, наши соотечественники стали постепенно утрачивать чёткие представления о красоте,

а также способность противостоять злу. Взамен традиционной русской архитектуры в наших городах появились жалкие геометризованные бараки в стиле Баухауза (немецкой школы 1910–1930-х годов – авт.). Они как будто бы имитировали алтари Древнего Востока, упразднённые и сброшенные христианством в пучину прошлого.

Новое наступление, массивованное и ожесточённое, началось во времена «хрущёвской оттепели». Прельстившись возможностью получения дешёвого и «удобного» жилья, мы дали разрушить все наши деревянные московские дома, а заодно и пригороды.

По предписанию Посохина (в течение долгого времени главного архитектора Москвы – авт.) построили новые капища или ещё что-нибудь помудреней, как на Калининском проспекте (ныне Новый Арбат – авт.), где и СЭВ («книжка» – ныне здание мэрии – авт.), и остальные посохинские дома своим чуждым русскому человеку видом что-нибудь да обозначают.

После Посохина особым расположением и доверием пользуется Борис Тхор и его творческая мастерская. Именно отсюда берёт начало очередной «проект века» – комплекс «Московского сити». Стопятидесятиэтажные монстры будут маячить в любой точке Москвы, особенно в ясные солнечные дни.

Лукавые мастера от архитектуры вновь находят обоснование силуэту монстров, ссылаясь на аналогии с башнями Кремля. На самом деле только совсем несведущему человеку может быть непонятно, что они повторяют очертания вавилонской башни. Их прообразом и недавним предшественником является неосуществлённый проект башни третьего интернационала, предложенный в послеоктябрьское время Татлиным...

Со стороны власти особенно старался председатель Краснопресненского райсовета и лидер «теневого правительства» Москвы Александр Краснов. Начав с борьбы за сохранение экологического объекта – парка «Студенец», который, якобы, погибнет в ходе строительства «Сити», он со временем ужесточил свои оценки и называл проект глобально антинародным...

Ричард. Что мне сказал Президент Ельцин

Я много раз приезжал в Россию. Конечно, первым руководителем Соединённых Штатов, который побывал в Советском Союзе, был Франклин Делано Рузвельт – это произошло в феврале 1945-го года, в Крыму, на Ялтинской конференции, когда лидеры СССР, США и Великобритании обсуждали послевоенное устройство мира. Но в 1972-м случился именно первый официальный визит американского президента в страну Советов – и этим президентом был я. Разговор шёл об ограничении вооружений и предупреждении войны между ядерными державами.

Вероятно, вы не знаете, что впервые я попал в страну Советов гораздо раньше, и вовсе в... 12-летнем возрасте, в 1925-м году. В числе сотрудников иностранных компаний, которые работали по концессии, мои родители приехали на медные рудники в уральский город Дегтярск. Посетил тогда вместе с ними Свердловск и Первоуральск.

В 1972-м я, уже в качестве президента, приезжал в Москву и встречался с генсеком Брежневым. Я знал, что он любит автомобили и подарил ему роскошный «Кадиллак Эльдорадо». Машину доставили в Москву транспортным самолётом американских ВВС. Во время визита мы подписали несколько важных документов. Прежде всего, о противоракетной обороне и ограничении стратегических вооружений, а также, например, документы, положившие начало совместной космической программе «Союз-Аполлон».

Разумеется, посетил с супругой Большой театр, где ставили «Лебединое озеро». А в Ленинграде побывал на Пискаревском кладбище, и меня очень тронула печальная церемония возложения венков на этом кладбище. Я узнал, что там похоронено около миллиона ленинградцев, умерших от обстрела и голода во время войны. Искренне соболезновал ленинградцам.

Вообще-то я встречался со всеми послевоенными лидерами вашей страны, начиная с господина Никиты Хрущёва; потом с Косыгиным, Брежневым, Андроповым, Черненко, Горбачёвым, Рыжковым. В нынешний визит во второй раз встретился с Ельциным.

Да и в этом особняке (специальный особняк для иностранных VIP-гостей на Воробьёвых горах – авт.) останавливался в 1987-м, когда, будучи советником Рональда Рейгана, готовил его визит в Москву. Ходил даже на Черёмушкинский рынок. Там одна старушка подарила мне – не знаю, как это будет по-американски – *semetchki*.

Перейдём к вашему проекту (рассматривает только что подготовленный буклет о «Сити» с кра-

сивыми картинками несуществующих сооружений, ставит на нём автограф). Видно, что это грандиозный проект! Русские всегда славились способностями реализовывать грандиозные проекты. Я уверен, что и здесь вас ожидает успех. Хорошо, что акции «Сити» станут доступны и простым гражданам: став собственниками, они обеспечат поддержку проекта.

Я говорил с президентом Ельциным о новой российской экономике, о больших бизнес-проектах. У меня сложилось впечатление, что президент поддерживает такие проекты и экономические реформы в целом. Наверняка это касается и проекта «Сити».

Я, со своей стороны, тоже готов поддержать этот проект и обязательно расскажу о нём американским бизнесменам...

* * *

На следующий день сразу в нескольких популярных центральных и московских газетах появилась информация о встрече Ричарда с руководством АО «Сити» на Воробьёвых горах. Вот что писала, например, газета экономического профиля «Век»:

– Как выяснилось, экс-президент США Ричард Н. прибыл в нашу страну не только для обмена любезностями с российским и московским руководством. Цель визита известного в прошлом и настоящем государственного деятеля (ныне Ричард Н. – председатель Фонда за демократию и развитие) определялась так: познакомиться с проектами, представляющими интерес для американского капитала.

«Президент Ельцин сказал мне, – делился впечатлениями экс-президент США, – что наиболее масштабным и перспективным является проект Московского международного делового центра (ММДЦ), которым занимается российское акционерное общество «Сити». И я решил встретиться со смелыми людьми, думающими о новом качестве вашей экономики».

В приватной беседе с президентом АО «Сити», состоявшейся в особняке на Воробьёвых горах, Ричард Н. проанализировал ход создания ММДЦ, позитивно оценил тот факт, что акции «Сити» доступны сегодня не только крупным бизнесменам, но и рядовым гражданам России, обещал всяческую поддержку уникальному начинанию...

Серьёзные добавления сделала газета «Коммерсантъ»:

– Экс-президент США Ричард Н. назвал проект «Московский Сити» – крупнейший в России в сфере real estate development – «проявлением нового качества экономики в России» и пообещал всемерно его поддерживать... Внимание представителей высокой политики, считают наблюдатели, положительно повлияет на инвестиционный климат вокруг «Сити», что весьма существенно – на реализацию проекта потребуется около 8 млрд. долларов...

Тему развивала «Московская правда»:

– На днях имело место заслуживающее внимания событие из серии тех, что обыкновенно остаются за рамками официальной хроники. Как выяснилось, экс-президент США Ричард Никсон прибыл в нашу страну не только для обсуждения политических проблем. Он интересовался проектом московского правительства по созданию ММДЦ «Москва-Сити». Достигнута договорённость о продолжении контактов, которые с американской стороны будет осуществлять заместитель Ричарда Н. по Фонду, председатель Центра российских и евразийских исследований Димитри С. ...

Читатель скажет, что в приведённом выше монологе Ричарда Н. *не было* много из того, о чём потом писали газеты...

Да? Вы так думаете? Вы там присутствовали? А я был! И вообще: в газетах написано – значит, правда!

Сделаю лирическое отступление и приведу цитату из написанной гораздо позже книги Виктора Пелевина «Амфир В». Автор гротескно-ироничен, но ситуацию с медиа нового времени трактует довольно точно:

– Любой современный интеллектуал, продающий на рынке свою экспертизу, делает две вещи: посылает знаки и протитует смыслы. На деле это аспекты одного волевого акта, кроме которого в деятельности современного философа, культуролога и эксперта нет ничего: посылаемые знаки сообщают о готовности протитовать смыслы, а протитование смыслов является способом посылать эти знаки...

Какой пульс времени на самом деле, ... никто знать не может, потому что пульса у времени нет. Есть только редакторские колонки про пульс времени. Но если несколько редакторских колонок

скажут, что пульс времени такой-то и такой-то, все начнут это повторять, чтобы идти со временем в ногу. Хотя ног у времени тоже нет...

Нигде, не прибегая к прямой лжи, не создать из фрагментов правды картину, которая связана с реальностью ровно настолько, насколько это способно поднять продажи... Если связь с реальностью не могла поднять продажи (а она, как правило, не могла), связаться следовало с чем-нибудь другим. Именно сквозь это игольное ушко и шли все караваны...

Вернёмся к интригующей встрече с Ричардом Н., которая закручивалась следующим образом. В кабинете тогдашнего президента «Сити» Александра Хажакяна мы проводили мозговой штурм:

– Вы понимаете, что наши информационные поводы иссякают? – обозначил я проблемную ситуацию.

– Но где я их Вам возьму?

– У Вас же связи...

– Какие связи – все вышли. Ну, вот есть один школьный друг, Дмитрий Р., он теперь в Администрации Президента рулит международными вопросами, могу позвонить.

– Звоните!

– (Звонит). Дима ответил, что помочь не может ничем. Впрочем, дал информацию, что приезжает в Россию на днях экс-президент США Ричард Н., а с ним советник Димитри С. Так получилось, что этот самый Димитри, в прошлом наш соотечественник, женат на дочке Дмитрия Р. И тот может попросить советника, чтобы организовал встречу с Ричардом Н. Да что это даст?

– Что даст? Мой вопрос!

И мы едем на Воробьёвы горы, всего-то втроём: президент АО «Сити» Александр Хажакян, я и фотокорреспондент Игорь. В один из особняков, предназначенных для важных зарубежных гостей, встречаемся с Ричардом Н.

Мы знали, что экс-президент США приезжал в Россию в прошлом, 92-м году. Что под ручку его тогда на глазах миллионов телезрителей поддерживал не кто иной, как Александр Руцкой, опальный вице-президент Российской Федерации при Ельцине – его Ричард Н. навестил почему-то первым. А потом Григория Явлинского, Геннадия Зюганова... Ельцин такой обиды не снёс и заявил, что ни он, ни премьер Черномырдин, ни даже глава администрации Сергей Филатов встречаться с Ричардом Н. не станут: «Пусть знают, что Россия – великая страна, и просто так с ней играть нельзя», – обиженно сказал Борис Николаевич.

И вот новый визит в феврале 93-го. Вспоминает Руслан Хасбулатов, председатель оппозиционного по отношению к Президенту России Верховного Совета РФ:

– Когда Ричард Н. в феврале 1993-го года был в Москве, я встречался с ним. Долго беседовали. Мне трудно давать оценку внутренним мотивам рекомендаций Н. по устранению Российского Парламента. Возможно, они находятся в сфере его эмоционально-психологических и интеллектуальных свойств, которые порождали у него, как известно, определенные «вождистские» склонности в период его президентства.

«Вы, Ваше Превосходительство, молодой, но талантливый политик новой плеяды России, – говорил мне экс-президент. – Но Ельцину сложнее, чем Вам – не то образование, воспитание, не та карьера... Вам обоим надо быть терпимее. Вы оба могли бы дополнять друг друга. Ваш интеллект, знания и его напористость. Я хотел бы Вашего примирения...

Это было сказано на прощанье, при крепком рукопожатии. Я искренне поверил ему. И вдруг такое сообщение: «Н. рекомендует Клинтону поддержать Ельцина в его попытке устранить демократию в России, осуществить государственный переворот и разогнать Российский Парламент...»

Теперь, полагаю, читателю понятно, зачем приезжал в этот раз в Россию Ричард Н. Когда он узнал про «Сити»? Тоже понятно: из нашего разговора на Воробьёвых горах. А знал ли про «Сити» Ельцин? Это был проект московского правительства, так что если Президент всей России про ММДЦ и слышал, то мельком. И с экс-президентом США они про ММДЦ вряд ли говорили. Откуда же информация в газетах? Да пресс-релиз я увлекательный оперативно написал и разослал в медиа! Вот такой он, креативный русский PR, работавший в данном случае на вполне благое дело – рост популярности акций реального и амбициозного проекта.

За акциями выстроились очереди. Они были небольшими, пока в процесс не включился «жёлтый», но с чрезвычайно большим тиражом «Московский комсомолец».

– А вы что; правда за ваучеры акции «Сити» даёте? – спросил меня в ходе подготовки материала корреспондент «МК» Андрей Семёнов.

Напомню, что ваучеры (приватизационный чеки – государственные ценные бумаги, предназначенные в 1992–93-м годах для обмена на активы государственных предприятий, передаваемых в частные руки в процессе приватизации – авт.) в то время можно было действительно либо вложить в акции каких-нибудь предприятий, либо просто продать. Но мы не меняли акции на ваучеры. Мы просто предлагали посредническую услугу продажи ваучеров по рыночной стоимости, а далее, при желании покупателя, выдавали ему акции АО «Сити» как денежный эквивалент, то есть фактически продавали акции за «живые» деньги.

Разумеется, всё это мы покупателям акций постоянно разъясняли, и Андрея просветили тоже.

– Да нет, заумь какая-то, чего-то это не круто..., – отреагировал он.

Вскоре в «МК», на первой полосе, появились фото макета «Сити» и крупный заголовок: «Землю – народу. В центре Москвы. За ваучеры!». Текст материала гласил, что «простые граждане могут приобрести акции АО «Сити» как за наличные, так и за ваучеры. В то время как на Российской товарно-сырьевой бирже ваучер неудержимо скатывается вниз, за него дают до четырех акций АО «Сити», стоимость которых со временем несоизмеримо возрастёт, так как, по оценкам наших экспертов, акции АО «Сити» одни из немногих подкреплены недвижимостью, то есть землёй и будущими постройками на ней».

«Жёлтый» и «низко интеллектуальный» «МК» поддержали «высоко интеллектуальные» «Известия» своей статьёй «Международный деловой центр «Москва-Сити» акционируется за ваучеры». Очереди за акциями «Сити» выросли: их скупали и серьёзные бизнесмены, и простые бабульки из народа. Скупали и по тысяче штук, и по одной.

Караваны пошли. Полуторамиллиардная эмиссия акций состоялась!!!

* * *

Признайся, читатель, а ведь остался у тебя за пазухой каверзный вопрос: эх, бесчестные пиарщики, обобрали народ, обманули со светлым будущим?! Но нет и нет! В «Сити» я работал до середины 95-го. Светлое будущее для акционеров наступило попозже, через десять лет, в 2005-м. Надо сказать, что и сам я был акционером и свой пакет (около 50 акций) пару раз пытался продать тому же «Сити», когда становилось трудно с деньгами. Акции в принципе покупались, но после объявления цены желание продавать пропадало в силу бессмысленности чрезвычайно дешёвой сделки.

Однажды весной в офис вбежал мой сподвижник по «Сити» и другим проектам Александр Казимиров:

– Ты знаешь, что акции «Сити» покупают по 100 долларов за штуку?!

Моё желание сразу побежать и сдать акции остановило только отсутствие выписки из электронного реестра акционеров.

На следующий день сделка опять сорвалась – я забыл дома паспорт.

– Ты знаешь, что акции стоят уже 200–250 долларов?! – продолжал подзуживать Казимиров.

На третий день я добежал до офиса какой-то компании, которая скупала акции «Сити», и продал их по 300 с чем-то «баксов» за каждую. Пятнадцать тысяч долларов свалились как с неба и были совсем не лишними. Не только мне, но и бабушкам внезапно досталась толика на подарок внукам.

Ещё через неделю цена резко упала. В сообщении «Росбизнесконсалтинга» под заголовком «Норникель» консолидировал контрольный пакет акций московского АО «Сити» я прочёл:

– Дружественные ГК «Норильский никель» структуры консолидировали более 50 процентов акций ОАО «Сити» (управляющая компания строительством Московского международного делового центра /ММДЦ/ «Москва-Сити»). Как сообщили РБК в компаниях, нанятых «Норникелем» для скупки акций «Сити», ценные бумаги управляющей компании приобретались по цене 7–11 тыс. рублей за штуку, а крупные пакеты (более 50 акций) по 13 тыс. рублей (средний курс доллара в 2005-м году составлял 28 рублей – авт.). В пункте покупки акций, расположенном в центральном офисе «Норильского никеля» на Тверском бульваре в Москве, РБК заявили, что «контрольный пакет акций ОАО «Сити» уже скуплен», поэтому в дальнейшем акции управляющей компании будут покупать по цене, не превышающей 3 тыс. рублей...

Вскоре стоимость опустилась ещё ниже.

«Упавшие с неба» деньги исчезают быстро. А мост «Багратион» остаётся. И «Башня 2000» в середине Кутузовского проспекта – первые объекты «Московского Сити». И станции метро «Международная» и «Деловой центр». И захватывающий дух комплекс «Федерация». И ресторан «Клуб-59»

на 59-м этаже комплекса. И динамическая картинка «Города Столиц». Почти с любой точки старой Москвы мы видим Москву новую, образца XXI века.

И Ричард Н. в отношении «Сити» оказался глубоко прав. И PR в «белых перчатках» сработал!

Александр. Полюбила я парторга

Политики я сторонился, как мог. В одном популярном фильме солдат, втыкая штык в землю, кричит: «Будя! Навоевались!». Примерно, такой подход был и у меня. И у многих других, творческих и не слишком. Но куда от политики денешься? Всё вокруг кипит, политические лидеры буквально выпрыгивают на тебя из телевизора, радиоприёмника; выскакивают со страниц газет, митингуют на площадях и в подземных переходах; раздают листовки у входа в магазин, театр, на стадион; набивают своей пропагандой почтовые ящики.

Как-то я пришёл в гости к поэту-песеннику Илье Резнику и нашёл у него полное созвучие собственным настроениям.

– Я политику не люблю и от неё всячески дистанцируюсь, – твёрдо сказал Илья Рахмиэльевич. – Но не всегда получается...

Спустя десять минут он спел мне политическую частушку:

Полюбила я парторга,
У него партийный орган,
С ним все беды нипочём –
Хрен обмотан кумачом!

Грубовато, но правда. Обмотан. У кого кумачом, у кого имперским флагом, у кого чёрным знаменем...

Шутил не только Резник. Шутили все. Чем тяжелее было время, тем больше шутили. «Теперь не до шуток» – это не про нас. Шутили, метко и весело, над властью, над оппозицией; шутили над собой. А чего странного? В каждой шутке, как известно, содержится лишь доля шутки, остальное – самая что ни на есть реальность... Я листаю партийные газеты 90-х.

– Вслед за социалистической индустриализацией, социалистической коллективизацией грянула социалистическая приватизация, – шутила над приватизацией принадлежащая партии «Демократический союз» газета «Свободное слово». – Рабочие приватизируют свои заводы. Продавцы приватизируют свои магазины. Железнодорожники приватизируют перевозимые грузы. Работники школ приватизируют мел, классные доски и учебные пособия. Работники больниц приватизируют койки, клизмы, шприцы и больных. Работники кооперативных туалетов производят их вторичную приватизацию – поунитазно...

– На кремлёвском дворе была осень, за окном падали листья, листы и листовки. Шла последняя сессия Верховного Совета, – шутил над депутатами орган конституционных демократов «Гражданское достоинство». – Обсуждали вопрос о ценах на картофель, морковь, бриллианты, проститутки и билеты в Америку. Настроение у народного депутата Б. Евпатина-Коловратина было осеннее, героическое. Пить ему было нельзя, и поэтому он нахватался героина и теперь пытался попасть вилкой в кнопку на пульте голосования, чтобы, наконец, хоть за что-нибудь проголосовать. Страна уже давно и с нетерпением ждала этого момента. Больше она уже ничего не ждала. Ибо была осень, но веяло холодным дыханием зимы и перестройки, которую теперь каждый должен был начать и кончить собственноручно, в соответствии с постановлением левого и центрального крыла ЦК КПСС...

– Ввиду победившей демократии прежние оскорбительные обращения, чины и ранги отменяются, – шутила над новой действительностью коммунистическая «Молния». – Вводится единый для всех термин «гражданин» с допустимыми незначительными вариациями: «гражданин в телогрейке», «гражданин в мерседесе»...

Когда по телевизору сообщили о реанимации Гаврилы Харитоновича Попова (первый мэр Москвы – авт.), ребёнок испугался и закричал: «Папа, папа, прячь варенье – Карлсон вернулся!». Бедняжка ещё помнит, что в нашем доме бывало варенье...

Зажигательно, в ритме танца, шутил «Голос анархизма»:

«Господа, танцуйте ламбаду! Позиция 1: демонстранты становятся к пьедесталу памятника и разворачивают плакаты. В это время милиционеры стыдливо, как девочки на танцплощадке, толка-

ются где-то в районе центрального штаба добровольной народной дружины и нервно теребят вместо кружевных платочков рации. Позиция 2: по рациям объявили «белый танец», и к демонстрантам приближается серый партнёр с максимальным числом звёзд на погонах. Ковыряя ножкой асфальт, он застенчиво предлагает им пройти. Позиция 3: демонстранты сцепляются руками, а милиционеры повисают на них. Два милиционера, четыре, шесть и далее. Милиция вправо – демонстранты влево! Милиция влево – а демонстранты вправо!..

И даже национально-патриотический «Пульс Тушина» шутил над собственным антисемитизмом. В истории:

– Огромный балахон медленно сполз на землю. Под ликующие возгласы и аплодисменты поджидков открылась вылезающая из каменного блока бородатая фигура слонопотама, выставившего вперёд огромный кулак. Это жид Кербель открывал памятник жиду Марксу на площади жида Свердлова...

И в современности:

– Черносотенец яростно скомкал лист, отшвырнул его от себя, заплакал, потом вновь сосредоточился и, шевеля губами, вывел: «Елена Боннэр договорилась встретиться с Лидией Гинзбург на перекрёстке улиц Клары Цеткин и Розы Люксембург...»

Отари. Смерть после бани

Вероятно, у читателя складывается довольно приятное и отчасти зажигательно острое впечатление о 90-х. Творчество! Да, было творчество... Новые и успешные экономические операции! Да, случались и такие... Конфликты между ветвями власти, политическими партиями! А как же без конфликтов, хоть в 90-е, хоть в какие...

За что же тогда эти годы прозвали *лихими*? Меж тем, справедливо прозвали. Отсюда в книге неизбежен раздел, который пройдёт через все главы и который уместно назвать по имени популярного фильма: «Криминальное чтиво». В разделе будет о тех, ныне покойных, с кем я дружил, кого хорошо знал или хотя бы видел. Иных, незнакомых, было в тысячи раз больше, но о них не стану.

Начнём с Краснопресненских бань. Известно, что они существовали с XIX века, многократно перестраивались, но я имею в виду «новые» бани, открывшиеся в Столярном переулке в 1979 году. Я начал ходить туда как раз в 90-е. В бане – общественной, заметьте, со свободным входом для всех, многие люди были завсегдатаями (особенно это касалось первого пара в субботу, в восемь утра) и хорошо знали друг друга, приходили и садились в 6-местные кабинки на «свои» места. Здесь существовала неформальная иерархия «ветеранов» и «новичков». Эта иерархия никак не подразумевала унижение чьего-либо достоинства. Скорее шиворот-навыворот: «ветераны» подметали и мыли парную, проветривали её и подавали пар, беспрерывно «травя» при этом жизненные истории. «Новичкам» (ходившим в Пресненские бани, ну, всего-то лет пять) оставалось просто париться и просто слушать, поддакивая, но не встречая. Высшей степенью расположения к «новичку» считалась просьба «ветерана» открыть форточку.

Для меня своеобразным банным «путеводителем» стал Владимир Морозов, известный джазист-ударник, заслуженный артист России, впоследствии написавший книжку «Легенды Краснопресненских бань». Он обращал моё внимание на тех или иных посетителей и потихоньку рассказывал о них. Так я узнал, что сюда регулярно ходят хоккеисты, футболисты, борцы, боксёры, причём именитые: мастера спорта, члены сборных страны и даже олимпийские чемпионы. Любили баню и артисты: в мужском отделении я регулярно встречал, например, Сергея Шакурова; женское отделение посещали Ирина Шевчук, Лариса Голубкина, Наталья Варлей...

Почему Пресня, а, скажем, не Сандуны? Потому что Сандуны – «музейный» вариант бань, а Пресня – самый что ни на есть парильный, хотя в Сандунах парилка тоже неплохая. Потому что в Пресне все свои, а в Сандунах частенько встречаются «экскурсанты», так сказать «гости Москвы».

Появлялись в Пресненских банях и другие персонажи, среди них два брата – Амиран и Отари. Почему в этой бане? Да потому что сами они пресненские, жили неподалёку. Кто-то называл братьев «авторитетами», кто-то – «спортсменами», кто-то даже «меценатами». И всё было правдой.

Во что пишет упомянутый Владимир Морозов:

– Я всегда получал удовольствие от общения с этими умными людьми. Они мне помогали пра-

вильно оценивать людей и ситуации, в общем, правильно смотреть на мир. Они были очень интересные люди. Оба спортсмены, они очень любили своих друзей, близких, и если они совершали какие-то незаконные поступки, то только потому, что время пришло такое тяжёлое: надо было что-то выгадывать, выкраивать... И называть их «бандюгами» у меня язык даже не поворачивается...

Да... Всё правда. Авторитеты. Амиран – карточный шулер. Имел доли в игорном и гостиничном бизнесе. А потом – писатель-драматург, вступил в Союз писателей России. И спортом занимался.

В августе 93-го Амирана застрелили в офисе одной из компаний. С почестями похоронили недалеко от Пресненских бань, на Ваганьковском кладбище, неподалёку от могилы Владимира Высоцкого. На похоронах присутствовали известные артисты и спортсмены: Иосиф Кобзон, Зураб Соткилава, Арчил Гомиашвили, Иван Ярыгин, Александр Якушев, Александр Тихонов.

Я слышал, как в бане, после похорон Отари говорил: «Всё, хватит! Кровной мести не будет, крови больше не будет...».

Про него тоже всё правда. Бизнесмен. Мастер спорта СССР по греко-римской борьбе, заслуженный тренер РСФСР. И основатель партии спортсменов России, председатель Фонда социальной защиты спортсменов имени Льва Яшина.

Деньги спортсменам Отари действительно давал. Однажды, затеяв зрелищное спортивное мероприятие, мы советовались с коллегами: «Может, у Отари денег попросить?». Находившийся случайно рядом «компетентный человек» вмешался: «Не надо просить у Отари. Не надо к нему вообще ходить. Там вопрос решён».

Недели через две, 5-го апреля 1994 года Отари был убит тремя выстрелами из снайперской винтовки при выходе из Краснопресненских бань. Похоронили рядом с братом.

ПОХОЖИЕ ПЕРСОНАЖИ

НИКОЛАЙ. Протоиерей Николай Морозов – настоятель церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском (Москва) в начале 90-х годов.

ЛЕРА. Валерия Новодворская – советский диссидент и правозащитник; российский либеральный политический деятель и публицист, основательница праволиберальной партии «Демократический союз».

АЛЛА. Алла Ларионова – актриса театра и кино, народная артистка РСФСР. Коля – её муж, народный артист РСФСР Николай Рыбников.

ИВАН. Иван Рыжов – народный артист РСФСР, сыграл в кино 106 ролей, в том числе несколько ролей в фильмах Василия Шукшина.

МИТЁК. Дмитрий Шагин – художник, член творческой группы «Митьки», названной как раз в честь Дмитрия.

Текст рассказа «Ящерица и закон» принадлежит Владимиру Шинкарёву (Шинкарёв В.Н. Митьки. – М.: ИМА-пресс, АПН, 1990) – писателю, идеологу митьковского движения, рассказавшему о субкультуре «Митьков».

БГ. Борис Гребенщиков – поэт, певец, музыкант, композитор, гитарист, лидер группы «Аквариум». Дэйв Стюарт – британский музыкант, композитор и музыкальный продюсер.

ГРАФ. Александр Невзоров – телеведущий, актёр, режиссёр, писатель. Всероссийскую известность получил в начале 90-х своей передачей «600 секунд» на телевидении Санкт-Петербурга.

ПЁТР. Пётр Мамонов – русский рок-музыкант, актёр, поэт. Известен по музыкальной группе «Звуки Му», кинофильмам и спектаклям.

ВИКТОР. Виктор Третьяков – композитор, поэт, бард, заслуженный артист РФ. Однофамилец и «одноимёнец» Виктора Третьякова – скрипача, дирижёра, педагога, профессора Московской государственной консерватории, народного артиста СССР.

ЛЁВА. Похожие персонажи шифруются, как это и следует из монолога.

РИЧАРД Н. Ричард Никсон, 37-й президент США (1969–1974 гг.). Димитри С. – Дмитрий Саймс, американский политолог советского происхождения. В 1993-м – советник Р. Никсона по вопросам внешней политики. Дмитрий Р. – Дмитрий Рюриков – советский и российский дипломат. В 1993-м – помощник по международным вопросам Президента РФ.

ОТАРИ. Отари Квантришвили – криминальный авторитет, спортсмен, общественный деятель, благотворитель. Амиран Квантришвили – родной брат Отари. Характеристики те же.

Проза

Тимур Зульфикаров

Зульфикаров Тимур Касимович – поэт, прозаик, драматург, публицист, член Союза Писателей и Союза Кинематографистов России. Родился 17 августа 1936 года в г. Душанбе (Таджикистан). Отец – Зульфикаров Касым – крупный партийный работник, погиб в 1937 году. Мать – Успенская Людмила – профессор, известная таджикская ученая, автор фундаментального таджикско-русского словаря и многих учебников. Окончил Литературный институт им. М. Горького в 1961 году. Лауреат английской премии «Collets» за «Лучший роман Европы-93», литературной премии Л.Толстого «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» – 2004 г., премии «Лучшая книга года» 2005 г. (за роман «Коралловая Эфа»), премии Антона Дельвига – 2008 г. (роман «Коралловая Эфа»), премии «Пророк Мухаммад – Милость для Миров» – 2011 г., премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за «Лучший сценарий» (1991), премии В. Белова «Всё впереди» – 2011 г., премии В. Шукшина «Светлые души» – 2013 г., Всероссийской литературной премии им. Николая Лескова «Левша», номинация «Литературная публицистика», 2016 г., Бунинской премии, номинация «Поэзия», 2017 г. Автор 30 книг поэзии и прозы. По сценариям Т. Зульфикарова были поставлены 12 фильмов. Мировую известность получили фильмы: «Человек ухаживает за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) – МК в г. Дели, приз «Серебряный Павлин»; «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980) – Главный приз Московского МК; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) – приз «Золотая Сабля» – МК в г. Дамаске

Стрела Чингиз-хана

Глава 9-я из книги сказок

Милые друзья! Последние годы я работал над книгой сказок «МНЕ СНЯТСЯ ДАЛЁКИЕ СТРАНЫ, В КОТОРЫХ КОГДА-ТО Я ЖИЛ, И ВЫСОХШИЕ ОКЕАНЫ, В КОТОРЫХ Я РЫБОЙ СКОЛЬЗИЛ». Мне кажется, что эта книга соединяет ЗОРОАСТРИЗМ, БУДДИЗМ, ИУДАИЗМ, ХРИСТИАНСТВО, ИСЛАМ и древнейшие языческие верования горцев... Быть может, это Новое Учение о Любви, о котором мечтают мудрецы Индии... Герой книги – сказочный персонаж Хоркаш Бободжон перемещается из Эпохи египетских фараонов и пирамид в наше время паучьих сетей интернета, банков, атомных и секс-бомб, голых королей шоу-бизнеса и лживых лилипутов – правителей... В книгу вошло 20 сказок. Быть может, это наш православно – мусульманский ответ вездесущему Гарри Поттеру!.. Я посвящаю эти сказки моему Брату Антуану де Сент-Экзюпери ... Напрасно ищут обломки Его самолета на земле...

Они – на звёздах... Мудрецы Двух Миров говорят, что в Раю есть аэродром для таких самолётов... Злые люди – уходят в землю... к червям... // Добрые люди – уходят в небо... к звёздам... Но нет злых людей... Есть Злые Времена...

– Но!.. Но! – вдруг сурово заговорил Хоркаш-Бободжон, и лицо его застыло... стало резким... стало похожим на Лик Древнего Наскального Фараона-Воина...

Или – на Древнего Воительного Сфинкса...

– Поэт Ходжа Зульфикар...

Я ведь родом из бедуинов...

Из Древней Пустыни Сахро-Сахары...

Там нельзя быть не воином!.. Не воителем!..

Бедуины – это самураи Пустыни!.. да!.. да...

И вот я простился с печальным «Фестивалем Русской Сказки»...
И полетел далее на своем Хурджине над Россией...
Даааа...
Россия – страна Божественного Иисуса Христа!.. Воскресшего!.. Вечного!.. Учителя Человечества!..
Но Смиренного ли?..
Если бы был Он – Смиренным, разве казнили, распяли бы Его?..
Разве распинают Смиренных?..
Разве не Меч Истины нёс, воздвиг Он навека?..
Разве Голгофский Крест – не Меч Христа, Меч Бога, вонзённый в землю?..
Разве не говорил Он о смиреньи пред Богом, а не под сатаной?.. А?..
Разве Крест Христа – не Меч?..
... А Русские Люди – прекрасны!.. Чисты!.. Как таджикские родники... Божественны!.. Щедры!..
Исполнены вселенской Любви!..
И потому не отвечают на зло – злом... да!..
Но смиренные ныне, как мёртвые...
Но!..
Но разве, когда пришли Чингис-Хан, Наполеон, Гитлер – смиренны были Русские Сыны?..
Русские конницы?..
Русские рати?..
Русские полки?..
А нынче лютые внутренние и внешние враги окружили и пришли на тихую покорную Русь... да!..
...И вот я лечу от смиренного «Фестиваля Русской Сказки» над Русью Смиренной (Иль полу-мёртвой?) над смиренными русскими градами и деревнями, похожими на кладбища...
А сколько свежих смиренных кладбищ раскинулось на русской земле!.. Больше, чем во время Великой Отечественной Войны!..
Но!..
Но нет во мне овечьего смиренья!..
А есть во мне – Меч Христа!..
Хотя кипит во мне кровь бедуинов!..
Да!.. Да!.. Воистину!..
И я хочу отомстить бесам – ворогам Руси!..
О, Боже!.. Но как?.. Как?.. Как?..
... И вот я уже лечу над Москвой...
Ветер холодный несёт меня, кружит над Вавилоном кишацим...
Над Москвавилоном!..
Над Вавилоном убитой, украденной Советской Империи – ныне базаром многих беглых, несчастных, разорённых народов – инородцев!..
Был СССР! – стал Вавилон!.. Содом... Гоморра...
...Проезжая по нынешней Москве на своём седом осле тысячелетний Ходжа Насреддин, взирая на кишенье-базар разноликих разноязыких иноземцев, сказал:
– Москва напомнила мне кишацие улицы Вавилона...
И там, и тут пришлые люди не понимают, не чтут, не любят друг друга...
А коренные москвичи затонули в несметных лукавых волнах инородцев, как прибрежные деревни, кишлаки, града в половодье вешних бешеных рек...
Айххх!..
Вавилон погиб, потому что всякий спасал и любил только себя и своих близких...
Не стало любви в вавилонянах...
Москва грядёт вспять – к Вавилону...
Быстро!.. Скоро!.. Близко!..
И ещё мудрец сказал:
– Господь знает Один Язык – Язык Любви!..
А сатана – знает многие языки...

И там, где звучит множество языков – там он блаженствует... гуляет... ликует...
Неистово витийствует...
И ещё мудрец тысячелетний сказал:
– Я бродил с моим братом Данте и с древним поэтом-адоэзатцем Вергилием – по Кругам Ада...
Если их выпрямить – будут улицы, проспекты Москвавилона...
Айххх!..
Но!..
Хоркаш-Бободжон передохнул... печально улыбнулся...
– Но подо мной плывут золотые купола церквей – и я ликую... радуюсь... молюсь...
Но вот вонзаются в глаза мои, в меня, в душу мою, хладные острия банков – вампиров...
банков... банков...
И банков во много раз боле, чем храмов...
Храмы живота торжествуют над храмами души!.. да! да!..
Ходжа Насреддин сказал: «Банки – тромбы в теле человечества... каменные запруды на вольных реках...»
И тогда я стражду... маюсь... теряюсь...
Чтó это?..
Москва – не тёплый душевный Храмоград...
Москва – ледяной чужой банкоград...
Москва – не град души...
Москва – град живота...
Да?.. да!.. даааа...
Но что это?..
Какая-то Исполинская Башня!.. Колосс!..
Огненновспыхивающая адова Игла едва не проткнула, не пронзила мой летающий Хурджин...
О, Боже!..
Это была Она!.. Останкинская Телевавилонская Башня!..
Да!.. Я много слышал о ней, и вот увидел...
...Как говорит Ходжа Насреддин: «Останкинская Телевавилонская Башня – это Зубочистка во рту гнилой Власти...
Это исполинский Калам-перо-авторучка в руках шайтана...
Которой он пишет свои дьявольские блудливые письма на чистых душах человеческих... да!.. да!.. да!..»
И вот этот Калам плыл подо мной...
...Тогда я, устав от воздушного долгого полёта, опустился на московскую землю и сел передохнуть на какую-то сырью скамью...
Пустынно вокруг... уже ночь пришла... Ночь Вавилона!..
Где вольно вора, хищникам, убийцам, лжецам... дааа!..
И вдруг услышал какие-то всхлипы...
Как будто обиженный, брошенный ребёнок рыдал...
Но никого не было окрест...
Кто же рыдает?..
...Я заглянул под скамейку и ужаснулся:
Там был нагой череп... Он-то и рыдал...
Слёзы текли по бывшим щекам, а ныне перламутровым костям...
...Плачущий череп!.. О, Боже!..
Шекспир – любитель крови и черепов – и тот бы содрогнулся!..
О, Всевышний!.. Куда забрёл я?.. Помилуй меня...
Не заболел ли я, не сошёл ли я с ума от долгого путешествия над Россией, над чёрной землёй, над бурьянами, над «Фестивалем Русской Сказки»?..
Тут легко занемочь... заболеть... помереть...
Мудрец сказал:
«...Россия нынешняя – не для жизни, а для смерти... для Царствия Небесного...»
Старый врач Авиценна сказал: «Тут созданы условия, несовместимые с жизнью человека...»

Я замер...
... Но тут Череп перестал всхлипывать и зашептал горячо:
– О, путник!.. Ты видишь эту сатанинскую Вавилонскую Башню?..
Отсюда идут на смиренную Русь волны ...океаны лжи... блуда... греха... смерти... небытия...
И вот я – а меня зовут Ваня Грозный – и я прямой потомок огнепального царя Иоанна Грозного...
И Его праведный Огонь возгорелся во мне, и я взял лопату, как некогда мой Великий Предок взял
Опричную Метлу, собачью голову и секиру, и пошёл к Останкинской Вавилонской Телебашне, что-
бы срыть, убрать её с несчастной Русской Земли нашей!..
Как чирей с лика младенца...
О, Боже!.. О, Христос Воитель!..
Я – один... с лопатой... против кишасей бесами, как древо тлями, донебесной Телебашни!..
И что я смог сделать?..
Дон Кихот с лопатой... против атомного... электронного... компьютерного... лазерного... сатаны...
И тут вечнопьяный, нивесть откуда взявшийся в Кремле Правитель-узурпатор Руси смиренной
Хайльцин послал на меня сто огнедышащих танков и тысячу стрелков – автоматчиков...
Он был демократ... либерал...
Он приказал густопсовым, густопьяным басом:
– В голову не стрелять!.. Надо, понимаешь, быть гуманистом!.. Ха-ха!..
И! Тысячи пуль пролетели через незащитное тело моё (я отмахивался от них жалкой лопатой, как
от стаи разъяренных ос... ос... ос...), ободрав, оборвав, обворовав мою бедную персть-плоть... жизнь...
Даже скелет мой был разрушен, разъят... развезён ... костей не осталось... они стали мукой...
Но голову мою не тронули... демократы!..
Остался только голый череп...
И вот он говорит с тобой, жалуется тебе, о, мой странник...
Но кто услышит жалобы убитых?..
Кто отомстит за нас, безвинных?..
В стране смиренных?..
...Тогда я закричал:
– Я отомщу!..
Я – из гордых воинственных племен бедуинов!..
Я пришёл из пустыни, где веют бешеные самумы, и заматают царства, и цивилизации лжи и
блуда!..
Пески – это Мечь Аллаха!..
Да!.. да!.. да!.. Айхххй!..
И я принес на Русь эти Самумы Истины!.. Эти Пески Бога!..
Айххххх!..
Я торопился, чтобы жалость не взяла мою душу... а она уже подкрадывалась, как ночная травя-
ная змея – гюрза...
...И я быстро взял Хурджин и пошел к Телебашне...
И вот я у подножья её...
О, Всевышний!.. Дай мне силы отомстить шайтанам!..
...А Вавилонская Телебашня вся в огнях!..
И вся заполнена пьяными людьми, кишит ресторанами!.. Как улей!..
Только это не улей медовых пчёл, а улей жалящих скорпионов... змей... ос... бесов...
И!.. Из неё несется музыка адских музыкантов!
Тех самых!..
Я послал их в ад – и вот они здесь!.. Ибо здесь ад...
И отовсюду слышится поголовная погромная кошачья английская речь!..
Там гуляют иностранцы!..
А молитва говорит:
«Спаси меня от ночного страха... от ночной стрелы...от нашествия инородцев!..»
О, Боже!..
... Я стою у самой кипящей кишасей Телевышки...
Я маюсь...

Мне жаль всех...
 И бесов тоже... Змея жалости уже ужалила меня...
 И я вспоминаю Вавилонскую Башню... Ту!.. Самую!..
 Старцы-мудрецы говорят, что в толпе Её архитекторов стоял сам шайтан, что Её строил сам сатана...

А разрушил Бог... да!... да... да!..
 Но!..
 Я страдаю... и нерешительно опускаю Хурджин на землю...
 Но!..
 О, Боже!..
 Что это?..

Кто-то пляшет, вертится на самой вершине Башни, на самом Острие, под дьявольский грохочущий рок-н-ролл!..
 О!.. Ойхххх!..
 Кто же это?.. Какой-то «экстремал?!»... Высотник!.. Безумец!.. Смертник!..
 О, Боже!.. Как он туда забрался?.. Чтобы сделать фото «селфи»?..
 Мне страшно стало за него!..
 Какой-то опьянённый незрелый мальчишка?..
 Но потом я разглядел его...
 И узнал!..
 О, Боже!.. Он и здесь!..
 Да это же Гарри Поттер победоносно пляшет на верхушке Телебашни!..
 Хозяин чистых открытых детских душ гуляет!..
 Ему весело!.. вольготно!..
 Это он убил, усыпил, упоил дивных Героев русских сказок!..
 ... О, Господь! Помоги мне!.. Против этих растлителей – бесов!..
 Ойххх!..

Тогда я решительно поднимаю с земли Хурджин, и направляю, нацеливаю Его на Вавилонскую Кишащую Телебашню, и пронзаю, протыкаю Хурджин Красным Острием Медной Иглы, и яростно шепчу древнее заклинание пустыни:
 – Злой одноглазый Верблюд Циклон – Циклоп! Выходи!..
 Самум, мети! Верблюд вставай на все четыре ноги!..
 Я молюсь: только бы Хурджин не подвел меня!..
 Ойхххх!..
 ...Но не подвел!..
 О, Боже!..
 Началось!..
 И Океанский тайфун с диким свистом-рёвом бешено вырывается, выскакивает из Хурджина!..
 Так застоявшийся обречённый бык вылетает на слепящую арену «тавромахии» из тёмного сарая!.. да!..
 Самум, мети!
 Потоп песков, лети!..
 Пески – Месть Бога за великие грехи!..
 И откуда-то, в чистом московском небе, являются, набегают тучи, из коих сыплется не дождь, а песок...
 Дааааа... Гой!.. Айда!.. Гойда!..
 И запахло океанским солёным ветром!..
 И крики чаек и стоны альбатросов донеслись, хотя птиц не было видно в свежем тумане...
 Гойда!..
 Мне почудилось, что это чайки кричали: Гойда!..
 О!.. Бедные москвичи! Они ж не видели... не знали никогда Самума... песчаного дождя-потопа и океанского смертельного ветра...
 О, Боже!..
 Но пустыни и океаны вздымаются и приходят на города греха!.. да!.. да...

Так повелел Хозяин Всех Пустынь!.. Всех океанов!.. И всех городов!.. да!..
Ойхххх!.. Да будет так!..
Пески заметают погребают наши грехи!..
И – увы – нас!.. нас!.. нас!.. вместе с грехами нашими...
...И вот уже сверкающая кишачая Вавилонская Телебашня с пляшущим Гарри Поттером на вершине вырывается, выскакивает из Земли, как дерево-исполин с корнями, с подземными кафе и гаражами, как нефтяной столп-струя...
И, распластавшись, как огненная ракета, под грохот адской музыки рвётся, несётся, плывёт, летит в бушующих небесах-песках...
О, Всевышний!..
Как страшно!..
Как прекрасно!..
А Огненный Корабль восходит в небо... бушует!..
Ойхххх!..
О, Боже!.. Но что это?!..
А на дне котлована, оставшегося от Башни – извивается, колышется огромный Червь-Змея!..
Московские старцы говорят, что это сам сатана в одном из своих обличий...
Это он питает Башню!..
И компьютер... и ТВ... и СМИ... Уйииии!..
Айхххх!..
...И тогда я кричу с земли, но кто слышит меня:
– Эй, Гарри Поттер!
Со всеми своими англоманами-англофилами-демократами-экономистами... либералами... шоу-королями...
С адскими музыкантами!..
С голливудскими песнями и вставными улыбками!..
С долларами!..
С политологами!..
С сексологами!..
С футурологами!..
Возвращайтесь домой!..
В родную туманную Англию!.. На сытый Запад!.. В USA!..
Оставьте смиренную Русь!.. Айхххх!..
Оставьте «Фестиваль Русской сказки»!..
Ойхххх!.. Айхххх!..
...Тут Хоркаш-Бободжон вдруг замолк... устал... охрип... увял...
Потому что Останкинская Горящая Летящая Телебашня доселе разрывала его маленькую плоть и вселюбящую душу...
Но потом он взмолился:
– О, Всевышний!.. О, Всемилосердный!..
Но Ты же милуешь жалеешь всех!.. И Добрых!.. И злых!..
И мне вдруг остро жаль стало тех улетающих во Вселенную заблудших людей и пляшущего Гарри Поттера!.. – шептал он.
Я стал обнимать его:
– Учитель... у Вас русская, необъятная, душа...
Вам всех жаль!..
Даже бесов!.. Потому русский православный хрустальный народ и страдалец-бедняк, что ему всех жаль...
И бывает, что сирийских детишек под огнем войны, русскому человеку более жаль, чем одиноких старушек в заброшенных деревнях... Ах!..
Учитель, пойдете ко мне... пить зелёный чай и древнее живучее кипучее пурпурное маковое вино поэтов «мусаллас»... которое заживо уносит нас в рай...
Но!..

Но маленький, восхитительно воинственный Волшебник в белопенной чалме и гранатовом халате не унимался и зашептал горячо:

– О, мой поэт... мудрец Ходжа Зульфикар...

Когда Останкинская Вавилонская Башня полетела, понеслась Огненной Ракетой в ночном московском небе... протянулась над моей головой...

Я вдруг понял, что это гибельная многовековая Стрела Чингис-Хана и доселе летит над Русью...

В Русскую кроткую Душу!..

В Русскую жизнь!..

В Русскую Историю!..

В Русское горло!..

В Русское сердце!..

В Русское дыханье!..

В русскую избу и в Икону!..

Да!.. да!.. Воистину!..

Но теперь эта Стрела Смерти летит на Русь с Запада!

И несёт доллары... бизнес... компьютер... джинсы... Голливуд... рок-н-ролл... Однополые браки... секс... порнографию... политкорректность...

Айхххх!..

А ведь эта Адова Стрела Смерти некогда, восемь веков назад, мчалась на Запад!.. в Европу!..

Пенные! Бешеные конницы несли Эту Стрелу!..

И в страну!.. в горло!.. в душу Гарри Поттера...летела Эта Стрела!..

Но!..

Русские витязи-воители самоотверженно остановили своими жизнями, своей Кровью, эту страшную Стрелу и спасли сытую, тихую, овечью Европу!.. И Гарри Поттера!..

В Океане Русской Крови завязла, затонула Эта Стрела!..

Да!.. да...

Но!.. но!.. но!..

Так пусть теперь эта Стрела – Саранча азиатских, кишачих, многорождающих народов летит в Европу!..

И в Америку!..

Через океан!..

Да?.. Да!.. да...

Хватит Руси Святой быть Щитом!.. Якорем!.. Мишенью!.. Жертвенным Агнцем!..

Айххххй!..

Хватит!..

Но!..

... Но, поэт, пойдем пить «мусаллас»!..

Иначе голова моя развалится... разобьётся... треснет... от Стрелы летящей Этой...

Или станет, как череп московский, как рыдающий потомок царя Ивана Грозного... да!.. да!.. да...

...Я обнял усталого маленького кукольного Воина Добра и зашептал:

– А моя голова давно треснула, замутилась от адовой Стрелы Этой...

Да!.. да!.. да...

И я сбежал от Неё в далекий горный кишлак... и встретил здесь тебя... моего спасителя...

...И мы пошли с Хоркашем-Бободжоном в мою нищую, но всё ещё веселую саманную кибитку, пить древний курчавый райский маковый пурпурный «мусаллас» – вино сладчайшего вечного забвенья...

...Брат, осушай пиалу!.. пиалы!..

Ты уже бредёшь ... в маках наслажденья... в садах райского забвенья...

А забвенье приближает нас к небесам... к звёздам... где наслажденье – выше Рая...

К Всевышнему, где царит Вечная Радость...

Да!.. да!.. да...

Только Он спасёт нас от всех стрел смерти...

И введёт в Сады Вечных Звёзд...

Только Он!..

...И мы пришли в мою кибитку, и выпили «мусалласа», и я вздохнул:
– Учитель!.. Шейх!.. Древний мудрец-колокол-колодец-оазис пустынь!..
Ваш рассказ о Руси опечалил меня, ведь моя матушка – русская...
И хоть в старости я ушёл в Азию тиховойно, блаженно умирать вдали от Руси – но душа моя там... страждет... мается, как свежепойманная куница... иль птица...
И я пойду рыдать в медный таз...
А что ещё я могу сделать в свои 80 лет?..
Да и кто нынче слушает поэтов?.. мудрецов?.. учителей?.. Среди полуголых пляшущих глумословов?.. обезьян?..
Айхххх!..
«Жизнь – это вино... но в старости – оно прокисло...
Но ты его по капле пьёшь – хоть в этом нет ни капли смысла...»
...Я прочитал это двестише, встал, покраснев от пурпурного «мусалласа», чтобы пойти к медному тазу, но Старец, улыбнувшись, остановил меня:
– Подожди, поэт! Я не рассказал тебе главное... весёлое... святое...
Да!.. Есть и на земле Истина!..
И Она добывается мечом!..
...Когда я летел назад, в Таджикию, и пролетал опять над валдайским «Фестивалем Русской Сказки», я увидел на дороге разбитый, покоробленный, полосатый американский лимузин-динозавр...
Около него хлопотал, маялся не менее помятый грустный господин USA... Полосатый костюм на нём был разорван, обнажив хилую плоть... Лицо было в свежих синяках, как дерево в переспелых сливах!..
А по дороге, распевая старинную русскую песню «Мы русские – и с нами Бог!» брела златовласая, лазеревоокая Василиса Прекрасная!..
И она нежно помахала мне рукой в небеса и запела:
– Доброго пути, Восточный мудрец!.. Которого так любит Русь-Азья!..
На Западе – Русь – обезьяна... жалкая...
А в Азии – Медведица!.. Могучая!..
А я знаю, что ты любишь медведей!..
Азия – любит медведей...
А Русь – любит Азию...
...О, Боже!.. Как я обрадовался!..
Я даже хотел спуститься с небес к Ней...
Она – настоящая бедуинка!.. Но в руках у неё была... монтировка!..
Меч Христа!.. Русская Дубинка!.. Которая изгнала Гитлера... Наполеона... Чингис-хана... Изгонит – и Американца!..
Когда мужи пьют водку и не берут в руки Меч Справедливости, тогда жены берут монтировки...
Русские жёны – воинственные бедуинки!..
Так Василиса Прекрасная стала Василисой Воинствующей!.. Да!.. да!..
Так Красота стала Оружием!..
Не зря мудрец сказал: «Красота спасёт мир!»...
Иногда монтировка в руках жён – сильней атомной бомбы...
Империя Америка, опьянев от всесилья, хочет покорить весь мир с помощью атомной бомбы и доллара – но погибнет, как все Империи, от жён с монтировкой... с дубинкой...
Да?.. Да!.. Да...
Я – не злодей... Я люблю Америку...
Но она не внемлет пророчествам мудрецов... а повинуется бреду безумных банкиров и лжи и блуду деньгопоклонников-политологов...
Всякая империя – это акула... Акула живёт – пока движется...
Иначе – смерть!..
Империи живы – пока двигаются, воюют, угнетают, воруют, убивают!..
Как только они останавливаются от избытка пролитой крови – они погибают!.. Уходят на Дно Истории!..
Таковы нынче USA и Китай... Две Акулы...

...Я удивился... я ушёл от политики в дальние ущелья, где нет СМИ, ТВ, Интернета...
 Но Политика – это Всемирное землетрясение – как уйти, спрятаться от него?..
 И вот древний Суфий Мудрости, опьянев от мусалласа, шепчет мне русские пословицы:
 «На троне вор – в стране мор...»... «Будешь спать – украдут и кровать!...»..
 «Нет хаты с краю, когда весь мир на краю краха!..»
 ...Тут Хоркаш-Бободжон захмелел... поплыл... затуманился...
 Оказывается, и вечные мудрецы волшебники любят быстротленное вино забвенья...
 – Поэт, налей нам еще «мусалласа»!..
 Пусть пурпурные маки Рая качаются в головах наших!..
 Выпьем за Красоту с Оружием в руках!
 За Русь Святую!..
 За Воительницу Василису Прекрасную!.. да!.. да... Дааааа...
 О! Как прекрасно пить блаженное вино за Василису Прекрасную!..
 Война со злом – это Святое Божье Вино!..
 Но трусы и лгуны не пьют Его!..
 Аааа!..
 ...Уже ночь была... густая... хладные звёзды остро сверкали...
 Я вспомнил рассказы старых пастухов, которые помнят легенды-были древних пастухов, которые некогда пасли стада на звёздах...
 Зимой на звёздах тоже выпадает снег...
 Звёзды зимние ледяные... Зимние звёзды ярче горят...
 Я тоже сладко горел от «мусалласа»...
 ...Я сказал Хоркашу-Бободжону:
 – Учитель, оставайтесь у меня... Холодно зимой спать в дупле древней балхской шелковицы...
 А мне, на моё восьмидесятилетие, подарили много одеял... вместо одного савана... правда, я раздал их беднякам...
 Я нежно обнял Старца... от Него пахло вином...
 Но он помахал хмельной головой в белопенной чалме:
 – Там меня ждут: сова-сплюшка Клеопатра... и сверчок Навуходносор...
 Клеопатра щедро, влюбленно рассказывает мне ночные сказки-воспоминанья о Древнем Египте...
 О том, как была Царицей в далёком перерождении...
 И мне открываются в зимних снах неслыханные дали... дали...
 А сверчок вспоминает, как был богатым грозным всеильным Царем...
 Но в бесконечных сластолюбивых пирах забыл о своем бедном народе, и за это Всевышний покарал Его...
 И превратил в сверчка!..
 Только имя от Него осталось... как брошенная кожа-чешуя от змеи...
 И такая судьба ждёт многих нынешних властителей-тиранов... забывших в сладкой слепой роскоши о своих горьких нищих народах...
 О, Творец!.. А есть ли ныне истинные пастухи властители?..
 И были ли?.. Иль это сладкие легенды... сказки... сны...
 Айхххх!.. Ойхххх!..
 Но как блаженно бродить в прошлых днях!..
 ...Хоркаш-Бободжон закрыл сонные глаза:
 – И я зачарованно слушаю их сказки, и разворачиваю свою необъятную чалму, и закутываюсь в неё... В ней тепло...
 Такие чалмы служат странникам и одеялом... и саваном...
 О, Всевышний!
 Я устал от жизни... от бессмертия... от страданья безвинных людей... от холодных одеял судьбы...
 И где мой тёплый саван?.. сладкий?.. моё последнее земное одеяло!..
 Господь, Ты не даёшь его мне...
 А?.. А?.. Ааааа...
 ...Да... да... да... я что-то пьян... Ха-ха!..

Не пойму... где голова моя... а где кувшин с «мусалласом»?..
Ведь голова пианист – это блаженный кувшин с вином... ааааа...
А, может, в этом и заключено всё счастье земного бытия?.. А?.. А?.. А?..
И об этом говорил тайком мой брат Омар Хайям... А теперь открыто говорят, поют все... А?..
Мир погружается в ветхое стаслолюбивое язычество... в царство сладкой плоти...
И Хоркаш-Бободжон, блаженно качаясь, улыбаясь, встал, обнял меня, вышел из кибитки и про-
пал в ночи...
О, Хозяин Дня и Ночи!..
...Я всегда удивляюсь, как мгновенно Волшебник растворяется в ночи... словно в небо улетает...
Но он же Чудо-Старец... Древний... Вечный...
А мы скоротечные... скоротленные... Но хмельные... весёлые...
Слепцы!..
Пока не пришла долгожданная Гостья-Цыганка Вечно Пианая Последняя... И не принесла Пиалу
с мусалласом последним!..
Пей, сынок... сурок... вот и истекло время твоё...
Ведь Смерть – это Вино Сладчайшее Блаженное Последнее!..
А похмелье вечное – будет в Раю!
О, Творец!..
Как же грустно и больно человеку, которому Ты даёшь бессмертие!..
...Хоркаш-Бободжон ушёл...
А древний Хурджин с Медной Иглой остался в моей кибитке...
Я, опьяненный, со страхом глядел на Хурджин, таящий страшные самумы... бури возмездия...
И вспомнил: «Пустыни и океаны приходят на города и народы греха!..» Да!.. да...
Пески летучие, победные и воды крошечные – Месть Всевышнего!.. Да!..
Но разве Всевышний – не Океан Добра?..
Но разве Всевышний – не Солнце, которое светит всем – и добрым, и злым?.. Да!..
...Или Хоркаш – Бободжон, опьянев от вина, забыл Хурджин...
Или доверчиво оставил мне это Страшное Оружие...
Не знаю... не знаю... не знаю...
А от «мусалласа» голова моя тоже блаженно плыла в пурпурных качающихся пианых маках...
маках...
Рай это был?.. Иль забвенья ада?..
Иль мак соединяет Рай и ад?..
Не знаю...
Но мне чудилось, что я близко стою к Раю – за райской, сладкой, в цветущих сиренях, оградой...
Айхххх!... Ойххххх!..
...Сон!.. сон... обнимаю... спасай... бери меня... дай хоть во сне тихо, неслышно, летуче пере-
лезть, перебраться, перелететь через Ограду Рая...
А близко!.. близко... близко... я чую запах пьянящих белоснежных сиреней и терпких сапфир-
ных гиацинтов Рая!..
Ах, «мусаллас»! Посланник Рая!.. Иль вестник ада...
Я засыпаю под древним бухарским одеялом...
Я сам уже, как одеяло...
Два одеяла засыпают...
...Но кто-то стучится в мою хлипкую дверь, и нежно, сонно плывут, входят четверо:
– Поэт!.. Брат!.. Нас прислал Хоркаш-Бободжон...
Он сказал, что ты ждёшь нас... скучаешь без нас...
В Раю бывает тоже скучно и одиноко...
И мы сходим... спускаемся к вам, к земным... к дышащим... к мгновенным...
Поэт!.. Певец вина, друзей и жён!..
Говорят, что у тебя ещё остался «мусаллас»?..
И мы с небес чутко уловили его божественный запах... аромат земного Рая... Ведь Рай бывает и
на Земле...

...О, Боже!.. Кто они?.. Иль уже маковый сон объял меня...
 Иль это сладкая явь?.. по которой так тоскую я... в земном одиночестве моём...
 Но!..
 Я вглядываюсь... и узнаю их...
 Я видел их – вечноживых – во снах...
 И на картинках древних живописцев... да...
 Это Хафиз...
 Это Омар Хайям...
 Это Пушкин... Ещё курчавый... Ещё не убитый...
 Ведь смерть выпрямляет кудри...
 Это Сергей Есенин... вечноулыбчивохмельной... И тоже ещё не убитый и потому кудрявый...
 Он любит Восток... и русское вино...
 А теперь пришёл отведать наш «мусаллас»...
 Айхххх!.. Как блаженно!..
 Вот Они – мои вечные друзья!..
 И что Господь расселил, разлучил нас по разным народам и векам?..
 ... О, древнее вино поэтов – «мусаллас»!..
 Кто породил тебя?..
 Но!.. Увы!.. Увы!.. Увы!..
 Но на земле уже никто не знает тайны его рождения...
 Где его виноград?.. Где его винодел?.. Нет их...
 Может, Сам Творец породил – сотворил его?..
 Вначале вино – а потом из вина – поэта?..
 Всех человекoв Господь лепил из глины, а из вина – поэтов?.. А?..
 ...Но кто-то принёс в мою кибитку Последний Кувшин «мусалласа»...
 Кто?.. Не знаю...
 Может быть, Хоркаш-Бободжон?..
 О, Боже!.. О, Последний Кувшин Древнего Вина Поэтов!..
 О, Последний Поэт на Земле, где все объяты алчностью денег и телесных угод, и никто не слышит
 божьих Певцов-Поэтов-Соловьев!..
 О, Боже!..
 Да не прольётся навек Древнее Вино!..
 Да не умрёт навек Древняя Поэзия!..
 Да будут вечно сходить к нам, к земным, небесные Хмельные Поэты!..
 И пить с нами «мусаллас» – Вино Вечности... Вино Бессмертия!..
 ... А пока я «мусаллас» в пиалы разливаю...
 Рука дрожит...
 Пиалы наполняются...
 Нас пятеро...
 В ковчежце моём...
 В кибитке глиняной саманной
 Куда-то во Вселенную летящей...
 Да!.. И Сама Вселенная куда-то летит... Звёздами рассыпается...
 Да не рассыплется!..
 И!..
 Ещё не пригубив блаженные пиалы,
 Поэты вечные
 Мне, как родные хмельные братья,
 Улыбаются...
 Улыбаются...
 Долгожданные...
 И тает одиночество моё
 Как мусаллас в пиалах...

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в Украине, город Коропень. Вырос на Сахалине. В Воронеже с 1956-го. Окончил филфак ВГУ. С 1966 года работал электриком-осветителем, грузчиком, был сборщиком покрышек (шинный завод), редактором в многотиражных заводских газетах. В течение 1980-1991 гг. – редактор отдела прозы воронежского журнала «Подъём», зам. председателя правления отделения Союза писателей СССР, с 1993 по 2009 гг. – главный редактор журнала «Воронеж», с 2014 и по н.в. – редактор газеты «За кадры» Воронежского аграрного университета им. императора Петра I, член правления регионального отделения Союза писателей России. Автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве – «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах «Подъём», «Берега», «Север», «Волга-XXI век», «Сура», «Гостинный дворъ», «Москва» – с повестями «Гололед среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка» и другими. Лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 г. году, дипломант журнала «Берега» за 2017 год. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству».

Пан Пивак

Повесть

1

Благочестивый царь Фёдор Иоаннович четыре века назад с покаянным вздохом отказал в одной особой просьбе Джильсу Флэтчеру, посланнику королевы Елисаветы: сей досточтимый сэръ передал ему пожелание своей последней из династии Тюдоров безбрачной управительницы предоставить англичанам перед всеми иными заморскими купцами монополию на беспошлинную торговлю в Московии. Получив смиренный отказ, Флэтчер в сатирическом запале написал книжицу «О Русском Государстве». И в ней наши всякие разные нравы да обычаи первым из иностранцев карикатурно представил в живости.

Так родилась русофобия...

Правда, Елисавета не только повелела книжицу Флэтчерову «за перегибы» показательно запретить, дабы не ранить смиренного «брата» Фёдора, но, более того, в наказание сурово отставила Джильса в его настырном соискательстве заветного звания придворного историографа. Так выше должности городского секретаря в Лондоне злоязычный Флэтчер с тех пор и не поднялся.

Эти факты поведал нам Василий Васильевич, главный редактор воронежского журнала «Лики жизни», вручая нам авиабилеты на рейс Москва-Прага: мне, заму по особым вопросам, а также Вальке Романову, первому аналитическому перу нашей постоянной публицистической колонки «Народ правду знает», и молодому фотографу Илюше Гаршину, стоявшему на пороге мировой известности. Ко всему прочему нам был дан наказ на месте осмотреться, насколько нынешние «флэтчеры» преуспели относительно своего аглицкого прародителя. Чехию Василий Васильевич выбрал для подступа к теме, как одно из достаточно спокойных в отношении путинской России европейских государств. Разъярённые Польша, Литва и Украина были на очереди, с оглядкой.

«На дорожку» Василий Васильевич напутствовал наш спаянный коллектив по-военному коротко и убедительно: «Кто-то активно раскачивает лодку худого европейского мира. Наш журнал не имеет права оставаться в стороне. Тем более в свете предстоящих президентских выборов».

А шеф у нас человек особого замеса: бывший командир роты спецназа ВДВ. Дворец Амина штурмовал в декабре далёкого семьдесят девятого. И ещё у него до сих пор на лице нервный тик с тех пор, как заговорщики в Беловежской пуще Советский Союз без единого выстрела завалили. При всём, при том Василий Васильевич эту свою мимическую аномалию не лечит. Более того, почитает её как достойное наказание за его личное попустительство в разгроме СССР.

В качестве духовного ориентира Василий Васильевич дал нам на дорожку прочитать в социальных сетях письмо одной известной украинской писательницы: «Все правительства и народы сегодня ненавидят русских. Ими страшают непослушных детей. Как раковая опухоль, русские пускают вокруг себя всё новые и новые метастазы путинской агрессивности. Это неизлечимая имперская болезнь. К счастью, украинцы, поляки, болгары, чехи и так далее такого качества лишены. Славянских братьев у русских нет! Белорусы и сербы вот-вот тоже отвернутся от них навсегда! Они отщепенцы на обочине, та поганая овца, что всё стадо портит».

– Ну, что тут сказать? – глухо проговорил Василий Васильевич, прикрывая ладонью свою судорожную щёку. – Я в семидесятые прошлого века служил на Украине... И уже тогда стал замечать, что там исподволь назревает нечто неладное...

Василий Васильевич напряжённо посуровел:

– Помню, как в Киеве вечерами в парках над Днепром стали собираться хлопцы в вышиванках, что-то пели, читали вслух... Как теперь понимаю, Шухевича с Бандерой. При встрече и расставании вскидывали руку... На всяких разных общественных мероприятиях флаг России стали нести чуть ли не самым последним. Великого Кобзаря норовили толковать как разоблачителя москалей-завоевателей... А тамошний КГБ и милиция делали вид, что ничего настораживающего не происходит. В свою очередь, украинское лобби в ЦК КПСС блокировало все попытки принять в этом плане должные меры. Лично я не мог молчать и написал рапорт о таких странных политических явлениях. И толку? Меня обвинили в имперском национализме и турнули со службы...»

2

В салоне подлатанного старичка «Боинга», задарма приобретённого на заре перестройки в Штатах по разряду металлолома будущими олигархами, пассажирский народ сидел просторно: с эдакой вальяжностью, как в эксклюзивном кинозале. Мы тоже расположились, словно перед началом сеанса. И он начался, когда самолёт взлетел. Это был запоминающийся сеанс. В нём участвовали небо, облака, стюардессы и джин. Кажется, не палёный.

Моим соседом оказался поляк, судя по его приветствию в мой адрес: «Битам...» Так что с первой минуты я стал ждать, что он в духе времени тотчас начнёт требовать с меня покаяния за Катынь и гибель под Смоленском самолёта президента Польши. Не исключалась и тема Гришки Отрепьева, который с полячкой пани Мнишек некогда вступил в пределы Московские под своими победными красными знамёнами для возвращения Руси в пределы цивилизованного мира.

Однако мой сосед спасительно молчал всю дорогу. И его молчание вовсе не было русофобским. Он мирно дремал. Даже когда «Боинг» стал активно снижаться, так что у всех у нас обморочно перехватило дыхание, и сел. С пугающим треском. И по традиции – под бодрые аплодисменты пассажиров в честь мастерства первого пилота. Словно в финале волнующей пьесы, в которой главные герои счастливо избегают гибели.

В Пражском аэропорту я был готов ко всему. Скажем, перетряхнуть свою поклажу или по первому требованию раздеться догола. Однако добродушные таможенники никак не спешили заподозрить во мне русского шпиона. Они даже ни разу не заглянули в мой чемодан с воинственной камуфляжной расцветкой. Они лишь просветили его на бегущей ленте рентгеновской установкой, вежливо предложив мне посторониться подальше от лучей радиации.

В зале ожидания к нам тотчас подошла высокая, полная и красивая девушка в очень открытом платье. Елена, жена младшего сына нашего шефа от его третьей жены. После окончания Оксфорда, молодой человек занялся бизнесом в Чехии, но жил в основном в Лондоне.

– Это – вы? – не столько сказала она, сколько построила фразу, невольно доказывая этим, что отвыкнуть от родного языка в чужих пенатах много времени не требуется.

– Это мы! – вдохновенно сказал я и пожал ей руку, а потом, как спохватившись, ещё и поцеловал. Из-за суетности куда-то в середину предплечья, почти в то место, откуда берут из вены кровь на анализ.

Со стороны это могло показаться признаком скрытого вампиризма русского человека, но на нас, к счастью, никто не обратил внимания.

Только Елена в момент поцелуя гортанно воскликнула «О-о-о!!!» и откинула голову, показав нам всю прелесть своей красивой, полной и ровно загоревшей шеи.

Валентин и Илья тотчас повторили мой жест, но с большей галантностью и естественностью. Тем не менее, стало очевидно, что никто из нас не умеет это делать как следует. Однако всё испукала наша искренность. Илья так тот даже трижды поцеловал руку красивой и очень обнажённой Елены.

Вообще-то в той сутолоке, которая возникает в аэропорту, когда трёхсотместный самолёт опустошается от своих пассажиров, мы держались достаточно неплохо. Валентин явно превзошёл сам себя и после того, как все мы пожалы и поцеловали красивую полную руку Лены, ещё и порывисто обнял её. И хотя он был на две головы ниже Лены, это не показалось очень смешным и ничего не испортило в тёплой ауре нашей встречи.

– О-о-о! – лишь снова вскрикнула юная родственница шефа.

На этом всем нам следовало бы остановиться. Но мы как заведённые потянулись каждый обнять её в свою очередь. Словно это входило в некий международный код толерантности, и мы должны были его исполнить во что бы то ни стало, чтобы ни на йоту не уронить собственное репутацию. Скорее всего, этим приступом жарких объятий мы на бессознательном ритуальном уровне решили немедленно и по полной программе продемонстрировать широту русской души. Хотя я был в смысле национальности украинцем, Валентин белорусом, а Илья евреем.

Как бы там ни было, тотчас после Валентина девушку обнял Илья, а потом и я. Но так как я внешне был самый крепкий и крупный в нашей группе, и вообще выделялся в масштабах многолюдья пражского аэропорта пропорциями истинного русского медведя, Лена как бы нечаянно отстранилась. Я, было, по «непонятке» вновь настойчиво сунулся к ней со своим борцовским захватом а-ля Иван Поддубный, но она ловко увильнула и на этот раз. Правда, достаточно неуклюже. Могла даже упасть.

– Остыньте, мужики! – первым спохватился, как придя в себя, наш Романов. – Совсем девку затискали. Что же с вами через два дня будет? Опасный народ, эти русские!

Я покаянно склонил свою мощно улыбающуюся голову и развёл руками.

– Лена, а как вы так сразу узнали нас?..

– Это трудно объяснить... Не знаю... Только русские за границей всегда чем-то особым отличаются в любой толпе, – покраснела она.

– А вы – русская? – хмыкнул Илья.

– Да, – чуть ли не до слёз смутилась Лена, в которой явно преобладали армянские черты с возможными вкраплениями бурятских генов.

Вскоре возле ожидавшей нас чёрной «Татры» она простилась с нами, и я машинально отметил, с каким облегчением это было сделано. Она без сожаления распрощалась с соотечественниками.

Водитель «Татры» строго обошёл машину и бдительно проверил, как мы закрыли двери. Он явно беспокоился за нашу безопасность. В его стиле была езда жёсткая, атакующая. Ведь нам подали ту самую знаменитую раритетную «Татру-613» образца конца девяностых прошлого века. Длинная и крупная. Седан с итальянским дизайном, похожий на лифтбек благодаря просто фантастическим «плавникам» вдоль заднего стекла. Плюс две выхлопные трубы для огнедышащего стасемидесятисильного движка. Крейсерская скорость – сто девяносто. Это не автомобиль для ежедневной езды. На такой «тачке» представительского уровня в СССР в своё время барражировал только заместитель Председателя КГБ СССР генерал-лейтенант, фамилию которого всё-таки лучше и посейчас не поминать всуе.

– Гагарин Гагариным, но ваши знаменитые «волжанки» того времени ни в какое сравнение не могут идти с этой нашей «Татрой»! – сносно по-русски, но с чешской правдолюбивой логикой гордо объявил водитель.

Люксовая машина взяла дорогу без каких-либо намёков на тяжеловесность, с первых секунд объявив свою задорную мощь. Разницу наших и чешских дорог нельзя было не почувствовать с первых метров езды, но мы патриотично не стали обсуждать эту тему.

Мы проехали Прагу с её тёмнокаштановыми пиками соборов и вышли на трассу, ведущую к пригородному посёлку. «Татра» реально хватко управлялась с отличной дорогой.

Мы по пути несколько раз порывались заговорить с нашим водителем, но из этого так ничего и не вышло. Хотя вряд ли он уже потратил весь запас своих знаний русского языка.

– Мне очень не нравится ваш язык, – рывками вздохнул водитель и закурил. – Длинный, многозначный... И всегда путаюсь в ваших хитрых выражениях: «Руки не доходят», «Да нет, наоборот», «Спал без задних ног»...

Мы около часа уважительно поглядывали по сторонам на чешские пейзажи. Сейчас это были в основном матёрые лесистые горы. Если промелькивала какая-никакая пегая берёзка, мы радовались, словно весточке из дома. Хотя здешние представители семейства *Betula* невольно казались нам поплосше наших, неказистей. При всём притом мы хорошо знали, что и у нас растут всякие оные. Как, скажем, прямо под моим окном в микрорайоне Берёзовая роща, – донельзя тонкая и скорченно кривая. Просто-таки болящая. Так что разница, которую мы видели сейчас в чешских берёзах относительно русских, скорее всего, была вызвана первым, пусть ещё достаточно смутным толчком ко грусти по дому и материализацией такой сложной духовной субстанции, каковой поныне для многих является такое загадочное чувство как патриотизм.

Да, это был именно он. Объявился, спасибо чешским берёзкам, натурально, а не в бодрых речах, не в статейке какой-никакой разэтакой, на потребу дня сварганенной. Честно говоря, я впервые испытал такое свежее, явное чувство любви к Родине, и был благодарен ему, что оно посетило меня в обход полудиссидентских размышлений о низком уровне зарплат, зарвавшейся коррупции и раздутом донельзя чиновничьем аппарате вкупе с неуклюжей, мягко говоря, пенсионной реформой. Уже ради этого хотя бы иногда стоит оказаться вдали от родного дома.

Кстати, тем, кому чувство патриотизма ещё неведомо за житейской суетой, рекомендую с ним познакомиться поближе. Оно стимулирует самоуважение. Стоит только раз убедиться, что оно у тебя есть, как ты осознаёшь, что с тобой, значит, всё в порядке. Это нечто типа духовной биопсии.

Возле отеля водитель достал из багажника наши чемоданы. Мой он выхватил первым. Как только водитель поставил чемодан возле «Татры», тот куда-то исчез. Следом исчез чемодан Валентина. Я это понял по выражению его лица. Он в свою очередь всё понял насчёт моего чемодана по моему лицу. И водитель понял. Это тотчас доказал его благодушный хохот: более чем шустрый швейцар уже входил в вестибюль с нашими чемоданами. Другой швейцар проворно, но, тем не менее, торжественно снял с асфальта чемодан Ильи.

Мы поднялись на свой седьмой этаж пешком потому, что не сразу разобрались, как пользоваться лифтом. Ничего удивительного: его кабина напоминала космический модуль ни мало, ни много для марсианского полёта. Особенно своим многоуровневым хромированным пультом. Кажется, в этом лифте на ходу до верхнего сорокового этажа, над которым на крыше расположился самый знаменитый местный ресторан, можно было выпить чашечку кофе, посмотреть новости, заказать билеты на ипподром или сделать причёску. Уверен, его функции были бесконечными. Может быть, вплоть до оказания квалифицированной помощи при деторождении и подачи заявки на участие в ближайшем гей-параде. Даже лучшие московские лифты, неплохо известные нашей команде, перед ним напоминали, в лучшем случае, верёвочные лестницы с подсветкой.

Мы с нашей отечественной дерзостью рискнули-таки прикоснуться на сияющем пульте к кое-каким выпуклостям, но даже двери не закрылись. Лифт удручённо бездействовал, если не равнодушно игнорировал нас.

Валентин предположил, что надо опустить куда-нибудь монету. Типа дать на чай. Однажды в Париже, где ему как-то пришлось быть с двухдневной поездкой, он попал в кабине городского туалета в самую настоящую ловушку. Зайти он в него зашёл, но вот выйти – никак не получалось. Пока не нашёлся парижанин, который на жутком русском так-таки смог в ответ на его печальные стуки в дверь объяснить, что вход в туалет бесплатный, но выйти из него можно только за конкретную денежку.

В общем, Валентин с самым что ни на есть умным видом достал металлическую крону, но ему так и не удалось её втиснуть ни в какую щель не только на пульте лифта, но и на его стенах, полу и даже потолке.

В итоге мы с национальной гордостью, как ни в чём не бывало, вышли из ярко освещённой зеркальной кабины, и пешком отправились восвояси на наш седьмой этаж. Казалось, лифт снисходительно усмехается нам вслед.

К вечеру мы вполне освоились с этой запредельной лифтовой техникой. И только Валентин за все дни принципиально ни разу не воспользовался им. Наверное, он не очень навредил себе. Не самое худшее для здоровья несколько раз за день взойти на седьмой этаж самоуверенной походкой.

Ждали мы какого-то подвоха и от нашего номера, хотя он всем нам с первого взгляда очень даже понравился. Даже Валентину, несмотря на его печальный французский опыт. Пусть и двухдневный. Всё равно это что-то. Я скоро убедился в полезности французского опыта Валентина.

Я раскрыл холодильник: на полках стояли и лежали в строгом иерархическом порядке разных калибров бутылки с коньяком, виски, шампанским и пивом. Пиво, конечно же, было чешское. Знаменитое чешское пиво. Вернее, более чем знаменитое! Высший пилотаж, а не пиво. Я много слышал о нём. Те из моих знакомых, у которых был чешский опыт, без труда убедили меня в его особых достоинствах. Из их рассказов мне больше всего запомнилось, какая на чешском пиве сочная тяжёлая пена: самая настоящая сметанная пробка, если иметь в виду не нашу магазинную, а рыночную «бабушкину» сметану. Мне знатоки называли много сортов чешского пива, но чаще всего «Старосмиховское». С ароматом божьего хмеля, собранного вручную. Всё, что говорилось о нём, я хорошо запомнил. Хотя мне пришлось многое что запоминать: и про особый моравский ячмень, и мягкую здешнюю воду, а также верность старинным технологиям. Об этом правильном пиве можно писать поэму. В общем, во мне уже загустела заочная жажда на «Старосмиховское».

«Старосмиховского» в холодильнике оказалось предостаточно!

Ещё имелось в наличии пиво «Кристалл» и «Козел». Тоже вовсе не второразрядное, но куда им до «Старосмиховского».

– Это более чем дорогое удовольствие, – многозначительно сказал Валентин, явно опираясь на свой французский опыт. Он заключался в печальном знании того, что стоимость бутылок в холодильнике нам не по карману с нашими суточными.

В это время, вознамерившись зажечь в номере свет, Илья случайно нажал какую-то кнопку. И опять нам пригодился двухдневный французский опыт нашего товарища. Оказывается, Илья, не ведая, вызвал в номер официанта, который, ничтоже сумняшеся, востребует с нас за такую изысканную услугу неподъёмную плату.

– Мы можем отказаться! – мудро заметил я. – Ещё, надеюсь, не поздно? Не будем паниковать. В крайнем случае, обратимся за помощью к принимающей стороне. Или закажем что-нибудь простенькое. Скажем, по сардельке.

– И по стакану кипятка без сахара, – вздохнул Илья.

– Само собой, чего-нибудь подешевле.

– Так не годится! – хмыкнул Валентин с высоты своего парижского опыта. – Не будем же мы гонять человека взад-вперёд из-за такой ерунды? Что о нас здесь подумают?

– Действительно! Вывернемся! Но флот не опозорим! – бодро заверил я и чуть ли не под аплодисменты дерзко предложил заказать в номер к «Старосмиховскому» пиву блюдо со знаменитой здешней ветчиной и жареной телятиной, а также ещё более знаменитые чешские кнедлики. Каждому побывавшему в этой стране известно, что если их не попробовать, то можно считать, вы ни в какую Чехию и не приезжали. Этой их кулинарной изюминке несколько сотен лет: отварные клёцки с овощным гарниром, мясным гуляшом или жареным луком с солёными огурцами. Вариантов добрая сотня. Может быть несколько сотен.

И куда только делась наша недавняя растерянность? Мы точно флаг над собой торжественно подняли. Ценю это качество моих соотечественников. Из огня да в полымя.

Мы гордо ждали официанта. Да хоть целую их когорту с переполненными подносами. Ждали с обострённым предвкушением. Только что руки не потирали. С нас, русских, станется, если

войдём в раж. А мы были на грани в него войти, пинком распахнув все двери. Последний парад наступает!!! Или что-то вроде того.

Валентин даже надел галстук. Мы проветрили номер и включили телевизор, чтобы поднять градус праздничного настроения в связи с прибытием в дружественную Чехословакию. Извините, в Чехию.

По здешнему каналу показывали нашего президента, депутатов и ракеты, стартующие с подводных лодок в сторону сирийских террористов.

– Знаешь, что подумает официант, когда войдёт к нам? – прищурился Валентин.

– А если войдёт официантка?.. – уточнил Илья с такой интонацией в голосе, которая убеждала, что мы, кажется, реально начали приходить в себя после перелёта.

– И она, и он подумают одно и то же! – покивал Валентин. – Они подумают, что русские ни дня не могут обойтись без обожествления своего Путина и бряцания оружием. А отсюда один шаг до русофобии.

– Они уже его сделали, братцы-кролики, – внятно проговорил я, напряжённо вслушиваясь во взвинченный голос диктора и напрягая все имеющиеся крохи знаний славянской созвучности слов. – Мельдоний... Украина... Агрессию против Литвы... Крым зацапали... В Черногории готовили переворот... Вмешивались в выборы американского президента!

– Да, парни, туго нам тут придётся, – умно вздохнул Валентин. – Во Франции я тогда такого ни разу не слышал. Механизм русофобии набирает обороты. Рекомендую на улице реже использовать русскую речь. Если что, смело переходите на украинскую мову. Говорите, что попало: «Дивлюсь я на небо Та й думку гадаю: Чому я не сокил, Чому не летаю»...

– Прорвёмся, – усмехнулся я.

– Где наша не пропадала! – поддакнул Илья. – А на иврите можно?

– Можно, – снисходительно вздохнул Валентин.

Мы были полны оптимизма. Ведь мы с нарастающим нетерпением жаждали «Старосмиховского» со здешними раритетными кнедликами. Занимавшими в кулинарном пространстве нишу рядом с такими знаменитыми блюдами, как, скажем, литовские цеппелины, украинские галушки и русско-китайские пельмени.

Тупое провальное ожидание растянулось до двух часов. Наконец, оно стало нестерпимо. Выражение «Жалобная книга» уже всё чаще вспыхивало в наших головах. Того и гляди, мы перейдём к самым настоящим грозovým разрядам и начнём метать громы и молнии.

Ни официант, ни официантка и даже никакой хрен собачий так и не поднялись в наш номер на седьмом этаже, куда то и дело возносится самодовольный и самодостаточный лифт, похожий разве что на корабль для полёта на Марс. А может быть и далее того. Лифт, высокомерно проигнорировавший нашу смятенную растерянность.

Или кнопка была неисправна? Или там в администрации опытно решили, что русские сделали вызов официанта по ошибке, а нам он, судя по размеру чаевых, выданных нами швейцару и носильщикам, вовсе не по карману. Возможно, они ждали повторный сигнал, но его не было. Повторять звонок мы не стали.

В итоге мы возненавидели эту элегантною светящуюся кнопку. Как писал знаменитый российский поэт Владимир Гордейчев: «У советских собственная гордость». Несмотря на достаточно давний срок кончины СССР, в каждом из нас, даже в Илье, родившемся уже в новой России, мистически оставалась его частица. Своего рода социологический геном. Скажем, на квантовом уровне. Энергетический след, оставленный некогда бродившим по Европе и, наконец, добравшимся до Российской державы призраком коммунизма.

Мы спустились в ресторан своим ходом, ещё не рискуя пользоваться лифтом.

Я нашёл метрдотеля. Перед поездкой я старательно проштудировал в Интернете «Кодекс хороших манер по-чешски» и кое-что запомнил. По-крайней мере, я, как здесь принято, поздоровался с ним за руку, хотя мы первый раз видели друг друга. Узнать, кто конкретно передо мной, мне помог бейдж метрдотеля.

– Здравствуй, пан Горак, – оптимистично проговорил я. – Чешская пунктуальность не уступит немецкой. Однако мы, вызвав официанта в номер, безрезультатно ждали его целых два часа.

– Вы ждали его ровно один час тридцать семь минут, – грациозно изысканно улыбнулся метрдотель. – Виновный официант уже уволен. Однако понять его можно. Он сделал это в знак протеста против ввода ваших танков в Чехословакию в шестьдесят восьмом.

– В любом случае, у наших ребят был приказ не стрелять, – вздохнул я. – И они его чётко выполняли. Порой ценой своей жизни... К тому же нас тогда здесь не было. Правда, не в силу убеждений, а просто возраста...

– Немцы применяли оружие, не раздумывая. Они убили моего отца, – тоже вздохнул, но вовсе не так, как я, пан Горак. – Многие из наших отцов тогда ложились на дороги перед танками оккупантов. Чтобы остановить их. И он лёг. Немецкие танки проехали по нему, не сбавляя скорость...

Я понял, почему его вздох был совсем иной, чем у меня.

– Болгары и поляки тогда тоже особо не церемонились с нами, – строго добавил пан Горак. – Однако теперь делают вид, что их там вообще не было здесь... И не было никакого военного союза стран Варшавского договора.

– Может быть, нам переехать в другой отель?.. – сдержанно предложил я.

– Не самое мудрое решение, – почти официально сказал пан Горак. – Там может быть то же самое. Или ещё хуже. Я же предлагаю мировую. А в качестве сатисфакции вам подадут ужин с заглавным блюдом от нашего шеф-повара.

– В ресторанном обиходе оно называется «комплиментом»? – невольно щегольнул я своим знанием этой изысканной стороны не бюджетной жизни.

На самом деле моя осведомлённость в этой области была достаточно поверхностной. Она полностью исчерпывалась этой одной фразой.

– Именно так. А вот во Франции сие блюдо звучит как «развлечение для рта». На один зубок... Но мы накормим вас от пуза! – многозначительно улыбнулся Горак.

«От живота...» – мысленно поправил я его, но озвучивать правильный вариант, тем не менее, не стал.

– А хотите поесть на свежем воздухе? С ветерком! – вдруг совсем раскрепощено, по-свойски заговорил с нами пан Горак. – У нас на крыше самый популярный в городе ресторан.

Я поднял глаза. У моего лица сейчас явно было ни мало, ни много выражение человека уровня бомонда. По крайней мере, воронежского – наверняка.

– Он называется «Сорок первый этаж»? – прищурился я, смахнув слезу, вызванную напряжением взгляда.

– Да! А как вы догадались? Или успели побывать там? – радостно удивился Горак.

– Просто сосчитал этажи, – вздохнул я.

С обеих сторон уже было достаточно сказано слов «натошак». А это не самое лучшее состояние, даже если ты находишься за границей. Пусть и с особым заданием. Мне никогда не симпатизировала поговорка «Жрать – дело свинячье». Горак это опережающе понял.

Горак тотчас дал знак, кому надо, что пора обслужить русских гостей. Лучше него здесь вряд ли кто мог оценить тайные пожелания и настроение клиентов из России. По крайней мере, с нами он не промахнулся.

3

Утром нас повезли на экскурсию. Рядом со мной сел здешний известный писатель Иржи Дворжак. Его представили как нашего куратора. Я всё время ошибочно называл его «Дворжиком». Он ни разу меня не поправил. Кажется, он бы не стал этого делать, называя я его даже «Дворником». Вряд ли он знал русскую поговорку «Хоть горшком назови, только в печь не сажай», но неплохо ей следовал. Несмотря на моё неправильное произношение фамилии Иржи, мы с ним почти подружились. Вернее, между нами установилось нечто вроде некоего энергетического контакта. Кстати, он в свою очередь называл меня не Сергеем, а Сергием. Получалось имя как бы на церковнославянский манер. Недоставало только существительного «отец». Совсем не в смысле определения родства с кем-то из присутствующих.

На этом мы и сошлись. Я тоже не стал его поправлять. К тому же мне в таком случае пришлось бы поправлять и сопровождавших нас вместе с Иржи Йозефа и Яна, для которых я также был «Сергий», и никак иначе.

– Вы вчера смотрели передачу про вашего Путина, Сергей? – добродушно поинтересовался Иржи.

Илья и Валентин настороженно посмотрели на меня.

Я усмехнулся.

– Смотрели, смотрели, – многозначительно сказал я.

– Нам всё интересно, что связано с вашим президентом! – просто-таки восторженно подчеркнул Иржи. – У нас многих это интересует. Нам хочется знать, что у вас происходит на самом деле. Взять дело с якобы отравлением Скрипалей по линии ваших спецслужб. Только идиоты могли бы затеять такое накануне выборов своего президента. Нашим СМИ мы не верим. Нам кажется, что против вас организована самая настоящая травля. Просто вы или кому-то явно наступили на хвост, или перестали слушаться некоего старшего брата. Расскажите об этом?

– Сергей всё вам по полочкам разложит! – оживился Валентин. – Он у нас самый большой специалист по русофобии.

Я вздохнул. Не нарочито.

– Нам не могут простить, что Россия не развалилась на части вслед за СССР...

– Мы, простые чехи, восхищаемся вами! – вскрикнул Иржи. – Знаете, что недавно меня восхитило? Черногорские сербы из села Кралье предложили свои надельные земли российскому государству. Чтобы вы построили там военные базы или что-то другое – на усмотрение. В пик вступления их страны в НАТО.

Мне оставалось только вздохнуть.

Нам показали город настолько, насколько его можно показать из окна автомобиля. И всё-таки какое-то представление мы получили: это была средневековая крепость, начинённая достижениями научно-технической революции XXI века. Вернее, почти XXII-го.

В конце обзора нас привезли в самый настоящий древний готический замок. Он венчал тяжёлой каменной короной один из здешних лесистых холмов.

У ворот замка нас встретил экскурсовод и аккуратно поинтересовался у Иржи:

– Ruští turisté?

– Оно, – сказал Иржи, смущённо оглянувшись на нас.

Мне стало явно не по себе, когда экскурсовод своим намётанным глазом определил нашу национальную принадлежность. Правда, никто, кроме меня и Иржи, на это не обратил внимание. Так что это подтверждало: у нас с ним реально имелась некая энергетическая славянская общность.

Впору было спросить экскурсовода, как он догадался, что мы русские туристы. Однако я спрашивал его о толщине здешних стен и высоте башен, но только не о том, о чём хотел. Что-то сдерживало меня. Есть такие вопросы, на которые лучше отвечать самому себе. Или вовсе промолчать. Этот явно был из них.

Как бы там ни было, я теперь машинально приглядывался ко всем группам, которые попадались нам в залах просторного замка, начинённого антикварной резной мебелью и коллекцией оружия 13 века. Людей здесь было предостаточно. Особенно в Рыцарском зале. И я, в конце концов, кое-чего достиг. У меня тоже стало получаться отличать наших туристов от всех остальных. Я уже почти не ошибался, особенно, если они шли группой. Не знаю, как и за счёт чего это мне удавалось. Я долго не знал этого. Лучше бы я не знал этого никогда.

Теперь я повсюду с одного взгляда тренированно отличаю соотечественников. Вернее, отдельных представителей той их мизерной части, которые получают нормальные зарплаты, а не пособия по безработице. Неспроста в России прижилась поговорка: «Кто работает, тот не разбогатеет».

В общем, избранные представители наших среднего и выше одного социальных классов со своими жизнелюбивыми яркими эмоциями ловцов сувениров и невероятных забавных впечатлений невольно бросались в глаза на фоне сдержанных, отменно вежливых чехов со скромным, умным выражением на лице типа: «всё идёт помаленьку, хорошо, почти отлично». Ко всему у них лица много читающих людей, а у наших, увы, такие, словно они ещё алфавит не усвоили. Россиян серии «богатенький Буратино» невозможно не заметить ещё и потому, что они здесь напоминают детдомовских малолетних воспитанников, впервые волею судеб

оказавшихся в гипермаркете игрушек. Отсюда чумная трата невесть как настриженных у народа денег направо и налево на всё, что нужно и не нужно, лишь бы очень дорого и блестело. Они жадно хотят взять от жизни всё, то есть не «дать себе засохнуть». И об этом тотчас известить по Инту весь мир «фотками» своих жизнерадостно сияющих малограмотных физиономий. На разрыв улыбающихся по американской традиции. Со стороны такие разъявленные улыбки наших нуворишей скорее напоминают провинциальную рекламу мастерства отечественных стоматологов.

Скоро такому зрению научился и Валентин. Однако ему это рентгеновское видение тоже не доставляло удовольствия. Мы с ним отныне были обречены на негативное настроение. Илья повезло больше: он всю поездку постоянно путал наших с американцами, французами, испанцами и чуть ли не африканцами. Непонятно, как последнее ему удавалось. Но ведь удавалось. Везёт людям.

В конце экскурсии нас пригласил на кофе директор здешнего музея. Пока мы пили (вернее, лизали) достойную «каву» из крохотных чашечек, разговор шёл в основном об особенностях архитектуры сказочного замка, который вполне рыцарски выглядел даже на фоне остальных почти двух тысяч, которыми по праву гордится Чехия.

Мы коснулись за кофе красоты живописных предгорных окрестностей, мощных суровых крепостных стен и рвов, некогда политых кровью героев, здешних пахнущих вечностью таинственных подвалов, наштигованных застенчивыми привидениями, а также роскошно сияющих хрустальных люстр и изящной росписи потолков старинными итальянскими живописцами школы византийской традиции великого Эрколе де Роберти.

Когда нам подали семидесятиградусную сливовицу, разговор сам собой переключился на связанные с замком легенды о разбойниках, авантюристах и несчастных влюблённых. Недостатка в изысканно куртуазных легендах не было. Я и Валентин их жадно записывали. Илья ненасытно фотографировал, неистово вращаясь вокруг оси, стремительно наклоняясь и изумительно подпрыгивая, как самый настоящий звёздный болеро. В объектах для съёмки недостатка не было: здесь на каждом шагу блистало мужественное рыцарское оружие, глыбы рукописных средневековых книг на белом пергаменте с бесценными иллюстрациями, явно выполненные по заказу утончённых знатоков, и роскошная фарфоровая посуда с поэтическими пейзажными миниатюрами.

В сливовице недостатка тоже не было.

И вообще человек, который её делал, знал толк в том, за что взялся. Как видно, он хорошо усвоил дедовские рецепты. С кондачка такую душевную золотистую радость не приготовишь: мягкий протяжный вкус с шаловливыми нотками спелой густо-фиолетовой сливы и готовый вот-вот вспыхнуть в вас зажигательный букет живого празднично-весеннего аромата цветения, и горьковатый, дымчатый аромат дубовой бочки не менее чем двухгодичной просушки.

Сливовица отменно сочеталась с сентиментальными легендами замка, местами разбавленными такими образцами крутой средневековой чувственности, перед которой тот же звёздный порнофильм «Эммануэль» есть сериал шаловливых простодушных историй для наивных девственниц.

Благодаря сливовице легенды рыцарского замка становились всё трогательней и эротичней. Илья принялся прыскать. Почему-то у этого молодого человека чувственные истории всегда вызвали смех.

Я заметил, что с помощью нежно-загадочной сливовицы самая рядовая история становилась похожа на легенду или даже становилась самой настоящей легендой. Поэтому каждый старался сегодня рассказать что-то особенное. И этих волнующих, почти поэтических рассказов нам хватило надолго. Ровно настолько, насколько нам хватило здешней отменной сливовицы. Кажется, это была моравская сливовица. Именно тамошняя имеет ту мировую славу. Несмотря на свои семьдесят градусов, наша моравская сливовица несколько не была «безбашенной». Позже я убедился, что если спросить любого чеха, какой крепкий напиток считается национальным достоянием его страны, он, не задумываясь, ответит со всей своей чешской вежливостью и здравой рассудительностью: «Сливовица».

Когда мы вернулись в гостиницу, после кофе и сливовицы есть хотел один я. Вызывать официанта в номер я не стал. Танки стран Варшавского договора, введённые в Прагу в 1968 году, тут были не причём.

В ресторан я спустился один. Меня подсадили за столик к какой-то пожилой паре. Кажется, я им сразу понравился. Они с вежливым восхищением посматривали на меня и аккуратно улыбались. Я не смог толком прочитать *Napojovy listek*, то есть меню с напитками, так что с помощью интернациональных жестов, по возможности сдержанных, заказал себе то же самое, что было перед моими счастливыми соседями. Старики решили, что у нас приятное совпадение вкусов и теперь ещё более радостно смотрели на меня. Вообще они смотрели на всё вокруг с нескрываемой лучезарной детской восторженностью.

Старик угостил меня вином. Вино было очень дорогое и безвкусное. Наверное, после вдохновенной моравской сливовицы любой напиток покажется никудышним.

– Вы из России? – аккуратно сказал старик, и я нисколько не удивился такой его догадливости. Она была в порядке вещей, хотя я за столом ещё не произнёс ни слова. Ведь это зрение было открыто и мне. И ещё Валентину. Вообще, наверное, многие обладали им. Скорее всего потому, что отличить здесь россиян среди остальных людей, как я уже писал выше, не составляло большого труда. В чём-то это всё-таки являлось плюсом для нас. Как говорится, «один ноль» в нашу пользу.

– Мы – американцы, – сердечно засмеялась старушка.

– Горбачёв! Ельцин! Путин! – вдохновенно сказал старик. – Трудная дорога к демократии.

– Хорошего мало, – кивнул я.

– Сирия, Украина, Иран, гей-парады... Наш Трамп, – тревожно вздохнул старик.

– Проблем много... И у нас, и у вас, – тупо кивнул я, не понимая толком, что ем. Но выбора у меня уже не было. В любом случае, я теперь хотел побыстрее очистить свои тарелки, переполненные неизвестного происхождения снедью, и уйти.

– Вам надо западные ценности, – горестно произнёс старик.

– Я их уважаю, – сказал я. – Но позвольте нам оставить себе свои?

– Вы – сталинист? – уважительно ужаснулся старик.

– Я – человек, – радостно-нагло открыл я его в себе.

Это было не самое проходное открытие. Но отношения к словам «Человек – это звучит гордо!» отношения тоже не имело. Просто человек. Разве такое не имеет право на жизнь?

Я торопливо проглотил последний кусок чего-то весьма вкусного и ароматного. Возможно, мне принесли мясное ассорти. По крайней мере, на стоявшей передо мной деревянной досточке ещё минуту назад лежало более чем достаточно исключительно вкусных колбасок, ветчины и бекона, украшенных загогулистым стручком маринованного алого перчика, солёным изящным огурчиком и щекастой помидоркой. Большинство вокруг, как я уже под конец сориентировался, ели так называемый «тартар» из говядины с тостами и чесноком. Одно название уже несколько настораживало меня. К тому же я не любитель сырого мяса, даже искусно приготовленного. А «тартар» из другого не делают. В общем, с ужином я не промахнулся.

– Я хочу фотография товарищ человек! Боже, царя храни! – восторженно объявил старик и попросил официанта снять нашу дружески настроенную компанию.

Старики лучезарно улыбались. Это была одна из самых лучших искренних улыбок, какие мне только приходилось видеть. И я имел к ней некоторое отношение.

Провожая меня, старики встали. Они перекрестились, как это делаем мы, православные. Я на прощание поклонился им. Это и вовсе привело их в неописуемый детский восторг.

Утром Валентин настойчиво растормошил меня.

– Вставайте, граф! Вас ждут в соседнем магазине моднючие кеды на высокой подошве с металлической фурнитурой! Самое оно для вашей очаровательной супруги и дочери! С крутейшей надписью на подошве: «Позитив и драйв!» Спешите, пока наши туристы не расхватили весь товар! Там уже начинается ажиотаж!

– Такая обувка была в моде для уроков физкультуры в школах в эпоху Гагарина, – попытался я тщетно отвоевать лишнюю минуту в постели.

– Мода возвращается. Как бумеранг, – рассудительно объявил Илья.

Даже непродолжительное пребывание в Чехии, кажется, вполне положительно повлияло на его формирующийся молодой характер. У национального характера чехов есть чему поучиться.

За гламурными кедами стояла длинная нервная очередь. Это была первая очередь, которую я увидел в здешних магазинах. Она говорила по-русски, хотя время от времени звучали фразы на армянском, таджикском и казахском. Может быть, ещё и на других языках бывших народов СССР говорила эта возбуждённая эксклюзивным товаром очередь, но я особо не прислушивался.

Продавщицы тоже говорили по-русски. И делали это достаточно сносно. Мы как дома оказались. Тем более, что очередь была взвинченная и обидчивая. Казалось, что кто-нибудь из наших сейчас по старой памяти обязательно крикнет: «Больше одной пары в руки не давать!!!» А один из счастливиц, уже зажавших под мышками по коробке с заветными кедами, вдруг круто объявил, что чешская продавщица будто бы на самый что ни на есть российский манер обсчитала его. В общем, он на весь магазин громыхнул об этом таким матёрым голосом, каким разве что говорили крутые российские парни на «стрелках» в лихие девяностые.

– Русьськи-и! – тыкая в нашу сторону пальчиком, просюсюкал чешский пацанёнок лет пяти и росточком как раз по красивую коленку мамы, которая зашла в магазин в донельзя застиранных дырявых джинсах. И ко всему ещё и босиком.

Я вышел с пустыми руками. Только чтобы поскорей выйти. Прощайте, гламурные кеды...

К этому времени Валентин на высоком градусе покупательского спроса прикупил жене натуральную кроличью шубку. Она была очень хорошего фасона и сшита из очень качественного меха. Правда, он почему-то (шика ради?) был выкрашен в фосфорирующий зелёный цвет. Шуба выглядела экзотично. В ней только между африканскими пальмами щеголять, если бы не тамошняя жара. В конце концов, Валентину лучше знать, что нужно его жене.

На обратном пути мы с ним решили зайти в собор. Как раз шла служба. В глубине собора утробно гудел орган. Казалось, там рождается нечто мощное, космическое. Стремясь высвободиться из земных пут, оно свободолобовиво давит на стены собора, и оттого его готические формы так напряжённо удлинены ввысь. Музыка поднималась и опадала, продолжая свою скульптурную работу с камнем. Если ей было под силу справиться с ним, то можете представить, что она сделала с нами.

Тем не менее, войти внутрь мы не решились. У нас было слишком много свёртков, ни имеющих никакого отношения к созданию божественного настроения. Особенно зелёная кроличья шуба в охапке у Валентина.

Кстати, сегодня он долго не засыпал, однако орган собора был тут ни при чём. И ни при чём была сказочная, изумрудно-фосфорическая шуба для его жены.

Не просто заснуть в отеле, где днём жизнь прозаична и незаметна, а к ночи, напротив, раздвигает свои горизонты до немыслимых границ. Особенно доставал нас ресторан на крыше «Сорок первый этаж». И не своей музыкой. Её с такой высоты почти не слышно. Зато на столе у нас соблазнительно лежал проспект услуг этого ресторана, и мы, благодаря ему, были хорошо осведомлены, что там сегодня можно съесть, выпить и посмотреть. Так, скажем, можно было прямо из ресторана вызвать машину и поехать на дегустацию редких вин в погреба европейской известности или совершить вертолётную экскурсию над ночной Прагой. С низким пролётом над легендарным Карловым мостом. Однако благодаря проспекту мы также были осведомлены насчёт высотных цен в этом высотном ресторане.

Из раскрытого окна сладко-духовито наносило пивом и горьковатым табачным дымом. Но к этим просто-таки рекламным запахам ночной ресторан «Сорок первый этаж» на крыше нашего отеля отношения не имел. Чад был прозаичен и достаточно груб. Пивным ароматом и табачным дымом сочился одноэтажный трактир «У извозчика» напротив нашего отеля.

Высокий рыжий молодой мужчина в майке с портретом Че Гевары неторопливо вышел из него на середину пустой полутёмной улицы. В явно сильной, натруженной руке он держал кружку, полную пивом. Держал с такой профессиональной основательностью, с какой на работе держал свой инструмент.

Мужчина остановился и поглядел куда-то вверх. Может быть, он поглядел на роскошно-яркое сияние «Сорок первого этажа» или на звёзды, если они были видны, что вообще-то маловероятно. Ресторанные огни работали с прожекторной силой, явно гася небеса.

Через некоторое время возле мужчины остановилась девушка на велосипеде, и он угостил её пивом. Она выпила всю кружку и засмеялась. Он тоже засмеялся. Они о чём-то громко поговорили, а потом девушка уехала, старательно налегая на педали своего вихляющегося велосипеда. Вполне вероятно, что эта кружка пива сегодня была у неё далеко не первой.

Мужчина что-то крикнул ей вслед, и они снова засмеялись. Это был замечательный смех. Так смеются люди, которые живут в полном согласии со своими личными представлениями о счастье и не позволят никому заставить их жить хуже. С ними такое не выйдет. Я никогда не слышал такой смех. Оставалось позавидовать ему.

Он пошёл назад с пустой кружкой в торжественно вытянутой вперёд руке. Она как бы служила ему стрелкой компаса. Само собой, весьма своеобразного. Компасы действительно отличаются уникальным разнообразием своих конструкций. Почему бы и такому не быть?

Возле входной двери этот молодой, улыбающийся мужчина с гортанным счастливым криком наотмашь метнул кружку в бревенчатую стену трактира. Взрывчато пыхнули весёлые осколки. Он дождался появления официанта, заплатил ему за кружку и за услугу по подметанию её игривозвонких остатков, и в самом прекрасном настроении отправился, по всей видимости, домой.

Эта сценка вдохновила нас. В это время часы на ратуше пробили девять вечера. Это был тот же звук, что некогда и при короле Вацлаве: нечто благородно рыцарское слышалось в сдержанном гуле старинного мощного металла.

У нас оставалось ровно два часа до закрытия трактира.

Через минуту мы были в его полутёмном добродушном зале. Нашими соседями счастливо оказались уже знакомые Иржи и Ян. Вскоре появился Йозеф, идущий показательно твёрдым шагом. Основательно выпив перед нашим появлением, он ходил домой принять холодный душ и переодеться в свежий костюм. Это говорило об особом уважении посетителей к трактиру «У извозчика», где они жили своей неповторимой жизнью.

Мы тоже как бы подключились к ней, напрочь забыв о поручении Василия Васильевича. Мы забыли, что нам следует сейчас бдительно внимать здешним раскрепощённым пивным разговорам о России, Сирии, Украине, Донбассе и санкциях против нашей страны. Однако никакого проку не было бы, даже помни мы об этом. Здесь говорили обо всём, но только не о геополитике. Как ни удивительно, нами тоже не было сказано о ней ни слова. Мы словно забыли, что это такое и с чем её едят. Это были очень счастливые два часа. Я со смаком вдохновенно выпил четырнадцать пол-литровых кружек легендарного «Старосмиховского» пива. Со здешней чешской неповторимой матово-розовой ветчиной, которую нам подали на огромном сияющем фарфоровом блюде тончайшей работы.

– Пан Пивак! – восторженно заценил мои далеко не предельные возможности Иржи Дворжак.

– Пан Пивак!! – празднично засмеялся официант, который совсем недавно заметал у входа в трактир сверкающие осколки разбитой тем рыжим молодым мужиком массивной пивной кружки. Он, кстати, отмечал фломастером на кружочке белого картона каждую мою очередную порцию пива. Для будущего расчёта. Я осваивал великолепное пиво с большим уважением. Отметин на кружке было ровно четырнадцать.

Официант в свою очередь восторженно объявил об этом всему залу.

– Пан Пивак!!! – хором отозвался в сочной пивной полутьме душевный трактирный народ.

Все стоя выпили в мою честь ещё по кружке неповторимого «Старосмиховского». Иржи шепнул мне, чтобы я раскланялся и тоже показательно выпил ещё одну кружку с кудрявой серебристо-матовой вальжной пенкой. Я смог. И очень даже смачно. В общем, за один заход. Чуть ли не залпом. Это было образцово-показательное насыщение достойным пивом.

Когда уходили, Илья и Валентин пытались меня на всякий який случай поддерживать с двух сторон. Честное слово, я в этом несколько не нуждался. Но отталкивать товарищей не стал. Они же делали это из лучших побуждений.

Утром нас повезли на завод, где делали спортивные и охотничьи ружья. Само собой, в случае необходимости, здесь вполне могли собирать и боевое оружие. Шеф наверняка бы поставил «плюс» такой поездке: мнение о России на практически оборонном заводе явно будет иметь для него особый статус. Однако встреча с народом не состоялась: прерывать производственный процесс для нас не стали. Более того, его бы не остановили ни для кого. Просто провели по цехам, а потом мы пили кофе в директорском кабинете. Кто хотел, пил пиво. Кофе подали двойной, пиво – чёрное. Иржи Дворжак был с нами и предупредил, что оно действует, как пуля в лоб. Образ с пульей здесь на оружейном заводе был особенно реален. Это подействовало на наше подсознание. Мы все попросили себе кофе. Более того, сила образа с пулей оказалась такова, что я за все дни в Чехии ни разу не рискнул отведать чёрного пива. И все его пули пролетели мимо меня.

Хотя фамилия директора была достаточно говорящей – Vesely, то есть Веселый, Ярослав Веселый, веселого разговора у нас не получилось.

– Политика меня не интересует, – сухо сказал он. – У них свои дела, у нас свои. Лучше поговорим о наших замечательных ружьях, а потом спустимся в тир и убедимся в этом на практике.

– А каково ваше мнение об имперских замашках России? – подал голос наш блистательный аналитик Валентин с царственной фамилией Романов.

Иржи старательно перевёл его слова. Кажется, иногда он напрягался, подыскивая наилучший вариант фразы. По всему было видно, что эта тема ему тоже не по душе.

– Мы прекрасно понимаем, что Россия – не Советский Союз. С Россией можно и нужно сотрудничать...

– Но как к этому отнесётся руководство НАТО? – не унимался Валентин.

Иржи сдержанно перевёл его слова.

– Я не хочу говорить о политике, – поморщился Веселый. – Я хочу делать самые лучшие в мире охотничьи ружья. Наверху ни нас, ни вас никто ни о чём никогда не спрашивает. Ни о введении танков, ни о вступлении в НАТО. Вас вон однажды спросили, хотите вы или нет сохранения СССР, так что из этого вышло? Кстати, ваш Ельцин и Путин тоже вроде как подумывали примкнуть к Североатлантическому Альянсу. Так что давайте добавим в наше кофе славную Бехеровку и забудем обо всём плохом...

В любом случае, для меня этот уклончивый разговор не оказался бесполезным. Более того, он явно заложил во мне начатки космического мышления. Я почти понял, почему землянам не следует искать контактов с инопланетянами. Мы на Земле друг с другом не можем толком объясниться. Даже при помощи лучшей в мире Бехеровки.

Веселый вздохнул с каким-то глухим взрыком и лично нацедил её нам всем в кофе: знаменитая 38 градусная Veshegovka, настоящая на двадцати травах из Карловых Вар. Это нечто, паны, пани и панночки.

Действие сего фантастического напитка позволило нам аккуратно уйти с трудно развивавшейся политической темы. Мы заговорили о недавнем гей-параде в Праге. Оказалось, что каждому из нас есть, что сказать по этому поводу. Как-никак парад собрал больше десяти тысяч человек и был признан одним из лучших в Европе. Градус разговора энергично нарастал. В этой теме мы явно не нашли общий язык.

Чтобы восстановить мужское братство, мы по приглашению директора решительно отправились в тир. Перед стрельбой все выглядели очень мужественно, как и подобает настоящим мужикам.

Не без помощи Бехеровки наша воинственная компания быстро преодолела ведущую в тир длинную винтовую лестницу, как бойцы, поднятые ночью по боевой тревоге. Навстречу нам поднимался кисловатый, с хвойным оттенком густой запах пороховой гари. Я машинально подумал, что это был, прости, Господи, аромат ни мало, ни много ладана войны.

Нас бегло проинструктировали и выдали каждому по тяжёлому четырехкилограммовому ружью модели «супер» 12 калибра с 720 миллиметровыми стволами. Рукам было радостно чувствовать их ореховые ложа.

Нам отсчитали по три красных патрона и ещё раз проинструктировали. Особо было указано, что у ружей тугой спуск. Я предвкушал, какую яростную пальбу мы сейчас устроим. Это будет

просто-таки настоящий салют, говоря языком передовиц советского времени, в честь чешско-русской дружбы.

Мы не выстрелили ни разу. И я в том числе. Но Бехеровка на двадцати волшебных травах, выпитая нами перед тем, как идти в тир, тут была не при делах. Само собой, как и наши недавние самодельные политические размышлизмы.

Мы не выстрелили по той причине, что несколько служителей тира этому неожиданно помешали. Они суетились на линии огня, срочно снимая с мишеней солдатские робы. Это были новенькие гимнастёрки и галифе советских солдат. Возможно, сохранившиеся где-то на складах со времён братской воинской дружбы стран Варшавского договора. Умели в СССР делать качественно, на долгие годы.

Желание «пострелять» как-то союзно пропало у всех нас.

– Это провокация, – сдержанно проговорил Ярослав Веселый. – Не судите по ней обо всех нас. Я не отдавал распоряжение одевать эти мишени в форму ваших воинов. Кто-то за нас постарался.

Когда мы вернулись, портье подал мне записку с номером телефона, по которому меня просили позвонить.

Мы были без Иржи, но с помощью электронного переводчика я быстро составил нужную фразу: «Kdo a proč?»

– Кто и зачем? – пожал плечами русскоговорящий портье. – Этого я вам не объясню.

– Голос был мужской или женский?

– Мне записку передали по смене.

– Мужики, здесь у меня кроме вас нет никаких знакомых, – несколько напряжённо проговорил я. – Василий Васильевич? Маловероятно. Жена? Я предупредил её, чтобы не беспокоила.

– Если это не ошибка, перезвонят, – хмыкнул Валентин.

– Всё это ерунда, – поддержал его Илья. – Забыли, мужики.

Мы переоделись и пошли в трактир «У извозчика». При всём притом я не собирался сегодня повторить свой пивной рекорд и подтвердить звание «Пана Пивака».

Мы вновь заказали очень понравившуюся мне ветчину с розово просвечивающими лепестками и чёрными оливками – блескучими, словно бы глазастыми. Тот же официант с особой радостью принёс нам по кружке охлаждённого «Старосмиховского» с седой пенной шевелюрой, а следом принёс по второй и третьей. Официанта звали Зденек. Это имя легко произносится русским человеком. Оно очень для нас удобно в произношении и эффектно звучит своим благородным сочетанием звучных букв. «Зденек»! Класс.

Как настоящий «Пан Пивак», я сделал первую паузу только после пятой кружки.

Зденек был счастлив, что пиво нам нравится. И что нам нравится отменная румяная и сочная ветчина с оливками. Он не преминул объявить, что приглашает нас через два дня на местный праздник чешской ветчины, который отмечают здесь с 1857 года. Когда знаменитый Франтишек Звержины создал в своей мясной лавке сей чудесный деликатес.

Ко всему Зденеку, как истинному профессионалу пивного дела, понравилось, что мы, в отличие от большинства русских гостей, не стали заказывать к «Старосмиховскому» солёные сухарики и вяленую рыбу. Здесь это считалось дурным тоном.

Зденек с аккуратной вдохновенностью предложил нам к «Старосмиховскому» ещё и маринованные свиные рёбрышки, а также жареные колбаски с чесноком, имбирем и сладкой паприкой. Мне показалось, что в них присутствовал также мускатный орех и кардамон, но Валентин с Ильёй с таким усердным аппетитом уничтожали всё подряд, что никто из них не удосужился ни возразить мне, ни согласиться со мной.

На седьмой кружке, которую мне с восторгом принёс наш вдохновенный, азартный официант, что-то меня как за язык потянуло.

– Зденек! – почти торжественно проговорил я. – А как Вы относитесь к России?..

– О! Всё в порядке! Мы любим Путина! – как салютуя, вскинул он перед собой в одной руке все наши четыре очередные кружки, запаянные студенистой пеной. Она так шуршала пузырьками, словно тоже норвила что-то произнести шёпотом. Я думаю, эта пена, как и сам Зденек, вряд ли имела что-то против нашей страны и нас самих. По крайней мере, его яркая и стремительная

улыбка, которая словно сама по себе радостно мелькала одновременно в разных местах трактирного зала, в этом однозначно убеждала.

Вёртко отходя, Зденек вдруг зацепил наше блюдо с ветчиной неземного вкуса. Едва зацепил. Тем не менее, он сложил руки на груди и попросил прощения. Ещё никто никогда при мне не делал этого с таким достоинством и уважением.

– Всё в порядке, Зденек! – смущённо сказал я.

Однако в конце вечера, когда мы хотели расплатиться, Зденек не взял с нас ни кроны. И он был в этом решителен, и явно гордился таким своим фирменным способом достойно оградить репутацию заведения. Одним словом, наша взаимная тактичность радостно говорила сама за себя.

В отеле портье снова встретил меня словами:

– Вам опять звонили.

Само собой, даже эти два обычных слова были произнесены им с достойной неторопливостью и особой чешской вежливой отчётливостью, отшлифованной всем образом здешней жизни. Терпеливость и благообразная сдержанность чехов есть черта особая даже среди остальных европейцев. Наш портье явно владел ей на образцово-показательном уровне.

– Придётся звонить?.. – задумался я.

Мы уныло переглянулись. В этой ситуации явно не было никакой логики. Тем не менее, проблема набирала обороты.

– Кому потребовалось так настойчиво нас разыскивать? – поморщился Илья.

– Может быть, ЦРУ?.. – хмыкнул Валентин. – А может быть и английская разведка МИ-6? С них станется. Не надо было нам, ребята, вести в общественных местах разговоры насчет НАТО. В любом случае, эта история начинает мне всё больше нравиться!

– Я во всём люблю ясность, – строго вздохнул я и решительно набрал оставленный нам номер.

Это был телефон российского консульства. Мне ответил его сотрудник Андрей Волков. Он предложил встретиться завтра в отеле за завтраком. Голос был предельно спокоен, вежлив и предупредителен. Только таким голосом можно разговаривать здесь. Чешский менталитет иных интонаций не приемлет.

– Да, да... Конечно, – тупо проговорил я, даже не пытаясь выяснить, зачем мы ему потребовались. Я как бы взял под козырёк. Чисто наша черта при общении с вышестоящими госинстанциями и спецслужбами.

7

Утром официант, как всегда, радостно-галантно провёл нас к свободному столику. Проживание в отеле заботливо включало в себя бесплатный завтрак. Как было отказать от такой любезности, явно заранее оплаченной нами же. Этот утренний гастрономический ритуал будто бы за счёт заведения включал кофе, кстати, достойный на вкус, двойной, но в чашечке ёмкостью едва ли более столовой ложки. Ко всему, несмотря на то, что сами чехи едят мало салатов, предпочитая реальную сытную еду, – нам приносили с видом презента с царского стола щепотку какой-то нежной витаминной травки со следами присутствия очень хорошего сыра. Иногда он был со слезой, что нас по-своему забавляло. Мы каждое утро внимательно оценивали наш «утончённый» завтрак: не плачет ли сыр? Своими слезами или их отсутствием он, по нашему общему мнению, предсказывал качество предстоящего дня. Кстати, название салата не могло не вызывать уважение. Однако сытности оно несколько не прибавляло. То бишь греческий салат с сыром Фета и чёрными оливками. Плюсом было то, что мы благодаря этому салату ещё имели возможность каждое утро вербально разминать и тренировать своё чувство юмора разнообразными, пусть и не всегда удачными, а то и вовсе дурацкими вариациями поговорки насчёт бесплатного сыра в мышеловке.

Одним словом, дармовой завтрак функционально являлся для нас не более чем игривой заправкой, легкомысленной прелюдией к основному произведению. После него мы сразу же уверенно шли через дорогу в трактир «У извозчика» и радостно заказывали Зденеку или его сменщику с не менее замечательным именем Франтишек всякий разный харч, соответственно нашему аппетиту и вкусам. Скажу сразу, пиво утром не входило в нашу гастрономическую карту. Да и

вечером я как-то стал смущённо уклоняться от подтверждения своего олимпийского звания «Пан Пивак». В общем, в трактире «У извозчика» по утрам мы чаще всего добавляли к изысканному тощему европейскому завтраку отеля жареный шницель из свиной шеи с лимоном, запечённое свиное колено с горчицей, хреном и кислой капустой, а также медальоны из свиной вырезки. Блюда из говядины здесь кусались по цене, не говоря о дичи. На гарнир нам нравились дольки холодного картофеля по-деревенски. Но иногда мы заменяли его популярной здесь чечкой. Никто из нашей троицы толком не знал, что это такое, но она нравилась нам и очень нравилась всем, кто приходил в трактир. Особенно, если компанию чечке составляли копчёные свиные колбаски с добавлением козлятины, баранины и маринованной крольчатины. Одним словом, редко кто здесь не брал чечку. Если это случалось, то все понимали, что этот человек очень сыт. В противном случае чечку ели все, как и все пили «Старосмиховское».

За столиком с уже выставленным на нём скудным диетическим завтраком сидел молодой мужчина в отличном белом костюме и сосредоточенно, энергично ел что-то весьма мясное и достойное. Оно выглядело почти экзотически. Некое творение изысканной гастрономической архитектуры. Это вполне могла быть ножка фазана, приготовленная на можжевельнике и беко-не или лопатка ягнёнка в маринаде на чесноке. На самом деле это были говяжьи щёчки в вине. В конце концов, какая разница. Мне показалось существенным именно то, как ел незнакомый человек за нашим столом. Это был классический образец элегантного употребления достойной мужской еды. Так едят, разве что, на приёме у английской королевы. По крайней мере, возможно, что так. В конце концов, я ни разу не был свидетелем того, как на самом деле вводят в себя пищевые продукты явно не последнего достоинства за королевским столом. Хотя, думаю, даже обычную манную кашу королева Англии Елизавета II употребляла бы соответственно своему высочайшему сану.

Мы не ошиблись, предположив, что за нашим столом уютно расположился тот самый Андрей Волков. Своей особой вышколенной импозантностью и более чем шикарным белым костюмом он вполне тянул на офицера ФСБ из службы внешней разведки, работающего под прикрытием. Я даже придумал на ходу, какой у него мог быть служебный псевдоним. Например, Дымов из одноименного чеховского рассказа, или Бендер. Бендер – реальной. И вкусней! Кстати, белый цвет в одежде всегда есть признак внутренней свободы и элегантности. Андрей вполне соответствовал всему этому. К тому же не все умеют носить белый костюм. Он делал это без сучка и задоринки. Вот бы услышал эту мою фразу наш шофер с легендарной «Татры». Белое следует носить раскованно и чуточку вызывающе. Андрей показался мне самой лучшей иллюстрацией к этой непростой теме.

Он легко, спортивно привстал и сдержанно поклонился. Он так это сделал, что меня потом ещё не раз подмывало именно так вставать и именно так исполнять поклон, как этот человек. Он многое что умел, чему невольно хотелось подражать. Манеры этого человека и даже, возможно, мысли были заразительны. Однако у меня ничего не получилось и не могло получиться, как у него. Я всегда был плохим учеником в смысле хороших манер. И это, наверное, хорошо. Быть двойником не лучшее призвание.

Мы представились и сделали по первому глотку утреннего двойного кофе. Того самого, от которого уже после первой же чашки начинаешь чувствовать, будто у тебя на лице проступает особый кофейный загар: оно темнеет и приобретает лёгкий африканский оттенок. У меня лицо от кофе начинало сугубо краснеть. При этом вернуть ему натуральный цвет могло только «Старосмиховское». Если, конечно, заказать не менее пяти кружек.

– Я уполномочен передать вам просьбу вашего Василия Васильевича! – сказал Волков свежим радостно-деловым голосом человека, который лёгким ужином, отличным сном и чудесной пробежкой по утреннему росному парку идеально подготовил себя к блистательному выполнению любого количества дневных дел. – Василий Васильевич отменяет своё намерение поднять на страницах своего журнала тему русофобии. Он понял, что для вашего провинциального журнала это неформатная тема. К тому же ваш повышенный интерес к вопросу мнения славянских народов о современной политике России переполошил всех здешних резидентов иностранных разведок. В первую очередь, само собой, засуетились американцы и англичане. Более того.... Из одного компетентного источника нам стал известен настораживающий факт... Западные

спецслужбы готовятся скомпрометировать вас. И знаете, какое у этой провокационной операции кодовое название?

Что-то вдруг озарённо торкнуло меня изнутри.

Нарушая все здешние кофейные традиции, я одним махом опрокинул в себя чашку с двойным кофе. Вернее, не чашку, а напёрсток. Из легендарного чешского стекла.

– Кодовое название?.. – загадочно произнёс я. – «Пан Пивак»!

Волков сдержанно, почти строго усмехнулся.

– В точку. У журналистов специфическая профессия! У вас какой-то особый путь проникновения в чужую душу и мысли. Да, так. В общем, день-два мы вам оставляем на туристические радости, но потом рекомендуем срочно собирать чемоданы. Антироссийскую тему вам всё равно не разгрести. Только огня по неопытности подбросите.

Он протянул нам уже оформленные и оплаченные обратные авиабилеты.

– Неужели всё так плохо?.. – вздохнул я.

Волков не ответил. Вернее, он словно и не слышал мой вопрос.

– В Славков ездили? – свежо улыбнулся он. – Это бывший Аустерлиц.

– Нет ещё.

– Обязательно побывайте напоследок. Оно стоит того!

– Большое спасибо! – сказал я. – Мы обязательно попросим нас туда свозить.

В это время возле нашего столика виртуозно остановился официант. У него в руках не было ничего, кроме блокнота и ручки.

– Пожалуйста, оплатите свой завтрак, – негромко, скучно сказал он.

Я торопливо достал портмоне.

– С вас сорок одна крона.

– Хорошо, хорошо. Конечно, я заплачу, – покивал я, точно разминался перед тем, как боднуть головой этого официанта. – Хотя у всех у нас бесплатные завтраки. По крайней мере, так было до сих пор.

– Извините, я что-то напутал! – громко сказал официант с некоей достаточно фальшивой смущённостью. – Извините, дорогой русский гость. Извините, дорогие русские гости.

Это начало сбываться предсказание Волкова насчёт провокаций?..

Когда мы вышли, я увидел возле отеля своих американских стариков. Только сегодня он и она были какие-то скучные и несколько как бы настороженные. Кажется, они не узнали меня. Или только сделали вид? Я хотел окликнуть их, но почему-то сдержался. Возможно, помешало присутствие Волкова-Бендера. Хотя причём тут он?..

Наверное, я напрасно не заговорил со стариками. Они бы улыбнулись. Наверняка. Они умели это делать. Я упустил возможность поднять им настроение.

Мы решили вернуться в номер и обсудить перемену обстоятельств. Волков радушно простился с нами. Мы только что не обнялись с ним.

Некогда непослушный лифт упруго причалил у наших ног. И мы вознеслись в его суперкабине, словно совершили космическое путешествие. Каждый этаж отеля был как некая планета со своим особым миром.

С порога я решительно направился к холодильнику, который все эти короткие дни выглядел обиженным из-за отсутствия нашего интереса к нему. Помня про все предупредительные параграфы двухдневного французского опыта Валентина, я, тем не менее, извлёк на свет белый всё, на что лёг мой глаз. А лёг он на всё сразу. В первую очередь я вытащил из печально ждавшего нас холодильника благородный гаванский тёмно-золотистый ром «Navana Club». Мы радостно осмотрели бутылку, в которую словно бы некий волшебник упрятал цвет заходящего, уже низкого густого Солнца.

Я взволнованно объявил, что истинные ценители пьют ром только в чистом виде, ничем не закусывая.

Это экстремальное предложение очень понравилось Илье и Валентину. Мы заранее почувствовали себя настоящими знатоками рома. Я выбрал из крепких напитков самую лучшую бутылку. Уже скоро это восторженно признали Илья и Валентин. Они даже хотели переименовать меня из «Пана Пивака» в «Пана Рома», но не смогли найти такому достойному имени подходящего

благозвучного словосочетания. «Пан Рома» как-то не прокатывало. В какой-то степени, именно наш отличный ром помешал реализации их остроумия.

– В общем, с сегодняшнего дня всем нам следует быть вдвое осмотрительней, – строго вздохнул я.

– Может быть, мобильники отключить? – сурово напрягся Валентин. Кажется, он при этом чуть-чуть побледнел. Хотя это могло быть и следствием внутреннего усваивания легендарного кубинского рома. Казалось, ещё рюмка, и мы запоём, пусть и нескладно: «Слышишь чеканный шаг? Это идут барбудос. Небо над ними – как огненный стяг...»

Кажется, такая тревожность нашего нынешнего положения даже приподняла нас в собственных глазах. Наверное, в каждом из нас ещё не был изжит пацан, не наигравшийся в шпионов. На волне такого подъёма самооценки я объявил, что сам оплачу ром. Сколько бы он ни стоил. Это своего рода дань уважения с моей стороны моим спутникам за их смелое участие в такой непростой поездке. Будем говорить открытым текстом. Мы попытались прикоснуться к теме за семью печатями.

Точно уловив высокий накал нашего героического настроения, позвонил из Воронежа сам Василий Васильевич.

– Моё задание отменяется, ребята... Сворачиваемся. Миссия невыполнима, – каким-то особенно бережным голосом проговорил шеф, тем самым невольно давая нам понять, что эта наша поездка в Чехию стала там у них предметом нелицеприятного обсуждения на достаточно высоком уровне. Если не на самом высоком в масштабах Воронежа, а то и самой Москвы. – Всем огромное спасибо! Молодцы. Вы со своим поиском истоков русофобии, не загадывая, многих там, кого следует, нормально поднапрягли. Из тех, кто эту русофобию в спешке стряпает. Родина не забудет своих героев. Жду вас, мужики!

Не знаю, была ли какая-то связь с нынешним неожиданным развитием событий вокруг нас, но за ром мне платить не пришлось. Ни за первую, ни за вторую и ни за третью, а потом ещё и четвёртую бутылку. Дежурная по этажу деньги за ром из холодильника с меня не взяла. Я обратился к старшему официанту. И он тоже не взял с меня ни кроны за ром. Я упёрто дошёл до администратора отеля «Сороковой этаж». И уже он пояснил мне, что ром оплачен. Оплачено всё содержимое нашего холодильника. Тот, кто это сделал, просил не называть его.

8

Ехать на Аустерлицкое поле лучше зимой. Даже есть точная дата для такой поездки – 20 ноября. Обычно в это время весьма приблизительный европейский снег уже метит белыми пятнами здешние суглинки. Или, в подтверждение гипотезы о всемирном потеплении, сыплется печальная смесь дождя со снегом. Но главное состоит в том, что 20 ноября вы ещё издалека поймёте, что поступили правильно. Это когда вы услышите со стороны Праценских высот густой пушечный залп, и блеснёт вам в глаза зеленовато-жёлтым пороховая вспышка. Всё это тотчас подхватят частые выстрелы кремнёвых ружей. Прорежется хлёсткая морзянка барабана. На Праценских высотах у костров – кивера, треуголки, папахи и каски с плюмажами. Это гусары и кирасиры, артиллеристы и казаки. Кое-где видны шляпки маркитанток. И сами маркитантки тоже видны. Их нельзя не заметить. Они умеют бросаться в глаза. На то они и маркитантки.

Мы приехали сюда задолго до дня реконструкции сражения – двести двенадцатой годовщины битвы «трёх императоров». Тогда тысяча пять «солдат» будут азартно «биться» часа полтора, потратив около тонны чёрного пороха, и завершат действие праздничным фейерверком и парадом на улицах Брно с кружками прекрасного «Старосмиховского» в руках.

Сейчас в уютной, смиренной тишине шёл бесшумный на здешних мягких кровлях, размеренный дождь. Точно деловито выполнял какую-то порученную ему в небесах работу. Я не могу объяснить, почему, но в силу каких особых признаков в моих глазах это был самый настоящий, истинно чешский дождь.

Угрюмое Славковское поле. Ряженных и муляжей боевых знамён ещё нет. Как и высокого и бесконечного неба Аустерлица, увиденного князем Андреем. Тем не менее, среди здешних пологих пустынных холмов, включая наполеоновский Журань, с перелесками и прудами в низинах обострённо чувствовалось, что именно в таких просторных, распахнутых местах устраиваются битвы, в которых не имеющие никаких претензий друг к другу и вообще незнакомые десятки

тысяч людей разных народов и племён ценою своих жизней отстаивают амбиции вождей. И всё же тогда в Аустерлицком сражении двум императорам не удалось поставить на место третьего, который им не нравился. Возможно, им не хватило для этого ещё тридцати-сорока тысяч убитых мужиков, но такова селява. На «нет» и суда нет. Император Александр после Аустерлицкого поражения горько оплакал, по-мужицки сидя в раскорячку под деревом, свою невозможность тысячами чужих жизней прижучить Наполеона.

Когда мы после замка Славков поднимались на волнистые Праценские высоты к музею «Битва трёх императоров», завyla собака. Судя по хриплости и обыденности её интонаций, обыкновенная дворняга. Кто знает, что заставило её заняться сейчас таким душераздирающим делом. Может быть, эта дворняга выла от тоски по тем десяткам тысяч солдат, которые здесь восторженно и храбро умирали ни за что?..

Да, люди могут миллионами умирать без цели, но собака попусту выть не станет. Когда вы стоите на том месте, где ради проблем трёх человек, пятьдесят тысяч других под дождём зарезали и застрелили друг друга, такие мысли невольно приходят в голову. И пусть они погибли давно, всё равно здесь над вами и посейчас как бы висит облако живой боли. Да, собака выла неспроста. Она старалась, как могла, и была искренна в своих завываниях.

Мы слышали её голос даже в глубине Мавзолея на вершине Праценских высот. Он сложен из камня, и здесь его многие тонны, однако и они не смогли сдержать собачий всепроникающий траурный вой. Слушая его, даже здешний восковой Наполеон, кажется, переживал муки совести.

Мы стояли у гроба с останками французов, русских, моравов и австрийцев, а до нас доносилось, как раздирается собака у подножия холма. Она явно взялась за это дело не на шутку. Как видно, у неё всё-таки был серьёзный повод. Не знаю, чего больше мы уже хотели: чтобы она, наконец, замолчала или чтобы продолжала до бесконечности.

Она продолжала и не щадила себя.

В дешёвом баре собака тоже была слышна. Мы взяли самый любимый в Чехии травяной ликёр «Фернет Сток» не хилых сорока градусов. Его многогранный аромат не поддаётся описанию, ибо состоит ни мало, ни много из запахов четырнадцати элитных трав, растущих только в Пиренеях, Атласских горах Марокко, Камеруне, Пакистане и Индонезии. Я нанюхал там ромашку, горчичное семя, дубовую густую горчинку и лимонную цедру. Тем не менее, рецепт ликёра до сих пор хранится в секрете. Сами чехи обожают запивать Фернетом своё любимое пиво. Будто бы тогда можно на время протрезветь и потом осилить ещё несколько кружек на пути к элитному званию «Пан Пивак».

Мы на этот раз предпочли пользоваться ярко-рубиновый «Фернет Сток» в чистом виде. Наверное, слова Волкова про некую операцию западных разведслужб «Пан Пивак» подействовали на нас отрезвляющие. Такие обстоятельства, я думаю, способны освежить голову кому угодно.

Мы выпили по стаканчику за павших в Аустерлицкой битве. За всех павших во всех боях, кого посылают умирать те, кто не способен сам постоять за себя.

Завывания псины стали ещё протяжней. Голос ей позволял. Можно было подумать, что эта собака напрямую общается своим воем с теми, кто когда-то погиб на ноябрьском Аустерлицком поле. И на Прохоровском. Куликовском. На всех полях смерти. Историки насчитали их более пятнадцати тысяч, ставших кладбищами для четырёх миллиардов людей, специально выращенных, чтобы умереть в силу особых исторических обстоятельств. Те же историки прикинули, что мирных дней за всю историю человечества у него было не больше месяца.

Так что наша собака никак не могла скоро замолчать.

Бармен, пан Кучера, радостно предложил нам достославные картофельные кнедлики: к ним прилагались не менее знаменитая подкопчённая старопражская ветчина из целого свиного 마리нованного окорока, густой острый соус, тушёная капуста и отварное тесто в одной тарелке. Отварное тесто хорошо впитывало соус. При этом вкус соуса и вкус теста соединялись и давали особенный третий вкус, который иначе не почувствовать. Сам по себе он не существует. Мясо и капуста тоже отлично сочетаются и отменно дополняют друг друга.

Пан Кучера принёс кнедлики и к ним бутылочку сорокаградусного ликёра «Фернет Сток» для мужественных гостей. И то, и другое тоже неплохо сочетается между собой, но, к сожалению, до сих пор не имеет какого-то одного, обобщающего названия. Как вариант – пиршество.

подавая, бармен что-то сказал нам. При этом у него было буквально молитвенное выражение лица. Оно могло иметь отношение как к Богу, так и к вкусу кнедликов или золотистой сочной ветчины.

– Воеет и воеет! Уж эта собака... Извините, проше Паньства, – повторил нам пан Кучера таким тоном, словно речь шла о чём-то возвышенно мистическом.

Он оказался достаточно русскоговорящим чехом.

– Повоеет и перестанет, – философски отозвался я.

– Неделю воеет... *Atrium mortis!* – нахмурился бармен, который, оказывается, был не только русскоговорящим, если судить по этой латинской фразе про суд смерти. – Столько посетителей распугала. Народ сейчас нервный. Всем сразу начинается мерещиться новая большая война. Кому-то она опять край нужна. Вы разве у себя в России этого не чувствуете?

– Чувствуем, – глухо сказал я.

– Под такие мысли много не съешь и не выпьешь. Одни убытки, пан, от этой собаки. И от предсказателей новой войны. Надо попросить сторожа пристрелить её.

– Не стоит, – вздохнул я. – Это настоящий аустерлицкий пёс. Он так по-своему служит, прости Господи, панихиду по всем павшим здесь. *Ad perpetuam rei memoriam.*

– Переведите, пожалуйста, – в один голос сказали Илья и Валентин.

– В вечную память события, – вздохнул пан Кучера.

Я предложил тост за такую усердную старательную собаку. Настоящий трудолюбивый чешский пёс.

Это всем понравилось. Но особенно понравилось бармену. Ему латинская фраза про здешнюю собаку понравился даже больше, чем кому-либо из нас.

Бармен открыл окно и что-то радостно крикнул старательно вывшей собаке по-чешски. Мы за эти считанные дни так и не овладели в достаточной степени этим языком. Но сейчас его знание нам не потребовалось. Нисколько. Мы без труда поняли, что крикнул бармен. Это было само собой ясно. Он крикнул собаке, что мы пьём за её собачье здоровье.

Как бы там ни было, но после тоста она реально замолчала.

Нам поначалу показалось, что это ненадолго. И мы невольно прислушивались, ожидая, когда собака снова возьмётся за своё.

Она упёрто молчала.

И тогда мы поверили в силу своих тостов, и последовали новые: за мир, за удачу, чтобы не было в карманах пусто, за женщин, за инопланетян.

– Битву устроили три императора, но сами драться между собой не решились. Людей подставили! Выпьем, чтобы так больше никогда не было! – ещё раз подтвердил бармен своё отменное знание русского языка.

Мы выпили за мир во всём мире. Бармен неожиданно пустил слезу.

После третьей бутылочки слегка горьковатого «Фернета» мы вместе с паном Кучерой как смогли спели «Катюшу», а потом ещё осилили «Хотят ли русские войны». Её мы пели особенно звучно, строго. Без неё сегодня было никак не обойтись.

Потом я сольно спел песню, которой давным-давно, когда мне было лет пять, меня научила мама Татьяна Яковлевна. Один куплет до сих пор сидит в моей голове. Точно некий компас.

«Вновь богачи разжигают пожар,
Миру готовят смертельный удар.
Но против них миллионы людей:
Армия мира всех сильней!»

Аустерлицкое небо с нашего холма было зажато серой поволокой дождя. Сеялась прохладная морось. Это было вовсе не то высокое мудрое небо Аустерлица, которое поучительно открылось тяжело раненому князю Андрею. Это было наше небо. Нас и пана Кучеры. И той мудро замолчавшей собаки.

Я долго бдительно смотрел на неудобное небо Аустерлица. Будто в свою очередь ждал откровения. Но небо не спешило. В конце концов, я не князь Андрей. И всё-таки я жду этого откровения до сих пор.

Проза

Владимир Пронский

Редакция журнала «Берега»

сердечно поздравляет Владимира Пронского с 70-летием!

Примите наши самые добрые слова признательности и благодарности за Вашу творческую деятельность и пожелание светлого вдохновения, крепкого здоровья, энергии, бодрости, счастья, любви, прекрасного настроения!

Владимир Пронский родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов: «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засада», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», «Послушание во славу»; повестей: «Мягкая зима», «Свобода прежде всего», «Воспоминания о розах», «Уходило спелое лето» и других, множества рассказов. Публиковался в журналах «Берега», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Север», «Странник» и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной

литературной премии имени Андрея Платонова и нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России

Хожалка

Рассказ

Непросто бывает не только обездоленным людям, но и тем, кто оказывается рядом с ними. Что это так, Вера Чумакова давно поняла: восьмой год работает в социальной службе. За это время она избегалась, исхудала, стала резкой, научилась ехидничать, особенно когда кто-то нелестно отзывался о её работе. «Кто ты есть, чтобы обсуждать мои дела?!» – спрашивала она у любопытствующего и так прожигала из-под рыжей чёлки раскосыми зелёными глазами, что у любого человека сразу пропадала охота к новым вопросам. Или припустится бежать, а куда, зачем – неизвестно. Идёт-идёт и вдруг, как шальная, – помчалась. За это её и звали Вера Чума.

Все эти годы Вера закупала продукты для подопечных, если надо, убиралась у них, и со всеми находила общий язык. Лишь однажды получился конфликт, когда одинокий старичок подарил шоколадку. Подношения запрещено принимать, она никогда и не брала ни у кого подарков, а в тот раз слабину дала, да и как отказать ради Христа. Принесла Вера шоколадку домой, а отломить и дольки не смогла – стала бы поперёк горла. Отдала шоколадку соседскому мальчишке, а в следующий раз отказалась от нового подношения. Дедуля же пожаловался в управление соцзащиты, мол: «Шоколадок нынешним хожалкам мало, они ждут конвертик с деньгами...» Веру хотели уволить, а она и не сопротивлялась: «Увольняйте, тужить не буду. Я тоже человек, а не тряпка тёрханая, чтобы об меня ноги вытирали!» Но её не уволили – заступились другие подопечные. В их числе оказалась Аня Федоткина. Вера и ранее к ней испытывала симпатию, но после того случая она стала ей, как родная сестра, которой у Веры не было.

У них и судьбы схожие, построены на несчастье, потому что обе рано остались без родителей. И если Аня – инвалид с детства, то Вера внешне вполне здорова, но в душу лучше не заглядывать. Изранена она у неё, пугливая, постоянно плачущая – даже Ане не понять. Только общая заноза – отсутствие детей – уравнивает их. И если Вера давно смирилась со своей долей, то Аня пока

в боевом настроении. Она даже журит хожалку, когда та совсем раскисает. Особенно осмеле- ла, побывав на нескольких репетициях в студии реабилитационного центра, готовясь к концерту. Сперва-то Аня и слышать не хотела о выступлении. Тем более что и священник Лука отговаривал; он частенько приходил к Ане в праздники с молитвой и подарками и весьма одобрительно от- зывался о её увлечении вышиванием, считая, что это самое подходящее занятие. Хотя пальцы у Ани не особенно ловкие, зато хватает упорства. Сперва она вышивала салфетки, платки, а потом льняное платье украсила цветными узорами с использованием полутонов, расписала платье крас- ными вензелями и диковинными изумрудными птицами. Да так выразительно получилось, что платье возили на областную выставку народного творчества, где её работа заняла первое место. А в последний день выставки платье даже продали. С Аниного согласия, конечно. Когда привезли кругленькую сумму, Аня позвонила Вере и расплакалась, потому что это был её первый в жизни заработок, и она не знала, что с ним делать.

– Не тужи – мы найдём деньгам применение! – рассмеялась Вера и посерьёзнала:

– Купим несколько таких же платьев, на год-два работы хватит. А то в последнее время тебе неизвестно что на ум приходит, думаешь о том, о чём нельзя.

Аня тогда никак не отреагировала на последние слова, хотя обида осталась. Да и как не остать- ся, если в последнее время она всё серьёзнее мечтала о муже. Ведь это так прекрасно – быть за- мужем. По фильмам Аня подробно знала, что происходит между влюблёнными, о чём они говорят, но в её положении оставалось лишь завидовать.

После успеха на выставке, ей позвонили из реабилитационного центра и предложили зани- маться в танцевальной студии, чтобы со временем подготовить парный танцевальный номер.

– А разве такое возможно? Это совершенно нереально! – изумилась Аня и бросила трубку, ре- шив, что над ней кто-то зло пошутил.

Ей перезвонили и убедили-таки попробовать, а если действительно не получится, тогда и на- стаивать не будут.

– А вдруг удача придёт! – убеждал грубый женский голос. – Вы теперь лауреат, и самое время увеличить диапазон своего таланта! Звезду из Вас сделаем! С соцзащитой мы договорились, и работница будет сопровождать на репетиции.

– Кто тот человек, с которым мне предстоит репетировать?

– Такой же, как Вы... У нас несколько подобных пар. В нашей стране нет обездоленных людей! Каждый может найти занятие или увлечение по своим возможностям! – сердитая женщина гово- рила так напористо, что трудно было вставить слово, чтобы возразить или спросить о чём-то.

– Можно попробовать, – только и вздохнула Аня.

– Вот и хорошо! Завтра позвоню, зовут меня Маргарита Иосифовна, я руководитель студии. Пожалуйста, будьте готовы после обеда отправиться на первую репетицию. За Вами придёт спе- циальный автобус.

И действительно, на следующий день в назначенный час появился хмурый седоусый водитель, подстриженный пугающе коротко, и забрал Аню, поехавшую без головного убора, – боялась по- мять шапочкой белокурую причёску, освобождённую перед самой поездкой Верой от бигуди. В автобусе уже находился человек на коляске. Как выяснилось, тот самый, с кем Ане и предстояло репетировать. Её познакомили с ним, звали его Алексеем. Необычайно смущаясь, она коснулась его руки; какое же это, оказывается, чудо – чувствовать сильную мужскую руку.

У реабилитационного центра водитель и Вера помогли Ане выбраться из автобуса, подняться по пандусу на входе в центр и далее – доехать до репетиционного зала; Алексей же сам ловко управлял своей коляской.

На репетиции у них сперва ничего не клеилось. Они потели, краснели, слушая подсказки, и старались кружиться в такт музыке. Как же это тяжело, хотя начали с самых простых движений, и даже стыдно быть такой неуклюжей и перед высокой стройной девушкой-хореографом, гибкой и подвижной, как стрекоза, и перед Алексеем, и перед стремительно мелькавшей миниатюрной Маргаритой Иосифовной. И это было только началом. А потом месяц за месяцем, дважды в не- делью Аню бывала на репетициях, и Вера, конечно, от неё ни на шаг.

Почти всю осень и зиму Федоткина занималась в танцевальной студии, даже вышивку заброси- ла, и теперь без репетиций не могла жить. Ездил на них, как на любимую работу.

Вот и сегодня вновь собралась и ждала Веру. А та пришла хмурая и молчаливая, словно та-скаться на репетиции ей стало тяжелей тяжкого. И Аня не удержалась, упрекнула:

– Ну и чего губы развесила?!

– Ничего и не развесила! – Вера в этот момент постаралась не хмуриться.

Аня же, заметив настроение хожалки, сменила разговор:

– Вот то-то же! Нам всего-то по сорок! Вполне можем семьи создать!

– Ты всё о том же... Я уж была там... Семь лет муж помучился и бросил. И правильно сделал, не осуждаю. Это мне наказание за то, что в девках за парнями собачонкой носилась. Жалко только, что родители внуков не дождались.

– Что было, то прошло. Я бы на твоём месте ещё сто раз замуж вышла!

– Опять упрёки слушать?!

– Если не хочешь замуж, то в наше время ребёнка можно искусственно сотворить.

– Деньги большие нужны! Думаешь, много я зарабатываю?

– Но я слышала по телевизору, что теперь такие операции будут делать бесплатно.

– Ладно, потом поговорим... В чём поедешь-то?

– Даже до конца не выслушаешь... В розовой кофте и серой юбке!

– Хотя бы раз концертное платье надела, для чего тебе его сшили? Оно ведь длинное – надо привыкнуть.

– Привыкну на генеральной репетиции, а то в автобусе могу испачкать!

Накануне генеральной они репетировали дольше обычного. Когда же приехали домой, Вера закатила Аню в квартиру, помогла раздеться, усадила в ванной на табуретке и начала купать – уставшую, но не умолкавшую ни на минутку; со стороны посмотреть – непонятно, чему она так радуется.

После закутала Аню в халат, помогла перебраться в кухню, усадила за стол. Заварив чай, разлила по чашкам и подвинула к Ане вазу с конфетами и печеньем. Но та и не посмотрела на сладости, неожиданно спросила:

– А как у тебя было первый раз?

– Что «первый раз»?!

– Ну, с мужчиной... – уточнила Аня и покраснела.

– Не помню...

– Не обманывай. Замужем долго была, а теперь Николай похаживает...

– Похаживал... Два месяца потаскался после развода, а потом моложе нашёл. Так что завидовать нечему! – грубовато фыркнула Вера.

– А я Алексею нравлюсь, – неожиданно похвасталась Аня. – Он так смотрит на меня!

– Брюнетам всегда блондинки нравятся... Зря ты о нём думаешь! Душу с места стронешь, потом и сама не рада будешь.

– Ну, как всё-таки?!

– Никак... Не хочу об этом говорить. Пей чай и перебирайся на кровать – отдохни, бледная вся!

Аня промолчала, и Вера поняла, что она заразилась тем самым состоянием, от которого отговаривала её в последнее время. Теперь так и будет цепляться. Поэтому, быстренько перебив чашки, Вера собралась домой и от порога напонила:

– Дверь запру, а завтра в обед жди. Чего из продуктов-то принести?

– Сама знаешь, – сердито ответила Аня и закрыла глаза.

– А ты поспи хорошенько, а то завтра генеральная репетиция!

Аня даже не отозвалась.

– Вот до чего танцы доводят! – ляпнула Вера вслух и хотела добавить: «Так ведь можно и свихнуться!» – но вовремя промолчала.

На улице же подумала по-иному: «Всё-таки надо ей кого-нибудь найти. Это только кажется, что они беспомощные и ничего не умеют! Ведь как завистливо упрекнула Николаем! Не надо было ничего ей рассказывать!»

Когда Вера ушла, Аня пожалела, что грубо обошлась с хожалкой. Хотя и она хороша – даже выслушать не могла. Ей ведь это ничего не стоило. А кому теперь рассказать, что творится на душе.

«Жаль, что не умею сочинять стихи, а то сердечное стихотворение написала бы!» – мечтала Аня, чувствуя, как подкатывают слёзы и сердце почему-то сжимается, да так сильно, что уж и воздуха не хватает. Поэтому гнала мысли об Алексее, но он вспоминался сам собой: жуковые волосы аккуратно пострижены, а карие глаза такие глубокие, что в них можно утонуть. И ещё вспоминала его сильные, цепкие руки. На первых репетициях она очень боялась упасть, начиная кружиться под звуки вальса, но потом поняла, что с Алексеем ничего не страшно. И это прибавляло уверенности, и всё чаще слышалась похвала. «Молодец!» – словно школьнице, говорила хореограф, и это очень нравилось Ане.

Она и сама чувствовала, что у неё стало получаться. Постепенно выучила танец до автоматизма. И к Алексею привыкла, и к Вере, сидящей в зале, даже к электрику в смешном оранжевом комбинезоне, что-то постоянно чинившему за кулисами.

Подумав о завтрашней генеральной репетиции, Аня начала переживать: удастся она или нет? А более переживала оттого, что будет потом, после концерта. Сможет ли когда-нибудь встретиться с Алексеем по-настоящему. Или ей никогда не суждено, как обычным людям, пойти на свидание, не суждено пригласить его домой, чтобы все соседи видели, что у неё есть мужчина. Или только и счастья осталось, что бывать на репетициях. Поэтому надо постараться завтра, чтобы всё прошло без единой задоринки, чтобы потом всегда приглашали на выступления.

С утра Аня разложила на диване концертное платье, решила ещё раз проверить швы – вдруг где-то разошлись! Темно-лиловое, разукрашенное блёстками и стразами, шёлковое платье радовало нарядностью, оно, словно живое, выскальзывало из рук. Аня даже представила со стороны, как будет выглядеть в нём... А что будет потом, даже страшилась подумать. Главное – слушать музыку и следить за Алёшей, чтобы не пропустить ни одного его движения и не испортить впечатления, чтобы о ней не смогли сказать в случае возможной ошибки: «Ну что с неё взять...»

Она бы долго утопала в мечтах и размышлениях, но громыхание ключа в двери заставило отвлечься.

– Ну что, звезда, готова к генеральной? – грубо, слегка насмешливо спросила пришедшая Вера.

– Готова вроде бы... Только сильно переживаю!

– Это и хорошо, что переживаешь. Значит не чурка бесчувственная. Давай-ка помаленьку собираться.

Собирались они долго, а вечно ворчащего водителя попросили приехать пораньше, потому что Аня хотела перед репетицией переодеться в концертное платье самой первой, чтобы привыкнуть к нему и побороть стеснение. Хотя оно и без того явилось, когда они прибыли в центр. Ей показалось, что все почему-то смотрят на них с Алексеем, представшим в чёрном костюме с бабочкой, но главное – с какой-то женщиной.

Когда готовились за кулисами к выступлению, Алексей подъехал к Ане, поцеловал в щёку и сказал:

– Не волнуйся, всё хорошо будет!

Она машинально кивнула, совсем не думая о его словах, чувствуя, как горит щека от поцелуя; к этому месту хотелось приложить ладонь и остудить. От растерянности она даже закрыла глаза и почувствовала, как кто-то коснулся её плеча. Веки распахнула – рядом опирается на трость спутница Алёши.

– Не переживайте, всё получится! – негромко сказала она.

– Вы – кто? – спросила Аня, замирая от недоброго предчувствия и понимая, что эта женщина неспроста появилась за кулисами.

Подъехавший же Алексей, словно читал её мысли:

– Анна, познакомьтесь; это моя супруга Светлана!

Аня почтительно кивнула и увидела на правой руке Алексея обручальное кольцо, хотя прежде его никогда не было! От страшных слов, от обручального кольца – от всего, что сейчас произошло, – сразу разрушились все мечты, словно и не было их никогда, а если и приходили, то к какой-то другой Анне. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, и голова вдруг куда-то поплыла...

Когда её привели в чувство, она посмотрела савёлыми глазами вокруг себя и вновь безвольно откинулась.

– Что с Федоткиной произошло? Что, я вас спрашиваю?! – прокуренным голосом испуганно и зло проскрипела Маргарита Иосифовна, всегда заботливая, но в этот момент на себя не похожая и сильнее обычного напоминая высохший стручок.

– Ей домой надо! – твёрдо сказала Вера. – Выдохлась она, разве не видно!

– Врача ей надо, а не домой! Пусть приведёт в чувство – и на сцену. Не для того мы с ней полгода возились, чтобы сценарий ломать!

То ли от этих слов, то ли сама по себе, но Аня открыла глаза, хотя по-прежнему стыдилась смотреть на окруживших людей, и о чём бы её ни спрашивали – на всё отвечала молчанием. Она и в автобусе молчала, лишь перед домом толкнула Веру:

– Где Алексей?

– На репетиции остался... Будет выступать со своей старой композицией. Ты-то – как барышня кисейная расклеилась... Не переживай. Это и к лучшему. Нужны тебе эти трали-вали. Правильно ведь говорил Лука! – отрывисто и даже сердито выговаривала Вера.

И Аня обиделась на неё.

Когда сердитый водитель помог Вере переместить Аню в квартиру, она как была в концертном платье, так и бухнулась на кровать.

– Отъездили, что ли?! – радостно спросил водитель и впервые за всё время улыбнулся.

– Всё-всё – отъездили... Будьте счастливы и проваливайте! – шуганула Вера водителя и забыла о нём, под села к Ане.

– Сейчас-то хоть скажешь, что случилось? – спросила она и посмотрела ей в глаза.

Аня ответила не сразу. Наревевшись, вдруг отчётливо пожаловалась:

– Алексей – женатый...

Вера чуть не рассмеялась, думая до этого трагического для Ани откровения, что с ней произошло что-то серьёзное, а тут такое.

– А ты чего же, планы на него строила, губы от счастья раскатала?

– Не твоё дело, уходи!

Вера продолжала сидеть, а Аня повторила:

– Уходи и никогда не приходи ко мне. Без тебя обойдусь! Ты – злая Чума!

Если бы Аня сказала озлобленно, то Вера поверила бы ей, а то пропищала, как всегда. Но в любом случае Вера не могла обижаться на подопечную, но разве скажешь себе: «Не обращай внимания – какой спрос с больной!» За долгие годы Вера хорошо изучила её и очень правильно поняла нелестные слова, от которых всё-таки сделалось неимоверно обидно. Даже не верилось, что Аня могла сказать такое. Неужели надуманные любовные фантазии так повлияли на неё, что она решилась обидеть самого, может быть, дорогого человека, потому что близких родственников у неё не было, а дальние не хотели с ней зняться. Поэтому Вера и стала ей почти родной. И обе это знали, но теперь Аня всё перечеркнула. Неужели такое возможно? Ведь никто и никогда не будет с ней так возиться. Другие хожалки с утра разнесут продукты, в квартире, если нужно, приберутся – и нет их. А Вера и в выходные пропадала у Ани. Увидит в программе интересный фильм – и к ней отправляется. Прибежит пораньше, чтобы еду приготовить, постирать. Иногда и заночует. А теперь, значит, стала «злая», но самое обидное, что Чумой обзвала!

– Ну, спасибо, Анна Сергеевна! – горько усмехнулась Вера.

Хотя она оделась внешне спокойно, но пока шла домой – ноги подкашивались. «Завтра попрошу, чтобы освободили от этой нахалки, – решила она. – Или вообще уйду из соцзащиты! Давно зовут работать в детсад. После педучилища работала же в яслях воспитателем, и ничего – справлялась, и никто Чумой не обзывал!»

Дома Вера хотела заняться ужином, но не было сил стоять у плиты – лишь попила чаю с печеньем и прилегла на диван. Ведь, что ни говори, тоже сегодня замучилась с этой генеральной репетицией – весь день на побегушках! Вера чувствовала, как окутывает легкая и приятная дрема, и, засыпая, вновь подумала об Ане: «Поживи одна денёк-другой! Сразу по-другому запоёшь. А то набаловалась, лауреатка, все должны вокруг тебя юлой вертеться!»

Вера всё-таки заснула по-настоящему, а проснулась от телефонного звонка. Звонил отец Лука. Даже перепугал, потому что за окном уже по-настоящему стемнело.

– Вера Петровна, срочно приезжайте к Анечке, её надо сопроводить в больницу...

У Веры от слов Луки дух перехватило, сразу вспомнила, что сгоряча забыла закрыть Анину квартиру... Видно, что-то случилось серьёзное. Не помня себя, оделась, выскочила на улицу, а когда в пути встретилась со «скорой», мелькнула мысль: «Неужели это её повезли?!» К дому подбежала и увидела полицейскую машину, священника, нескольких соседок.

– Что с Аней? – спросила Вера у Луки, казавшегося в высокой шапочке ещё выше.

– Кажется, отравление... Она недавно позвонила, сказала, что ей очень плохо, и просила приехать. И ничего не объяснила. Я в квартиру вошёл, а она без сознания на полу лежит и какие-то таблетки рядом рассыпаны... Вызвал «скорую», полицию...

К ним подошёл скуластый, чернобровый лейтенант в маловатой форменной куртке и спросил:

– Вы кто будете потерпевшей?

– Хожалка.

И поправилась:

– Социальный работник, навещаю Аню. Что с ней?

– Хотела счёты с жизнью свести!

– Какие у неё счёты – как ангел живёт!

– Значит, кто-то довёл. Следствие разберётся... Ключи у Вас есть от квартиры?

– Имеются...

– Тогда пройдёте! Надо выключить электроприборы и запереть дверь, а я её опечатаю. А Вас потом доставлю в отделение, чтобы взять объяснение.

– Да какое объяснение... Я от неё час назад ушла – всё нормально было.

– Значит, не очень нормально... Вот поэтому Ваше объяснение потом сравним с объяснением потерпевшей, если, конечно, она выживет...

– Что Вы такое наговариваете-то?!

Лейтенант пригласил в квартиру Веру и соседок Ани, как свидетелей.

– Холодильник тоже отключите! – сказал полицейский.

– Продукты ведь испортятся! – изумилась Вера.

– Вынесите на балкон...

Когда Вера вынесла содержимое холодильника на балкон, то увидела телефон.

– Тогда хотя бы мобильник ей отвезу!

– Пусть всё остаётся на своих местах!

Всё Вера исполнила, как велел лейтенант, а когда он опечатал дверь, они поехали в отделение. Вера только и успела поблагодарить Луку за звонок. В отделении она составила подробное объяснение, прочитав которое, полицейский заулыбался:

– Неужели от несчастной любви это натворила?

– От чего же ещё, прости Господи!

– Тогда ни Вам, ни нам и заморачиваться нечего... Езжайте домой.

Вместо дома, остановив такси, Вера помчалась в больницу. В приёмном отделении узнала у дежурной сотрудницы, важно восседавшей у телефона, поступала ли Анна Федоткина?

– Это которая с отравлением?... Сейчас в реанимации промывание ей делают. Она уж в себя пришла.

– Ой, счастье какое! К ней можно?

– Да Вы что, женщина! Хорошо, если дня через три пустят, да и то когда в общую палату переведут. Хотя, вряд ли – карантин сейчас в больнице из-за гриппа. Вы кем же ей доводитеесь – сестра, что ли?

– Подруга...

– Это хорошо, а то мы думали, что у неё нет никого, – недоверчиво и сонно отозвалась дежурная.

– А коляску ей можно привезти? – спросила Вера. – Она ведь инвалид!

– Неужто в больнице каталок нет? Обижаете! Вот Вам наш номер телефона – звоните. Когда будут выписывать – тогда и приезжайте.

Из больницы Вера возвращалась более или менее успокоенной, а дома загрустила, потому что показалось в квартире сыро, холодно и необыкновенно одиноко. Даже позвонить некому. Весь вечер смотрела на телефон, а он весь вечер молчал. Кое-как улеглась спать, а утром сообщила на работу об Ане и попросила не передавать её другой хожалке.

– Она по-прежнему за тобой числится, не волнуйся! – обнадежила начальница отдела, видимо, всё уже знавшая.

Все последующие дни Вера звонила в больницу, узнавала о самочувствии Ани, а сама она так и не отозвалась. На четвёртый день Вере позвонила незнакомая женщина и торопливо спросила:

– Вы – Чумакова?

– Она самая...

– Вам из больницы звонят... Я медсестра Ани Федоткиной. Она просила Вас приехать. Но к ней самой нельзя, зато под окошком постоять не возбраняется. Лежит она в терапевтическом корпусе на втором этаже, третье окно слева, напротив центрального входа в больницу. Будет ждать в час дня.

– Спасибо, обязательно буду! Что можно ей передать?

– Ничего. В больнице карантин из-за гриппа.

– И цветы нельзя? Ведь праздник был – Восьмое марта!

– Ни-че-го! – по слогам сказала медсестра, как отрезала.

Посетив до обеда двух клиентов, Вера в обед прибежала в больницу и заняла пост у третьего окна, но никого не увидела. Даже хотела швырнуть снежком, но вскоре выглянула Аня – бледная, осунувшаяся, но радостно блестящая глазами. Очень хотела и пыталась что-то сказать, едва дотягиваясь подбородком до подоконника, но разве по-настоящему поговоришь через двойные рамы. Минуту или две Аня подавала непонятные знаки, а потом показала лист бумаги. На нём крупно было написано: «ПРОСТИ». Вера замахала, нахмурилась, мол, ладно, не за что прощать-то, а самой сделалось невозможно радостно оттого, что Аня оттаяла и больше не сердится. Вот молодец-то! Когда она начала подавать знаки, что, мол, пора прощаться, Вера, хочешь-не хочешь, сдалась. Помахала в ответ, показала жестом, чтобы звонила, и, невольно оглядываясь, пошла к выходу.

Затуманившись радостным возбуждением, она месила талый снег на разбитом оттепелью тротуаре и не сразу поняла от навалившихся чувств, что витрины, сами здания, сквер за перекрёстком – всё вокруг затопило тёплое солнышко, блестящее в отдалении золотом церковного купола. Вера залюбовалась удивившим её свечением и поняла, что пришла настоящая весна, и самое плохое осталось в холодной и, казалось, нескончаемо долгой зиме. Это трепетное ощущение новизны помогло по-иному посмотреть на всё, что произошло недавно, что растрогало сейчас и заставило окончательно забыть тревоги последних дней. «Теперь и тужить не о чем! – решила Вера и, запоздало расплескавшись слезами радости, вновь вспомнила подругу, шмыгнула носом. – Какая же всё-таки Анька вредная – настоящая коза!»

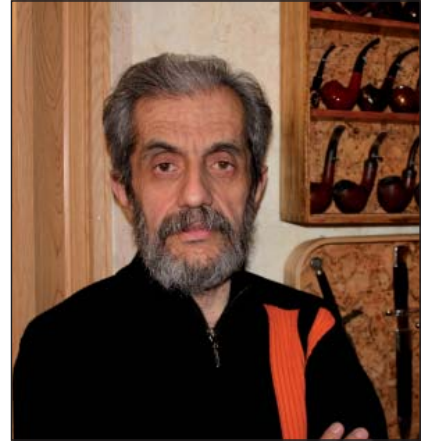

Проза

Александр Жданов

Поэт, прозаик, художник, историк искусства. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России.

Родился в Баку. По окончании средней школы работал, служил в Армии. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ. Работал в школах – сначала в Литве, потом снова в Баку. С 1989 живёт в Калининградской область. Здесь прошел все этапы газетной работы: корреспондент, зав. отделом, ответственный секретарь, главный редактор. Публиковался в журналах «Запад России», «Балтика», «Литературный Азербайджан», «Нева», в альманахах «Российский колокол», «Литера К». Автор трёх сборников стихов, трёх книг прозы, альбома живописи и графики и трёх учебных пособий по истории изобразительного искусства. Призёр Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» и Международного конкурса «Созвездие духовности».

Кулон из Сухума

Повесть

Во всём городе никто не готовил кофе вкуснее, чем бабушка Сирануш. И все городские гурманы знали узкий и длинный переулок, в котором расположилась уютная кофейня Григория. Он ещё в прежние времена был заведующим кафетерием, а потом, когда провозгласили свободу предпринимательства, одним из первых преобразовал учреждение общепита в кооператив. И бабушка Сирануш работала у него очень давно.

Переулок был настолько длинным и узким, что напоминал трубу, и по этой трубе стелился и вытекал кофейный аромат, завлекая в кофейню посетителей.

– Григор, – спросил как-то у хозяина уж очень любопытный гость, – зачем ты ютишься в тупике? Зачем не перенесишь кафе ближе к центру? Отбоя от посетителей не будет.

Григорий раскурил трубку, коротко ответил:

– Не хочу.

Потом помолчал, попыхивая трубкой, затянулся и, выпуская дым и одновременно наставив на собеседника мундштук трубки, продолжил:

– Сам подумай: в центре будет много народу, так? Так. Значит, надо будет делать всё быстро-быстро, чтобы успеть. Будет тогда у Сирануш хороший кофе? Нет! А что будет? Бурда! Люди будут спешить, толкаться. Кому нужна такая кофейня? Мне не нужна. Я хочу, чтобы было тихо, чтобы люди играли в нарды, беседовали. Разве в центре, где шумно и много машин, может получиться хорошая беседа?

Наверное, плохо собеседник знал Григория, если продолжал настаивать, приводить доводы. Григорий молчал, изредка выпускал трубочный дым, просматривал счета, квитанции. Потом, взглянув на собеседника так, как смотрят на ребёнка, который никак не может чего-то понять, Григорий выложил свой последний аргумент:

– А Сирануш? Как она со своими ногами опухшими будет добираться до центра? А здесь она живёт через дорогу. Без Сирануш зачем мне кофейня? Думай, да, что говоришь.

Григорий замолчал и так выразительно посмотрел на собеседника, что не только он, но и никто больше не приставал к Григорию с расспросами и нелепыми предложениями.

Зато женщины одолевали саму Сирануш, просили поделиться секретом своего кофе. Сирануш махала рукой, смущённо отворачивалась, улыбалась:

– Какой секрет, э?.. Просто всё.

Она действительно ничего не скрывала: берёт медные, обязательно медные турки и обязательно маленькие – на одну чашку – ставит их не на огонь, а в ящик с песком; сам же ящик размещает на раскаленных углях... Но как ни пытались женщины повторить всё за Сирануш, ничего у них не получалось. Кто-то оставил затею, кто-то продолжал экспериментировать, пока одна из них не обронила:

– Дело в руке! У Сирануш рука такая.

Этот аргумент подействовал – и женщины успокоились.

Аромат кофе бабушки Сирануш ещё собирал мужчин в кофейне, но разговоры их становились всё тревожнее – война уже подступала. И вдруг явилась с короткой фразой, сказанной малознакомым юношей, вбежавшим в кофейню Григория:

– Баграта убили!

Баграта знали многие, он ушёл одним из первых. Говорили, что сражается он в армянском отряде, что армяне Сухума организовали свой отряд и сражаются с грузинами на стороне абхазов. После этого ушли сын Григория и Акоп – зять бабушки Сирануш.

А дочь Акопа – Ирма окончила в том же году школу, и Сирануш подарила внучке золотой кулон в форме кизила на золотой цепочке. Не в магазине купленный, а доставшийся ей в подарок от свекрови. А той достался от её свекрови. Так и переходил он в роду от свекрови к старшей невестке. Теперь же Сирануш дарила его внучке. Ирма сначала даже испугалась:

– Бабушка, нельзя же мне! Невестке положено дарить.

Сирануш горько усмехнулась:

– А разве есть у меня невестка? Не дал Господь сына, вот и невестки нет. И даже внука нет, чьей жене могла бы подарить. Так что бери, детка. Значит, так надо.

Вечером же на домашнем совете решали где девушке учиться дальше.

– Я скажу, только вы плохо не подумайте, – начала, Седа, тётка Ирмы, – уезжать отсюда нашей девочке надо.

– Вай, Седа, что говоришь? Как уезжать? Куда уезжать?

– Надо уезжать. Что её здесь ждёт? Война надолго. Работы скоро не будет ни у кого. Мне муж сказал.

– А куда, куда она поедет? Мы никого не знаем, – чуть не причитала мать.

– Сиди спокойно, – вдруг сказала Сирануш и, опираясь на стол, тяжело поднялась. Шаркая, вышла в свою комнату, а вернулась с листком бумаги в руках.

– Вот, – положила она листок на стол и обеими руками разгладила его. – Адрес.

– Какой адрес? О чём ты говоришь?

– Учительница из России приезжала. Помните? Говорила, что в педучилище работает.

И все вспомнили. Несколько лет назад, когда не только войны не было, но ещё собирались за одним столом абхазы, армяне, грузины, привела Сирануш в дом русскую женщину. Прямо из кафетерия привела. Женщина зашла выпить кофе, села за столик. И тут же к ней подлетел Котэ – известный бабник. Уж как он увивался! Что только ни говорил! Сирануш видела, что женщине это неприятно, что она порывается уйти, да Котэ не отпускает – чуть не хватает за руки. А тут ещё Рудик подсел – не меньший бездельник и бабник. Женщина чуть не плакала. И тогда Сирануш громко, чтобы все в кафе слышали, сказала:

– Эй, бездельники! Постыдитесь своего отца, Котэ! И ты, Рудик, память отца не оскверняй. Что к человеку пристали?! Она со мной, это моя гостья! Идите себе.

Парни вскочили, смущаясь, двинулись к выходу:

– Извините, уважаемая.

И исчезли так же быстро, как появились. А Сирануш подошла к гостье:

– Напрасно ты, дочка, одна ходишь. У этих оборванцев ведь как; если женщина одна, без мужчины, значит, приставать можно. Не ходят у нас женщины, а особенно девушки, по кафе одни.

Гостья недоумевала. Ведь ещё три дня назад случайно оказалась она за большим столом с незнакомыми людьми, и там всё было хорошо, а сама она внезапно стала за столом уважаемым человеком. Сначала ей, как гостье, предложили сказать тост. Хитро улыбались, когда предложили – проверить, наверное, хотели, как выкрутится женщина. А она встала, подняла бокал и прочитала:

Сладость нальёшь –
Радость найдёшь.
Пей на здоровье!¹

Тост в стихах! Это же высшее мастерство! А мужчины зашептали: «Она знает стихи Николоза». Попросили прочитать ещё. Она прочитала:

Пусть будет зима холодна,
Пусть галок морозит она,
Коль бродит вино в голове –
Суровость зимы не страшна!²

И опять удивились за столом, ведь это был уже не Бараташвили, а Чавчавадзе. Александр. Гостью наперебой стали просить читать стихи. Она читала ещё: и грузина Чиковани, и армянина Чаренца, и абхаза Гулиа. Уважаемым человеком стала тогда женщина из уральского города, почему же сейчас так?

– А скажи, дорогая, – поинтересовалась Сирануш, – как ты оказалась за тем столом?

– Пришла вместе со своим доктором и его женой.

– Вот видишь, детка, не одна ты была. Не самозванкой села. Да и люди там, наверное, собрались приличные. Не то, что наши сорванцы. Хотя они неплохие ребята. Но у нас ведь как? Пусть рядом хромой, горбатый, но мужчина – пальцем женщину не тронут, а одна... Одной, джаникыс³, лучше не ходить.

В тот вечер Сирануш не отпустила гостью в санаторий, оставила ночевать у себя. Они долго сидели на кухне, и Ольга рассказала, что преподаёт она в педучилище и что, если Ирма захочет, пусть приезжает к ним поступать. О ней и вспомнила сейчас Сирануш.

– Вот туда пускай и едет, – заявила она

– Там же холодно. Как наша девочка будет там? – ещё пыталась робко сопротивляться мать Ирмы.
– Кто её там защитит?

– А здесь кто? Братьев нет, отец воюет. Пусть едет, – поставила точку в споре Сирануш.

– Ирма, детка моя, напиши учительнице письмо, – передала она внучке листок с адресом. Сказала так, что всем стало ясно: домашний совет закрыт.

Ольге Сергеевне Ирма писать не решилась, а написала в училище, тогда ещё не назвавшее себя колледжем. И вскоре пришёл в Сухум ответ: Ирма Акоповна Мхитарян может приезжать и сдавать вступительные экзамены; место в общежитии предоставляется.

Пред самым отъездом Ирма решила оставить кулон – подарок бабушки – дома: мало ли что случится, но Сирануш настояла:

– Возьми, внучка, возьми. И всегда носи на себе. Весь наш род тебя оберегать будет.

2

Лето в тот год и на Урале выдалось жарким, и Ирма, выйдя из поезда, даже удивилась: и что пугали? Жарко, как у нас в Абхазии. Документы в училище приняли у неё быстро, место в общежитии предоставили. Что было делать? И Ирма стала изучать все висевшие на стене объявления и списки. Дошла до списка членов приёмной комиссии и не нашла в нём фамилии Ольги Сергеевны. Но не расстроилась, а даже обрадовалась немного. Себе Ирма старалась не признаваться, но побаивалась она встречи с Ольгой Сергеевной: узнает ли она Ирму, а, если и узнает, как встретит? Ведь одно дело пригласить в гости за дружеской беседой, и совсем другое – встретиться в реальности. А когда нет человека, то и вопросов нет. И снова подумала Ирма, что очень жарко на улице. Совсем, как дома.

Жара и впрямь стояла невыносимая. Уже несколько дней. Ольге Сергеевне казалось, что воздух застыл. Хотя, нет, слово «застыл» применительно к жаре не подходит, подумала она. Лучше сказать, что раскалённый воздух расплавился и стекает теперь осязаемой прозрачной массой. Сквозь эту массу приходится идти людям – и ни дуновения. Да и не спас бы ветер. От него, если он дул с востока, было даже хуже. На востоке горели леса, и ветер приносил запах гари. Едкий воздух забирался

¹ Н. Бараташвили «Надпись на азарпеше князя Баратаева» (пер. Б. Пастернака)

² А Чавчавадзе «Мухамбази» (пер. И. Тхоржевского)

³ Душенька моя (арм.)

в ноздри, лёгкие, в горле першило. Сегодня, правда, дул слабый северный ветерок, но в квартире по-прежнему было душно, открытые настежь окна не спасали. Скинуть бы с себя всю одежду и шлёпать по комнатам гольшом! Да вот беда – квартира на первом этаже. И не любила Ольга Сергеевна оголяться, даже в уединении. Наконец, она решительно пошла в ванную, взяла старую, истончившуюся уже простыню, смочила её и мокрой прикрепила на раскрытое окно. Так, она помнила, делали женщины на юге. Такая простыня быстро высыхала, и её приходилось сбрызгивать водой из пульверизатора, но зато снова, пусть ненадолго, устанавливалась приятная прохлада.

На письменном столе лежали фотографии – выпускники Ольги Сергеевны разных лет. Где они сейчас? Узнала бы их, если бы встретила? Вряд ли... Она знала наизусть огромное количество стихов, помнила большие прозаические отрывки, читала их хорошо, даже вела кружок художественного чтения. Но лица... Лица Ольга Сергеевна запоминала плохо. Пока ежедневно общалась с коллегами и студентами, конечно, не забывала, но даже небольшая разлука словно вычёркивала из памяти зрительные образы. Вот и могла пройти мимо человека, не узнав его, не ответив на его приветствие. И кто-то считал Ольгу Сергеевну заносчивой, высокомерной. А она просто не помнила...

Жарко. Простыня на окне снова высохла, и вновь пришлось смачивать её, но всё равно Ольге Сергеевне было хорошо. Смогла она в этом году отвертеться от работы в приёмной комиссии. Ох, как не любила она эти экзамены, защиты, выпуски! Особенно приёмные экзамены. Не было ведь года, чтобы кто-то не замолвил словечко за кого-то из абитуриентов. Как же тягостно было Ольге Сергеевне от этого! Ей не хотелось ссориться с коллегами, но она всё же отказывала. Повторяла слова своего дяди – профессора университета: «Умные поступят сами, а дураки нам не нужны». Коллеги злились на неуступчивость Ольги Сергеевны, а однажды пожилая уже преподавательница прямо сказала:

– Что вы, в самом деле, Ольга Сергеевна, такая принципиальная?! Не принципиальность это, милочка, а упрямство какое-то. Вы и впрямь думаете, что они всё делают самостоятельно? Везде и всегда подправляют педагоги. В средней школе у педагогов, когда они проверяют сочинения экзаменационные, по несколько ручек разного оттенка – где запятую поставят, где букву исправят. Это же система!

Ольга Сергеевна потупилась, сказала почти шёпотом:

– Может, и система. Но я не могу так поступать. Уж извините. И – знаете? – в одной хорошей книге сказано: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено».

Сказала и резко взглянула на коллегу. Та заметно смутилась.

Словом, досадовали коллеги на Ольгу Сергеевну, но и уважали принципиального педагога. Да и где бы нашли они ещё одного такого феноменально грамотного человека, наделённого к тому же невероятной зоркостью – ни одна самая маленькая описка не могла проскочить мимо. А сама Ольга Сергеевна каждый раз едва не болела в эти летние экзаменационные дни. И вот повезло – она свободна. Может хоть на Каму отправиться, хоть лечь дома под вентилятором и читать. Как давно она не читала просто так, для себя. Не при подготовке к уроку, не для того, чтобы к сочинению студенток подготовить, а для души.

Ольга Сергеевна по-своему выбирала книги для чтения, точнее, для перечитывания. Она становилась перед книжными полками и тихонько проводила кончиками пальцев по корешкам книг. В какой-то момент она чувствовала, что между книгой на полке и её внутренним состоянием устанавливается еле ощутимая энергетическая связь. Ту книгу, на которой эта связь улавливалась, Ольга Сергеевна и снимала с полки. Сейчас, пробегая кончиками пальцев по корешкам, она остановилась на шеститомнике в красивом белом переплёте с коричневым прямоугольником на корешке. Бунин. Она уже достала, было, четвертый том – поздние рассказы, но передумала и взяла стоявшую рядом книгу в коленкором переплёте болотистого цвета.

Книга вышла недавно. Сперва запретная прежде повесть появилась в толстом журнале. Тогда журналы разом стали публиковать доселе недоступное. Выписывать все журналы одной было накладно. Тогда преподаватели в училище договорились, что каждый из них выпишет по какому-то одному журналу, и пойдут потом журналы по кругу, чтобы каждый мог прочитать всё. С нетерпением ждала Ольга Сергеевна, когда повесть дойдёт до неё. А тут зашла в книжный – и обомлела: стопка новеньких книг на прилавке, и народу лишь два человека, видно, только поступили книги в продажу. Конечно, сразу схватила и шла домой, прижимая долгожданный том к груди. Случайно гля-

нула на своё отражение в витрине и чуть не рассмеялась сама над собой: на лице сидела счастливая и в то же время глупая улыбка человека, получившего, наконец, то, о чём мечтал. Купить-то книгу купила, но прочитать никак не получалось: конец учебного года отнимал всё свободное время.

И вот, кажется, сейчас можно спокойно почитать. Предвкушая сладостные минуты, она разместилась в кресле. Впрочем, эта встреча с повестью была уже второй: когда-то к ней попала самиздатовская копия, которую надо было прочитать за ночь. Тогда проглотила, но чувствовала, что многое упустила. А вот теперь... Она не просто читала, она слышала звуки прозы: «У-у-у-у-гу-гу-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне рвёт мне...». Телефонный звонок ворвался резко и так неожиданно, что сердце учащённо забилося. Звонили из училища:

– Ольга Сергеевна, выручайте! Некому читать диктант. Ирина Петровна умудрилась простыть в такую жару, перекупалась, видно, в Каме. Горло заложило – слова сказать не может. Приезжайте. Мы за вами такси выслали.

Что оставалось делать? Ольга Сергеевна чертыхнулась и стала собираться.

3

Такси уже ждало у подъезда, ехали быстро, но всё равно к началу экзамена Ольга Сергеевна едва не опоздала. Перед дверью аудитории отдышалась, вошла. Комиссия уже сидела за столом. Ольга Сергеевна, подходя к столу, привычно окинула взглядом аудиторию – сплошь светловолосые и рыжие девичьи головки готовы склониться над листами бумаги. И вдруг зацепился взгляд за девушку: тёмноволосая с характерными чертами лица – явно гостья с Кавказа. Ольга Сергеевна шёпотом поинтересовалась у коллег:

– Откуда это гостья у нас за второй партой – не с Кавказа ли?

– Дальше. Кажется, из Абхазии, – так же шёпотом ответили ей. – Какая-то армянская фамилия. Ох, вырвалась девчонка. Тяжко там сейчас, поди. Воюют ведь.

«Воюют». Ольга Сергеевна и сама прекрасно знала, следила за новостями. И болью отзывались в ней и любимая Грузия, и не менее любимая Абхазия. И тут её словно жаром обдало: нельзя девчонке не поступить, нельзя назад; назад – это под пули и взрывы. И тогда же решила, что поможет девушке. Ещё не знает как, но поможет.

Решение пришло само собой. Она проходила между рядами парт, диктуя текст, и по многолетней привычке смотрела в листы – успевают ли записывать. Ага, вот она, ошибка – запятую пропустила! Кто это такой невнимательный? Так и есть – закавказская гостья. Ольга Сергеевна встала спиной к комиссии, прикрыла собой девушку и пальцем быстро ткнула в то место, где была ошибка: исправляй! Девушка поняла, тут же поставила запятую. Но эта подсказка не ускользнула от соседки по парте. Значит, ей тоже надо помочь, ткнула и в её листок. А потом и другим по мере надобности помогала, чтобы никто ни в чём не заподозрил.

Кажется, всё прошло спокойно, подсказок в комиссии не заметили или сделали вид, что не заметили. Сдала свою работу и тёмноволосая абитуриентка. Ольга Сергеевна взглянула на титульный лист – Ирма Мхитарян. Ну, так и есть: не наша, не уральская. Ольга Сергеевна собрала работы в стопку, чтобы отнести их в преподавательскую комнату. Проходя мимо парты, за которой сидела Ирма, заметила оставленную ручку – видимо, девушка забыла её. Безотчётно взяла ручку и положила в карман. Пока несла работы, думала, как помочь девушке, если окажется, что ошибки в диктанте все же есть. Полезла зачем-то в карман – и в руке оказалась взятая со стола ручка. Это был знак и подсказка одновременно: надо улучшить минутку и пробежаться ещё раз, исправить ошибки, которые наверняка будут. Но как это сделать? Работы сейчас запрут в шкаф, да и преподаватели рядом будут. Ольга Сергеевна никогда не нарушала правил, не шла на подлог, не знала, как это делается. Ей казалось, что все только и будут смотреть на неё, подозревать в преступных намерениях и в самый решительный момент схватят за руку. Но «новичкам везёт» – с улыбкой вспоминала она позже, когда всё было позади. Помогли сами педагоги. Кто-то предложил отложить проверку работ и сходить в буфет – перекусить и отдохнуть. Значит, никого в преподавательской не будет, хотя бы в течение нескольких минут. Ольга Сергеевна плюхнулась на диван:

– Можно я здесь посижу, на диванчике? Что-то не по себе мне.

Она не слишком погрешила против истины, от волнения ей и впрямь стало немного нехорошо. А коллеги забеспокоились:

– Может, лучше врача вызвать? «Скорую»?

– Нет-нет, так со мной бывает. Сейчас пройдёт. Вы идите, идите. Я посижу.

Оглядываясь, преподаватели вышли. Посидев ещё минуты две, Ольга Сергеевна встала. «Так просто они не уйдут, – рассуждала Ольга Сергеевна, – приведут обязательно медсестру. Значит, у меня не больше пяти минут. Работы заперты, но это ерунда, что-нибудь придумаем». Она подошла к шкафу, взялась за ручку дверцы и внезапно вспомнила, как полгода назад нужно было срочно достать важный документ, а ключ куда-то запропастился. Тогда сама завуч слегка приподняла дверцу и потянула вправо – дверца открылась. Сейчас Ольга Сергеевна проделала то же самое. Вот она – стопка работ. Судорожно стала перелистывать, отыскивая нужную. Наконец, нашла. Надо сосредоточиться и в течение минуты-двух пробежаться. Вроде, ошибок нет, девчонка поняла её правильно. Ах, вот же, запятая! А здесь тире нужно! Так, исправим, а здесь аккуратно переделаем на «а». Ольга Сергеевна исправляла работу Ирмы её же ручкой. Всё, достаточно, пару незначительных ошибок надо оставить. Отличная работа не нужна, отличная вызовет подозрения. Ольга Сергеевна уже убрала, было, работы назад в шкаф, но тут словно вспомнила что-то, словно что-то увидела, за что зацепился взгляд. Конечно! Ещё оказалась одна южанка – Медея Вачнадзе. Что ж, этой тоже помочь надо. Когда Ольга Сергеевна мельком взглянула на часы, поняла, что прошли уже четыре минуты. Всё! Стопки лежат на прежнем месте, дверца в обратном порядке закрыта, Ольга Сергеевна плюхнулась на диван. В висках стучало, во рту пересохло – перенервничала, видно. Едва она успела отдышаться, как вошли директор Маргарита Александровна с медсестрой. Директор сразу кинулась к ней.

– Что это вы, голубушка Ольга Сергеевна, пугаете нас? Леночка, посмотрите-ка!

Молоденькая медсестра принялась накачивать грушу тонометра, но у неё никак не получалось, дважды пришлось сбросить. Измерить удалось лишь с третьего раза.

– Посидите ещё, я сейчас, – сказала Лена и выскочила из комнаты. Очень быстро вернулась со шприцем в руках. – Придётся уколоть Вас, Ольга Сергеевна, давление у Вас подскочило.

Домой Ольгу Сергеевну снова везло такси. А сама она по дороге пыталась понять, что же с ней происходит. В другой раз её мучили бы угрызения совести, она считала бы, что совершила нечто нечестное и постыдное. Она и сейчас понимала, что совершила подлог, но, странное дело, на душе было не только спокойно, но даже какое-то радостное чувство поселилось в ней. И чем дальше, тем радость эта становилась сильнее.

Дома она сразу легла и прикрыла глаза. Солнце передвинулось и уже не светило прямо в окна, и от этого становилось не так жарко. Шум в голове тоже постепенно проходил. Сейчас он отдалённо напоминал лёгкий плеск воды о берег. Он убаюкивал...

4

Ольга Сергеевна ступала босыми ногами берегом Камы и думала о другом берегу; о том, что далеко, в который бьётся тёплое море. Берег там особенный. Всё восточное побережье Чёрного моря усыпано галькой, и только здесь песок. Она любила эту страну. Страну... Ольга Сергеевна усмехнулась. Вот она и сама мысленно уже называет этот край страной. Сейчас уже многие так говорят, хотя большая страна формально ещё одна. Но трещины распада шли далеко и проникали глубоко, в том числе и в сознание людей. Страну... Та, фактически отделившаяся страна, сама разделяется внутри себя – и всё по живому, всё с кровотоком. Вот и берег тот сейчас уже чужой. Берега, берега, что же вы – то, как братья, то врагами становитесь? Песчаный берег Чёрного моря. Ольга Сергеевна любила приезжать сюда в санаторий, а то и из Сухума каждый раз специально приезжала – просто, чтобы походить. Никому не говорила она, но именно здесь к ней чаще всего приходила та, которая великим поэтом так проникновенно была названа «гостьей с дудочкой в руках». Об этом своём недуге, как с улыбкой называла стихотворство Ольга Сергеевна, не знал никто – ни коллеги, ни друзья, ни родные. Ольга Сергеевна тщательно всё скрывала, но на черноморском берегу внезапно пришло:

У Ираклия в духане,
В том, куда мне вход заказан,
Распивали «Мукузани»
И подхватывали разом
Переливчатые песни...

Эти песни она любила с детства, к удивлению родителей, не отходила от радиоприёмника, когда их изредка передавали. А потом на это легла поэзия, Лермонтов. И поэтому первая встреча с Грузией была лёгкой и радостной, словно обе – и Ольга, и Грузия – ждали её. Когда она услышала, что грузины называют свою родину Сакартвело, то чуть не задохнулась от восторга – так понравилось ей слово. Весь день потом повторяла она про себя: «Сакартвело, Сакартвело».

Ольге тогда было четырнадцать, мама привезла её в санаторий в Цхалтубо. Пока девочка лечилась, мама снимала комнату, а в санатории с пониманием отнеслись к тому, что девочка часто ночует у матери. Там, во дворе дома, она познакомилась с двумя соседскими мальчиками – армянином Самвелом и грузином Анзором. Парни учились в выпускном классе и к более молодой, к тому же болезненной и почти не оформившейся Оле относились по-рыцарски снисходительно, мол, мала ещё. А для Оли это было первое мужское внимание. Дома на Урале она записала в свою толстую общую тетрадь:

Надо снова ехать в горы,
Чтобы встретить в Сакартвело
Сероглазого Анзора,
Кареглазого Самвела.

Записала, закрыла тетрадь и склеила обложки полоской бумаги, чтобы никто не раскрыл, не прочитал. Тетрадь же засунула глубоко в стол. А мама тетрадь нашла и прочитала, правда, потом так же аккуратно заклеила полоской бумаги, но однажды не удержалась – дала понять дочери, что кое-что ей известно. Будто ненароком спросила:

– Интересно, как там сероглазый Анзор и кареглазый Самвел?

Оля вспыхнула, с болью, словно её, Олю, предали, взглянула на мать, но ничего не сказала. А тетрадь с той поры стала открывать ещё реже. Если стихи приходили, запоминала их. Сейчас та подростковая обида на маму казалась Ольге Сергеевне смешной. Уже несколько лет, как мамы не было, а толстая общая тетрадь – ещё не заполнена до конца. «Сероглазого Анзора, кареглазого Самвела», – чуть слышно повторила Ольга Сергеевна. Где они – Анзор и Самвел? Живы ли? А если живы, дружат ли по-прежнему или взяли автоматы и разошлись по разные стороны?

С недавнего времени Ольга Сергеевна не пропускала ни одной новостной передачи. А там всё чаще говорили о войне. Воевали армяне с азербайджанцами, воевали грузины с абхазами. Воевали друг с другом знакомые, соседи, а, может быть, и родственники. Ольга Сергеевна переживала за всех. А однажды особенно защемило сердце. Когда увидела на экране полуразрушенный знаменитый сухумский обезьяний питомник. В питомник, очевидно, попадали снаряды, которые и разрушили вольеры. И обитатели – обезьяны – сбивались в стайки, жались друг к другу от страха и были очень растеряны. Сейчас они ещё больше были похожи на людей. Как люди, потерявшие кров, они разделились на небольшие группы. В каждой группе можно было видеть несколько обезьянок, совершенно подавленных происшедшим; кто-то из молодых пытался хорохориться, прыгал, повисал на обломанных сучьях, снова возвращался к стайке. А старики сидели, опустив головы и глядя куда-то вдаль. Могли ли они думать о прожитом и пережитом? Проплывала ли перед их, обезьян, мысленным взором их жизнь – и их самих, и всего племени? Они были очень похожи на людей. Только о горестях своих не могли рассказать ни одному журналисту. А потом какой-то оператор дал крупный план. Он навёл камеру на самца, сидевшего в стороне от остальных. Тот поднял голову и долго-долго пристально смотрел в объектив. Очевидно, этот взгляд мудреца пронзил и самого оператора – камера дёрнулась, и оператор перевёл её на другой объект. Этот обезьяний взгляд и безмолвный обезьяний крик надолго выбили Ольгу Сергеевну из колеи – она с особенной остротой почувствовала ужас и безумие той войны.

По-русски Ирма говорила хорошо. И фразы правильно строила, и лексических ошибок не допускала. Впрочем, удивляться нечему – школу-то у себя в Абхазии окончила русскую. Но вот произношение... «Я буду питаться», – говорила Ирма, и не все понимали, что идёт речь не о намерении поесть, а о предстоящих попытках. Ирма видела это непонимание и поясняла: «Буду питаться выучить». Себя девушка не слышала. Как не слышала и своего предательски высказавшего фрикативного «дж», которого нет в русском. А ещё интонация: закавказские интонационные подъёмы

и спады никак не изживались. Ольга Сергеевна взяла над Ирмой шефство. Она придумала особый знак, «крючок» – согнутый указательный палец, который показывала девушке всякий раз, когда та произносила неверно. Если за день набиралось больше пяти крючков, Ирма оставалась после лекций и читала Ольге Сергеевне вслух что-нибудь из русской классики.

Когда, как она стала невольным опекуном этой армянской девушки из Абхазии, а вместе с ней и грузинки Медеи? Тогда ли, когда машинально положила в карман ручку, оставленную девушкой на парте, или когда пошла из-за обеих девушек к коменданту общежития? Медея была совершенно рыжей и совсем не тёмноглазой (такой тип встречается среди грузин), именно поэтому Ольга Сергеевна поначалу не признала в ней южанку. А когда узнала да при этом узнала, что поселили девушек в одной комнате, пошла к коменданту общежития и решительно ворвалась в каморку, которую сама комендант называла кабинетом.

Комендантша, полная женщина с нелепыми мелкими завитушками крашенных чуть ли не в жёлтый цвет волос, пила чай из голубенькой в розовые цветочки чашки, уставившись в одну точку. Она ложечкой брала из блюда брусничное варенье, отправляла его в рот, на мгновение застывала с вареньем во рту, затем клала ложечку прямо на стол, не глядя, брала в руку чашку, отхлёбывала чай, снова застывала, всё так же неотрывно глядя в одну точку. Этой точкой был телевизор, где внезапно потерявшую память бразильскую красавицу изводили недоброжелатели. Телевизор работал невыносимо громко, и Ольге Сергеевне приходилось перекрикивать его, но всё равно комендантша не слышала и продолжала глотать варенье, отхлёбывать чай и неотрывно глядеть в телевизор. Ольге Сергеевне пришлось стукнуть рукой по столу и крикнуть:

– Галина Степановна, почему Вы поселили этих девушек в одной комнате?

– Чё? Каких девушек? – комендантша с ненавистью посмотрела на Ольгу Сергеевну, так бесцеремонно перетащившую её, коменданта, из бразильской виллы в опостылевший кабинетик.

– Ирму Мхитарян и Медею Вачнадзе.

– А почему их нельзя вместе поселить? Что за цацы такие?

– Так одна из них из Абхазии, а другая грузинка.

– И что с того?

– Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете? Война там. Воюют одни с другими. А мы девчонок в одну комнату. Что, если они конфликтовать станут?

– Ох, надо мне о всяких «чурках» думать! Пусть спасибо скажут, что вообще их приняли, из войны вытащили, поселили в тепле и спокойствии. А то понаедут, учатся, остаются здесь... Не знаю, не знаю, пусть директор прикажет, тогда расселю!

– Я и пойду к директору, – сказала Ольга Сергеевна и направилась к двери.

И, уже стоя в самом проёме, жёстко добавила:

– А что касается «чурок», то не худо бы Вам знать, что и грузины, и абхазы, и армяне очень древние народы, древнее нас.

Но этих слов Галина Степановна не слышала, она снова была в Бразилии и громко подсказывала ничего не помнившей героине, кто на самом деле её мать. А Ольга Сергеевна действительно отправилась к директору училища. Директор её доводы приняла, и девушек расселили.

Всё это случилось летом. С осени же, как начались занятия, стала Ольга Сергеевна приглядываться к обеим девушкам. Тогда заметила, что девушки, хоть и не конфликтовали – во всяком случае, старались не конфликтовать и разговоров на большую тему избегали – но держались обособленно друг от друга. А тут почти одновременно пришли два страшных известия: у Ирмы погиб отец, а у Медеи – двоюродный брат. И девушки ещё больше закрылись друг от друга. Ольга Сергеевна, как могла, пыталась растопить ледяную стену, выстроенную девушками между собой. Получалось с трудом. Но Ольга Сергеевна всё больше привязывалась, прикипала душой к обеим девушкам. Правда, Ирма была как будто ближе, роднее. Однажды, весной уже было дело, занятия закончились, все студентки спешно покидали аудиторию, а, выходя, персонально прощались:

– До свидания, Ольга Сергеевна.

Ольга кому кивала, кому отвечала: «До свидания» – и снова склонялась над тетрадами. И тут заметила, что одна из девушек не вышла, а всё стояла у стола. Ольга Сергеевна подняла взгляд – перед ней стояла Ирма:

– Что случилось, Ирма? Что-то объяснить?

Совершенно по-детски надув губы, девушка сказала:

– Вы мне не улыбнулись. Всегда улыбались, а сейчас – нет.

– Ах, ты, милая моя! – Ольга Сергеевна вскочила, обняла девушку, прижала её голову к своей груди, а Ирма, не отрывая головы, сказала:

– Вы же мне как тётя. Неужели Вы не узнаете меня?

6

Мама Ирмы, Нора, приехала неожиданно. В самый разгар летних каникул. А всё потому, что на каникулы Ирма домой не поехала. На этом настояла Ольга Сергеевна. Она по-прежнему опасалась за жизни обеих девушек, но у Медеи в городе оказались родственники. У них, съехав из общежития после известия о гибели брата, и жила девушка. А вот Ирме податься было некуда. Общежитие на лето надо было освободить, тем более, что там собирались делать ремонт, и Ольга Сергеевна предложила Ирме переехать к ней. Девушка покраснела, смутилась:

– Как я пойду к Вам? Я же стеснять Вас буду. И как я буду на Вашей шее?

– Ты же говорила, что я тебе как тётя? Вот и живи у меня, племянница. А, если считаешь, что сядешь мне на шею, то можешь поработать. Хочешь, устроим тебя нянечкой в наш подшефный садик? Возьмут тебя с радостью. Основные нянечки уйдут в отпуск, так что ты даже сможешь. Да и работать будет не тяжело: малышей-то на лето немного останется.

Ирма согласилась. Ольга Сергеевна сочинила письмо для родных Ирмы, мол, участвует девушка в интересном проекте, и ей необходимо летом позаниматься. Выпросила у секретаря официальный бланк, кое-как настучала двумя пальцами на машинке и отнесла на подпись директору – как куратор группы.

Ольга Сергеевна не соврала. Ирма действительно участвовала в проекте, должна была участвовать. К концу учебного года училище оживлённо жужжало. Сюда зачастила начальник областного управления образования, они часто запирались с директором и её заместителями в директорском кабинете, что-то обсуждали, выходили взбудораженные, раскрасневшиеся. И было от чего. Во-первых, училище переименовалось в колледж, и новомодный статус обязывал внедрять какие-то новшества. А, во-вторых, новшества эти неожиданно появились сами. В колледж приехала группа преподавателей из похожего колледжа в Англии, и они предложили обменяться студентами. То есть англичане присылают одну студентку, чтобы та в течение полугода училась на Урале, сами же готовы принять у себя студентку российскую. Ирма к тому времени была уже одной из лучших студенток и могла претендовать на поездку. Но для этого надо было ещё позаниматься и русским, и английским. Ольга Сергеевна решила, что займётся с девушкой русским, а с английским взялась помочь подруга и однокурсница Ольги Сергеевны, преподаватель университета.

Ирма и впрямь была одной из лучших. Особенно хорошее впечатление она произвела на поэтическом Лермонтовском празднике, который ежегодно устраивала Ольга Сергеевна. Она знала толк в таких делах. На этот раз весь праздник формировался вокруг кавказской темы. Ольга Сергеевна привлекла и Ирму, и Медею. Девушки увлеклись, тема была им родной и понятной. Поэтому и готовились серьёзно. А сам праздник был позже признан лучшим из всего, что организовала в свое время Ольга Сергеевна. Девушки не только хорошо прочитали стихи и прозаические отрывки, они ошеломили всех. Когда занавес открылся, зал ахнул. Договорившись только с Ольгой Сергеевной, девушки перед самым выступлением дополнили свою строгую, по контрасту подобранную одежду деталями национальных костюмов – армянского и грузинского. И оттого, что это были не сами костюмы, а лишь их детали, лишь намёк, девушки не выглядели ряжеными. Намёк создавал художественный образ. Из украшений на Ирме был только благородный бабушкин кулон.

А после выступления здесь же, в актовом зале, устроили чаепитие с тортом. Эту традицию установила тоже Ольга Сергеевна. Перед сценой ставился стол, девушки пили чай и обсуждали прошедшее выступление. Как заправский режиссёр, Ольга Сергеевна разбирала всё, что было на сцене, отмечала проколы и промашки, хвалила удачи. Никто не обижался на критику, все были увлечены, по сути дела, продолжением спектакля.

Но на этот раз Ольга Сергеевна с разбором не спешила. Она ласково смотрела на своих студенток и чему-то улыбалась. Затем, спохватившись, словно вынырнув из мечтательности, сказала:

– Сегодня вы, девчонки, превзошли самих себя. Только не думайте, что у меня нет замечаний. Просто сейчас говорить об этом не хочется. Разберём наш спектакль позже. А теперь будем пить чай и болтать о пустяках.

И девчонки защебетали. Только Ирма с Медеей, казалось, не вернулись ещё в зал, а были ещё на родине, в горах. Вскоре Ирма встала из-за стола и, подойдя к окну, упёрлась лбом в стекло. Так она и смотрела на улицу, пока к ней не подошла Ольга Сергеевна

– Какой красивый у тебя кулон. Откуда он? – спросила она и тут же осеклась. – Только не вздумай сейчас снять его с себя и отдать мне. Я же знаю ваши обычаи. Стоит похвалить вещь, вы тут же готовы с ней расстаться.

– Это бабушкин. Наш родовой. Он передаётся по женской линии. А Вам действительно нравится?

– Нравится, нравится, но ты и думать не смей!

Она даже схватила Ирму за руку, потому что девушка уже потянулась к цепочке, чтобы расстегнуть её. И отошла. А к Ирме подбежали однокурсницы, поздравляли её с хорошим выступлением, рассматривали кулон, восхищались. Потом все разбежались, осталась только Виктория. Она тоже претендовала на поездку в Англию, и на этой почве девушкам приходилось часто быть вместе, обсуждать какие-то вопросы, и они почти подружились. Девушки вышли из актового зала на балкон, и Ирма с восторгом говорила:

– Я так люблю Ольгу Сергеевну! Она мне как родная. Это она посоветовала мне поступать сюда, когда была у нас дома в Абхазии. И потом очень помогла. Без неё я бы не поступила.

– Как это «помогла»?

– Очень просто. Когда читала диктант, пальцем тыкала в места, где я ошибки делала. Я и поняла – всё исправила.

– Повезло тебе.

– И не говори. Я не знаю, как отблагодарить её. Наверное, кулон этот отдам. Он ей так понравился.

Девушки стояли спиной к стеклянной двери балкона и не видели за ней коменданта общежития Галину Степановну. Она пришла, чтобы забрать с собой свою племянницу Викторю.

И вот после всех этих важных и бурных событий приехала мама. Сколько же она с собой навезла! Фрукты, козинаки, чурчхели – всё, чтобы порадовать доченьку. И, конечно, чтобы отблагодарить добрых людей, помогавших Ирме. Остановилась мама тоже у Ольги Сергеевны. Весь вечер женщины говорили, вспоминали прежние времена, когда Ольга Сергеевна была у них в гостях, когда не было войны, когда бабушка Сирануш готовила кофе для всех – для абхазов, армян, грузин, евреев, русских.

– А как сейчас дела у Григора? – поинтересовалась Ольга Сергеевна.

– Неважно. Разве можно спокойно сидеть в кофейне, когда стреляют? – Нора сказала это буднично, как говорят о привычных вещах. Потом помолчала и добавила:

– А мама моя, Сирануш, совсем плохо ходит – ноги болят очень. Не знаю, сколько ещё протянет. Но кофе готовит.

Улеглись женщины поздно. А на следующий день Нора заставила дочь отвезти её в общежитие. Там Нора напрямик пошла к коменданту.

Галина Степановна только что выключила телевизор. Сериал завершился счастливо, и Галина Степановна была довольна. Потому и гостей встретила приветливо, без обычной раздражительности.

– Спасибо Вам, уважаемая, – сказала Нора. – За то, что девочку мою не обижаете, что живёт она здесь хорошо.

И выложила перед комендантом целую сумку гостинцев. Много из угощения для Галины Степановны, не бывавшей никогда на юге, было в диковину, но тем интереснее казался подарок. Она, не переставая, улыбалась, кивала головой и приговаривала:

– Ну что Вы, что Вы. Замечательная у Вас дочка. И я к ней, как к дочке, отношусь. Столько бедняжке пережить пришлось!

При этом мелкие кудряшки Галины Степановны смешно подпрыгивали. Нора выпроводила дочь, а сама ещё некоторое время говорила с комендантом. Ирма так и не услышала, о чём они говорили. Впрочем, мать секрета не делала. Когда они с дочерью вышли на улицу, Нора сказала:

– Поживёшь пока у учительницы, а потом переедешь в общежитие. Совесть надо иметь. И так

для тебя она много сделала. Скоро одно крыло отремонтируют, и заселишься в свободную комнату. Я договорилась с комендантом. Хорошая, похоже, женщина. Понимающая.

Ирма только пожала плечами.

7

И всё же лето она провела у Ольги Сергеевны. Каждый раз, когда она входила в квартиру, её встречал в прихожей портрет Лермонтова. Лермонтов царил в квартире Ольги Сергеевны повсюду. Над письменным столом и в книжном шкафу два чёрно-белых портрета – вырезанные из журналов гравюры, на телевизоре небольшой металлический бюст. Для собраний сочинений поэта и книг о нём были выделены две отдельные полки. А в прихожей висел в золочёной раме портрет, написанный масляными красками. Портрет, а точнее, копию с известного портрета поэта сделал бывший одноклассник Ольги Сергеевны, сейчас известный в области художник. Сделал ещё студентом и подарил ко дню рождения. С тех пор и висел портрет в прихожей.

Ирма часто, войдя в квартиру, застывала перед ним, чувствовала, что для хозяйки квартиры это не просто портрет, а что именно – понять не могла. И тогда снова ей начинало казаться, что она здесь лишняя, что стесняет любимого педагога. Но и начать разговор о своём уходе не решалась, а уйти сразу, не предупредив, считала невозможным, справедливо полагая, что нанесёт Ольге Сергеевне горькую обиду.

Решилась начать такой разговор в один из вечеров, когда работала с Ольгой Сергеевной на кухне. Ольга Сергеевна чистила картошку. Поначалу Ирма бросилась, было, делать это сама, но Ольга Сергеевна её остановила:

– Куда тебе?! Пальцы ещё почернеют, а ты молодая, тебе красивой быть надо. Лучше вон мясо через мясорубку пропусти.

Ирма подкладывала нарезанные куски в мясорубку, электродвигатель жужжал, фарш выдавливался в миску, и Ирма заговорила о своём уходе. Ольга Сергеевна не отвечала. Дождавшись, когда машинка замолкнет, она пристально посмотрела Ирме в глаза и спросила:

– Ирма, детка, ты замечала, что я часто подолгу задерживаюсь на работе?

– Да, видела.

– А зачем, ты не задумывалась? Зачем мне перепроверять давно проверенные ваши работы? Зачем сидеть с методичками, якобы составляя планы и конспекты уроков? Я эти конспекты наизусть знаю за столько-то лет! Я порой выхожу из колледжа едва ли не после последней уборщицы и плутаю, плутаю по улицам. Не спешу домой. Почему?

Ирма не отвечала и только пристально всматривалась в лицо Ольги Сергеевны, пытаясь в его выражении, во взгляде найти ответ. Ольга Сергеевна вытерла руки о передник, села рядом.

– А когда прихожу домой, – продолжила она, – кто меня встречает? Михаил Юрьевич с портрета глядит. Самый одинокий и не понятый до сих пор русский поэт. Я специально портрет в коридоре повесила, чтобы сразу два одиноких встречались. Так что оставайся, поживи у меня. Мне будет и приятно, и легче.

– А я боюсь оказаться назойливой, боюсь, что вдруг помешаю Вам. Вдруг кто-то придёт к Вам, – Ирма заметно покраснела. Восточное воспитание не позволяло сказать взрослому человеку, педагогу такое, но она пересилила себя и, покраснев ещё больше, выдавила:

– Вдруг к Вам кто-то придёт. Неужели у Вас никого не было... никого нет? Вы такая красивая. И совсем не старая...

– Ай-ай-ай! – Ольга Сергеевна даже привстала, но улыбку скрыть не смогла. – Я тебе кто? Тётя, говоришь? А разве тёте такие вопросы задают? Ну, не смущайся, не смущайся. Давай закончим этот разговор. А ты всё же поживи здесь. До сентября.

Но съехать пришлось всё же раньше. Произошло событие, после которого оставаться в доме педагога было уже нельзя.

Перед самым началом учебного года с новой силой заговорили о предстоящей поездке одной из студенток за границу, к поездке оживлённо готовились, говорили о возможных кандидатах, но почти никто не сомневался, что единственным кандидатом станет Ирма Мхитарян. Её уже шёпотом (тьфу-тьфу, не сплести бы!) поздравляли, пытались представить, как она будет жить за границей. И тогда в кабинете директора появилась Галина Степановна.

– Вы меня извините, Маргарита Александровна, – начала она прямо с порога, – но что же это получается? Мы своих русских девочек отбрасываем, а за границу посылаем каких-то «чурок»?!

– Что Вы такое говорите, Галина Степановна?! Что за выражения?! Выражения-то выбирайте! – резко вскинула голову директор. – О чём Вы?

– Да всё об этой, из Абхазии! Об Мхитаряшке этой!

– Выбирайте выражения, Галина Степановна, ещё раз говорю. Что Вы имеете против девушки?

– Моя Виктория, наверное, не хуже. Так её и пошлите в Англию! Её, а не эту!

– Ах, вот Вы о чём! Во-первых, ничего ещё окончательно не решено. А, во-вторых, если угодно, Ирма Мхитарян – одна из лучших студенток и за границу вполне может поехать.

– Лучшая?! Да её вообще нельзя было принимать! Она в училище нечестным путём поступила! А всё это наша неподкупная и принципиальная Ольга Сергеевна. Конечно! За старинный золотой кулон чего не сделаешь!

– Ничего не понимаю. Какой кулон? Почему нечестным путём?

– Кулон – старинный, золотой. Его девчонка нашей праведнице дала за то, что та работу подделала.

– Перестаньте сейчас же! Что за голословные обвинения?!

– Голословные? Да-а? А ну-ка...

Галина Степановна бросилась к двери и втащила в кабинет заплаканную племянницу.

– А ну, Вичка, рассказывай всё, как на духу! – прикрикнула она, подталкивая девушку к директорскому столу.

Та не поднимала глаз. Маргарита Александровна выдержала паузу и твёрдым голосом сказала:

– Я обязательно выслушаю Викторию. Прямо сейчас. Но только с глаза на глаз. А Вам, Галина Степановна, лучше успокоиться и пойти на своё рабочее место. С начала года у Вас много работы.

Та хмыкнула, пошла к двери, бормоча по дороге:

– Тоже мне гости с юга! Все они торгоши! Всё у них покупается и продаётся. Меня мамаша её тоже подкупить хотела, чтобы я местечко новенькое девчонке предоставила. Но я не из таких!

8

Дождь перестал, постепенно затихая редкими брызгами, словно иссяк. Он зарядил ещё с утра – мелкий, неприветливый. По наблюдениям Ольги Сергеевны, такой дождь не предвещал ничего хорошего. В дождь, особенно в такой ленивый и мглистый, ей не везло. Вот и сейчас она стояла у окна, смотрела на улицу сквозь серебристые крапинки на стекле и ждала, когда же состоится этот неприятный разговор с директором.

Что разговора не избежать, Ольга Сергеевна поняла сразу, как только секретарь быстрым шёпотом, торопясь, сбиваясь и задыхаясь, рассказала ей о ворвавшейся в директорский кабинет Галине Степановне, о словах комендантши, из которых она, Светлана, ничего не поняла. Разговора не избежать – Ольга Сергеевна это хорошо понимала. Но знала и другое: разговор этот состоится не сразу. Маргарита Александровна никогда в подобных случаях не шла по горячим следам. Она тянула время, выжидала, чтобы те, с которыми разговор предстоит, потеряли бдительность, решили, что пронесло, что директор, может, ничего и не знает. И лишь потом, в тот самый момент, когда провинившийся расслаблялся, она прижимала его. А, может, директор просто тщательнее продумывала свои действия.

На этот раз Маргарита Александровна не стала вызывать Ольгу Сергеевну к себе в кабинет, а сама поднялась к ней. Она вошла в класс, когда Ольга Сергеевна задумчиво водила пальцем по затуманенному стеклу – получались домики с одним окном и трубой (из трубы валил дым), забор, солнышко. Погода на этом недолговечном рисунке была приветливее, чем за окном.

«На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено», – раз за разом повторяла про себя Ольга Сергеевна. Она по давней, студенческой ещё привычке дискутировала мысленно с произведением, которое читала. Книга лежала дома на журнальном столике, а Ольга Сергеевна, глядя на мокрые улицы, спешащих под зонтами прохожих, пыталась понять, а главное – почувствовать правоту персонажа. И понимала, что не может. Не может определиться, не может чётко сказать себе: вот это – белое, а это – чёрное, не получается у неё сбалансировать что-то в душе.

Маргарита Александровна стояла в дверях и тяжело дышала – в последнее время ей всё труднее давались подъёмы по лестнице, мучила одышка, стучало в висках. В классе она прошла мимо пре-

подавательского стола и опустилась на стул за партой. Ей тяжело было упрятать под парту свои отёчные ноги, и она сидела, повернувшись к проходу и к стоявшей у окна Ольге Сергеевне.

– Ну, что, Ольга Сергеевна? Я бы хотела всё услышать от Вас, – странное дело: в голосе директора не было привычного металла. – Наверное, нет надобности объяснять, что именно хочу я услышать от Вас?

– Конечно, не надо объяснять. Юлить не стану. Я действительно помогла тогда Ирме Мхитарян.

– Правильнее было бы сказать: подделали работу.

– Подправила. Незначительно. И не только Ирме.

– Вы понимаете, в чём Вы сознаётесь, Ольга Сергеевна? В том, что совершили подлог. Преступление.

– На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено – да? Наверное, так. А что если это преступление отвело от двух девушек смерть? Мне надо будет написать заявление об уходе?

– Перестаньте! На Вашем уходе я не настаиваю. Да и лишние скандалы колледжу не нужны. Думаю, я смогу замаять дело в управлении. Но меня, Ольга Сергеевна, беспокоит другое: могу ли я верить в нынешние успехи Ирмы Мхитарян, если тогда был, по сути дела, подлог?

– Можете верить совершенно. Да не только верить – и проверить можете. Вы проверьте её. Создайте комиссию, пусть прогонят девочку по всему материалу. Если надо, я вообще в этот день не появлюсь в колледже. Для чистоты эксперимента.

– Ну, будет, будет – не сердитесь. До этого мы доводить, конечно, не станем. К тому же девочка, как мне известно, успевает не только по Вашему предмету. Не могут же все педагоги у нас быть в сговоре? – улынулась Маргарита Александровна. А потом продолжила:

– Проверки мы устраивать не станем. Но и зарубежной поездки не будет.

– Но это несправедливо – Ирма достойна.

– У нас многие достойны. А Ирма? Ирма сама отказалась от поездки.

– Как сама?

– Вот так. Пришла ко мне в кабинет и заявила: если по её, Ирмы, вине на Ольгу Сергеевну – на Вас, то есть – свалилось столько неприятностей, то она отказывается от поездки. И даже готова вообще документы забрать и уйти из колледжа.

– Уйти? Надеюсь, Вы не отдали ей документы? Отговорили от глупости?

– Конечно, не отдала. Хорошие студентки нам нужны.

– Кто же теперь поедет?

– Да никто и не поедет. Кстати, Вика тоже сама отказалась. Да и не нужно это нам. Сейчас, конечно, все расстроятся, но со временем поймут, что ничего хорошего из этой затеи не получилось бы. А скандалу я не дам разрастись.

– А Галина Степановна? С ней что станете делать? Ведь она не успокоится! Будет кричать на каждом углу, как она всех на чистую воду вывела, начнет добиваться справедливости.

– Думаю, не станет. У каждого коменданта общежития есть то, о чём он предпочитает помалкивать. И очень не хочет, чтобы начальство напоминало ему об этом.

Маргарита Александровна тяжело поднялась из-за парты.

– А, знаете, ко мне и эта грузиночка, Медея, приходила, – сказала она. – Эмоциональная девочка. Плакала и возмущалась одновременно. Доказывала, что это не она наябедничала. Оказывается, кто-то из наших доброжелателей сказал девочке, что её подозревают в наушничестве. Мол, мстит она Ирме за погибшего брата. Кошмар. С трудом её успокоила. В какое страшное время приходится нам жить. Потом внимательно посмотрела на Ольгу Сергеевну и сказала:

– Хороших девочек Вы воспитали. Порядочных.

– Да разве это я? – возразила Ольга Сергеевна. – Это, наверное, у них в крови. Я лишь не позволяю этому утаснуть.

Директор вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. А Ольга Сергеевна вернулась к окну. Она старалась не думать ни об ужасном, как сказала директор, времени, ни о том, куда всё ещё может зайти. Она смотрела на улицу. Дождь снова начинал мелко сыпать, покрывая мурашками стекло снаружи, но на нём всё еще можно было разглядеть домики с одним окном и трубой, забором и солнышком над ними.

Поэзия

Григорий Блехман

Блехман Григорий Исаакович – поэт, прозаик, публицист, литературовед. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Работал научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Родился 11 августа 1945 года на Кубани – в казачьей станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала вся семья. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений

композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор девяти сборников стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России. Лауреат Международной и многих Всероссийских литературных премий: им. Н.С. Гумилева, им. А.Т. Твардовского, им. М.Ю. Лермонтова, «Слово – 2017»

Туда, где хорошо вдвоём...

Стихи о любви

...Ребро адамово венчало
С давно уже минувших лет
Животворящее начало –
Источник жизни на земле.

Р. Рождественский

* * *

Гуляли волны у причала
И волновали окоём,
Как будто молодость бежала
Туда, где хорошо вдвоём.
Она бежала без оглядки
И нарушала, может быть,
Порядок в общем распорядке –
Когда приплыть, куда отплыть.
Она рвалась, и ей хотелось
Как можно раньше видеть ту,
О ком всегда так сладко пелось,
И что несла его мечту.
Мечту о том, чтоб у причала,
Не нарушая окоём,
Всё так же молодость бежала
Туда, где хорошо вдвоём.

* * *

За окном тишина, и опять
Можем слышать дыханье друг друга.
Даже стрелки не ходят по кругу,
Чтоб друг друга у нас не отнять.

И другого на этой Земле
Для меня нет дыханья дороже,
Потому и, волнуясь до дрожи,
Добровольно иду в этот плен.
Потому и теснятся слова –
Их возможностей нам не хватает:
Что-то главное в них будто тает.
И слова в этот час – лишь канва.
Мы тихонько уходим от них.
Только слышим дыханье друг друга.
Да и стрелки не ходят по кругу,
Чтоб продлить в бесконечность наш миг.

* * *

Гуляла ночь, к утру раскинувшись,
Ушли в рассвет её черты,
И день оставил только символы
Слов, что сказали я и ты –
Совсем простых, но и достаточных,
Других таких в природе нет,
И потому из всех оставшихся
Лишь те слова несут нам свет.

* * *

Начинаю опять ощущать
 Тихий знак предвечерней печали,
 Будто мне журавли прокричали,
 Что никто их не выйдет встречать.
 Беглый иней задворками лёг,
 Пробежал по земле и по коже.
 Полыханье осиновой дрожи
 Провожает ко мне за порог.
 Я на стрелке секундной повис.
 Вместе с ней улыбаюсь и плачу.
 Ошибаюсь, надеюсь, иначе.
 И сорвусь в листопадовый лист.
 Тихо лягу тебе на плечо.
 Ненадолго – до первого ветра.
 И подумаю: «Снится наверно»,
 И, наверное, что-то ещё.

* * *

Откуда такое веселье,
 Когда уже почерк осенний –
 Чуть теплится поздняя речь.
 И дни в листопадовой пряже,
 И не замечаешь «пропажи»,
 И будто часам не истечь.
 Но пальцы касаются плеч,
 И вы обнимаете осень,
 И вновь этот танец уносит
 За грань нерассказанных встреч.
 Откуда такая тоска,
 Когда просыпается праздник –
 Но вот... парадоксы не дразнят,
 А только мешают слегка.
 Откуда такая любовь,
 Когда вопреки и нарушив...
 И знаешь – не надо бы лучше,
 Но вновь ты не волен и вновь –
 Ведь в ней постоянная новь...
 По старым следам и мотивам
 Ступаешь. И лишь сиротливо,
 Когда не находишь следа.
 Но мы отвлеклись... А тогда
 (Как быстро проходят года)
 Писали свои сочиненья,
 И было нам более-менее
 Всё ясно – что, как и когда:
 Мы верили, что непременно
 Нас к лучшему ждут перемены.
 И все тупики разрешимы,
 И не существует вершины,
 Которую мы не возьмём.
 А, если и были сомненья,

То их ненадолго хватало –
 Ведь сущего нам было мало.
 И всё, что ты мне не сказала,
 А, может быть, я не услышал
 В оттенки ушедшую речь.
 Сегодня на вальсе осеннем
 Нам ясно и без объясненья,
Что память сумела сберечь.
 И это – подарок нам в осень.
 И вновь этот танец уносит
 За грань нерассказанных встреч...

* * *

По вечерам приходишь ты,
 А почтальон проходит мимо.
 И тянет запоздалым дымом,
 И снятся голые кусты.
 И по ночам приходишь ты.
 Протягиваешь мне ладони,
 Как будто я не посторонний,
 А ты не знак из пустоты.
 Ты спрашиваешь: «Как дела?»
 Я отвечаю: «Существую».
 Ты оставляешь мне пустую
 Строку, что прочерком была.
 Я заполняю, как могу.
 И ты уходишь. Я бегу,
 Сказать тебе, что строчка сбилась.
Но больше ты не появилась.

* * *

Я придумал себе в пустоте
 Очертания гибкого стана.
 Очертанья любви и обмана
 Разбежались по зыбкой черте.
 Я обнял в пустоте этот миг.
 Он качнулся, и руки повисли.
 Я увидел, что падают листья
 С крыш, скамеек деревьев и книг.
 И подумал: «А что же тогда
 Стало памятью – было ли это?».
 Не нашёл никакого ответа.

* * *

Трав золотые волосы,
 Всё ожило и вспомнилось –
 Палые листья кружевом,
 Заморозки заблудшие,
 Где-то мы взявшись за руки
 Бродим задолго затемно,
 Где-то, забывши заповедь...
 Кадром наплывшим замерло.

* * *

Побелела, забылась вода,
Два дыханья сплетались и гасли...
Не отдай никогда, никогда
Этой сказочной сказки из сказки.
Лента будней, годами – года,
Расстоянья и весточки наспех...
Всё равно, никогда, никогда
Не отдай этой сказки из сказки.

* * *

Хлопья снежные нежно
Распушились сквозь сон.
Он, по-прежнему, прежний –
Из далёких времён.
Я, по-прежнему, помню,
Что никто не придёт.
Ты – и боль мне, и помощь,
И закат, и восход...
Понимаю – нелепо
Тормозить первый снег,
Но не движется лента
В припорошенном сне.
Ты прости, что тревожу.
Я тихонько уйду...
Я, по-прежнему, тот же
Всё на ту же беду.

* * *

На войне не бывает измен –
Только встречи и только разлуки,
Потому что сплетённые руки
Так легко превращаются в тлен.
Оттого нет любовных интриг,
А приходит туда только данность,
Переходит она в благодарность –
Будто в вечность уносит тот миг.

МАМЕ

Ты уходишь в золотую осень.
И в пространство тихо тает дрожь.
Ты меня теперь уже не спросишь:
«Как дела, сыночек? Ты придёшь?»
И свеча, что по тебе печалит,
Восковой слезой бежит на дно.
«Я приду» – тебе я отвечаю.
И теперь тебе уже одной...
Ты прости – я опоздал с ответом.
Ты всегда умела тихо ждать.
Я сегодня пожалел об этом –
Что не всё успел тебе сказать.
Так всегда – жалеешь слишком поздно.

Что-то рад бы изменить, но как?
Тихо стыннут за закатом звёзды,
И плывут куда-то облака.
Может быть туда, где это «где-то»,
И куда я говорю опять:
«Ты прости, я опоздал с ответом.
Подожди, как ты умеешь ждать».

МОИМ ДОЧЕНЬКАМ

Вы – это всё, что от меня
Когда-нибудь останется.
Вы и, может быть, ещё
Горсточка стихов.
И хочу я, чтоб, когда
Без меня останетесь,
Вам осталась не печаль,
А моя любовь.

* * *

Летели метели в февраль без оглядки,
Недели летели в привычном порядке.
И в чью-то калитку стучали с печалью,
Но некому было и не отвечали.
И я не отвечу когда-нибудь тоже,
Метель моя встречей пройдёт, как прохожий.
Пройдёт, и февраль без меня отбушует.
И кто-нибудь вспомнит о том, что люблю я.
Другим ожиданьем февраль будет полон...
И бродит свиданье меж рук частокола.

* * *

Я пишу тебе письмо много лет,
И хочу тебе сказать, что тогда
Я успел лишь посмотреть тебе вслед
И услышать – то ли «нет», то ли «да».
А ещё хочу сказать, что потом
Я искал тебя в других, но в ответ,
Результат один и тот же – о том,
Что в других тебя, конечно же, нет.
Был я молод и горяч, и любим,
Но в минуты откровений с собой
Понимал, что без тебя – только дым
От огня, что был когда-то с тобой.
И узнал я, как бывает, когда
Не расслышишь самый важный ответ.
Хоть и он обычно прост: или «да», –
Это, если повезёт. Или «нет».
Но опять тебе пишу и пишу.
Обо всём, что происходит со мной,
Рассказать, как прежде, сразу спешу.
И, похоже, что тебе лишь одной.

* * *

День и ночь как будто бы смешались,
Разбежались стрелки у часов.
Может так за нас они решали –
Быть ли эхом наших голосов.
Эхом в тонкий аромат ковыли,
Молодого мягкого вина.
Мы, едва друг друга пригубили,
Не заметив, выпили до дна.
Но в бездонность переводит память –
Видно, ярким оказался след.
И, наверно, он не перестанет
Мне светить, как светит дальний свет.
Свет, в котором день и ночь смешались,
Перепутав стрелки у часов –
Будто и сейчас они бежали
Дальним эхом наших голосов.

* * *

Позвони мне без повода –
Просто так позвони,
И на двух концах провода
Снова будем одни.
Снова будем, как в детстве мы
Не смотреть на часы –
В детстве мы непосредственны,
Как дыханье росы.
И слова не конаются,
Потому что опять
Мы как будто нечаянно
Не умеем понять,
Что, поскольку без повода
Мы друг другу звоним,
То на двух концах провода
Остаёмся одни.

* * *

Я узнал тебя по первой строчке
Твоего из юных лет письма,
Потому что мы не ставим точки,
Где не ставит фраза их сама –
В ней мы те, какими были прежде,
Видно, стрелка не замкнула круг,
Где живут из давних дней надежды,
И тепло твоих озябших рук.

* * *

Тихо-тихо за окном,
Тихо-тихо снег ложится.
Лодки старые вверх дном
Дремлют длинной вереницей.
Тихий шаг карандаша
Начал новую страницу.

Тем же шагом, не спеша,
Быль сменяет небылицу.
Рядом за полночь сопят
Две моих любимых дочки.
Может, этой снежной ночью
Сны их нянчит снегопад.
Он, по свету фонарей,
Как линейками косыми,
Будто чертит твоё имя
На стеклянном серебре.
И подрагивает ночь
Чуть припухлыми губами,
Это ищет что-то память,
Или пробует помочь.
Видно, рядышком совсем
Бродят те три главных слова –
Я сейчас увидел снова,
Свет их в снежной полосе.
И притихший снегопад
Их, мотивом колыбельным,
Выделил опять отдельно
И не хочет отпускать.
А они слегка звенят.
В этом звоне просветлённо,
С легкой поступью влюблённых,
Вновь выходят на меня.
И уходят тихо в ночь.
На густых её ресницах,
Выдержать уже невмочь,
Тихий снег ко сну клонится.

Тихо, тихо снег ложится.

СВЕТЕ

Как прекрасно помолчать,
Поглядеть в глаза друг другу,
Что-то изнова начать,
Что-то вновь пустить по кругу.
Не тревожить тишину,
Задержать ладонь в ладони.
Нашу первую весну
Увести от посторонних.
И когда молчат слова,
Можно жить совсем иначе –
Слышать, как растёт трава,
Как рассвет рососою плачет.
Видеть, как горит звезда,
Как бушуют звездопады...
Но важнее, чтоб всегда
Были мы друг другу рады.
Как прекрасно иногда
Понимать, что слов не надо,
Что и так – через года
Нам достаточно быть рядом.

Валентина Ефимовская

Валентина Валентиновна Ефимовская (Станкевич) – поэт, литературный критик, член Союза писателей России, советник Российской академии естественных наук (РАЕН), секретарь СПР, заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога». Является автором пяти книг стихов, текстов к четырём альбомам живописи художника Ф. Москвитина, автор сборника статей о современной русской литературе «Резонанс жизни». Лауреат многих литературных премий. Награждена медалями, орденом св. Великомученицы Анастасии Узорешительницы к 400-летию Дома Романовых. Потомственный житель Санкт-Петербурга

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Пульсар-метроном, когерентный с набатом,
Мой взор погружает в глубины времён,
Туда, где минуты хватило комбату
В атаку увлечь за собой батальон.
Солдат не раздумывал даже минуты:
С гранатой – под танк он и грудью – на ДОТ.
Минута молчания громче салюта –
Вмещает и судьбы, и времени ход,
И скорбное эхо Голгофских ступеней,
И сердце моё, что трепещет, приняв
Жизнь в дар от поправшего смерть поколенья
И кванты Пасхального света-огня.

РЕКВИЕМ

Мальчики мои, сыночки,
Нет могилоч ваших на земле.
Ветер гасит свечек огонёчки,
Имена теряются во мгле.
Вскинут волны из сокровищ донных
Ленточку с названием «Варягъ»...
Как сказать вам, что в России помнят
Всех погибших за неё в морях!?
Вынесет прибой на древний камень
Чёрную пилотку со звездой...
Как сказать, что нынче в Божьем храме
Служат службу вам за упокой!?
Тихие возносятся рассветы,
Затаился, но не сгинул враг...
Как сказать, что юные кадеты
Приняли ваш легендарный стяг!?
Мальчики мои, сыночки,
Сколько ж вас покоится на дне!?
Полевые синие цветочки
Брошу убегающей волне.

ИМЕНА

Как нежны русские мужские имена:
Иванушка, Николушка, Андрюша, —
Смиренна их созвучий глубина,
Словно в раю друг друга кличут души.
Как славны русские мужские имена!
С надеждой называет их Держава,
Когда в опасности родная сторона:
«Георгий! Александр! Димитрий! Савва!»
Пантелеймон, Василий, Михаил —
Торжественно звучит, благочестиво,
Евламий, Феодосий, Даниил, —
Как свет лампы, слог неистошимый.
Дар Божий — имя доброе твое,
Издревле освященное святыми.
По имени да будет житие,
А житием — да озарится имя!

СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Митрополиту Константину (Горянову)

Насыщен спектр земного бытия,
нет одинаковых полос в нём. Где-то
в том спектре жизнь отмечена моя
пульсирующей слабенькой дискретой,
лучащей мыслью симфоничный ряд...
Ужели всё в небытие уходит?
О чём созвездий письменна горят
в просторах галактических угодий?
Летят кометы, огненно дыша, —
от своего горения до праха...
Но гасит страхи бытия душа
высоким надбытийным Божьим страхом,
дающим зреть невидимый процесс:
как душ иных могучие дискреты
растут согласно с Волею Небес
и достигают вечной жизни Света.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Душа видит Истину по силе жития
Исаак Сирин

По-новому крыты и сложены избы,
Но прежняя грусть деревень.
Пусть зыбки дороги, часовенки низки,
Русь — ближняя в мире ступень
К предвечному Небу, к высокому Свету.
Здесь холодно, как в небесах,
И так же, как тучи, податливы ветру
Посевы, леса и сердца.
А дождь неразрывною серою нитью
Сшивает пространства, чтоб нас
Небесными смыслами объединить, и
Вновь русская ипостась
Земного, хранимого Господом мира
Любовью смогла воссиять.
Нам будет на Истину ориентиром
Крест жертвенного жития.

СТАРЫЙ ДОМ

Веками здесь бесстрастно зеркала
Мгновенья жизни вечной отражали,
И в омутах зеркального стекла
Тонули те, кто раньше здесь бывали.
Войду в дом опустевший, не спеша,
Жалея, что не вечно жизни бремя.
Здесь листья в пыльных комнатах шуршат,
В каминном зале задремало время,
Укутавшись в остывшую золу,
Былой наряд его давно изношен,
И зеркала осколок на полу,
Как чуткий взор, что в Мирозданье брошен, —
Туда, где возникают, ум страха,
Галактики, где свет берёт начало...
О, как должна быть велика душа,
Чтоб не судила время, но вмещала.

ДАМЫ СВЕТА

Дамы света, дамы света —
Грациозны и легки;
Золочёные кареты,
Кружевные башмачки,
Ленты, локоны, вуали,
Музыкальные персты,
Сёстры чести и морали —
Несравненной красоты.
Дамы света, дамы света —
Вечный крестик на груди,
Алтари, посты, заветы,
Богомольные пути.
Освящённая порфира,
Облачение в парчу,

Плат монахини, мундиры —
Вам к лицу и по плечу.
Ваши судьбы и портреты
Просветляют и меня.
Дамы света, дамы света —
Вы и мне, и всем родня.

ПУТЬ ЦАРСКИЙ

«Боже Царя храни. Празднование 300-летия Дома Романовых»
Художник Ф. Москвитин

Всё ведомо в невиданном портрете
России, уходящей в небеса —
Пасхальный храм, балтийский горький ветер,
Царевен милосердные глаза.
В строю Наследник — сызмальства военный,
Министры — верный власти арьергард,
И Государь — взволнованно-смиранный,
Ведь будущий с ним рядом Патриарх.
Идти страдальцам избранным не близко,
Путь света безвозвратен и высок.
Князья пойдут под бомбы террористов,
В изгнание, в Петропавловский острог.
Застонет Алапаевская шахта,
Ипатьевский застенок замолчит.
Глумились тайно нехристи над прахом
Святой Семьи, обретшей горний чин.
А люд крещёный ликовав в дурмане,
Что тонет высший «свет» в своей крови,
Что благородства кровного не станет,
Что образа служения не станет,
Что идеала верности не станет...
И тот ущерб в веках непоправим.

КАРТИНА

«Вид на Фонтанку из Летнего сада»
Художник Ф. Москвитин
...паровик идёт до «Скорбящей»
А. Ахматова

Вид на Фонтанку из Летнего сада,
виденный мною сто крат, —
преображён в мире мастером заданных
новых координат.
В них размещает художника зреньё
и фонари, и мосты
так, что я чувствую приближенье
прошлой, живой красоты.
Всё ли в картине волнующей знаю?
Этот знаком дом и тот.
Гамма пурпурная, золотая,
словно от царских щедрот.
В ветреном зареве медно, звеняще
блещет и плещет река,
и катерок, может быть, до «Скорбящей»,
тихо идёт сквозь века...

Поэзия

Владимир Подлузский

Владимир Всеволодович Подлузский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии». Живёт в Сыктывкаре

Львы

Поэма

ПРОЛОГ

Свадьбы в роду; снова жизнь и любовь
Селит Господь во дворцы и халупы.
Даже в больнице семейная кровь
Делится мудро на разные группы.
Судьбы трубят нам в охотничий рог,
Сети запутав тревожной облавы.
Мендель раскинул незрелый горох,
Дерзко гадая на радугу славы.
Повод вести разговор для элит,
Верящих в сей генетический опус.
Люди ж простые о том, что болит
Думают, глядя на жизнь, как на фокус.
Я к академикам с ВУЗа ревнив,
Шишки набив о фольклора запятки.
Кто не услышит народный мотив,
Будет уложен на обе лопатки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Может добро превратиться во зло
Ночью, пришедшей с клюкою в долину?
Мне помогает поэмы весло
Выплыть с молитвою на середину.
Чудятся на берегах огоньки,
Сколь их горит на разжиженной тверди.
Будто червонцы там и пятаки
Из золотого запаса и меди.

* * *

Тише воды и чуть ниже травы
Шла Евдокия с сынами по свету.
Вдруг ей приснились смиренные львы,
Бросила с горя им баба монету.
В страхе на печку; как тот пономарь,
Стала молиться, надев кацавейку.
Гриву склонил улыбнувшийся царь,
Щедрая ты, не жалеешь копейку.
Знаю, последняя, тем и ценна;
Рок наградит и тебя, и избушку.
Выпьешь зелёного скоро вина,
Век простоявшего, целую кружку.
Утром проснулась, куда делась медь,
Взяли с собою полночные гости?
Не за что даже семье умереть,
Вырыть могилу на сельском погосте.
Слёзы никак не заменят долги,
Дуся плетётся с надеждою в лавку.
Только не с той, видно, встала ноги,
Не приколола на кофту булавку.
В хлебе ржаном отказал продавец,
Чем же троих ей попотчевать деток.
Мучаясь голодом, каждый птенец
Может дойти до сумы и объедок.
Рядом топорщится крышею дом
Вредной, как все говорили, старухи.
Что же у Ксеньи случилось в былом,
Разные шастали сплетни и слухи.
Мать перед смертью кусала губу,
Не отвечая дочке на вопросы.

Лишь бормотала: «Видала в гробу
Я с деревенской помойки отбросы».
Ходит соседка с ольховой клюкой,
Точно ведунья из сказки старинной.
Время бы петь за её упокой,
Да не является к людям с повинной.
Дусю она невзлюбила с невест.
Мол, не былинка в соку, а полова.
Делает девке вдруг ласковый жест,
Вымолвить хочет заветное слово.
Может, про счастье начнёт и любовь,
Или насчёт долгожданного брака.
Красных её, сколько помнит, коров
Рыжая оберегала собака.
Крестятся люди – бесовский то знак;
Всё у неё, как у старой чертовки.
Слышали, будто приветствовал рак
Свистом старуху с кладбищенской горки.
Ведьма, наверное, в гости зовёт,
Чтоб передать ремесло своё в руки.
Кто его знает, а вдруг повезёт
И прекратятся голодные муки.

* * *

*Чуть не к киоту с лампадкой, впритык
Вождь на стене за мушиной липучкой.
Рядышком в звёздах висит большевик,
С Дусиной мамой, угрюмою внучкой.*

* * *

Это твой прадед, извечный мой враг,
Злой притеснитель старинного рода.
В зависти вырыл он страшный овраг,
Где самому уже не было брода.
**Дедушка пал от него Константин;
Как моя бабка, село ненавижу.**
Здесьние злыдни в одну из годин.
Ветку отчикали нашу, как грыжу,
Ты вот последний семейный побег,
Нечего очи зелёные паялить.
Нет уж на свете противников тех,
А надо хоть что-то от рода оставить.
Вот и храню пожелтый портрет
Деда второго и вашей вот мамки.
Всё, чему ныне названия нет,
Рано иль поздно найдёт свои рамки.
Мир распадается и удержатъ
Трудно его средь неверных и бранных.
Новая *знать* знает мать-перемать,
Как заклинание от убиенных.
А про меня тут такое плетут
Бывшие и настоящие хамы.

Что для бубновых незнаемый суд,
Коли ходили с гармошками в храмы.
Хватит пока, видишь, стынет обед,
В трёх чугунах и горшках на загнете.
В дальнем соборе дала я обет
Грех искупить, что копился столетье.
Деток своих приведи щас на щи,
Я зарубила на праздник курёнка.
Ах, Евдокия, с меня не взыщи,
Очень у вас прохудилась избёнка.
Вашу семейку к себе заберу
И приголублю родную как надо.
Может, уже через месяц умру,
Лишь бы успела добраться до клада.
Как оглашенная, ночи не сплю,
Думы растут к небу, будто бы сосны.
Я не достойна любить, но люблю
Дочку убравшейся к Богу посёстры.
Раньше тебя не могла я терпеть.
Столько придумала грязи и прозвищ.
Можно, племянница, осатанеть
Из-за потери родных и сокровищ.
Барыней я бы, наверно, жила
В блеске полотен, фарфора и злата.
Если Россия с ума вдруг сошла,
В чём перед толпами я виновата?
Так говорила покойная мне
Бабка, тогда ещё полной соплячке.
Даже про колос пустой на гумне
Упоминала в словесной горячке.
Прадед твой был таковым для семьи,
Сладко носившим с доносом портфелью.
В ночь Константина в «чеку» замели
И завернули в сырую постёлю.

* * *

*– Тётка, скажи, к чему снились мне львы
Ныне под самое странное утро.
– Девка моя, не ломай головы,
Вечером всю объясню я премудрость.
Мало читала я в юности книг;
Слушала больше былую дворянку,
Знавшую уйму преданий седых,
Сроду имевших, как платье, изнанку.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Я прерываю народную речь,
Робко прошу у деревни прощенья.
Пусть остывает, как русская печь,
После обеденного угощенья.
Коль прикорнули вокруг малыши,*

*Мамы и кошки, почистившей лапки.
Исповедь я передам от души
Чудно нашедшейся вовремя бабки.*

* * *

Было у барина двое сынов;
Лучшего мне не придумать зачина.
Знатных в полуденных весях панов,
Ждущих от предка богатства и чина.
Лишнего оба боялись вина,
Не избегая пасхальную чарку.
С ружьями в стужу пасли кабана,
В бурю с букетом – соседку-гречанку.
В Питер их общий позвал факультет,
Втиснутый в мокрый Васильевский остров.
Косте – граф Витте был авторитет,
Мишке – развенчанный граф Калиостро.
Мудрый карабкался, как на Казбек,
По серпантину из книг на арену.
Брат его в баре, как свой человек,
Лихо сдувал загулявшую пену.
Если и был у России недуг,
Вряд ли пилюлей он требовал Маркса.
Мало-помалу ходил Петербург
С розуму из-за раскольного класса.
Новые тёрлись о рожь жернова,
Пыль заноса революции в Думу.
Кто убегал от себя в буржуа,
Кто кокаинами нюхал коммуны.
Рост, нагуляв в именном цветнике,
Разному свету молились побегу.
А от тумана, рождаясь в реке,
Ёжила морось громаду Коллегий¹.
Старший во всём был отцовский оплот,
С даром помещика и фабриканта.
Младший был фронт несусветный и мот,
С кафедр глядевший в презренье на брата.
Барин, дошедший до крайних седин,
Роздал грехи и купоны мирские.
Главным наследником стал Константин,
Предок двоюродных бед Евдокии.
Где капитал, там и лесоповал;
Бесы и есть обойдённые боги.
Младший момента уже поджидал
В самый канун заболевшей эпохи.
Бурно, в сердцах, обозвав старика,

Вмиг провалился в бездонные кущи.
У промотавшегося игрока
Совесть не самый надёжный попутчик.
Сгинул с любовных подмостков балет,
Новый ворвался на сцену с притопом.
Штабс-капитан, сбросив пыль эполет,
Шашку Антонова² гнул агитпропом.

* * *

*Что революция, был бы свой ум,
Можно пристроиться даже к обозу.
Вон как в Совете жирует мой кум,
Лиру сменивший на громкую прозу.
У Михаила расчерченный план,
Славный по мысли изгой без чести.
Дали ему и мандат, и наган,
В общем, орудия кровные мести.*

* * *

Где ты мой родный противник и брат,
Оба мы многое не позабыли.
Предпринимательский будет талант
Плакать теперь по статье и Сибири.
Пашне и фабрикам бывшим хана,
Митинг раскачивают утописты.
И бедуна под надзор пахана,
В дуло вагона вбивают чекисты.
Всякое время там будь начеку,
Видя конвойных и свежую плаху.
Братец, твой щедрый к тебе, на скаку
Кровь променял на паёк и рубаху.
Зэк, потерявший семейство и кров,
Время считал, поделив на календы.
Для вертухаев вытачивал львов,
Благо, шумели там царские кедры.
Стал счетоводом, на добром счету
Числился у победившего класса.
Красную где-то нарушил черту,
Сразу опомнилась серая масса.
Пресные люди не жалуют соль;
С вышки послали горячую пулю.
Брат рассмеялся, семейный король
Больше не скрутит мосластую дулю.

¹ Здание Двенадцати Коллегий в Санкт-Петербурге. В Петровские времена там размещались высшие управленческие учреждения России. Сейчас в нём расположен ряд гуманитарных факультетов Санкт-Петербургского университета. Также много лет работает ректорат СПбГУ.

² Александр Антонов – вождь антибольшевистского восстания крестьян в Тамбовской губернии. Против их красные впервые в России применили снаряды со смертоносным газом..

* * *

*Слышать он будет лишь гимны совы,
Севшей на красную грудь листопада.
Гонят на троны взошедшие львы
Альфа-самцов забуревших из прайда.
Не уживаются рубль и пятак;
Держат под спудом с наживкою снасти.
Все на жерлице меж щук, как судак,
Мечутся в лунке под флагами власти.*

* * *

В волчьей тайге затерялась жена,
Трое ребяток и тётка-калека.
Царское мясо жевала страна,
Бога забывшая и человека.
На пепелище вернулась с сынком
Лет через восемь уставшая Ксения.
Тихо срубила копеечный дом
И ожидала в трудах Воскресенья.
Сад *припутіла*, вела огород;
Ведала силу волшебную травок.
Как ни шептался колхозный народ,
Не беспокоила власть из-за справок.
Ангел хранил пару красных бумаг,
Напоминавших былые мандаты.
И удивлялся пузатый завмаг –
Денег у бабы полно без зарплаты.
Как-то её навестил бывший зэк,
Вместе с супругом хлебавший баланду:
Ксения Ивановна, муж твой весь век
Верен семье был, любви и таланту.
Зная, что гибнет, для вас тусок
Каповый сунул вдобавок ко львёнку.
В горле застрял вдовий чёрствый кусок,
Бросило в пот с вензелями солонку.

* * *

Рядом домину воздвиг Михаил,
Деверь, сбежавший от чистки в отставку.
Ксению, встречая, открыто хулил,
Так же как в доме отцовском чернавку.
Он, позабывший худых балерин,
Красных бойцов ему не нарожавших.
Вновь комиссарил, катаясь, как блин,
В пышной сметане красав загулявших.
Марью ему подарил комсомол
После полночных весёлых лобзаний.
Грубый опарой вздымался помол,
Не понимавший дворянских терзаний.
Циркулем жёнка гоняла плуги,

Курс агронома пройдя в Наробразе.
У Михаила зато сапоги
Так и блистали в осенние грязи.
Муж при Хрущёве, воспевавший свой полк,
Дрался на сцену, как жаба на кочку.
Чёрт-воронок и его уволок,
Жирную вмазав в колонии точку.
Коли кормильца сочли за врага,
Коего вовремя не распознали,
Тут же у *трутней* кусок пирога
Вырвали, чуть не разрушив эмали.
Бабка с тех пор уже не бригадир;
Дочка сдала на хранение счёты.
Юная внучка, как дедов кумир,
Тоже лишилась медовой работы.
Ищут они среди вил и лопат
Без выходных трудодни и болезни.
Как бы ты ни был тут не виноват,
Выход один; хоть умри, но исчезни.

* * *

Дуся *нашлась*¹; и в лохмотьях тряпья
Женская тройка тащила с ней в гору.
Девка, продравшись сквозь дебри репья,
Тихо вкатилась в замужнюю пору.
Тайный на свадьбу приехал отец,
В ближнем селе полномочная шишка.
Что *не кажи*, ещё тот жеребец,
Прадед о нём так говаривал Мишка.

* * *

Прошное время лежит на часах.
Перебивается с хлеба на воду.
Дусю муж кинул на третьих сносях,
Юркнув за дамой в чужую колоду.
Часто не учат людей ничему
В жизни ни сказы, ни байки такие.
Вон, уговила детям суму
Правды не знавшая всей Евдокия.

* * *

*Тётка судьёю мне строгой дана,
Мантию ж носит она адвоката.
Ксения в честь бабки своей названа,
А я, горемышная, правнучка ката.
Вот почему, сколько помню, бедны*

¹ Нашлась, так русские сельчане обычно говорили о позднем нежелательном ребёнке.

Наши сараи и старые хаты.
В красных лохмотьях одежды видны
Шитые белой ниткой заплата.
Ксения храпит. Жизнь прошла в маете.
Что говорить, без особого толка.
Стынет горшок на горелой плите
В домике агнца для вывода волка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перед семьёй раскрылся рай и ад;
Одoleвает скрип и шёпот сени.
Лад может рухнуть, коль откроет клад
То ль вверх, то ль вниз гремящие ступени.
Перелопачивать пора межу,
Что мучает изгоев из чертога.
На поэтический перевозжу
Я суть простую Ксении монолога.

* * *

Моя племянница, ты так бледна,
Что даже страшно за твою планиду.
Не помогай мне, я пойду одна
Выкапывать богатство и обиду.
Случиться может всякое со мной,
Найдёт какой-нибудь заклятый морок.
Ты тело моё грешное обмой
И вынь из сердца своего осколок.
Да пригласи Михайлыча, дьячка,
Пусть под конец мне успокоит душу.
Для нас он наподобие дичка,
Что прадед твой привил на девку Грушу.
Ну, вот и всё, забуду ведь потом,
Блеск золота пылает, ослепляя.
Перед арестом Константин тайком
Клад закопал под вербой у сарая.
Мне Ксения, бабка, сделала намёк;
Мол, пусть лежит сюрпризом для семейства.
Мы, впрок ужасный заплатив оброк,
Уж не находим в государстве места.
Без украшений не протянет мир.
Враз оказавшись в собственной темнице.
Уж ждёт тебя отменный ювелир,
Чей адрес ты отыщешь на полице.
Как раз к богатству и приснились львы;
Хоть виновата ты ещё с зачатья.
И то, что нет ни корки у вдовы,
Плод заговорный нашего проклятья.
Крест снял его уж до последних букв.
Мне подсказали те молитвы в церкви.
Жизнь сделала по буеракам крюк,
Вернув семье разорванные цепи.

* * *

Перестая бессмысленно роптать
И набираться перед смертью сраму.
Коль был мой дед богатый вор и тать,
То упаду я замертво в ту яму.
Но ты пока во двор не выходи,
Чтоб не прилипли кладовые страхи.
А слухи смоят скорые дожди,
Как век назад истлевшие рубахи.

* * *

Что ж, созревает лишь раз на веку
В зёрнах, святящихся радугой, колос.
Слышится с улицы ку-ка-реку,
Чёрную силу пугающий возглас.
В сенцах является грохот и стук,
Тычется сослепу бронзовый ящик.
Сколь в нём таится заманчивых штук,
Столь утонуло там душ настоящих.
Дуся со страхом глядит на нутро,
В камни и слитки ушедшего рода.
Чую, моё равнодушно перо
К золоту, выкопанному с огорода.
Я не хочу свой испытывать рок,
Можно свободно нарваться на муку.
Бабка исполнила честно зарок,
Сон оказался для женщины в руку.

* * *

Вот она рыжая, с красным, кица;
Масти собачьей, породы коровьей.
Дар замогильный её праотца,
Посланный роком праправнучке кровной.
Даже не знаешь: тут петь, иль говеть
У Богородичной вечной Канавки¹.
Львы обменяли последнюю медь
На золотые бруски и булавки.

* * *

Тётка в гробу улеглась между трав,
Выли весь вечер в углу барабашки.
Лишь отгremели тарелки *отправ*²,
Громко заухали белые шашки.
Домики ветхие вычел пожар
Из канцелярских потрёпанных списков.

¹ Богородичная Канавка в Дивеево. По ней, как уверяет церковь, ежедневно проходит Матерь Божья.

² Отправы – строгая система похоронных обрядов в русской деревне центральной России.

В смерти никто ещё не избежал
Кольев осинового и обелисков.

* * *

Буром вращается жизнь-канитель;
Слитки ушли капиталу на зубы.
Где же счастливая баба теперь,
Может, вступила в элитные клубы.
Что, без диплома? Да менеджер с ним!
Счёт в интербанке, и ты уже леди.
От ювелира увёз аноним
Дусю в чужие торговые сети.
Снова отправился в путь туесок
И одомашненный розовый львёнок.
Родина долго стреляла в висок
Вспышками солнечных окон вдогонку.

* * *

*Быстро сварганили бизнес ей план
В духе франчайзинговых¹ операций.
Хмыкнул, наверно, на кладбище пан,
Тот, что Михайлу оставил без акций.
Взялся за дело седой журналист,
Очень известный на Невском стартапер².
Ловко ложились расчёты на лист,
С люфтом возможных чиновных царяпин.
Крышею стал знаменитый Стандарт,
Чутку уставший от шумного бренда.
Проголодавшись, семейный карат
Едим шампанским вытравливал бедность.*

* * *

Трудный на небе был выбран маршрут
Для возрождения славного рода.
Кто ещё явит на свет и на суд
Камни и слитки с того огорода.

* * *

Держит её теперь жизнь под уздцы,
Дабы заботою скрасить усталость.
Больно, когда достаются ларцы,
Вместо ушедшей любви под старость.

Выше не прыгнешь своей головы;
Принципы были и раньше такие.
С ними по старой привычке на «вы»,
Тихо живёт у детей Евдокия.
Бизнес миллионный у старшего; влёт
Всё продаёт и имеет излишек.
Вон подрастает отцовский оплот,
Двое прекрасных на вид ребяташек.
Возит обоих отец вдоль Невы,
Рядом сияет его альма-матер.
Сфинксы из бронзы, зелёные львы,
Грустно взирают на царский фарватер.
Святят египтами морды зверей,
Вросших промежду свинца и лазури.
Только бы взрослых парней с якорей
Вновь не сорвали багровые бури.

* * *

В церкви семья ставит свечки за всех,
В виде, сказал бы, духовной опеки.
Дома хранится, похожий на сейф,
Ящик, в котором лежат три копейки.

ЭПИЛОГ

*При перемене погоды, в саду
Деды законной наследнице снятся.
Видно, такую судьбу на роду
Им уготовили камни и святыцы.
Выше травы и кровавей воды,
Золото давит на грани алмаза.
Дарят покойники Дусе плоды
В разных по цвету корзинах на Спаса.
Грустно вздохнёт – надо их помянуть:
В церкви добавит антоновки к хлебу.
Свечку возжёт в честь ушедших за Друть³,
Отче прочтёт поминальную требу.
Крутится род среди известных людей;
Всё у него благородно и ладно.
Только никак не уснёт чародей,
Не покидающий клятого клада.*

20 ноября – 10 декабря 2018 г.

Сыктывкар

¹ Фрайчайзинг – возможность открыть свой магазин под вывеской известной компании. Вам помогут найти и отремонтировать помещение, подобрать персонал, завезти товары. Главное – вовремя оплачивать счета.

² Стартапер – тот, кто весьма успешно работает над претворением в жизнь мощной коммерческой идеи.

³ Друть – река в Белоруссии. Полноводный приток Днепра. По народным поверьям, обладает мистической силой. Уйти за Друть, как считают на родной для автора Брянщине, означает – умереть.

* * *

Русская речь в древних улочках Яффо
 Бодро витает сквозь эхо и память
 Древнего Рима, арабских прозрений,
 семитской печали...

Русская речь обитает привольно,
 И улыбается, и вопрошает.
 Кажется, Пушкина тень пролетает...
 Нет. Это просто прохожий, похоже.
 Просто прохожий?

А, может быть, Пушкин...

* * *

Чужая речь становится своей,
 Родная речь родною остаётся.
 Вдали от пророссийских тополей,
 Поближе к обжигающему солнцу.
 И средиземноморская жара
 Внимает жгущим пушкинским глаголам.
 И, кажется, «пора, мой друг, пора»
 Понятней здесь и грустным, и весёлым...

* * *

Жизнь абсурдна, как пёс в мышеловке
 Или кот, позабывший сметану.
 Даже «ловко» сменив на «неловко»,
 Удивляться я не перестану,
 Удивляться, смеяться и плакать,
 Открывая закрытые двери,
 Спотыкаясь о твердые знаки,
 Верить в мягкие. Или не верить.

* * *

Из одной провинции в другую...
 Далью занавешено окно.
 Раньше знал – топор плывёт в Чугуев.
 А теперь не знаю – всё равно.
 В хоре пел «В коммуне остановка».
 А теперь мурлычу «всё пройдёт».
 В незабытых снах всё было ловко.
 В жизни всё всегда наоборот.

* * *

Не повторится и не вернётся.
 А память шепчет: «Всё было классно».
 Хоть были пятна, но было солнце.
 И всё напрасно? Нет не напрасно.
 Листает память свои страницы.
 Жизнь, как цитата из «Идиота».
 Всё — не вернётся, не повторится.
 А вдруг, хоть что-то. Хотя бы что-то...

* * *

Двойные стандарты. А, может, тройные...
 И даже не прячется фига в карман.
 Враньё – как экзема. Как жизнь – аллергия.
 И кажется, тот, кто не пьян, всё же пьян.

А если не пьян, то считает нетрезвым
 Тебя и меня, всех, кто слышит враньё...
 По сердцу стеклянному будто железом
 Ведут и ведут, и долдонят своё...

* * *

Не торопись, а вдруг ещё вернётся
 Звезда надежды и звезда любви...
 Не торопись, а вдруг взорвётся солнце,
 Но перед этим выдохнет: «Живи»...

И, кажется, знакома эта бездна,
 И этот край, мерцающий во мгле.
 Не торопись – всё честно и нечестно,
 Как в первый день творенья на Земле...

* * *

Завтрашние события
 оставим на завтра,
 Вчерашние события
 остались в прошлом.
 Может, любовь обернётся
 козырной картой,
 Жданно-нежданной,
 не пошлою и не ложной.
 «Завтра» придёт, подмигнув,
 усмехнувшись «сегодня»,
 Случайной поэзией
 переменяв прозу.
 Сможет ли время от этого
 стать чуть свободней?
 Ответа не знаю. Но знаю,
 что есть козырь.

* * *

А я из ушедшей эпохи,
 Где бродят забытые сны,
 Где делятся крохи, как вдохи,
 На эхо огромной страны.

Я помню и не забываю,
 Откуда, зачем и куда.
 Мечты о несбывшемся рае,
 Сгорая, не гасит звезда.

* * *

Времена упадка Рима далеки, необозримы.
Времена упадка – это проходили мы с тобой.
То ли в школе, то ли дома... Незнакомое знакомо.
Нас учили. Мы умеем продолжать незримый бой.

Мы умеем. Днем и ночью. Стал никем. А был рабочий.
Был товарищ, стал – не очень. Если что – готов продать.
А соседи не готовы. Справа дело, слева – слово.
День вчерашний, дым домашний, словно благодать.

Слово выстрелить готово. Времена упадка снова.
Времена упадка чести и отчасти всех основ.
Слышу снова, как когда-то: «Аты-баты, брат на брата...»
Кто-то падает. Упадок. Будь готов! Всегда готов!

* * *

– Ты только не думай, что вечно открыта манящая дверь.
И ветер, попутный и встречный, он тоже не вечный, поверь.

– Я верю и пью осторожно всё то, что испить мне дано,
А также бесплатных пирожных не видел, не пробовал. Но...

Такая надежда на чудо заложена с детства, поверь,
Что, кажется, вечно я буду стучаться в манящую дверь.

Северо-Двинские берега

Юрий Ананьин

Ананьин Юрий Александрович родился в 1937 году в селе Черевково Архангельской области. Получив специальность судового сборщика после окончания школы ФЗО №7 в городе Северодвинске, работает на сборке конструкций подводных лодок на заводе «Севмаш». Участвовал в строительстве первой АПЛ «Ленинский комсомол. После окончания учёбы в 1966-м году на факультете журналистики МГУ перешёл на работу в заводскую газету в качестве ответственного секретаря, посвятив этому делу всю дальнейшую жизнь. Выпустил две книги очерков о кораблях. Автор сборника стихов «Песня родилась в Северодвинске». Стихи публиковались во многих газетах и журналах.

* * *

Откуда красота России?
Где одевается она?
В лесах? В лугах?
А ты спроси их –
Не их ли зорила весна?
Не их ли май голубоглазый
В одежды яркие рядил?
Но ярче их – души алмазы,
Они, как орден на груди ...

Откуда чистота России?
Где умывается она?
В речушке августовской сини
Иль в море зреющего льна?
А может, в северных озёрах,
Что так прозрачны, как слюда,
Всю жизнь прожить среди которых
И ... не отвыкнуть никогда.

* * *

Тоскуют птицы по теплу,
А я по северу тоскую
И коль в дороге заночую,
Мне снится васильковый луг.
К нему, как будто в половодье,
Спешат на вырчку ручьи.
И звонче всех других мелодий
В зените тенькает: «Вы чьи?»
«Да свой я», – птицам отвечаю.
Я здесь пожизненно пленён,
И оглушён от крика чаек,
Сосновым мёдом опьянён.
Я здесь не гость и не приезжий,
А свой по паспорту земли.
И никакие в мире межи
Не могут с нею разделить.

* * *

Прекрасен час, когда светает,
Когда не Млечный путь пылит,
А голубая-голубая
Зажжётся звёздочка вдали.
По небосводу разбежится
И разольётся в новый день,
И до полудня будет биться
О свой барьер косяя тень.
Но тени выцветут, и скоро,
Как с горки солнышко скатив,
Блеснёт холодным метеором
Луна – влюблённых всех комдив.
Потом, как бабы, тяжелея
Беззвучно росы упадут –
У трав глазёнки посветлеют,
У ночи крылья отрастут.
И в сумерках, прикрыв зевоту,
Приходит истина ко мне,
Что утро вечера с чего-то
Всегда бывает мудреней.

* * *

Дарует солнце позолоту
Без всяких выкупов земле.
И до чего ж ему охота
Купаться в кронах тополей,
Лучом, как многоцветной кистью,
В одежды яркие рядить,
Как будто бронзовые листья
За всё сумеют отплатить.
... Земля моя,
Край благодатный!
Я сердцу, право, не солгу,
Что от рожденья в неоплатном
Перед тобой живу в долгу.

Твой воздух пить – и не напиться,
Не надышаться по весне,
И никогда не откупиться
За всё отпущенное мне.

* * *

Отшелестят дожди косые,
Вновь не напеться соловью ...
Я полюбил тебя, Россия,
За неизведанность твою.

За то, что всё в тебе открыто,
Не постоянно – до поры,
Как дождь, что плещется в корытах;
Вдруг брызнет смехом детворы.

Как всё, что в глубине таится
Апрелем вспаханной земли,
Волной подымется пшеницы,
Зардеет колосом вдали.

Как небо майское, что утром
Мир озаряет синевой,
А к полдню разозлится будто,
Приняв характер грозовой.

В лугах твоих слышны напевы,
Но посягнувшим на мечты,
Вся переполненная гневом
Вдруг взрывом обернёшься ты.

И грудью, пахнувшей не мятой,
И увлажнённой не росой,
В который раз встаёшь солдатом,
Чтоб стать сегодняшней красой.

* * *

Случится так: влетит синица
Зимой в открытое окно,
И сердцу родина приснится,
И разволнуется оно.

У сердца близко, где-то рядом
Тот дивный уголок земли,
Где и дожди, и снегопады
Весну на крыльях принесли.

В деревне нашей чародеям
Теплынь приходит не во сне –
Они давно привыкли сеять,
Как только солнце слижет снег.

Давно картошка из укрытий
Уложена под светопад.
Цветочницы, землёй набиты,
На подоконнике стоят.

Припасены и химикаты
От колорадского жука,
Сто заготовок, тьма томатов,
Ещё не саженных пока.

Да, землякам моим не спится:
Природой так заведено.
... Случится так: влетит синица
Зимой в открытое окно ...

* * *

Превозмогая ложный стыд,
Довольствуясь сезонной негой,
Зима, наплакавшись навзрыд,
Вдруг одарила землю снегом.

И стар, и млад берут разбег,
На лыжах, разминая кости.
И только дым прильнул к трубе –
Он продолжал чернеть от злости.

* * *

Сошлись берёзы на пригорке
Втроём на подступах к селу
И, как ягнята к хлебной корке,
Стыдливо тянутся к теплу.
Им отогреть бы ветви-руки
Да просушиться от дождя,
Но не привыкшие к разлуке
Они лишь искренне глядят,
Как тонкоствольную осину
Упругий треплет ветерок,
Как та в его объятьях стынет,
И нет того, кто бы помог.
Берёзы в тесном полукруге
Лишь крепче кронами сплелись –
Им в одиночку, друг без друга,
Никак, видать, не обойтись.

* * *

Неба синие невода
Тянут к югу, встревожась, птицы –
Всё не терпится им туда,
Где от солнца земля дробится.
Им бы только всё плыть да плыть
На несчастье ли, на удачу,
На прощание – так и быть –
Растревожатся и поплачут.

Круг почёта в последний миг
 В бездорожье вожак проложит,
 Курс укажет и, как ямщик,
 Торопливо натянет вожжи.
 Крылья-вёсла уже легли
 По маршруту далёких вёсен.
 Словно в плаванье корабли,
 Разрешения птицы просят.
 Ветры трутся о паруса,
 А они в заосенней стыни
 Не посмотрят в небеса –
 В голубые глаза России.

РОДИНА

Её мы матерью зовём
 С рожденья, испокон ...
 А кто она – родимый дом,
 Где под окошком клён?

Иль отголосок давних дней,
 Что в сердце до седин,
 Иль чистый голубой ручей
 Среди луговых равнин?

А может, это я и ты,
 Идущие вперёд,
 Иль друга верного черты,
 Что вечером придёт?

А может, это тишина,
 Что, прячась у берёз,
 Так часто не даёт нам сна,
 Волнуя всех до слёз?

А может, просто жатвы шум,
 Ширь поля, молотба?
 Она – чьим воздухом дышу
 И с чем – моя судьба!

* * *

А у нас на севере природа
 Выбирает жителей себе
 Мужеством проверенной породы,
 В ноги не бросавшихся судьбе.

Земляки мои в судьбу не верят,
 А хватают яростно за грудь.
 Если северянин встал на берег –
 Никакой волной не оттолкнуть!

А у нас на севере непросто
 В душу человека заглянуть –
 С виду он, что затаённый остров,
 Весь открыт, коль за душу копнуть.

* * *

Заводи такую песню,
 Чтоб звала – не зазывала,
 И не в просинь поднебесья –
 Ближе к сердцу опускалась.

Чтоб она не торопилась
 Веселить меня напрасно,
 Чтоб она меня поила
 Ключевой водой всечасно.

Чтоб поила понемногу,
 По глоточку – не иначе,
 И звала, звала в дорогу,
 Чтобы с боем брать удачи.

Чтоб стремилась на стремнину,
 Не узнав путей обратно,
 И в больших своих глубинах
 Только б мне была понятна.

* * *

Небо мая – синяя тетрадь
 С журавлиной росписью по кромке, –
 Научи бескрылого летать,
 Стать орлом вчерашнему орлёнку.

Помоги незрячему найти
 В сумерках пропавшую дорогу.
 Разбуди уснувшего в пути,
 Отдохнуть позволь ему немного.

Подсоби неслышавшим друзьям,
 Пусть у них забот и выше крыши,
 Поутру услышать соловья,
 Даже тем, кто никогда не слышал.

Растревожь, взвинти, растормоши,
 Не давай безделью устояться,
 Радость «прёт» – посмейся от души,
 Только в зло не надо превращаться.

Подари больному оберег
 От вранья, от сглаза, от корысти –
 В человеке зреет человек,
 Только вызревает он не быстро.

Небо мая – синяя тетрадь
 С журавлиной росписью по кромке, –
 Не учи бескрылого летать:
 В полдень звёзд тебе не сосчитать,
 На весеннем льду не устоять.
 Но спасай страдающую мать
 Нелюбовью к своему ребенку.

Северо-Двинские берега

Валерий Шабалин

Валерий Павлович Шабалин родился 17 августа 1946-го года в Коношском районе Архангельской области. В 1961 году переехал в посёлок Комсомольский Вельского района, где и проживает по настоящее время. Вся его трудовая биография связана с ОАО «Шоношский леспромхоз», где в последние годы трудового стажа он работал оператором полуавтоматической линии по разделке древесных хлыстов.

Стихи печатались как в районных, так и областных, и центральных печатных изданиях, неоднократно звучали по областному радио. Член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихов, победитель и призёр различных литературных конкурсов

ГОВОРЮ О СЕВЕРЕ

Я живу, где короче пословицы лето,
Где осенняя хмарь тяжелее свинца,
И рассвет, за который зимой сигарету
Не успеть докурить до конца.
Край глубоких снегов и увесистых ветров,
Ты Полярной звездой круглый год осиян.
По широким ладоням глухих километров
Расплескался лесной океан.

Где-то в море купаются краски заката,
Где-то горы пронзают насквозь облака,
Только северный край мне с рождения – за брата,
За сестру – голубая тайга.
И с любителем моря я мог бы поспорить –
Не теснее морского таёжный простор!
И что воздух таёжный чего-нибудь стоит,
Доказал бы приверженцу гор!

Что не так уж страшны здесь снега и метели,
И не так беспощаден январский мороз.
Что букетик подснежников в звонком апреле
Нам порой драгоценнее роз.
Я не прочь познакомиться с горным Кавказом
И считаюсь своим человеком в Крыму,
Только к северу накрепко сердцем привязан
И за это спасибо ему!

ПЛАНИДА

Я не выстроил дома на этой планете
И в полях не провёл ни одной борозды.
Прожил жизнь кое-как, в суете не заметив,
Что она мимолётна, как вспышка звезды.

Но звезда непременно кому-то светила
До того, как сгореть и с орбиты упасть.
Мне же многое кажется в жизни постылым,
Или сам я, быть может, пришёлся «не в мать».

Непонятно, зачем существую на свете,
Коль хором не возвёл и не взялся за плуг...
Пара книжек стихов, повзрослевшие дети –
Вот и весь мой реестр человеческих заслуг.

Нас бросает планида то влево, то вправо,
То взмываем в зенит, то срываемся вниз...
Жизнь свою оценить можно даже на «браво»,
Но, увы, повторить невозможно на «бис».

Чтоб светить, как звезда, надо ею родиться,
Этим словом зовётся не всё, что горит.
Апогея достичь суждено единицам:
Слишком мало у Бога высоких орбит.

Отдаваясь своей ненавязчивой лире,
Я в былом не жалею почти ни о чём.
И надеюсь, что в этом обманчивом мире
Всё же был для кого-то приветным лучом.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Вокруг – засилье импортного шума...
Я счастлив, что в таком кавардаке
Способен говорить, писать и думать
На богатейшем в мире языке!
Наш рубль затмили доллары и марки,
Но я не сомневаюсь ни на миг:
Останется блистательным и ярким
Великий и могучий наш язык.

Ни на один из прочих не похожий,
 Для графоманов очень непростой –
 Родной язык быть пасынком не может,
 На нём творили Пушкин и Толстой.
 Пусть не спешат с иронией невежды,
 И полиглоты скромно помолчат.
 Слова «свобода», «родина», «надежда»
 Нигде так полновесно не звучат.

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ПАМЯТЬ

Бездуховность и лень – это наша беда.
 Нам удобно в фарватере истин избитых.
 Перестаньте себя утешать, господа:
 Мол, никто не забыт и ничто не забыто.

Если речь про некрополь Кремлёвской стены,
 Там генсеки и маршалы – все без потери.
 Что касается жертв самой страшной войны,
 То в «никто не забыт» лишь безумный поверит.

В «Книге памяти» множество белых страниц,
 Остаются загадками тысячи «если».
 А на стареньких кладбищах сёл и станиц
 Нет могил земляков, что бесследно исчезли.

Мы не в силах отсечь бездуховность и лень,
 Будто спаяны с ними стальными цепями,
 Хоть в ответе не только за будущий день,
 Но за всё, что вмещает понятие п а м я т ь.

Далеко позади огнедышащий ад.
 Время льётся дождём, как в бездонную бочку.
 И пока бесприютен последний солдат,
 Рано в памяти ставить последнюю точку.

ЛУННАЯ СОНАТА

Бесшумно вечер к берегу прильнул,
 Раскинув в море сеть узоров звёздных.
 И лунный диск взошёл на караул,
 Отшлифовав до блеска синий воздух.
 Ликует и волнуется прибой,
 Домчавшись до знакомого порога.
 И протянулась лунная дорога
 По синеве серебряной струной.
 Уткнулся в море сонный небосклон,
 Резвится в танце ветер-непоседа.
 А лунный берег с бирюзою волн
 Ведёт неторопливую беседу.
 Неповторимой музыке сродни
 Подлунный мир, просторный и крылатый.
 Не потому ли так созвучна с ним

Бетховенская «Лунная соната»?
 Мне кажется, что в ней отражены
 Мелодии земли и песни моря,
 Торжественная поступь тишины
 И говор птиц в распахнутом просторе;
 С далёких звёзд летящие лучи
 И горизонт, глотающий закаты...
 Замри, мгновенье! Ветер – замолчи!
 В эфире синей вечности звучит
 Божественная лунная соната.

ПРЕДВКУШЕНИЕ

Когда на сердце пусто и тоскливо,
 И есть в общении острая нужда,
 И каждый нерв почти на грани срыва, –
 Какое счастье друга в гости ждать!
 Его слова: «На пару дней приеду!» –
 Ну, это ли не радостная весть!
 Друг – редкий гость, и наши с ним беседы
 Мне никогда не могут надоесть.
 Не вижу в том особого прельщения,
 Что «под рукой» всегда есть телефон -
 Сей аппарат лишь средство для общения,
 Глаза и душу не заменит он.
 Пусть для кого-то это сантименты,
 Но жить без них практически нельзя.
 По телефону – мы лишь абоненты,
 А рядом – задушевные друзья.
 Я отродясь в счастливых случаях не числюсь,
 Но на два дня вполне могу им стать.
 Мне хорошо до чёртиков от мысли,
 Что есть возможность друга в гости ждать.

* * *

Русь уходит корнями
 в бездонные недра столетий,
 Из которых энергия
 бьёт непрерывным ключом.
 Разве можно найти
 ей подобную землю на свете,
 Что не раз проверялась
 на прочность огнём и мечом?!
 Я в сердечных делах
 далеко не мастак объясняться,
 Но нередко себя
 на нечаянной мысли ловлю,
 Что России готов
 в самых искренних чувствах признаться,
 Потому что её
 при любой непогоде люблю!

ЖУРАВЛИ НАД ПОЛЕМ

Кажется я, братцы,
Ностальгией болен.
Мне всё чаще снятся
Журавли над полем.

Поле чисто сжато.
Рожь не колосится.
И в лучах заката
Улетают птицы.

Я иду, волнуясь,
Полям этим длинным
И не налюбуюсь
Клином журавлиным.

Впереди у клина
Дальняя дорога.
Грустная картина,
А в душе тревога.

Скоро над полями
Вьюги закружатся.
Жалко с журавлями
Сердцу расставаться.

Над безлюдьем пожен
Приуныли ели.
И шепчу я: «Боже!
Хоть бы долетели!»

ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Года бегут, как кони под уклон.
Всё хуже сплю. Всё реже выпиваю.
Пульс времени настолько учащён,
Что я за ним уже не поспеваю.

У времени нет времени стоять.
Оно, тысячелетия рождая,
Не знает виражей, не ходит вспять
И пульс его с моим не совпадает.

Ремесленник пера и топора –
Могу забыть про отдых и про завтрак.
Но то, что сделать должен был вчера,
Я вынужден откладывать «на завтра».

На время не набросишь удила,
Его не укротить, не обесточить.
До завтра можно выключить дела
И только смертный час нельзя отсрочить.

РАЗДУМЬЯ

Опадает листва
в полусонной берёзовой роще,
Утомлённое солнце
готовится в спячку залезть...
Пепел прожитых лет
с каждым годом становится толще
И нельзя отряхнуть
эту тяжесть с натруженных плеч.
Меж бесформенных туч
пробивается редкая просинь.
Опечаленный тополь
отпраздновал лето и сник.
Впереди остаётся
всё меньше живительных вёсен,
И не знаешь которая
станет последней из них.

В этом двойственно мире
всё зыбко и слишком не прочно.
Нет надёжных преград
беспределу, интригам, вражде...
Наплевать мне на то,
что дурёха-кукушка пророчит, –
Я ей верю не больше,
чем блефу речистых вождей.
Никогда не жалел,
что родился вдали от столицы, –
Значит, так уж Всевышним
написано мне на роду.
Я не пыль на ветру –
крепко связан с родимой землицей,
На которой живу
и в которую с миром уйду.

Не питаю к судьбе
ни обид, ни претензий, ни злости.
Строил жизнь, как умел,
не приемля вожжей и удил.
Я давно «застолбил»
тихий угол на сельском погосте
Под эгидою сосен,
что в память о сыне сажал.
Над седой головой
ветер времени яростно свищет.
Одинокие звёзды
мерцают в таинственной мгле.
Я в раздумьях стою
на краю своего пепелища
И пытаюсь понять, –
что я значу на этой земле.

Северо-Двинские берега

Людмила Гродская

Людмила Валерьевна Гродская родилась 4 июня 1974 года. Образование – Архангельский колледж культуры и искусства. Живёт и работает на своей родине – село Черевково Архангельской области. Публиковалась в журнале «Двина», в коллективных сборниках литературного объединения «Красноборье»

Все дороги ведут к дому

Хозяин хорош — и дом хорош,
хозяин худ — и в доме то ж.

(Пословица)

На долгих высоких холмах между раздольным озером Ерилово, которое берёт своё начало от речки Неводницы, и главной дорогой раскинулись множество черевковских деревенок с интересными двойными названиями (изначальным и официально-новым): Пановщина – Романцево, Барановщина – Борисовская, Огнёвщина – Холмовская, Шипино – Глебовская, Панушинская – Давыдовско Ивановская, Каменёво – Денисовская, Вепревская, Никольская – Вахнёвская... Деревни разделились между собой ручьями да ложбинками, а то и угорами, через которые в прошлом обязательно были перекинута мостики – жители бегали напрямки друг к другу в гости. Нынче же ивовые кусты заполняют овраги.

Добротные дома и маленькие домишки, баньки, колодцы, сараи, огороды – деревеньки растянулись на несколько вёрст, но до водной глади озера и речки улицы не добегают: мешают крутые склоны. С угора, обрыва взору открываются заливные луга, зарастающие непроходимой травой, ивой да черёмухой. На горизонте тонкая непрерывная полоска – Северная Двина и её правый высокий песчано-белый берег – это Толоконка.

На первый взгляд может показаться, что изначально никакого порядка в деревенской застройке вовсе не было, что каждый хозяин выбирал себе место по душе, совершенно не заботясь, как это будет выглядеть со стороны, сочетаться с соседними. Вроде бы деревня в одну улицу: иные дома стоят вплотную лицом к лицу, а иные далеко в стороне, то вдоль, а то поперёк озера и речки. Полная неразбериха. Но это не так.

Путаница зарождалась медленно и постепенно: сначала опустел один дом, затем второй, третий... Где-то хозяин умер, кого-то из стариков забрали в город дети, и вот ветшают дома, обрастая крапивой, иван-чаем, одичавшими кустами смородины да малины. Одинокие угасающие хоромы, оцепеневшие и никому не нужные, ждут и надеются, как верные сторожевые, что раздастся стук топора – вернуться владельцы и начнут латать протекающую крышу или менять окладной венец.

Уставали ждать. Углы принимались крениться к земле, двор с повестью тянул некогда жилую часть за собой, а жилое волокно на свою сторону. Серёдка раздиралась на две части, на то, что было «до» и «после». Безнадёжной развалиной становилось когда-то родное пристанище.

Кой-какие домишки смиренно никли, не показывая беды. Тихо проваливались, опадая полушалки двускатных крыш, разрушая потолок, утягивая за собой трубы стародавних больших глинобитных печей. Вываливались оконные рамы, перекашивались двери, по беззащитным стенам хлестали дожди. Там, где совсем недавно пестовали детишек, где молились на образа – свило свои гнёзда вороньё. Развалюхи заваливались на бок, превращаясь в заросшие бурьяном бугры – не выдерживали буйного натиска зелени, потаённые кучной крапивой на веки вечные делались безмолвными. Лишь гуляка-ветер хороводится сейчас в этих местах с появившимися берёзками: у одной с листвой поозорничает, у другой кудри молодые подзадорит...

Матушка-природа с каждым годом отвоёвывает себе землю, не выставляет неприглядную жизнь напоказ. Вместе с родовыми домами в архангельской глубинке исподволь стирается па-

мать и о фамилиях хозяев их населявших. Так навсегда затерялся род Окольничниковых, Пузыревых, Власовых, Булыгиных, Сухановых... Тяжело представить, что их поколение, воротившись через множество лет, не прикоснется к стенам дома, где оставались мечты о будущем, ощутят холод и пустоту, в которой никому не нужны...

Уходят в прошлое крестьянские избы и вместе с ними что-то важное для всех нас. При всём этом именно в смоляных бревенчатых избах Севера, в старине, живёт удивительно неповторимое русское начало, русская натура, русский дух! Мудрость и понимание того, что всякий дом хозяином держится, да лучше дома своего нет на свете ничего.

Обжитые же дома в белых наличниках красуются, на Божий свет любят. Большинство из них глазами обращены «на лето» – на солнечную сторону. Северный люд немногословен, и жилища им под стать: лаконичны и «баскí», высоки и просторны, подкупают статью, величавой простотой. «На лице» непременно наличники с узорочьем, которые привлекают взгляд. В каком бы состоянии дом не находился, часто увидишь – за наличниками хозяин следит в первую очередь. Избёнка покосилась, а наличники-то подрисованные – лицо дома должно быть умытым и красивым! Редко где поставлены новые домишки – фасонистые, как девки на выданье.

А иные «старички-сиротинушки» и не взглянут, не отразят в оконницах лучи солнечные – с заколоченными очами стоят, угрюмые. С вопросом воздымаются, боятся повторить судьбину ушедших в землю соседей: «В чём наша вина? Мы готовы вам дать кров и тепло! Почему же вы нас бросаете, люди!»

Сколько повидали жилища эти на своём веку! Сколько счастливых минут подарили домочадцам! В каждый вложена заботливая душа! Когда-то в них звенел ребячий смех, собирались гости, только быстро прошло всё то – весёлое...

Многие обречены на ожидание...

В минувшем их бурная кипучая жизнь. Теперь справляют по любви поминки...

* * *

Без хозяина дом — сирота.
пословица

Ещё издали его взор улавливает каждого, кто к нему приближается. Глядит невесело, отуманенным взором, с неподдельным укором: хозяева сменились, нынешние постоянно живут в городе и навещают ненадолго – только летом. Приедут, отдохнут от шума городского, в баньке жаркой попарятся, а до Дома и, как говорится, руки не дошли: земельку рядом не вспашут, травку вокруг не выкосят, заборчик покосившийся не подправят...

Не то, что прежние хозяева: всё чего-то ремонтировали, подкрашивали, на клумбы под окнами цветочки посадить не забывали. Огурцы и помидоры в тёплой земельке выращивали. Тут у них морковь, свёкла, лучок, а там укропчик с петрушкой. Картошке – царице огородов – почётное место. Кусты малины подвязаны, смородины – обрезаны, калина да рябина с черёмухой обихожены. Дому оставалось только простуженные зимушкой бока для прогрева солнышку подставлять, да очами на юг, запад и восток любоваться – никаких забот и беспокойства. Хозяйка бегала босая по отаве – скошенному травяному ёжику. Вокруг Дома все лопухи по весне лопатой выкорчует, чтобы летом мурава мягкой была, без лишней «сорной травы»...

Дом долго не мог понять хозяйской перемены: они, пенсионеры, сначала стали пропадать где-то целый день и возвращаться только к вечеру, потом из него вынесли мебель, вещи, посуду – всё-то привычное, душевно нажитое не одним десятилетием, ни одним поколением – теми, кто сизмальства в Доме на приступочке иль на пороге посиживали, а потом, взрослея, босыми ногами по полу шлёпали... Переехала семья. И вот Дом почти весь опустел. На длинные морозные месяцы...

Затем появились те – другие владельцы. Думал Дом, что счастье вновь улыбнулось – нужен он людям как и прежде, пусть и новым хозяевам... Ан нет! Не всё так, как ему хочется: не провешивают к нему зимой дорожку вешками...

«Раньше веселее было: на тополях перед самым ликом жили в скворечниках скворцы, а ласточки так вообще умудрялись гнёздышки смастерить под самой крышей. Тополя ныне, чувствуя волю, вон как корешки пустили – всю землю вокруг заполонила молодая поросль. Берёзок вообще близко не было, а теперь дошло до того, что скоро устремятся белоствольные к солнышку там, где росла картошка! Того и гляди – вынырнут у самого угла! В зарослях некошеной травы хорошо чувствуют себя тучи мошек да облака комариные. Угрожающе надвигается полчище вездесущего борщевика... Э-эх! Уже в минувшем горшки с цветами на подоконниках!»

В самые лютые вьюжные месяцы, когда в Доме селится пугающая тишина, тоскует Дом. Все думают – спит, а он притворится: приосядет, приклонится чуть к земле, чтобы его выше снегом запорошило. Ждёт-выжидает, выглядывает из-за снежной завесы: не идёт ли кто к нему? Не наптыкает ли тропку через непролазные сугробы? Не раздастся ли звон заветного ключа от его сердца?!... Нет. Воробей и тот редко промелькнёт. Что ему здесь делать, в безлюдной стылой забытой деревне... Никто не придёт до весны! А вот когда вспыхнет жизнь в природе – защёлкают, запахнут, лопаясь, тополиные почки, выскочит травка, ароматно зацветёт черёмуха – вот тогда и прилетят его, Дома, жители. Его «перелётные птицы».

Дому приходится только мечтать в забытии: «вот вернутся прежние хозяева, поглядим мы друг другу в глаза... поглядят они родные стены, подойдут ко крыльцу, дотронутся ладонью до ручки двери и поздороваются со мной... Но вход охраняет замок, навешанный новыми хозяевами!.. А давние владельцы могли, уходя даже на целый день, просто палку приставить к дверям...»

Дом помнит ещё ту пору, когда «делился» он на летнюю и зимнюю избу, да миновало то время... Но как исстари венчает его горница да две маленькие боковушки, деревянные сундуки которые стоят с рождения Дома – не вынести их оттуда из-за больших размеров...

Время не стоит на месте: зиму сменит весна, за весной промчится лето, за летом подоспеет осень и, опять-таки надвинутся томительно безмолвные тёмные мёрзлые вечера и ночи, в которых жалобно затрещат старые брёвна Дома, заноят ветви тополей...

Не потерять бы тех, без кого Дом жить просто не может...

Не стать безвозвратно утерянным...

Северо-Двинские берега

Владимир Сивцов

Владимир Семёнович Сивцов родился в 1943-м году в деревне Гиблица Шеломянского сельсовета. В 1964-м году с отличием окончил Велико-Устюгское речное училище, одну навигацию отработал в Карелии капитаном буксирного катера, затем – служба в армии. С 1967-го года живёт в Красноборске.

Лёгкий на подъём, открытый для общения, с творческой жилкой, Владимир Семёнович всегда вёл активную общественную работу, участвовал в художественной самодеятельности. Литературное творчество, по признанию самого автора, манило его к себе всю жизнь, но лишь в зрелом возрасте он решился довести до читателя свои стихи и сказки. В 2003-м году стал лауреатом конкурса «Нордкон». Член литературного объединения «Красноборье». Сейчас у Владимира Семёновича выпущено три авторских сборника

Записки изобретателя

Юмореска

Свершилось!!! Я изобрёл! После мучительных ошибок и поисков мне удалось создать совершенно новый тип генномодифицированного продукта. Он мог затормозить жизненные процессы в организме, а при использовании формулы, наоборот, ускорить. А оказалось всё так просто, что до этого никто просто не мог додуматься.

Побочный эффект: при ускорении процессов увеличивалась масса тела, а при замедлении уменьшалась.

И вот на моём столе лежат двадцать шариков. По десять штук «замедлина» и «ускорина». Синтезированный мною продукт проверен на крысах, которые регулярно посещали нас, чтобы что-нибудь изгрызть, уронить или просто напугать.

Проверка дала поразительнейшие результаты. Крыса, сожравшая ускорин, разнесла крысоловку, загнала кошку на люстру, вышибла окно и огромными скачками унеслась в сторону ближайшего леса, распугивая всех, кто попадался на пути. Что она там натворит?!! Но об этом думать не хотелось.

Крыса же, сожравшая замедлин, часа четыре ползла к дырке, прогрызенной короедом (это в пяти метрах от блюда) и уже не менее часа протискивалась к короеду в гости. Побочный эффект «замедлина» сработал; иначе-то ведь ей не проползти бы было в дырку-то короедную.

Я ликовал! Быстренько сложил «таблетки» в пузырьки, запоминая: «Ускорин» слева, «Замедлин» справа», уронил стул и побежал докладывать семье об успехах современной фармакологии в моём единственном лице.

Доложил под общее ликование семьи. Пока жена собирала на стол под такой случай, вернулся к себе. Проветрил кабинет. Наткнулся на стол и уронил один из пузырьков на пол. Понял, что надо подписать пузырьки. Вспомнил: «Слева – «ускорин», справа – «замедлин». Приклеил этикетки, и на этом рабочий день закончился.

Обмывали долго и весело. Встретили Новый год. В голове постепенно наступали сумерки. Однажды утром проснулся от жестокой зубной боли. Не мог вспомнить, какое сегодня число, пока по радио не сказали, что сегодня четвертое января две тысячи ... Что-то щёлкнуло в динамике, и диктор бодро закончил сообщение прогнозом погоды.

Страдая от тяжкого похмелья и острой зубной боли, засобиравшись в поликлинику. Вспомнил, какое событие мы обмывали. Вот тут-то мне и пришлось в голову принять таблетку «ускорина». Но закон подлости никто не мог отменить, и я вместо «ускорина» принял «замедлин»! Но узнал об этом уже позднее..., много позднее, через три дня, когда действие препарата закончилось.

А пока... Пронзаемый болью, «побежал» в поликлинику. Было уже довольно светло и очень скользко. «Талонов, конечно, уже не достать, но с острой болью меня и так примут», – так утешал я себя в беге. Бежал, почти не поднимая ног, скользя по ледяной корочке.

Минут через тридцать я преодолел первые двести метров. «Надо поспешить, а то не успею ко второму приему...» Я помнил, что до поликлиники надо преодолеть около полутора километров и добавил скорости.

Мимо меня проносились машины, собаки, реже – люди. Вот меня обогнала старушка с нашей улицы, у которой почти не шевелилась правая нога уже не один год. На повороте к калитке её сильно занесло, и мне пришлось притормозить бег. «Скипидару ей что ли вклизили? – подумал я. – Несётся, как сумасшедшая...»

Потерял минут десять. Надо быстрее, так как у поста ГАИ к полудню дует сильный ветер, и меня может унести в парк Победы, где я могу застрять и затеряться до Рождества. Посмотрел на часы – двенадцатый час. Закончил смотреть и сообразил, что было уже двенадцать часов и семь минут.

Ко мне подлетел чей-то пёс, оббежал вокруг меня. Остановился у моей ноги и, подняв заднюю лапу, поставил метку. Брючина внизу потемнела. «Принял меня за дорожный знак! – мелькнуло в моей голове. – Плохая примета, однако. Им стоит только начать, а если стая? Приморозят. Надо совершить рывок...»

Я знал, что скоро может включиться второе дыхание, и преодолел очередные пять метров. После поста ГАИ стало легче. Ветер был попутный. Да и погода изменилась. Мелкая позёмка заровняла дорогу. Да я и сам поднажал. К двум часам семнадцати минутам я миновал белый дом. Стало ясно, что скорость моя желает лучшего.

Первый километр, благодаря рывку с попутным ветром, я преодолел часов за шесть с хвостиком. Около магазина мне «на хвост» села особа неопределенного возраста и пола. «Куд-д-да с-спе-ш-шишь... Ишшо рано...».

Понял, что это мужик. Его трясло, и он клал зубами, как только открывал рот. Надо было избавляться от «хвоста». И я напрягся в рывке. Заикаясь от напряжения, рявкнул, с усилием разжав губы: «Иди... иди... иди... идиот!» Ветерок донёс мне в ответ: «Приду... приду... приду... придурок...» А... Ахал бы дядя, на себя глядя.

Мужик отстал. «А что, если и в самом деле придёт», – пронеслось в голове. Рывок стоил мне сил, и скорость резко упала. Смеркалось. Надо было подумать о ночлеге. Вспомнил, что у этого дома во дворе была кочегарка. Ещё метров двадцать, – и я буду в тепле. Стемнело, когда я добрался до входа. Кочегар открыл дверь, велел мне заходить, а сам пошёл в магазин.

Надо было преодолеть порог. А он был высотой сантиметров двадцать! К возвращению кочегара я смог-таки перенести через порог одну ногу. Левую. Мужик помог мне и кивнул на топчан: «Вон, ложись! Отдохнёшь...» На топчане уже дремали трое бедолаг. Я занял предложенное мне место на правом углу подушки – хорошо, что у «замедлина» побочный эффект был и он опять сработал, как и у крысы, иначе мне бы не видать мяконького уголка подушки, как своих ушей! – и, свернувшись калачиком, заснул.

Я не знаю времени. Ни дня, ни суток. Первой мыслью после того, как очнулся, была мысль о том, что я не чувствую боли. Зуба тоже. Я не чувствовал ничего, кроме того, что качаюсь, как на надувной лодке. Неужели я на рыбалке? Нет, не мог же я проспять полгода.

Доносились голоса, рёв моторов. Я понял, что меня несут. А куда? Разлепил глаза – ничего не вижу, так как завёрнут, наверное, в одеяло. «Куда мы идём?» – еле разжав губы, громко спросил я. «Молчи... Тебе вредно столько болтать», – донеслось до меня. Через некоторое время услышал: «Домой... Нас мама за тобой послала... Еле нашли. Если поторопимся, то успеем к рождественскому пирогу... С яичной скорлупой от изжоги...»

Я почувствовал, что тяжелею – кончилось, видать, побочное действие «замедлина». Меня опустили, и я встал на ноги. Точно, – действие препарата закончилось! Своим ходом вместе с ребятами иду домой. Дойду, лишь бы нога ногу миновала. Счастливые, мы предстали перед домашними. Ждали гости. На столе над пирогом возвышалась бутылка шампанского.

P.S. На днях в районной газете появилась статья про ужасную крысу, которая терроризировала местных собак и кошек целых два дня. Потом так же неожиданно, как появилась, так и исчезла.

Берега Крыма

Татьяна Назарова, Ирина Свешникова

Сохраним культурное наследие Крыма!

По мнению Ольги Николаевны Вечер¹, в Крыму происходит системная работа по выхолащиванию русского духа, русской истории, по выхолащиванию всех смыслов русского духа из Крыма. И особенно это заметно на примере Коктебеля, где стараются снести все строения имущественного комплекса Дома творчества писателей, т. е. знаменитый Дом творчества, где советские писатели отдыхали и творили свои произведения.

Все творческие люди, считающие Коктебель своей Меккой, и из года в год приезжающие в Коктебель за вдохновением, творческим наполнением, с болью в душе наблюдали, как при Украине застраивался Парк Дома творчества писателей частными гостиницами и апартаментами, сносились исторически значимые здания, Парк перегораживался заборами. Это представлялось диким недоразумением, которое непременно будет исправлено, когда настанут лучшие времена. И вот лучшие времена настали – Крым воссоединился со своей исторической Родиной. И ничего не изменилось. Вот так, прямо на наших глазах, нас же лишают нашей истории и культуры, вычищают нашу историческую память. Музей-заповедник «Киммерия М.А.Волошина» – это культурный центр мирового значения, градообразующий комплекс всего поселка, «Мекка» всех творческих людей, истинно «Южная культурная столица России».

Идёт такая тенденция: предать забвению имена великих русских писателей, художников-альтруистов, которые завещали свои усадьбы народу. Например, Вяземский, основатель биостанции, на основе которой был создан потом Карадагский природный заповедник, свою усадьбу завещал учёным Российской Академии наук. Волошин завещал свою усадьбу Всероссийскому Союзу писателей, потом она перешла Союзу писателей СССР. Забыть этих людей-альтруистов, которые работали на благо России? Всех этих людей нужно непременно популяризировать: их имена, их усадьбы, их дела, всё, что они сделали для Крыма и России. Но стратегия чиновников заключается только в бесконечной коммерциализации всего, что для нас свято – музеи, заповедники, памятники истории, культуры и архитектуры, природные заповедники, парки, детские оздоровительные лагеря.

Что касается южного берега Крыма. На сегодняшний день с полной ответственностью можно сказать, что еще год-два такого безудержного освоения Крыма: хаотичной застройки, вырубки можжевеловых рощ, парков, скверов, разработки карьеров – и мы навсегда потеряем Крым, как историко-культурный центр, природно-климатический курорт мирового значения, Всероссийскую здравницу. Это будет катастрофическая потеря для России, но и позор для неё, что почти за 5 лет мы не нашли механизма для сохранения Крыма. Уже сейчас русские люди с материка этим вопросом озадачились, потому что были уверены, что на полуострове идёт работа по максимальному сохранению, восстановлению, популяризации русского наследия. На самом деле, как выяснилось, процесс идёт в обратном направлении, т.е. происходит деградация исторической и культурной среды. Происходит забвение фактов русской истории и культуры, которую создавали великие русские поэты, писатели, учёные, художники. Максимилиан Волошин, Терентий Вяземский. Учёные со всего материка поднимаются на защиту исторического и культурного наследия.

В связи с 5-летним юбилеем воссоединения Крыма с Россией 16 марта 2019 года учёные и об-

¹ *Ольга Николаевна Вечер* – архитектор, руководитель Крымского филиала АНО «ЭКОН» (Центра экспертизы и контроля объектов наследия и культурных ценностей), в течение четырёх лет проводит мониторинг состояния объектов историко-культурного и природного наследия в Крыму. По итогам этого исследования она выступает на конференциях по теме «Системный кризис сохранения историко-культурного и природного наследия Крыма, как угроза его устойчивому развитию», участвует в заседаниях рабочих групп по развитию городов и поселков. В частности 11 декабря она приняла участие и вошла в состав рабочей группы во главе с Заместителем Председателя Совета министров Республики Крым Ларисой Николаевной Опанасюк по Коктебелю. После заседания Ольга Николаевна любезно согласилась дать эксклюзивное интервью газете «Алуштинский вестник» по вопросу состояния объектов историко-культурного и природного наследия в Крыму.

щественики России и Крыма хотят привлечь как можно больше неравнодушных людей к проблеме, потому что если 16 марта 2016 года в 2-х летнюю годовщину воссоединения Крыма с Россией Общественная палата Крыма провела круглый стол на тему «Актуальные проблемы интеграции Крыма в общенациональное культурное пространство», то уже в 17– м, 18-м годах Общественная палата никак не ознаменовала эту дату

В Феодосии на одной из башен генуэзской крепости хотят установить инсталляцию в виде железобетонной платформы с рулем – памятники всячески опошляются путем каких-то новомодных элементов. Вот такие инсталляции они стараются всюду внедрять в историческую среду. На сегодняшний день идёт работа по включению 25 населенных пунктов Крыма в список исторических поселений России, потому что сейчас формируется список исторических поселений по всей России. В Крыму эту работу проводит Комитет по охране культурного наследия по Республике Крым во главе с заместителем председателя Госкомитета А. В. Жаворонковым. Работа предстоит очень большая. И что интересно, эти города уже имели статус исторических поселений, они имели свои исторические ареалы, свои историко-архитектурные опорные планы. Эти планы либо утеряны, либо положены под сукно. Существует исторический ареал всей большой Ялты. Но чиновники называют это большей частью рухлядью, хламьём, пытаются заместить всё это «стекляшками», отвратительными многоэтажками, а ЮБК превратить во второе Монако. Например, парк в Партенине «Айвазовский» сам по себе красив.

Но Ольга Вечер называет его «апофеозом провинциального нувориши», который делал это всё для себя, привозил эти статуи из Италии для себя, для своей усадьбы, и это было достаточно пафосно и безвкусно. В Партенине «стекляшки» стоят прямо над морем, а знаменитой усадьбе Раевского, знаменитому санаторию «Карасан» или усадьбе «Утёс княгини Гагариной» требуется серьёзный ремонт, природная среда вокруг усадеб в заброшенном состоянии. Идёт четкое формирование общественного мнения, что это все рухлядь и хламьё, которое нужно заменять «стекляшками». Естественно, под это все вырубаются можжевельники, сосны. Генеральный план Ялты предусматривает увеличение застройки в 2 раза. Усадьбы и дворцы 18-19 в.в. органично вписывались в природу, потому что люди понимали и ценили красоту. А сейчас такой жизненной средой у нас целенаправленно воспитывают дурновкусие. Пример – в Симеизе можжевеловые рощи отдали под индивидуальную застройку. Уже полностью застроен знаменитый Милютинский парк. Именно в Симеизе находятся самые большие площади можжевельников. Там вылечивались лёгочные заболевания, и именно там находились все туберкулёзные санатории. Сейчас все санатории раздали непонятно под какие цели, жителей, бывших врачей этих санаториев выселяют с этих территорий, жильё, которое они получали ещё в те времена, требуют освободить, т.к. санатории находятся уже в частных руках. Деграция городской среды налицо. Города не улучшаются, а только ухудшаются с каждым шагом. Отвратительная агломерация в Приморском парке Ялты, где точно натканы небоскребы. Генеральный план убьёт Ялту и весь ЮБК, как историко-культурный центр, как природно-климатическую здравницу.

Эти «злые силы» знают, что Крым настолько сакральная земля для России, что с него начнётся повторное возрождение России, это наши истоки, они как бы целенаправленно все это уничтожают, чтобы подрубить корни России.

Хаотичная застройка преподносится как градостроительная политика. Застроить всё и вся, забетонировать все молы, которые сооружаются на пляжах. В Коктебеле они собираются возводить мол возле дома Волошина, в парке «Айвазовский» уже построили бетонный мол. В 14-15-м годах говорили о том, что будут исправлять украинское наследие, будут понижать этажность этих зданий, что-то придётся сносить.

Но существует и положительный момент. В Севастополе открывается архитектурный факультет. Там уже будут учить студентов и ландшафтной архитектуре, и экологии. Может, мы вырастим новое поколение, которое действительно будет работать ради красоты, ради будущего, а не ради сиюминутной наживы. Но нужно, чтобы и чиновники полюбили красоту, потому что в советские времена чиновников отправляли на обучение архитектуре, ландшафтному дизайну, чтобы они вообще понимали красоту.

По Коктебелю положительно то, что в рабочую группу по развитию посёлка удалось включить не только чиновников и депутатов Госсовета, но и активных жителей Коктебеля, представителей

гражданского актива Коктебеля, Союза предпринимателей, руководителя Крымского отделения Центра экспертизы и контроля объектов наследия и культурных ценностей Ольгу Вечер. К ним стали прислушиваться. В программе-максимум – добиться для Коктебеля статуса исторического поселения, потому что при таком статусе даже регламентирована ширина улиц. А генпланом Коктебеля предусмотрено его превращение чуть ли не в город. В Коктебеле уже должен возникнуть спальный район многоэтажек, что для Коктебеля недопустимо. Сейчас есть реальная возможность говорить о том, что может быть полезным для Коктебеля, для сохранения его как южной культурной столицы России, как знакового места русской культуры. Эти усадьбы объединить в заповедник «Киммерия Волошина». Планируется написание второго гранта по образу и подобию проекта «Спасти берег мечты». Он будет называться «Спасти Киммерию» с охватом территории от Алушты до Керчи. Уже ясно, что если общественники, учёные, архитекторы не объединятся, не создадут заслон действиям злостных застройщиков, то Крым не удастся спасти. Нужно привлекать к этому делу таких чиновников, у которых есть понимание того, что нельзя всё застраивать и закатывать в бетон. И таких чиновников становится всё больше и больше. Депутат Госсовета Евгения Добрыня очень хорошо помогает: вот уже три стройки в Коктебеле с подачи общественности удалось запретить. И именно архитекторы должны немедленно вмешаться в сложившуюся ситуацию. Ведь архитектор – это стратег, организатор пространства, генератор идей, специалист, который всегда в выборе между бизнес-интересом и служением Отечеству выберет служение Отечеству. А Отечество призывает – верните Крыму полагающийся ему статус – историко-культурного центра, природно-климатического курорта, Всероссийской здравницы. Ведь Крым Екатерина II называла: «Драгоценнейшей жемчужиной в моей короне»; Пабло Неруда: «Орденом на груди планеты Земля»; В.В.Путин: «Храмовой горой Русской цивилизации», «сакральной землей для России». Академик В.И.Вернадский о Крыме сказал так: «Как сами врата Истории, так и ключ к ним есть смысл искать в Таврике».

Поэтому архитекторы должны выполнять свою миссию, следуя принципам, заветам и идеям великого архитектора Н. П. Краснова, создавшего архитектурные шедевры в Крыму, которые никоим образом не обезобразили восхитительную крымскую природу, а настолько органично и гармонично в неё вписались, что вызывают восторг у всех поколений. Подытоживая всё сказанное и учитывая, что культурная политика объявлена одним из приоритетных направлений стратегического планирования государства, существует региональная Программа по Крыму «Стратегия государственной культурной политики на период до 2018 года», Государственная Программа «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.», подготовлен Федеральный Закон «О культуре», существует множество рычагов, позволяющих развернуть ситуацию в нужное русло. А для этого нужно создать в Крыму Координационный орган с широкими полномочиями, предусмотренный документом «Основы государственной культурной политики», для реализации вышеуказанных Программ в жизнь. В рамках общественного контроля поставить вопрос о прекращении этой бездумной практики – разработки за бюджетные средства проектов без предварительного обсуждения их с жителями тех территорий, где они будут реализовываться. До разработки генеральных планов крымских городов – руководству городов заказывать «Стратегии социально-экономического развития города», так как судьба выполненных без предварительных Стратегий генеральных планов городов – Ялты, Симферополя, Севастополя печальна, все они оказались нежизнеспособны. Обратиться в Государственную Думу с просьбой ускорить принятие Федерального закона (по поручению Президента РФ), направленного на расширение возможности участия граждан в принятии органами исполнительной власти решений в области градостроительной деятельности. Также по поручению Президента РФ по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления добиваться обеспечения широкого привлечения граждан к определению направлений деятельности по благоустройству территорий муниципальных образований и их непосредственное участие в такой деятельности. И самое важное – обратиться к депутатам Государственной Думы от Крыма с требованием срочного принятия Федерального Закона о Крыме, утверждающего его статус, как «Историко-культурного центра, природно-климатического курорта, Всероссийской здравницы». И если учёные, общественность, архитекторы объединятся, то они справятся с поставленной задачей и сумеют подключить к её решению всех патриотов России.

Берега Новороссии

Александр Морозов

Уважаемый Александр! Примите самые наилучшие чувства и пожелания к 50-летнему юбилею! Пусть новые книги будут прочитаны, и признаны, и оценены, пусть будет множество свершений и наград, счастья и добра, светлого вдохновения!

Межрегионального союза писателей, Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины», член союза писателей России и союза писателей Беларуси. Лауреат литературных премий «Владимира Сосюры», «Бориса Гринченко» «Михаила Матусовского», «Свой вариант», «Серебряный стрелец», ряда международных и республиканских конкурсов и фестивалей в номинации «Поэзия». За вклад в развитие русской литературы в 2010 году награжден медалью Михаила Шолохова, а в 2018 г. «За успехи на литературной и культурной ниве» – медалью Евгения Замятина. Публикуется в газетах, Журналах, альманахах и коллективных сборниках. Увлекается краеведением. Изданы книги «Дебальцево. Взгляд сквозь годы» (В двух томах). В 2015 г. вышла книга публицистики «Дебальцево. На линии огня». А в 2018 году – книга «Рожденные в Дебальцево». В сентябре 2015 г. с группой писателей Донбасса был приглашен в Москву для участия в презентации книги «Строки мужества и боли», а в октябре того же года участвовал во Всероссийском совещании писателей, пишущих на военные темы

Дебальцево – Островец

ПО ПЯТЬДЕСЯТ

По пятьдесят, по пятьдесят
И вот уже мне пятьдесят...
И многих нет давно ребят,
Которым было меньше...
По пятьдесят, по пятьдесят
Мы отвечаем невпопад,
Но нам вослед еще глядят
Глаза любимых нами женщин.
В мозгу такая чехарда...
Года, как талая вода,
Они уходят в никуда –
Туда, где вечно лето
Так наливай по пятьдесят,
Пока еще горит закат,
Пока деревья шелестят
И кружится планета.
Что вам сказать, мои друзья –
Вполне сложилась жизнь моя,
Повырастали сыновья
Внучок – подарок деду.
Я строил дом и сад садил,
Причем, заметьте, не один!
Так что могу помимо рифм
Руками что-то делать.

Присядем за большим столом
Не раз по пятьдесят нальем,
Потом застольную spoём,
Когда закончат тосты.
Спасибо всем, кто не забыл,
По жизни кто со мною плыл,
Кто радости и боль делил,
Учил смотреть на звёзды.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Очень быстротечна жизнь у человека,
Не успел родиться – подводи итог.
На планете этой отмотал полвека,
А полвека – это всё ж не малый срок.

Я не стал богаче и не стал мудрее,
Хоть уже не молод, но ещё не стар.
Но не зря Тарковский написал Арсений:
«Мы – уста пространства», «времени уста».

Что ж, пускай полвека где-то за плечами
Бес ломает рёбра, с сединой виски.
Только, как и прежде, лунными ночами
Я общаюсь с Музой и пишу стихи.

Исключенья снова нахожу из правил –
Видел я всё это творчество в гробу!
Вот оно мне надо: текст черкать и править?
Только по-другому просто не могу.
Юбилей поэта, но ещё не старость.
Рано на списанье, рано на покой.
Может, для потомков я в стихах останусь,
Может быть, запомнюсь хоть одной строкой.

МОЁ ЛЕКАРСТВО

Хоть за спиной полвека, честно признаюсь вам –
Мне не нужна аптека, я не спешу к врачам.
Если тоска и скука, если накатит грусть –
Я посмотрю на внука
и улыбнусь.
Внуки – большое счастье, главная из побед!
В люльке сопит лекарство, и молодеет дед.
Будем читать мы сказки, пробовать будем мёд.
Счастье лежит в коляске,
спит
и во сне растёт
Пробует что-то делать, многое может сам.
Радость растёт для деда – противодепрессант.
Ноют спина и руки, разных проблем мешок...
Я посмотрю на внука –
мне хорошо.

СОЛДАТСКИМ ВДОВАМ

Беды и горя хлебнули вволю —
Война не травы, мужей косила...
Не нарекали на вдовьи доли
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

Другим расстелен душистый клевер,
Другим сверкали алмазом росы,
А им придётся пахать и сеять,
Растить детей, чтоб не голы босы.

И жарким летом и в холод зимний
Не ожидали небесной манны.
Страну отстроят — они ж двужилыны,
Так спокон веку впряглись и тянут.

Брось вдовьи годы считать, кукушка.
Избу не греет почётный вымпел...
Горчит судьба, солона подушка,
Но только это ж никто не видит.

Побеги даст молодая поросль,
А вы уйдёте за дали сини...
Отчизны скрепы, России гордость —
Ульяны, Марьи и Ефросиньи.

ПРАБАБУШКЕ МАШЕ

Я в детсад не ходил и практически целый день проводил под присмотром прабабушки.
Помню, в зале стоял сундук, на стене висели с гирьками в форме еловых шишек – обычные ходики.
Прабабушка часто варила картошку «в мундирах», а ещё пекла мне блины и оладушки.
Каждый час из часов вылетала смешная кукушка и время прошедшее склёвывала.
А сундук был с висячим замком, я уверен был в том, что хранил он несметное множество тайн –
изнутри его крышка оклеена была красиво – обёртками мыла конца позапрошлого века.
Там в смертельном узле в уголке сундука дожидались, когда их оденут, красивое платье и шаль,
и лежала на стопке с постельным бельём в целлофане жилетка из лисьего рыжего меха...
У прабабушки из электроприборов был только утюг – ни телевизора, ни холодильника...
Семь рублей пенсионных даже по тем временам не такие огромные деньги.
Молоко и хамсу старушка позволить могла, да внучкам карамельки изредка,
но зато какие в подвале в кадучках стояли соленья, а в банках – варенья...
Взял горбушку, посыпал сахаром, сбрызнул колодезной чистой холодной водой,
или тот же хлеб за шестнадцать копеек, подсолив и приправив подсолнечным маслом –
этот с сахаром хлеб в детстве мне слаще казался халвы и конфет с пастилой,
хлеб с подсолнечным маслом и солью, казался вкуснее, чем теперь дорогие колбасы...
Возле дома в траве копошились петух и несколько пёстрых кур, да дремал старый пёс Трезор.
Отыскав червяка, подзывала, учила жизни выводок жёлтых комочков мамаша-квочка.
Помню куст георгин – он был выше меня, а ещё, то, что камнем был вымощен двор,
и вещала весь день напролёт под иконами радиоточка.
Так вот жили тогда, сколько зим пронеслось, сколько лет –
вырывает из детства картинку обрывисто память.
Нет Трезора давно, дома нет и прабабушки нет...
Нужно в церковь сходить и прабабушке свечку поставить.

МОЕМУ ДОНБАССУ

Я в думках порою парю над полями вздремнувшей Отчизны,
 Читаю страницы минувших великих времён.
 Не раз сотрясали Отчизну мою катаклизмы,
 Сменялись рассвет и крушение различных племён и знамён.
 Родная земля, ты историей древней богата,
 Я черпаю силы свои у родимой донецкой земли.
 Казалось, недавно в степи проскакали сарматы,
 Исчезли вдали, лишь примяли слегка ковыли.
 А жизнь расстилалась дорогой – холмы да ухабы,
 Мелькали повозки, столетья сгорали в огне...
 Остались потомкам в степи половецкие бабы.
 Лишь бабы навечно застыли здесь, окаменев.
 Хоть предкам досталась суровая ратная доля,
 Район приграничный – он служит исправно щитом.
 Расскажет об этом бескрайнее Дикое поле,
 Приручат славяне и Дикое поле потом.
 С тех пор революций и войн проходило немало,
 Народ не роптал, выживал, затянув поясок.
 Планетой шагала эпоха угля и металла –
 Был жизненно важен, добытый у нас уголёк.
 Давно ли гремели в стране трудовые рекорды?
 Награды в семейных архивах забыть не дадут!
 Недаром считались рабочей элитой шахтёры
 И тосты звучали: «За честность! За доблестный труд!»
 Донбасс мой родной, это дивное счастье – родиться
 В краю, где копры терриконов небес достают!
 Красоты твои пусть раскроют в холстах живописцы,
 Величье своё нам поэты ещё воспоют.
 Характер Донбасский и эти строптивые гены
 Позволят и дальше потомкам наш край развивать.
 Никто никогда не поставит Донбасс на колени.
 Тому, кто не жил здесь, возможно, меня не понять.

КРЕСТИК

Чем удивить нас, каким безобразным пиаром,
 Новым скандалом и церковью новою поместной?
 Всё повторяется – скачут в степи янычары,
 В пламени книги сгорают в столице у лобного места.
 Вирус в умах помутневших лазейки находит,
 Прыгают черти, и чудится смех сатаны.
 Ящик страшает: «Теперь положение вводят».
 Не поздновато ли к пятому году войны?
 Слава героям! Дурная какая-то слава...
 Множатся слухи и множество новых проблем.
 Снова погромы скрывает лицо балаклава,
 Средневековье вернулось, вернулась охота на ведьм.
 Скоро в промышленном плане обгонят Заир и Уганда,
 Но по количеству мин пусть весь мир позавидуют нам.
 Не замолкает повсюду весь день и всю ночь пропаганда –
 Слушают люди и просто не верят глазам.
 Дружно кричат здесь: «Распни!», – становясь палачами,
 Нас распинают, боясь, что мы можем воскреснуть.
 Всё продаётся... Торгует тюремщик ключами...
 Живы пока что – спасает под свитером крестик...

Берега Новороссии

Андрей Чернов

Чернов Андрей Алексеевич – литературовед, критик, публицист, редактор. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книги очерков «Притяжение Донбасса: Очерки о писателях шахтёрского края» (Москва, 2016). Публиковался в журналах «Берега» (Калининград), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «ЛиФФт» (Москва), «Российский литератор» (Нижний Новгород), «Российский колокол» (Москва), альманахах «Литературная Пермь», «Крылья» (Луганск), газетах «Литературная Россия» и «Литературная газета». Награждён орденом Фёдора Достоевского I-й степени Пермской краевой организации Союза писателей России. Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Живёт и работает в Луганске.

Бумажный самолёт из огненного Донбасса

Так мало преподносит нам война светлых подарков. Война щедра на горести и разлуку, она шлёт нам из своего огненного вихря жуткие сгустки смерти – осколки с рваными краями. Вот один – прикоснись к нему, возьми в ладонь... Ты чувствуешь? Это лежит на твоей ладони чья-то смерть. Но, слава Богу, осколок этот не испил крови, не исполнил своего предназначения.

Сквозь огненный вихрь прорываются, порою, не только осколки. Вот, покружив, спускается легкое невесомое чудо – крохотный бумажный самолёт. Чья рука его пустила из Донбасса? Чья рука уберегла от огненного дыхания?

Сквозь обожжённые складки просматриваются буквы, слова, читаются строки и строфы.

Что если самолёт не долетит?
Что если упадёт листком тетрадки?
И тайна превратится в алфавит,
В застывшую гармонию порядка.

«Бумажный самолёт» – так назвала свою книгу стихотворений поэт фронтового донбасского Луганска Елена Заславская. Созданная среди войны книга, тем не менее, не посвящена военным событиям в Донбассе, автор намеренно увела читателя от этой трагичной реальности. И даже характеристика, поставленная Еленой Заславской на титульном листе: «Светлая лирика», также призвана увести от излишней перегруженности военной тематикой. И это легко объясняется – война в Донбассе длится уже пять лет, дольше, чем Великая Отечественная. Конечно же, общество – прежде всего в Донбассе – устало от этого. Устало от неопределённости «бесконечной войны».

Но война всё таки наложила свой отпечаток – полутенями, интонациями, отдельными упоминаниями. И здесь, в «светлой лирике» Елены Заславской, целиком посвященной великому чувству любви, проскальзывает:

...Или уехать подальше, чтоб не узнал ты,
Никогда, никогда, никогда не узнал ты,
Как накрывает взрывной волной.

И в этом поэтическом крике-повторении – не красивость условности, не опошленный кинофильмами-боевиками символ. Здесь – сила заклинания любящей женщины, узнавшей не понаслышке злую ярость взрывной волны. Сколько в этом образе суровой правды жизни! В памяти сразу возникают гениальные строки «Слова о полку Игореве» (привожу в переводе В. А. Жуковского):

«Полечу, — говорит, — чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».

Скупые на слова строки вовсе не скупы на чувства: как много они говорят о силе любви, о страсти к возлюбленному, о подлинной заботе – к живому ли, мёртвому.

«Бумажный самолёт» собрал стихотворения разных лет, но они упорядочены вокруг единого сюжетного стержня – романтических отношений между лирической героиней, жительницей Донбасса, и москвичом:

Ты приехал в гости ко мне, в Новороссию,
В страну, которой на карте нет.

В лирическом пространстве книги Елены Заславской очевидно сталкиваются два параллельных мира, две вселенные, взаимосвязанные, но разделённые границей и линией фронта.

Там, во вселенной параллельной,
Твой мегаполис – жуткий монстр,
Он имя светлое Елена
В железных пальцах в миг сомнёт...

Эти параллельные миры – война и невойна, любовь и нелюбовь, равнодушие и неравнодушие, сочувствие и безразличие. Лирическая героиня «Бумажного самолёта» прорывается из вселенной войны, из страны, которой «на карте нет», в мир жестокого расчета и выгоды.

...И в тонкой, как лезвие бритвы реальности / Мы сталкиваемся,
И нет вариантов не сбыться друг в друге, / Как ни оправдывайся.

Столкновение двух людей из «параллельных вселенных» вызывает чувство. Любовь? Страсть? Заблуждение? В мировосприятии лирической героини – это шквальная стихия, побеждающая расстояния, прорывающая линию фронта, границу, все различия, но и эта стихия разбивается о чёрствость, бездушность «параллельной вселенной».

Твой мир герметичен.
В нём юные нимфы щебечут по-птичьи
И пьют алкоголь.
И как-то уже непривычно,
И даже уже неприлично
Писать про любовь.

В мире, в котором идёт война, в стране, которой «на карте нет», привыкли к подлинному и настоящему, к честному – как жизнь или смерть. Герметичный мир даже «кипяток сердечных струй» превращает в товар, то, что можно продать, поменять, сбыть. Любовь в нём – не более чем упражнения на простынях, повод для накрутки тщеславия «победителя».

А героине остаётся лишь прийти в себя от оглушающего осознания своего самообмана. Она осталась ни с чем? С горькой болью ахматовского «брошена – придуманное слово»? Опыт, вместо счастья? Но не в горе погружена героиня.

Есть только радость воплощения в слове,
Извечная мозаика русских букв.

Сила русского преодоления: извлечь из поражения свою преображённую победу, очищенную и вознесённую над пошлостью, «бытовухой», затхлым восторгом плотских утех. И тут очищенное слово любви, слово Поэзии побеждает и вдохновляет, продолжает жить – для тех, кто чист.

Но на устах остаются и
Не забываются
Вкус поцелуя
И вечное чудо кириллицы...

В этом смысле, стихотворения сборника Елены Заславской по-настоящему проникнуты светлым оптимизмом, радостью переживаемого счастья. Конечно, есть в книге и стихотворения, которые «на ура» будут восприняты только женской аудиторией. Но в этом, надо полагать, также заключается их ценность – отражающих чаяния и представления современных молодых женщин.

...А «Бумажный самолёт» Елены Заславской преодолевает границы между параллельными вселенными – войной и не войной, между мирами искренности и духовной «герметичности». И эта книга – не клочок бумаги. Здесь «вечное чудо кириллицы» не даёт забыть главного, важнейшего: любовь сильнее войны!

И вдруг окажется, что я была права:
Порой не долетают самолёты,
Но долетают главные слова,
И оживают, и находят отклик.

Берега культуры и искусства

Валентин Баюканский

Прозаик, публицист. Родился 2 июня 1959 года в городе Липецке. Член Союза российских писателей. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат областной премии им. Е.И. Замятина. Награжден медалью «Во славу Липецкой области»

Пять писем о Тарковских

Любому интеллигентному человеку, интересующемуся поэзией и кинематографом, не нужно объяснять, кто такие Арсений и Андрей Тарковские. Это – звёзды! Одна достойно сияет на небосклоне российской поэзии, другая – на небосклоне мирового кинематографа. Однако Тарковские до сих пор до конца не познаны: их творчество хранит множество тайн, о чём говорят многочисленные намёки и символы в произведениях этих ярких художников.

Марина Арсеньевна Тарковская – главный биограф известной семьи, хранительница духа клана Тарковских. Она знает и понимает то, что для других недоступно, потому что в её жилах течёт кровь знаменитого рода. Марина Арсеньевна обожает своих родителей Арсения Александровича Тарковского и Марию Ивановну Вишнякову, брата Андрея Арсеньевича и благоговейно хранит особый код, присущий родным ей людям.

То, что я когда-то смогу встретиться и поговорить с кем-то из Тарковских, мне и в голову не приходило. Для меня Тарковские всегда были где-то там, на вершине Олимпа, а я, внизу, у подножия. К тому же, в силу своего возраста, я вряд ли мог пересечься с Арсением Александровичем, да и для Андрея Арсеньевича не представлял интереса. Честно говоря, повода для встречи не было. Но, как я всегда говорю, вся наша жизнь – фантастика. Повод нашёлся и, оказавшись в Москве, я побеседовал с Мариной Арсеньевной Тарковской. Расставаясь, попросил её позже ответить на несколько вопросов для моей будущей книги. Завязалась переписка, которую я озаглавил «Пять писем о Тарковских».

М. Тарковской

Уважаемая Марина Арсеньевна, так как личности Андрея и Арсения Тарковских для меня очень интересны и непрестанно привлекательны, хочу написать о них, в своей будущей книге «Прогулки в закоулки. Пять лет спустя». Основой моего рассказа станут Ваши ответы.

Буду признателен, если Вы ответите мне на четыре вопроса.

1. Творчество Арсения и Андрея Тарковских сохраняет свою актуальность до настоящего времени, и нет оснований предполагать, что интерес к нему иссякнет в ближайшие годы. В чём, по Вашему мнению, привлекательность их творчества для современных читателей и зрителей?

2. Многие известные писатели и режиссёры использовали собственные сновидения в сюжетах своих книг и фильмов. Рассказывал ли Вам Андрей о своих снах?

3. Не секрет, что многие люди завидуют известным личностям, особенно если они действительно талантливы и самобытны. Будучи звездой мирового кинематографа, Андрей Тарковский видел, что кроме поклонников у него много недоброжелателей. Некоторые, делая вид, что являются его товарищами и сподвижниками, пытались ему чем-то навредить, расстроить. Какие слабости (грехи) человеческой души Андрей мог простить, относился к ним более или менее снисходительно, а какие категорически не принимал?

4. Обычные люди часто воспринимают поэтов, художников и режиссёров как людей не от мира сего. Творческие личности для них загадочны и малопонятны. Для Вас Арсений и Андрей Тарковский – люди родные. Какие особенности Вы могли бы отметить в характерах отца и брата?

В. Баюканскому

Уважаемый Валентин, отвечу на первый вопрос.

Думаю, что в настоящее время фильмами Тарковского интересуется малая часть общества. Остальная его часть смотрит непристойные ток-шоу типа «Пусть говорят» или «ДНК». Такие программы убивают сразу двух зайцев: во-первых, имеют высокий рейтинг, во-вторых, убивают в нашем народе чувства достоинства, самоуважения, внушают ему, что всё позволено.

Если петербургские подростки не знают, какой памятник стоит на Сенатской площади, то фамилию Тарковский они, конечно, не слышали. И так по всем нашим городам и весям.

Почему фильмы Тарковского нравятся небольшой части нашего общества? Недавно в интервью с кинокритиком Денисом Гореловым я прочла: «Тарковский не видит дальше своего носа», то есть, как он пишет дальше, «все его фильмы – о нём самом». Вот тут он сморозил глупость, желая быть оригинальным. Он не знает, что каждый великий художник пишет о себе – вспомним известные слова Гюстава Флобера: «Мадам Бовари – это я». А Лев Толстой – перечитаем для начала хотя бы его «Казаков» – он пишет о себе. А великие итальянские кинорежиссёры Антониони, Феллини? Они сами в этом признавались. Гениальность Тарковского не только в том, что он открыл новый киноязык, но и в том, что в его фильмах зритель видит себя со своими терзаниями совести, страданиями от разобщённости, страхами возможной войны. Фильмы Андрея особенно актуальны сейчас, и не только для нашей страны, но и для всего зарубежья.

Что ещё важно: Андрей говорит, что всю жизнь он снимает один и тот же фильм. В каждом его фильме, начиная с дипломного «Катка и скрипки», звучит великая христианская идея жертвенности. Мальчик-скрипач – живущий без отца, жертва строгой матери, жертва дворовых мальчишек. (В этом фильме, как и почти в каждом другом, много биографического). «Иваново детство»: герой фильма подросток-разведчик Иван – жертва войны, «монстр», по словам Сартра, способный только мстить за убитую мать. И так в каждом фильме, не буду продолжать...

Тарковский оставил нам свои фильмы как завещания. Так получилось, что «Жертвоприношение» стало его последним фильмом. Он оставил нам надежду. Если каждый из нас будет упорно и осмысленно делать своё доброе дело – наступит благодать.

М. Тарковской

Уважаемая Марина Арсеньевна. Спасибо за обстоятельный ответ.

На примере брата Вы очень доходчиво раскрываете суть не только его творчества, но и суть творчества вообще. Призываете посмотреть на окружающую действительность глазами человека думающего, желающего развиваться, а не довольствоваться тем, что ему предлагают в массовом порядке. Ибо то, что сейчас нам усиленно навязывается, разрушает чувство самоуважения и поощряет вседозволенность как главное мерило современной жизни, о чём Вы и пишете. И чем больше будет призывов противостоять бескультурью и оглулению, тем медленнее они будут распространяться. Как говорится, вода камень точит.

С наилучшими пожеланиями, Валентин.

В. Баюканскому

Уважаемый Валентин, вот продолжение:

2. В детстве и в подростковое время в семье часто по просыпанию рассказывались нами сны, но к толкованиям снов относились скептически. Андреевых снов, конечно, я не помню. Во взрослом возрасте он очень серьёзно к снам относился, опять же без их толкования, типа «выпавший зуб – к смерти» и пр.

3. С детства в семье пороком считалась лживость. У Андрея был замысел сцены: муж сжигает на костре лживую жену.

Он отмечал этот порок у своей второй жены. Думаю, что он терпел этот порок у неё.

4. Особенное в них было то, что они были творцами. В этом был смысл их жизни. Были очень увлекающиеся – уходили с головой в работу, в увлечение. Папа: собирание книг по поэзии, позже – всех хороших авторов, астрономия, коллекционирование грампластинок, собирание альбомов по искусству. Папа умел всё делать руками – от штопанья носков (в молодости) до починки всего, что ломалось. Андрей: в юности – друзьями, самодеятельностью театральной, влюблялся каждый раз очень серьёзно; взрослым: погружался в свою работу, в стройку бани в деревне, где был их дом.

На этом всё. Всего хорошего – М. А.

М. Тарковской

Уважаемая Марина Арсеньевна!

Спасибо за Ваши ответы. Они наполнены искренней любовью и уважением к близким Вам людям. От этого Ваша информация интересна и ценна для всех, кому дороги имена Арсения Александровича и Андрея Арсеньевича. Ваши ответы – пазлы, составляющие объективную картину жизни и творчества этих удивительных Творцов. Очень приятно, что полученная информация – из первых рук. К сожалению, лживость проникает сейчас во всё и везде. Её опасность Андрей Арсеньевич понимал и поэтому считал её неприемлемой и не терпел ни в своей жизни, ни в творчестве.

Всего вам лучшего. Валентин Баюканский.

Мир без границ

Берега Германии

Бэла Иордан

Журналист, театровед, режиссёр-сценарист документального кино. Окончила факультет журналистики КазГУ, факультет театроведения Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии им. Черкасова. Работала в редакциях газет в Казахстане, России, Германии, в журналах и творческих кинообъединениях. В настоящее время – собственный корреспондент в Германии бортового журнала «Тенгри» Казахских международных авиалиний Air Astana; корреспондент журналов на русском и немецком языках. Член Союза журналистов СССР; член Союза иностранных журналистов в Германии и Союза русских писателей в Германии; член Международного Союза литераторов «Новый современник». Многократный победитель и лауреат различных международных литературных конкурсов (Вена, Прага, Москва, Киев, Берлин, Гютерсло). Победитель литературного конкурса «Вся Европа», 2010; Золотой лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»; обладатель Почётной грамоты Княжеского Совета Всея Руси по итогам конкурса «Неизвестное прошлое России» (Москва); лауреат международного конкурса «Книга года 2014» (сборник стихов, Берлин) и «Книга года 2015» (детская двуязычная книжка-сказка «Чудесный подарок»). Живёт в Германии

СТИХОКРЕСТ

Уже с утра, за первой чашкой кофе,
в мой дом войдёт нежданная строка –
и всё! С неё начнется путь к Голгофе
с крестом несочинённого стиха.
А путь не прост и с каждым шагом круче,
сквозь дебри фраз и мыслей бурелом,
но строчка беспощадно будет мучить
и гнать вперёд безжалостным кнутом
за часом час, без права передышки,
вполглаза сон, в пол-ложки аппетит,
пока внезапно яркой искры вспышка
искомое во тьме не озарит...
Спрошу себя: на что мне эти муки?
Неужто не смирилась до сих пор?
Но если муза вдруг „умоет руки“,
то мне подпишет этим приговор.
Погибнет неродившееся слово –
моё дитя в любви, а не в грехе,
и будет мне строка венцом терновым
к распятью на несложном стихе.

НА ЭТОМ ЯЗЫКЕ...

На этом языке живу я и дышу,
на этом языке стихи свои пишу,
хоть нет у нас родства и общих нет корней –
язык России сутью стал моей.

На этом языке и мысли, и мечты,
на этом языке со мною нежен ты.
на этом языке смотрю сюжеты снов,
на этом языке венки вяжу из слов,
на этом языке со мной мои друзья,
пусть я в другой стране, мне без него нельзя,
и знаю, что, когда последний миг придёт,
на русском к праотцам душа моя порхнёт.

БЕРЕЗОВЫЙ ЛЕС

На белый храм похожий лес берёзовый,
а в храме от берёстовых колонн
исходит мягкий свет жемчужно-розовый,
как будто от лампадок у икон.
Шатёр ветвей и листьев малахитовый
прохладу обещает в летний зной,
и, солнечными нитями прошитая,
ложится тень косынкой кружевной...
Оставлю скучным будням все суетное,
забот и неурядиц череду,
лесной тропой в обитель эту светлую
к природе за причастием войду.
Вокруг бело до головокружения –
в лесу берёз других деревьев нет, –
и чувствую, застыв от изумления,
как душу заполняет тихий свет.
И счастье неожиданное с грёзами,
и легкость, и отрада, и покой...

Остаться бы, пожить в раю берёзовом,
чтоб вдоволь надышаться красотой.
Волшебнo в светлом царстве Берендеевом,
прислушаешься – чудится свирель,
и кажется, что выйдет из-за дерева,
на дудочке наигрывая, Лель.

БАНЯ

Чудо-чудное – русская баня!
До нутра прожигающий жар.
На запутанных тропах Тянь-Шаня –
неожиданный божий дар.
Нам бродяга-романтик неведом,
только явно – из русских земель.
Был – и сплыл, но оставил под небом
и чистилище, и купель.
И к обряду готовимся чинно,
все мы в жизни позёры, но здесь –
у порога снимаешь личину
и становишься тем, кто ты есть,
Без чинов, без нарядов и званья,
без налёта пустой суеты,
на виду у всего мирозданья
не стесняясь своей наготы.
Причастисься водою с лихвою,
все лихое отхлещешь стократ
и настоем запаренной хвои
прегрешения смоешь до пят.
И открестисься, и отречёшься,
заречёшься отныне блажить,
вознесёшься и наземь вернёшься,
чтобы праведно заново жить.
И тогда, от жары очумелый,
сбросив под ноги тяготы лет,
как из недр материнского чрева,
непорочным выходишь на свет.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Хвороба?.. Или яд?..
Кому оставить Русь?..
Не-е-ет, Фёдор нездоров, куды ему корону..
Бояре?.. Все смердят! Изменщики и гнусь!
Во-о-н, Борька Годунов, как тать крадётсЯ к трону..
Вся кровушка из жил... Не шевельнуть перстом..
Неужто вышел срок?..
Накаркала старуха..
Димитрий не пожил... Ванюша... Кто потом?..
Прибрал сердешных Бог. Земля пусть будет пухом..
Снедает душу червь... Обедню отслужу..
...Кому это несут исподнюю рубаху?..
Колодники и чернь! Ужо я покажу!
Ужо устрою суд!

Всех, аспиды, на плаху!
Как змеи. Шепотки: «Жесток, немилосерд»...
Да, норовом крутой! Но правил я по вере!
Царю не лапоткИ плести.
Я царь! Не смерд..
...А кто это с клюкой стоит вон там, у двери?..
Грозится: «Не уйдё-ё-ёшь»..
Где шапка?! Мономах?! ...Что ждёт на небеси?..
Не постриг же и схима..
Проклятый! Что ты лжёшь, иезуит-монах!..
О, Гос-по-ди! Прости-и-и!
Не убивал я... сына...

МУЗЫКА ДОЖДЯ

Осенний день с утра в слезах,
так неожиданно печален,
как будто в сумеречном зале
орган вздыхает при свечах.
И звуки, память бередя,
стекают с клавиш монотонно –
промокший нотный лист заполнен
шуршащей музыкой дождя.
И органист до темноты
играть пассажи не устанет.
Весь день осенними цветами
плывут по городу зонты.
А ночью дождевая мгла
завесит фонари муаром,
на чёрном глянце тротуаров
разложит осень зеркала.
Но в них не отразишься ты,
и лишь в душе, как наважденье,
случайных встреч предвосхищенье
и ощущение пустоты.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Горят багрянцем клёнов башлыки,
веселый хор пичуг разноголосит,
и, скинув с ног цветные башмаки,
на цыпочках крадётсЯ в город осень.
За ней ложатся жёлтые стежки -
на жёлтый цвет объявят нынче моду, -
рябит вода, и уток утюжки
старательно разглаживают воду.
И рвутся листья в свой последний час
по наущенью ветра-доброхота
покинуть ветви, чтобы только раз
познать восторг свободы и полета.
И мне бы так – за листьями вослед,
оставив на земле свои невзгоды,
лететь туда, где розовый рассвет
расцветивает прожитые годы...

Прозрачный день прозреньем озарит
и мудростью прощенья,
и, пожалуй,
растает лёд печалей и обид
от всполохов осеннего пожара.

ГРОЗА В ИЮЛЕ

Машук в папахе облаков...
Слаба в исход бескровный вера,
когда остался до барьера
десяток считанных шагов.
Отчаянным неведом страх
в стремленье к подвигам и славе,
верны присяге и державе
и смертью мечены в боях.
Но здесь не бой,
здесь на кону
честь офицера, дворянина.
Он принял этот поединок,
не потрафляя никому.
Не враг, не трус и не злодей,
поэт, призванием счастливый...
Нешадной плетью хлещет ливень,
как пьяный кучер лошадей.
Зрачок беды глядит в глаза,
но он шагнул ему навстречу...
Июль. Пятнадцатое. Вечер.
Дуэль... Мартынов... И гроза.

СВЕТ В ОКНЕ

Не кану в Лету и не сгину
из этой жизни без следа,
пока на свете есть мужчина,
мне Богом данный навсегда,
пока не рвётся в мирозданье
двоих связующая нить,
любви и счастья осознаньем
я буду здравствовать и жить.

Чужие, призрачные дали,
чужих причалов корабли
нас не однажды разлучали,
но вот навеки – не смогли.
Доверю номер телефону
куда-то в тридевятый край,
и трубка голосом знакомым
«Скучаю, – скажет, – прилетай!»

И, несмотря на расстоянья,
на время года, день и час,
на долгожданное свиданье
помчусь, как будто в первый раз.
Спешу, лечу на встречу... с сыном
и знаю: в мире лишь одно
в ночи забытым апельсином
горит оранжево окно.

ЖЕЛАНИЕ ДУШИ

Отрешусь от бесчисленных дел, суеты и забот,
пилигримом уйду одиноким из города в горы
по веленью души,
как по милости Господа Лот,
за спиной оставляя бедлам современной Гоморры.
Отрекусь от сетей мировой паутины и благ
составляющих нынешний быт электронных процессов,
стопку чистых листов да набор авторучек в рюкзак –
атрибутов родильного дома стихов «поэтессы».
И на солнечных склонах альпийского царства лугов,
где живет тишина во дворце первозданной природы,
где пасутся стада белоснежных овец – облаков,
горы молча дадут мне ключи от желанной свободы.
Стану жить-поживать, как в раю, в шалаше у ручья,
собирать на заре окропленные росами рифмы
новорожденным строкам в подарок,
и мне по ночам
будут звёзды рассказывать сказки, легенды и мифы.
И однажды, дойдя до вершины, где к небу порог,
всеми фибрами жадно простор мирозданья вбирая,
напишу на прощание главный мой стих – эпилог,
тот, который оставлю последнею вехой у края.

Мир без границ

Берега Германии

Инна Иохвидович

Инна Иохвидович родилась в Харькове. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького. Прозаик. Пишет короткую прозу. Автор двадцати трёх книг, вышедших в Германии, США, России и Украине. Автор многочисленных публикаций в сборниках и альманахах. А также в русскоязычной периодике Австрии, Беларуси, Бельгии, Великобритании, Германии, Израиля, Ирландии, Италии, России, США, Украины, Чехии, Финляндии, Франции и др. стран.

Лауреат различных литературных журналов, а также литературных конкурсов.

Живёт в Штутгарте (ФРГ).

У открытых ворот

Где-то есть город...

Роберт Рождественский

Этот день выдался ей богатым на встречи. Она увидела некоторых знакомых, которых не видела годами, а других и десятилетиями. Нине показалось это даже удивительным! Хотя, она тут же подумала о том, что эмигранты из республик бывшего СССР, приехавшие в ФРГ в последние десятилетия XX века и в первые годы XXI, если даже не знали друг друга, то знали друг о друге!

Но что отметила для себя эта худенькая небольшая женщина, придя в свою съёмную квартирку, что все эти сегодняшние встречи оказались не только малоприятными, а пожалуй, если их определять по шкале «от неприятно до жутко», пожалуй именно последними?! А ведь все они были соотечественниками?!

Первой в галерее торгового центра она встретила знакомую, с которой училась на языковых курсах по приезде, это было двадцать лет назад! Даже осведомлённая о Нининой привычке не задавать вопросов, та тут же заявила о том, как хорошо окончила гимназию её внучка, с каким отличным баллом! С таким можно было попасть в самые престижные старинные университеты! Нина кивала в ответ, хотя она, как практически все «русские», волей-неволей узнала (ей сообщило «эмигрантское радио») что эта самая внучка не была допущена к экзаменам на абитур – так здесь именовали экзамены на аттестат зрелости! В очередной раз она безмолвно поругала себя за свою, совсем не «избирательную память», в которой помимо её воли застревало абсолютно всё, всякая чушь!

Правда, у Нины был другой, существенный недостаток, скверная память на лица. Большинство людей казались ей похожими друг на друга?! Потому и здесь в небольшом немецком городе, что хоть и был промышленным центром и столицей земли, на неё многие из бывших советских граждан обижались! На её «неузнавающий взгляд», скользивший по ним. Оттого и считали высокомерной горячкой, выскочкой, других презирающей, невесть почему?! Как говорили некоторые у неё за спиной – зазнайкой?! Правда, те, с кем она проживала в общежитиях, хоть и находили её «странной», т.е. непохожей на других, но считали «хорошим человеком»! Она поможет и письмо написать, и с чужими детьми позанимается по-английски и по-французски, да и по многим другим предметам, да и не лезла она с расспросами ни в чужую жизнь, ни в чужую душу. А совет давала, если её только просили об этом! Они были едины в том, что много хорошего она людям сделала, хоть сама себе ладу дать не смогла, годы прожила в общежитии... Что можно было ей довериться, что не сплетница, а наоборот «хранительница чужих тайн», все в этом убедились... Только дивились ей, словно «белой вороной» среди всех, она была. Оттого, несмотря на то, что добро делала, всех она р а з д р а ж а л а! Всё раздражало в ней – безотказность, бессеребренность, нежелание обсуждать других, вот эта совершеннейшая н е п о х о ж е с т ь не только раздражала, но часто озлобляла?!

Сама Нина об этом даже не догадывалась, она об этом знала! И, несмотря ни на что, не на мелкие колкости и мелочные подлости здешних знакомых, она только говорила себе, заклиная себя: «Ну, не надо испытывать моё терпение! Не дай Бог, сорвусь!»

И тут же утешала и ободряла себя: «Нет, не хочу и не буду т а к о й, какой вы хотите меня видеть! Ни за что! Как бы этого кому-то не хотелось!»

И потому постоянно, особенно в тяжёлые минуты, повторяла: «Но не волк я по крови своей...»

А вслед за соученицей по языковым курсам, в этот день, когда ей пришлось провести и в практиках русскоязычных врачей, произошло ещё несколько встреч, что подорвало не веру в человека, той теоретически не было давным-давно, но выбило из привычной колеи! Обычно же в минуту, когда кому-то было плохо, Нина забывала и о своём «неверии в человека» и обо всём этом сопутствующем. И принимала деятельное участие в улучшении ситуации, несмотря на недоумение и недоверчивость со «страдающей» стороны. Её это не настораживало, она на это просто не обращала внимания.

Самого общения ей хватало с единственной женщиной, с которой она познакомилась через два года после приезда, тогда же она с нею и подружилась. Одно существование этой её подруги, оправдывало существование остального человечества! К тому же было ещё несколько человек, что были не «людьми газеты», а «людьми книги», как и она. С ними она общалась тоже, правда большей частью телефонно.

Вот Нина и вернулась, после дня неприятных встреч, в свою «берлогу», в свою студию, (в таких обычно селились студенты) в единственную комнату, она же кухня, столовая и спальня, и некое подобие кабинета, с письменным столом и компьютером на нём.

На душе, обычно молчаливо-скорбной, было как-то особенно тяжело...

Включила компьютер и открыла страницу фейсбука – свою отдушину! Только там, в нынешние времена она нашла друзей, пусть и виртуальных, но друзей!

На одной страничке она нашла фотографии из так называемой, самопровозглашённой Приднестровской республики.

Нина глядявалась в фотографии, по виду тридцатилетней давности, но сделанных только недели три или четыре назад?!

Она хорошо помнила время, когда на территории цветущей республики началась братоубийственная война. Тогда и сама она с ужасом слушала сводки, и была счастлива, когда генерал Лебедь смог прекратить кровопролитие...

Она просматривала фотографии, удивительные, как бы ретроспективные по своей сути, но с е г о д н я ш н и е?! Такие знакомые и родные, хоть никогда не довелось ей побывать ни в Приднестровье, ни даже просто в Молдавии...

Названия нынешних, так и не переименованных, как всюду, улиц – поражали! Улица Лазо?! Нина еле вспомнила Сергея Лазо, сгоревшего в паровозной топке японцев на Дальнем Востоке, во время Гражданской войны! Улицы Советская, Калинина, Коммунистическая... Такие знакомые с детства, давно не встречавшиеся названия... Приклеенный к железу листок – поздравление с праздником Победы в Великой Отечественной войне, неработающие фонтаны, бывшие некогда тугими струями... Всё это напоминало «зону» из кинофильма Андрея Тарковского «Сталкер» или фотографии безлюдной зоны Чернобыля после Катастрофы... Сидящие на скамейке, как и во всём мире, старушки... Больше на фотографиях, кроме этих мирно беседующих, пожилых женщин, людей не было... Но, что было очень интересно, так это то, что комментирующие фото фейсбукеры, побывавшие в этом «затерянном мире», утверждали что «люди там – хорошие!» И в это верилось! А последняя фотография в этом убеждала...

Было видно, что этот плакат висел уже не один день, возможно и не одну неделю! Но никто его не сорвал, не ободрал, не приписал глупость, гадость, или матерное слово, как обычно это водилось. На этом большом картоне было выведено: «Мир нуждается в: Истине. Доброте. Терпении».

И ворота с этим плакатом были о т к р ы т ы...

Расплававшаяся от счастья, Нина решила про себя, что она обязательно поедет туда и пройдёт в эти открытые ворота...

Языковые и иные проблемы Нины Дмитриевны и её Зоси

Похоронив сестру в Белгороде, отдав ключи племяннику, прилетевшему на похороны из Москвы, вернулась Нина Дмитриевна к себе в Харьков.

Квартира её «трамвайчиком» имела вид неприглядный; ещё бы, за последние семь лет приходилось сдавать её самым разным людям. Они не очень-то следили за ней, а ремонта не было лет десять, если не больше.

С собой привезла Нина Дмитриевна старую болонку, любимицу покойной сестры. Тихо жили они с Зосенькой – старая дева-учительница и старая домашняя собачка.

Почти половина соседей по подъезду были новыми, недавно въехавшими, ровесников Нины Дмитриевны не было вообще; либо умерли, либо переехали к детям или поближе к ним. Так что ей даже и поговорить было не с кем.

С утра и по вечерам выгуливала она свою невольную питомицу.

Как-то, на выгуле, в «собачьем скверике» неподалёку от дома разговорилась Нина Дмитриевна с крупным мужчиной, что не спускал с поводка большого пса. Разговор был ни о чём, о том, о сём. Нина Дмитриевна мелко похохатывала его шуткам, но неожиданно струнно напряглась, когда он вдруг стал расспрашивать её о родственниках да с кем она проживает, есть ли дети у неё и о прочем в этом роде, будто анкетировал её...

Она быстро распрощалась с ним и, подхватив на руки Зоську, заспешила домой. Да не так, как обычно, по прямой, а окольными путями.

Осадок от этого непонятно-неприятного разговора ещё несколько дней будоражил её, но постепенно сходил на «нет». В «собачий скверик» она больше не ходила.

Во дворе же и мамыши с детьми, и забивавшие в домино мужчины были недовольны присутствием Зоси.

Как-то один из мужчин обратился к ней, на его вислых усах белела пивная пена.

– Чого це вы з псом не розмовляете на мови? Га?

Нина Дмитриевна растерялась, такого неожиданного вопроса она бы в жизни не ожидала.

– Я, я с нею по-русски говорю. Она мовы не понимает. Она из России!

Все мужчины даже не смеялись, словно гуси они гоготали.

– А что вы смеётесь, – проговорила Нина Дмитриевна, – вон у моего отца после войны был огромный волкодав. Это в подарок папе фронтовой друг привёз из Германии. И рассказал, что пёс принадлежал раньше высокопоставленному эсесовцу. И собака действительно постоянно была невесёлой, команд не хотела выполнять. А ветеринарный врач всё твердил, что пёс здоров?! Но вот как-то в гости к нам приехал мамин родственник, военный переводчик-германист. И он что-то крикнул псу по-немецки. Вы бы видели, как громадное животное ползло к нему на брюхе через всю комнату, преданно глядя на него! Так он с ним и уехал, собака ни на минуту не отходила от него! Они, как и люди, может даже и больше чем люди, преданы своему «родному» языку!

Забивавшие «козла», потрясённые, не возражая, молчали...

Начали Нина Дмитриевна с Зоськой ездить на трамвае в лесопарк. Там, в лесном одиночестве, было им обоим спокойно.

Нина Дмитриевна пыталась восстановить связи с бывшими, до её отъезда в Белгород, знакомыми. Хотя бы по телефону или письменно. Но ничего не получилось, люди либо умерли за эти годы, либо покинули Харьков, переехав к родственникам в Россию, либо переехали к детям и жили там на «птичьих правах», то есть по телефону долгие беседы вести было невозможно.

Только теперь ощутила Нина Дмитриевна правоту прочитанного когда-то в Библии, что «плохо человеку одному!» Да и материально им с Зоськой туго приходилось. И решила она поменять свою квартиру на «однушку» с доплатой. Да не получилось, вот почему! Она обнаружила на старом дерматины двери надпись мелом:

«Тут живе стара собака та стара империалистка, обидви не розумиють мовы, тильки москальску лайку!»

Нина Дмитриевна в слезах вытирала мокрой тряпкой этот идиотский текст. На дерматины остались меловые разводы.

«Что же делать? – думала она. – Здесь жить нельзя! И что с того, что перееду я на Алексеевку, тоже ничего не решит! А возможно там будет ещё хуже?! Вон люди рассказывали как на Алексе-

евке, прямо на стене, под крышей «высотки», нарисовали огромную свастику! Нет, если уж искать жильё, то в Белгороде, в России, где хоть какие-то сестрины знакомые остались, с которыми я подружилась!»

И действительно, Нине Дмитриевне помогли, нашли тёплую однокомнатную квартиру да ещё в кирпичном доме!

Настала весна, стала она собираться! Но во время сборов умерла старая Зося!

Соседка по площадке, тоже собачница, помогла Нине Дмитриевне захоронить труп на Шатиловке, где существовало нелегальное кладбище домашних животных.

Нине Дмитриевне не впервой было переезжать. Она была из семьи военнослужащего. Где только не пришлось им жить! И, когда, наконец, папа демобилизовался, то мама с облегчением вздохнула. Ещё и потому, что перед самой отставкой в шестидесятых папу перевели из Западной Украины, из Станислава, что потом переименовали в Ивано-Франковск, в Харьков! Мама ликовала; она не просто боялась, а страшилась жить на Западной Украине. Там погибла от рук украинских националистов её подруга, тоже врач. Но вспомнила Нина Дмитриевна, какое было потрясение, когда папе дали ордер на квартиру на улице им. Ярослава Галана?! С мамой случился обморок! Она кричала, что её это преследует, ведь и писатель Галан погиб, как и её подруга, от руки таких же убийц. После папиной отставки мама первым делом обменяла квартиру. «Не хочу жить на улице имени невинно убиенного!» – поделилась она с младшей дочерью Ниной.

«А сейчас что?!» – думалось Нине, пакующей вещи, – переименование улиц в городе, «война с памятниками», тьма парней, кричащих и зигующих, недоверчивые выражения лиц, все, включая даже маленьких детей, в вышиванках, эти несочетаемые сочетания жёлтого и голубого, буквально во всём, где надо и не надо, митинги и идущие шеренги мужчин в камуфляже... и вот этот, произносимый пока только простыми людьми, но не запрещённый властью, что показательно: «Украина для украинцев»!

И что же остаётся всем тем, кто живёт здесь, но не украинцев, к тому же стариков?!

И сама же себе Нина Дмитриевна ответила: «Только п о б е г!»

На том она и успокоилась, ложась в свою холодную постель, в ночь накануне переезда.

Мир без границ

Берега Франции

Елена Лебедева

Лебедева Елена Алексеевна родилась в 1949 году. Представитель Межрегионального Шаляпинского Центра. Публикуется около 20 лет, написала около 70 статей, в том числе для парижской русскоязычной газеты «Русская мысль», автор более чем 20 статей о русской эмиграции. Данный материал публикуется впервые.

В Русском доме под Парижем в 2015 году

В Русском доме, находящемся в Кормей-ан-Паризи (Cormeilles-en-Parisis) под Парижем, всегда приятно бывать и контактировать с его администрацией. Он находится в 25 км на северо-запад от Парижа, и добраться туда можно за полчаса на электричке с парижского вокзала Сен-Лазар. Сейчас это один из двух оставшихся Русских домов вблизи Парижа. Там всегда рады гостям, которые дают информацию в печати о пансионате и его русских постояльцах.

Более чем 60-летняя история этого Русского дома началась с покупки участка у католического монастыря в конце 1940-х годов и устройства Православной церкви Святого Николая. Сейчас спустя шесть десятков лет обстановка там в корне изменилась. Он стал заполняться французскими пансионерами. Количество русских пансионеров с 1970-х годов стало сокращаться и сейчас не превышает 11%, что составляет 22 пансионера. Большая часть из них – потомки эмигрантов первой волны во Франции. Помимо них есть русские эмигранты, попавшие во Францию после Второй Мировой войны из СССР – эмигранты второй волны, а также современные эмигранты из России, которые имеют разрешение на постоянное проживание во Франции или являются гражданами Франции. Последние обычно оказываются в этом пансионате после переезда к своим детям, которые уехали из России и удачно устроились на работу во Франции в основном в 1990-е годы. Сложные семейные обстоятельства, как, например, болезнь и смерть дочери в Париже, к которой переехала мать из России, заставляют её устраиваться в пансионат для престарелых, так как не всегда оставшиеся члены семьи могут ухаживать за старым человеком. Иногда дети живут во французской провинции, и старый человек, чтобы получить хорошее медицинское обслуживание и уход, предпочитает жить в этом пансионате. При этом родственники и дети всегда могут навещать пансионеров.

Встретившись с заместителем директора пансионата, очень приветливым и любезным Андреем Шестопаловым, принадлежим к немногим сотрудникам, говорящим по-русски, я оказалась в Русском салоне, который находится на первом этаже. Здесь собираются русские пансионеры. Это очаг русской культуры, где выступают артисты. А иногда и сам Андрей Шестопалов берёт гитару и прекрасно исполняет русские песни и романсы. В комнате с несколькими шкафами стоят русские книги и журналы, сувениры, конечно, самовары и иконы, которые когда-то принадлежали постояльцам с русскими корнями. Есть и несколько картин с изображением русской природы и натюрмортов. Мне попала там небольшая книжечка, которая называется «Денёк», изданная в Париже в 1949 году в количестве 300 экземпляров. Это сборник из 46 стихов поэта Юрия Одарченко (1903–1960), подаренный им художнице Елене Владимировне Шоник (1906–2007), которая потом в 2001 году стала пансионеркой Русского дома. На сборнике дарственная надпись:

*«Дорогой хозяйшке моей и подчинённой мне рисовальщице Елене Владимировне Шоник.
С искренним уважением Юрий Одарченко. 25/04 1959 г.»*

Русский поэт Юрий Одарченко обладал и блестящим дарованием пианиста. Кроме этого, он был ещё художником, дизайнером и делал рисунки на тканях в своем небольшом декоративном ателье. Как поэт, он дебютировал в 1947 году в парижском русскоязычном альманахе «Орион»,

а его подаренная книжечка была единственным выпущенным сборником стихотворений при его жизни. Дарил дамам и написанные картины, подписывая их по-русски. Он родился в Москве в семье банкира. Лето проводил в имении отца. Оно находилось на Украине вблизи мест, описанных Н. Гоголем, который стал одним из его любимых писателей. В начале 1920-х годов он оказался во Франции. Для поэзии Одарченко характерны сюрреалистические сюжеты с неожиданными деталями. Это часто почти детские стихи, в которых неожиданно появляются кошмарные сцены. Он был оригинальной личностью со странными привычками. Например, никогда не снимал с головы берета, потому что был лыс и очень этого стеснялся. Он ненавидел зеркала. Поэт был исключительным рассказчиком, и в компаниях можно было услышать его импровизированные истории фантастическо-анекдотического характера, которые он сочинял во время рассказа. Наугад, открыв книжечку, я попала на страницу со стихотворением «Чайная роза».

Чашка чайная, в чашке чаек
С отвратительной сливочной пенкой,
Роза чайная, в розе жучок
Отливает зловещим оттенком.
Это сон? Может быть.
Но, так много случайностей
В нашей жизни бывает за каждый денек,
Что, увидевши розу душистую,
Я глазами ищу – где зловещий жучок.

Неплохие стихи для подарка даме. В них переход от чайной чашки к чайной розе, рассуждения о случайностях в жизни и появление зловещего жучка, который сел на розу. Это постоянный контраст между прекрасным и зловещим. У поэта все стихи с неожиданным окончанием, то есть до последних 1–2-х строк невозможно предвидеть, чем закончится его стихотворение.

Другая реликвия, увиденная мною – парижский буклет русской певицы Антонины Кондратьевны Антонович (1890–1976), которая уже в 1919 году начала работать в Париже, эмигрировав из России. Антонина Кондратьевна была урожденная Черпак, родилась и получила образование в Киеве. Певица Антонович (меццо-сопрано) пела вначале в Киевской и Одесской операх. Затем выступала в Петербурге в Народном доме. В Париже входила в состав трупп Русских опер с разными антрепренёрами. Гастролировала с труппами в европейских странах. Ее партнёрами были известные певцы: Георгий Поземковский (1890–1958), Федор Шаляпин (1873–1938), а также Мария Давыдова (1889–1987). Антонович выступала в Париже и в Украинской опере. В 1940–1950-е годы она давала сольные концерты в парижском зале Гаво. Певица была основателем и руководителем Общества друзей искусства, которое было создано для оказания помощи артистам. Она участвовала в благотворительных концертах в 1950-е годы. С 1965 года жила в этом старческом доме, имея уже фамилию Каленская-Юшкевич. Певица пела перед пансионерами. Была похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Мне довелось увидеть несколько интересных семейных фотографий семьи Ушковых, принадлежавших Марии Михайловне Ушковой (1912–2005). Она жила в эмиграции в Париже вместе со старшей сестрой Ксенией Михайловной Ушковой (1909–1996) в квартале Отей 16-го округа в доме № 40 на улице Пуссен (rue Poussin) и окончила свою жизнь, прожив в пансионате Кормейан-Паризи около 5 лет. Родителями сестер были Михаил Константинович Ушков (1881–1943) и Софья Иосифовна Орел (1881–1963). Софья Иосифовна была дочерью артиллерийского генерала, служившего в Одессе и Казани. Михаил Константинович происходил из очень богатой купеческой семьи. Его отец Константин Капитонович Ушков (1850–1918) владел в России «Товариществом химических заводов» в Вятской губернии, а мать Кузнецова Мария Григорьевна (умерла в 1891) была внучкой чайного магната А.С.Губкина, имевшего чайные плантации на Цейлоне. Константин Капитонович Ушков был московским миллионером и театральным меценатом. Его сыну Михаилу Константиновичу прочили научную карьеру, когда он учился в Московском университете. Однако он неожиданно оставил учебу и женился. По воспоминаниям общественного и политического деятеля Александра Наумова (1868–1950), который был мужем сестры Михаила Ушкова – Анны, на свадьбе Михаила Константиновича каждый из гостей получил на память золотое украшение с небольшим бриллиантом, что, конечно, свидетельствовало о большом благосо-

стоянии семьи Ушковых. Михаил Константинович интересовался изобразительным искусством и был одним из основателей и издателем (с 1911 г.) иллюстрированного журнала «Аполлон» в Петербурге. В эмиграции в Париже он был в 1920-е годы членом приходского совета церкви Сергия Радонежского на Свято-Сергиевском подворье и членом общества «Икона».

Все представленные фотографии сестёр с родителями относятся к 1920-годам. Они были сняты в курортных местах Франции: Ницца, Биарриц, Понтайяк (пригород городка Руайян на Атлантическом побережье). Семья жила обеспеченной жизнью, имея троих детей. Вероятно, Ушковы имели средства за границей, и отъезд их из России не привёл к заметному ухудшению благосостояния. На фотографиях запечатлён брат Ксении и Марии – Володя Ушков (1905–1967). Он вёл дневник в трудные послереволюционные годы в России, когда семья, уехав из Москвы, оказалась на Кавказе, затем в Крыму, Константинополе и Афинах. Этот дневник был передан сёстрами писателю Александру Солженицыну, когда он, занимаясь сбором документов русской эмиграции, приезжал во Францию и был в православном Покровском монастыре в Бусси ан От (Bussy en Othe), где бывали сёстры Мария и Ксения Ушковы. Сейчас этот дневник находится в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» в Москве.

Цветная фотография сестёр была снята в 1990-х годах в Париже, в гостях у их приятельницы русского происхождения – Елизаветы Власенко. Власенко познакомилась с сёстрами в Покровском монастыре в Бусси ан От ещё в начале 1970-х годов. К ней они часто приходили в гости. Елизавета была на 19 лет моложе старшей сестры Ксении. Однако такая разница в возрасте не мешала установлению между ними дружеских отношений. По рассказу Власенко, Мария и Ксения имели художественные способности. Мария любила рисовать. Ксения мастерила кукол и расписывала платочки, которые продавались на благотворительных распродажах. Пенсии у неё не было, и она занималась подработкой. Мария работала архитектором, чертила планы. Сёстры жили в квартире из трех маленьких комнат на втором этаже. Платили за неё со скидкой, которая им полагалась, так как они жили там до 1948 года. Раньше они проживали в этой квартире вместе с родителями и братом. Сестры были прихожанками православной русской церкви Знамения Божьей Матери, находящейся неподалеку на бульваре Эксельманс. Приходивший в гости настоятель церкви отец Владимир Ягелло рассказывает, что в квартире было много богословских книг. В Россию сёстры Ушковы из Франции никогда не ездили. Сёстры любили отдыхать в монастыре Бусси ан От в Бургундии. Добирались туда вначале за 1,4 часа поездом с Лионского вокзала в направлении на Дижон до станции Ларош-Мижен. А затем ехали около 10 км на такси до монастыря. Мария и Ксения всегда были вместе. Когда Ксения заболела в середине 1990-х годов, то её устроили в Русский дом в городке Шелль под Парижем, где в 1970-е годы жила в старости тётя сестёр – известная в дореволюционной России и в эмиграции во Франции балерина Александра Балашова-Ушкова (1887–1979). Она была женой Алексея Ушкова, который приходился родным братом отцу Марии и Ксении. Власенко навещала Ксению и рассказывала, что там плохо ухаживали за тяжелобольными пансионерами. Ставили еду у постели больного, который не мог есть самостоятельно. Затем забирали тарелки, полные еды, а больной терял силы, будучи голодным. Так было и с Ксенией, которая обессилела и вскоре умерла. Обе сестры похоронены на Новом кладбище в Шелль.

Несколько лет назад я была там. Их могила имеет памятник, который находится в очень хорошем состоянии и резко отличается от старых окружающих памятников в лучшую сторону.

Елизавета Власенко много лет дружила с сёстрами и помогала им в трудные минуты. Она дочь эмигрантов из России первой волны. Её родители познакомились в Константинополе в начале 1920-х годов. Отец Сергей Власенко происходил из крестьян Харьковской губернии, а мать Валерия Станиславовна Черейская была из семьи инженера-строителя железных дорог. Валерия Станиславовна родилась в Петербурге, а затем её родительская семья переехала в Москву. Во Франции в семье Власенко родились две дочери – Ирина и Елизавета. Семья жила в деревне в Провансе. Отец занимался куроводством и разводил ангорских кроликов. Он умер в 1930-е годы. У девочек появился отчим русского происхождения. Семья продолжала жить в деревне. Младшая из сестер – Елизавета, одна приехала в Париж в 1951 году. В начале 1960-х из-за того, что в Париже у неё не было квартиры, ей пришлось уехать на длительный срок работать в Африку в Того (государство в западной части континента, граничащее с Ганой и имеющее выход на Гвинейский залив). Того – это бывшая немецкая колония, разделённая после II Мировой войны между Францией и Англией. Там

Мария, Ксения, неизвестный (кум М.К. Ушкова),
Володя, М.К. Ушков – 1920-е годы

Семья Лаптевых: Елена, Вячеслав и их мать, 1923 год

Ксения и Мария в гостях у Елизаветы Власенко –
середина 1990-х.

Андрей Шестопалов

Карпушко Александр Петрович

Дом где жили сестры Ушковы на улице Пуссен
(второй слева)

Елизавета жила и работала около 12 лет. Занималась переписью населения. Вернувшись в Париж, стала сотрудницей Института статистики. Обо всём этом о ней я узнала уже потом, побывав у нее в гостях в XVII арондисмане.

Осмотрев реликвии и обстановку Русского Салона, я решила нанести визиты обитателям пансионата. По рекомендации Андрея Шестопалова в этот раз я встретила с Карпушко Александром Петровичем, который поступил в пансионат всего лишь 2 месяца назад из города Лион. Он охотно рассказал о себе и о своих родителях, которые оба имели русское происхождение. Мой собеседник родился в Париже в 1932 году и после окончания школы переехал в Лион, где получил ветеринарное образование. Лечил в деревнях крупный рогатый скот и лошадей, а также присутствовал при родах. Иногда ему приходилось делать кесарево сечение при рождении животных. Александр Петрович помог послать в Советский Союз 3 корабля со скотом, на которых были племенные быки и коровы. Ему легко давалось изучение иностранных языков. Он свободно помимо русского и французского, говорит на испанском и английском. В 1970-х годах он служил чиновником в городе Тур. По его характеру это ему не подходило, и у него было очень много сложностей на работе.

Его отец Петр Робертович родился в 1902 году в Калуге, и в 15 лет был кадетом. Его забрали в Белую армию и отпустили 2 года спустя. Отец Петра Робертовича был капитаном дальнего плавания. В России Пётр Робертович был чернорабочим. Вместе с контрабандистами он перешёл советско-польскую границу, но был арестован и посажен в тюрьму. Однако вскоре его выпустили. Мать Петра Робертовича вместе с его братьями через Сибирь и Японию уехали в Америку в Сан-Франциско. Братья звали Петра Робертовича в Америку и помогли сделать ему американский паспорт. Он должен был уплыть на корабле из Данцига в Америку. Однако по дороге на пароход Петр Робертович потерял портмоне с паспортом и билетом. Он делал попытки найти пропавшие документы, но тщетно. Он опоздал, и корабль уплыл в Америку на его глазах. Имея двоюродных братьев во Франции, он решил уехать к ним, и в 1935 году сумел получить в Париже французское гражданство.

Мать Александра Петровича – Елена Вячеславовна была урожденная Лаптева. Море Лаптевых было названо в честь её предков. Её отец Вячеслав Лаптев был профессором и преподавал математику. Вячеслав Лаптев был женат на француженке. Семья жила в Омске. После революции Вячеслав Лаптев вскоре умер. Его жена Елена Петровна осталась вдовой с двумя детьми: Еленой и Вячеславом. Она попала в тюрьму, но через некоторое время её выпустили. Ей помогла её честная служанка Луша, которая вышла замуж за командира ГПУ. Елена Петровна (бабушка Александра Петровича) передала Луше семейные драгоценности. Они какое-то время хранились у Луши, а потом Луша вернула их. Два раза Елена Петровна болела тифом, и ей удавалось вылечиться. Она уехала из Омска в Петроград, жила вместе с детьми на Лосином острове. Там получила деньги из Франции от родственников и переехала в Париж с дочерью и сыном. Мне была подарена копия фотографии семьи Лаптевых, которая была на заграничном паспорте, выданном в октябре 1923 года в Петрограде для проезда через государственную границу (Елена –15 лет, её брат Вячеслав –10 лет и их мать Елена Петровна Лаптева).

Елена Вячеславовна родилась в 1908 году. Она получила в России аттестат зрелости и хорошо знала французский язык. У нее были тяжёлые душевные испытания во время революции в России. Перед ней зимой провезли на телеге замороженные тела людей, расстрелянных большевиками. И это оставило отпечаток на всю её жизнь. У неё были припадки – склонность к самоубийству. Однако она была очень привлекательной девушкой и работала гувернанткой в Париже в очень богатой французской семье – Жиль, которая имела печатное производство, где выходили книги, газеты, журналы. При этом Елена Вячеславовна вступила в Братство Святой Троицы. Там она и познакомилась с будущим мужем Петром Робертовичем (отцом Александра Петровича), вышла замуж и устроила его на завод рабочим к богатым людям, у которых работала сама. Пётр Робертович был свой человек у этих состоятельных людей и часто выполнял их личные поручения. Несмотря на то, что он был рабочим, он имел определенный культурный потенциал и за счет этого умел создавать атмосферу веселья в компании. Елена Вячеславовна, будучи не совсем психически здоровым человеком, в 1944 году покончила жизнь самоубийством. Это ей удалось сделать после более чем двух десятков неудачных попыток расстаться с жизнью. Отец Александра Петровича, оставшись вдовцом, женился второй раз в 60 лет на даме, которая была его ровесницей и имела русско-итальянское происхождение. Он жил с новой семьей в Лозанне.

Дядя Александра Петровича Вячеслав Вячеславович – брат матери, родился в 1915 году. Получил хорошее образование в Париже и был журналистом-международником. Он женился на француженке и взял себе французскую фамилию, трансформировав фамилию Лаптев в Ля Тез. Изменил даже русское имя Вячеслав на Винсан. Помимо русского и французского, он знал немецкий и английский языки. Работал в разных странах Европы и Африки. Он умер в 2004 году. У него остался единственный сын Жорж – двоюродный брат моего собеседника, который работает судьей. Однако, у двоюродного брата серьёзное заболевание – дисграфия. Это частичное нарушение процесса письма, обусловленное неправильным формированием высших психических функций. Никаких отношений с родственником у моего собеседника нет.

Александр Петрович поступил в старческий дом, будучи отцом пятерых детей. Двое из них умерли от наркотиков. Первая его жена, от которой родилось пять детей, была испанкой. Он с ней развёлся. Второй раз женился на француженке в 1977 году, когда ему было 45 лет. Во втором браке был один сын Владимир, который тоже умер от наркотиков. От первого брака есть дочь Наташа, которая очень похожа на свою бабушку – мать Александра Петровича. Однако он с ней не разговаривает уже 40 лет, так как понял, что она хочет иметь от него только материальную выгоду. Ни с кем из своих детей он сейчас не имеет никаких контактов.

Его мать Елена Вячеславовна, бабушка Елена Петровна, которая умерла в 1957 году, похоронены на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Там же похоронен его старший сын Кирилл.

Не хотелось прерывать беседу на такой грустной ноте, и я поинтересовалась у моего рассказчика, приезжал ли он в Россию. Я получила утвердительный ответ Александр Петрович был в нашей стране 2 раза. Первый раз это было в 1978 году, когда он путешествовал как турист по маршруту Москва-Ленинград. Второй раз поездка в Россию была в 2003 году. Он приезжал как паломник на Соловки. В конце нашей беседы Александр Петрович подарил мне небольшую иконку, которую он приобрел в монастыре Бусси ан От, когда отдыхал там в монастырском пансионате. Кстати, там он познакомился с внучкой великого Шаляпина Наташей Ферфилд, живущей в Стокгольме, которая тоже отдыхала там. Он разговаривал с ней по-английски, так как это единственный язык, на котором она говорит.

Покинув Александра Петровича, я посетила своих знакомых по прошлогоднему приезду: Нину Владимировну Хаустову и Хрипунову Марию Григорьевну. Они приехали 15 – 20 лет назад в Париж к своим дочерям из российской провинции. Потом зашла и к художнику Юрию Васильевичу Титову, который покинул СССР в 1972 году и, несмотря на сильное желание вернуться в Россию обратно после нескольких лет жизни во Франции, не смог этого сделать по ряду обстоятельств. Всем им я привезла их фотографии, сделанные в прошлом году. Нина Владимировна сразу узнала меня и рассказала, что её внучка Диана вскоре осуществит свою мечту – работать в Санкт-Петербурге, где живёт её отец. Она очень хочет преподавать там французский язык. Сейчас она вместе с матерью опять уехала в Санкт-Петербург навестить отца. Нина Владимировна просила обязательно заходить к ней, если я буду опять в Париже и приеду в пансионат.

К сожалению, меня известили, что Татьяна Валентиновна Крживоблодская, которая в прошлом году ходила быстрой походкой и интересно рассказывала мне о своих родителях, уехавших из России в Гражданскую войну, умерла. Она начала болеть с осени 2014 года, практически прекратила вставать с постели. Её похоронили 1 марта.

Мария Григорьевна была не в настроении. Беседы с ней не получилось. Она продолжает выращивать помидоры на своем огороде в пансионате. Кстати, они у неё очень вкусные. В этом году их большой урожай. Меня угостил её помидорами Александр Петрович Карпушко, который был первым моим собеседником. А художник Юрий Титов опять, даже не смотря на проливной дождь, который шёл весь день, пошёл провожать меня до ворот пансионата. При расставании он выразил надежду, что мы обязательно должны ещё встретиться и попросил передать привет Москве.

Я шла на станцию под зонтом, так как шёл проливной дождь. Но у меня было очень хорошее настроение, потому что я была довольна итогами визита. Все мои собеседники имели судьбы, по-разному связанные с Россией. Они охотно рассказывали свою прошлую и настоящую жизнь, так как гостя из России понимала их русские души.

Критика

Евгений Белодубровский

Белодубровский Евгений Борисович родился в Ленинграде в 1941 году. Литературовед, культуролог, археограф, библиограф, краевед. Окончил Литературный Институт им. А. Горького. Преподаватель литературы в средней и в высшей школе. Член Санкт-Петербургского союза ученых и Союза писателей Санкт-Петербурга. В 1997, 1999, 2001, 2003, 2007, 2011, 2015 гг. по приглашению Нобелевского Комитета присутствовал на церемонии присуждения Нобелевской премии в Стокгольме. Печатается с 1967 года в «Новом мире», «Звезде», «Неве», «Вопросах Истории», «Русской литературе», «Байкале», сборниках РАН РФ «Памятники культуры. Новые открытия», «День и Ночь», «Новый Журнал» (США), «Знамени», «Вестнике РАН РФ», «Родник знаний», «Уральский следопыт», «Весть», «Пламкъ», «Антени» (Болгария, София)

Я петербуржец, или интеллигент – это звучит гордо

И тут в мой разум грянул блеск с высот, неся свершенье всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет, но страсть и воля мне уже стремилась,
Как если колесу дать ровный ход, любовь, что движет солнце и светило.

«Божественная комедия» (Рай. Песня XXXIII)

Перевод М. Лозинского. Журнал «Ленинград», 1945. № 1-2

«Цитата не есть выписка – цитата есть цикада, ей свойственна неумолкаемость». Эта меткая, неотразимая, короткая и бьющая прямо наотмашь, резкая фраза – приказ с резким тире посередине – словно победный выпад рапиры на турнире фехтовальщиков – принадлежит Осипу Мандельштаму (его «Разговор о Данте»). В ней поэт дает классическое определение роли и значения цитаты в любом тексте. Будь то критическая статья, пространное эссе или простое письмо на почтовой бумаге. Однако, именно эта вот **неумолкаемость** (как будирующая, тревожная нота) почти всегда исчезает из того или иного текста по простой и вполне объяснимой причине: автор вскользь лишь подкрепляет цитатой свою личную оригинальную точку. И тогда судьба цитаты – всего лишь тень, претендующая на глухую сноску в примечаниях. Очень и очень немногим удаётся обратное, когда цитата – есть основа всего текста. Но тут от автора требуется особый талант, эрудиция и... смирение. Вот именно на такой классический образец **неумолкаемости** цитаты я натолкнулся недавно, вычитав фрагмент письма Михаила Лозинского к своему старшему брату Григорию из голодного холодного Петрограда 1918 года в Хельсинки... И подивился – насколько она, написанная сто лет назад, современна, своевременна и нетленна для времени, когда бывает не на кого опереться (как ныне у нас)...

Вот судите сами и оглянитесь вокруг себя: *«... Конечно, жить в России очень тяжело, во многих отношениях. Особенно сейчас, когда всё увеличивается систематическое удушение мысли. Но пока хватает сил, дезертировать нельзя. В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невозполнимый он этим приносит ей ущерб; каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а её надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разойдутся, в России наступит тьма, и культуру ей придётся вновь принимать из рук иноземцев. <...> Надо оставаться на своём посту. Это наша историческая миссия...»*

Да! Такова сила цитаты взятой нами из частного письма, которая слово в слово неумолкаемо звучит и призывает нас – спустя целый век, тютелька в тютельку – к действию. Книг на все лады пруд-пруды, прилавки ломятся от глянца, но мракобесие и фамильярность правит бал и служит на потребу не взыскующей правды публике. Книга – как непреложный источник воспитания чувств и

уважения к человеческой личности утрачивает свою великую миссию, и болезнь эта, словно захваченная вирусом ходульности и сиюминутности, становится всё более – неизлечимой.

Тревога... не чувствовать её невозможно. Почему, как и что случилось с нами – и тогда (в 1918) и сейчас – кто ведаёт? Надо оставаться на посту!!! И поэтому я считаю необходимым прикоснуться к личности этого незаурядного и в высшей степени культурного человека – Михаила Лозинского – и поведать читателям – что послужило поводом обратиться к его эпистолярному наследию.

Все просто и не совсем, нас всех (по Блоку) «подстерегает случай». Так он подстерёг и меня. Совсем недавно, торопясь в гости к своему другу художнику Алексею Штерну, я застал себя стоящим как вкопанный у дома 73-75 по Каменостровскому проспекту, где жил и творил с 1917 года Михаил Леонидович Лозинский. Дом не дом, скорее вычурным фасадом своим более похож на огромный профессорский книжный шкаф-буфет, набитый до отказа Брокгаузом и Ляруссом ... Чтобы заглянуть в окна квартиры Лозинского на 3 этаже пришлось высоко задрать голову – под самую крышу, к холодному петербургскому солнцу.

Таким вот «шкапом» я этот дом-буфет и воспринимал ранее. Но убедился воочию, когда волею судеб литературного старателя в середине 70-х годов попал в кабинет Лозинского, где был гостем его сына, математика Сергея Михайловича, свято оберегающего архив и библиотеку отца. Меня привела туда история одного редкого перевода на русский язык «Новой жизни» Данте, принадлежащей «некоей» Марии Ливеровской, опубликованной в 1918 году в военной Самаре и отпечатанной в типографии 8-й Армии Восточного Фронта. При белых. Тайна на тайне – вот хлеб старателя. Поначалу я обратился к Игорю Федоровичу Белзе – воистину самому авторитетному на тот момент жизни учёному и знатоку творчества Данте, а он напрямик, как говорится – отфутболил меня к Сергею Михайловичу Лозинскому, зная что Михаил Леонидович собирал все издания и переиздания произведений Данте на русском и на всех европейских языках и сам не раз обращался к Михаилу Леонидовичу за помощью. И вот тогда мне посчастливилось не только прикоснуться к этим пузатым шкафам со словарями *in folio*, к рукописям и письмам, но и сидеть в кресле Лозинского за письменным столом с тысячько заманчивых ящичков и полочек ...

И вот так стою у ограды, мысленно вспоминая себя в этом доме, мычу что-то своё, перечитываю текст на памятной доске на фасаде. Но, видимо, получилось как-то громко, и тут, откуда не возьмись, появился прохожий господин с авоськой, приостановился, явно приняв меня за зеваку или за безумца. И я поспешил ретироваться. А вернувшись домой, в почтовом ящике нашёл любезное приглашение в Публичку, в родной Рукописный отдел, на выставку в честь Михаила Лозинского и издательства «Всемирная литература». Вот так совпало. И, как у меня водится, получив приглашение коллег, я всегда принимаюсь копаться в своей старательской картотеке «на заданную тему», дабы поделиться с ними чем-то необычным в приватной беседе (вот всегда мне хочется заявить о себе, такой уж я человек... И – вот эврика! Из одной таких тетрадок выпал листочек с переписанной мной от руки корявым почерком этой вот неумолкаемой цитатой 1918 года. Перечитал её, перепечатал и наутро побежал в библиотеку к организаторам выставки, как раз накануне открытия. Там приняли с благодарностью, и теперь, до закрытия выставки, всяк может тот текст увидеть и перечитать в витрине. Я счастлив...

Михаил Леонидович Лозинский родился в Гатчине под Петербургом, на даче, на макушке лета 1886 года... Но сразу по окончании дачного сезона семья вернулась в город. Гимназистом Миша Лозинский жил с родителями на Надеждинской; приват-доцентом Михаил Леонидович (1914) перебрался на Малый Проспект Петроградской стороны; однако, будучи в 1912-1913 годах редактором и издателем поэтических сборников под названием «Гиперборей» (великолепное урочище чёртовой дюжины поэтов, объявивших себя акмеистами, надо сказать ввек неповторимого феномена мировой и нашей отечественной культуры) снял квартиру в Волховском переулке у Тучкова моста (дом 2, бельэтаж, балкон ...), где каждую битую пятницу он принимал авторов, критиков, газетчиков и кредиторов (вот ещё один адрес для поэтической карты Петербурга – Петрограда, вот бы радость была, если б отметили как-то наши топонимисты) А в 1917 году по осени М.Л. поселился на Каменостровском, где и «кончил жизнь» в 1955 году... До конца жизни он остался истинным и преданным петербуржцем, его певцом и поэтом, с юных лет постигнув его пушкинскую стройность и мистическую тайнопись белых ночей. Как-то на несколько вальяжный вопрос Блока: «Кто Вы?» Лозинский ответил: «Я – петербуржец!»

Юрист и филолог, поэт и издатель, Михаил Леонидович Лозинский обладал неприкосновенностью – на него не строчили пародий. Даже дружеских (только остроумнейший Н.П. Акимов однаж-

ды «позволит» себе карикатуру на Лозинского, вызвавшую у него, как мне рассказывал лично Никита Алексеевич Толстой, зять М.Л., необыкновенный восторг и смущение); все это были лишь то торжественные, то – признательные строки и шуточные посвящения. Но всех превзошла Анна Андреевна Ахматова, посвятив Михаилу Лозинскому целых шесть своих стихотворений, шесть жемчужин, шесть жестов, шесть сердечных откровений... Последнее датируется 1940 годом... Их дружба была взаимно-притягательной, весёлой, творческой. Лозинский был «поверенным лицом» Анны Андреевны с 1911 года, с самых первых лет её замужества за Гумилевым – и до самых страшных лет замалчивания и отлучения, выпавших на её долю в послевоенные годы. Брезгливо пренебрегая всем этим, он терпеливо учил её искусству перевода, настойчиво переписывался, посещал её дом, принимал у себя, помогал всем, чем мог. *«Дорогая Анна Андреевна, не осудите мою попытку найти хоть какие-нибудь пятна на солнце. Вы сами поручили мне эту астрономическую задачу. Кое-где я, вероятно, «пережал». Это значит, что от яркого потемнело в глазах. Вашей лучезарности заштатный астроном М.Л. 3 ноября 1952 года»*. Музыковед и искусствовед – переводчик Абрам Акимович Гозенпуд рассказывал мне, что Лозинский был «рыцарем» Ахматовой, вернувшим этому слову первоначальный смысл. А выдающаяся ленинградская актриса и превосходная переводчица Елена Владимировна Юнгер считала Лозинского самым интеллигентным человеком в Петербурге, заметив при этом, что Михаил Леонидович умел сочетать в себе одном строгость с необыкновенно тонким и изысканным чувством юмора, что в его присутствии было невозможно быть глупым, мямлить, путаться в мыслях. Все шло ему – и клетчатый пиджак дэнди, и монокль, и трость, и строгий костюм. Никто, кроме Лозинского, не умел так находить правильный тон с любым собеседником – от дворника до чиновника из заправил «культурного фронта».

Но венцом жизни Михаила Леонидовича был его перевод «Божественной Комедии». 1945 год. Январь-февраль. Ещё идёт война, ещё гибнут люди, но смертельная, горькая, высокая и так желанная всему миру победа над коварным врагом человечества – близка, как никогда... Готов к победе и Ленинград. Стало лучше снабжение, заработали театры, научные институты, заводы, Консерватория и Университет готовятся к весенней сессии. В свои, брошенные на произвол судьбы жилища возвращаются горожане, понемногу налаживается их быт, люди радуются первым признакам новой весны, щурятся, глядя на солнце, не боясь более бомбёжек и воя сирен... Вернулся из далёкой Елабуги в родной Ленинград поэт-орденоносец Михаил Лозинский... В его скромном багаже – законченная рукопись перевода «Божественной Комедии», все Дантовы кантики, объёмом в 14 233 русских стиха. А вскоре в витринах «Книжной Лавки Писателей» что на Невском проспекте (и по сей день она живёхонька на том же месте) появился свежий номер литературно-художественного журнала «Ленинград» с фрагментами двух песен из «Божественной комедии» (Рай. Песни XXVII и XXXIII). Этой скромной публикацией дано было открыть более чем полувековой путь всех трёх кантик Данте, а Михаилу Леонидовичу Лозинскому – уважение и признательность всего русскоязычного читающего мира...

И вот – главное! Послушайте и прочитайте, какими словами Лозинский открывает свой перевод:

«Божественная комедия» цельна, едина и закончена в своей великолепной стройности. И в то же время она необычайно сложна, но тем и замечательно искусство Данте, что разнороднейшие струи он умеет слить в сплошной поток, неуклонно несущийся к устью. Внутренняя сложность поэмы связана со сложностью творческих побуждений, которые призвали поэта к его великому труду и дали ему силы его довершить... Да все это так, бесспорно. Но в такой же мере это – книга о нём самом. Среди мировых памятников поэзии, – продолжает Михаил Леонидович, – вряд ли есть другой, в котором так резко отпечатался бы образ его творца».

И я смею утверждать, что те высокие слова, обращённые Лозинским к Данте, можно смело отнести и к нему самому. Ибо Михаил Леонидович сумел в самую тревожную эпоху доносительства и уничтожения интеллигенции – подобно мраку, постигшему и Италию времен Данте – остаться лично безупречным, сохранить внутреннюю свободу, порядочность, ум и обаяние, наводящих самим своим присутствием бессилие, страх и уныние на власть предрежащих...

Довольно часто в наше время недалёкие люди от литературы и политики для красного словца приводят гнусную выписку из ленинской речи или частного письма, где он обзывает интеллигенцию бранным и скабрёзным словом... Так вот, одно только существование (присутствие !!!) в нашу эпоху личности Михаила Леонидовича Лозинского даёт мне возможность и право перефразировать горьковского Сатина и сказать: «Интеллигент – это звучит гордо»...

Критика

Наталья Советная

Член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и многочисленных альманахах: «Литературная учёба», «Наш современник», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Окно», «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки, «Симбирск», «Родная Ладога», «Берега» и др. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Венчики златые», «На земном подсвечнике», «Пучок травы». Награждена орденом «За веру и верность» (Москва, 2016), медалями «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)»

(2015), «За вялікі ўклад у літаратуру» (Минск, 2016) и др. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2015» (Псков), Всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого (2016).

«Так войди же под своды и ты!..»

Светлой памяти Глеба Горбовского

...Что было бы с сердцем и духом моим,
когда б не явились глаза Твои – свету?

Глеб Горбовский «Тебе, Господи!»

В течение нескольких месяцев до печального известия об уходе русского поэта Глеба Горбовского (1931–2019) я невольно часто вспоминала о нём. Думалось, каково же сейчас ему одному, потерявшему жену? Лидия Дмитриевна Гладкова, первая и последняя супруга поэта, более двадцати остававшихся лет жизни посвятила супругу: не только опекала его в быту, но и помогла в издании семи томов собранных сочинений, готовила творческие вечера, радовалась очередной публикации в журналах, газетах, переживала, если СМИ надолго забывали о Глебе Яковлевиче. И вдруг он остался один...

Я отвык от людей, от неожиданных общений,
от негданных встреч и мудрёных бесед,
от взаимных терзаний и нравочений,
источающих чаще не радость, а бред.

Я сижу, поджидая последний автобус.
На моей остановке – покой, тишина.
Я успел обогнуть этот призрачный глобус,
на котором испил вдохновенье до дна.

А теперь наступило последнее в жизни:
отвыкать от себя, превращаться в туман
и рассеяться утром над милой отчизной,
израсходовав правду в душе и обман.

(«Я отвык от людей, от неожиданных общений...»)

Потери, которые переживает человек, помогают ему «отвыкнуть от себя» и торопят успеть завершить задуманное. Даже в одиночестве человек не остаётся один в полном смысле этого слова. Ощущение присутствия становится всё явственнее. А поэт в стихии рифм, смыслов и образов всегда в паре с Творцом, любящим, одаривающим талантливыми произведениями, коих у Глеба Горбовского несметное количество. Сочинял он с детства, писал легко, мгновенно – чудесные слова кружили вокруг него, словно невесомые мотыльки, садились на густые волнистые волосы, мохнатые брови, опускались на руки, трепетали, удерживая равновесие, на быстрых пальцах. Кажалось, что Глеб Яковлевич, будто полиглот, умеющий думать на множестве языков, мыслит не иначе, как стихами.

Давно замечено, что у великих, талантливых, героических людей и даже святых, была, как правило, непростая судьба. Характер выковывался, дух закалялся, душа мужала и ум мужал в преодолении трудностей, препятствий, бедствий. Николай Васильевич Гоголь осенью 1845 года поделился: «Много, много в это трудное время совершилось в душе моей, и да будет вовеки благословенна воля Пославшего мне скорби и всё то, что мы обыкновенно приемлем за горькие неприятности и несчастья. Без них не воспиталась бы душа моя, как следует, для труда моего; мёртво и холодно было бы всё то, что должно быть живо, как сама жизнь, прекрасно и верно, как сама правда». В тепличных условиях не вырастают ни гении, ни вожди, ни герои. Чего-чего, а испытаний на долю Глеба Горбовского выпало с лихвой!

В четырёх стенах темно.
Свет зажечь или не надо?
...Постучите мне в окно
кто-нибудь
из Ленинграда.

Пальцем дворника,
тоской
девушки,
которой тошно...

Обещаю всем покой,
всем,
кому такое можно.

Постучите кто-нибудь:
песня,
что уснуть не хочет,
плач,
который чью-то грудь
точит...

Обещаю всем тотчас —
сердце...

Если это важно...
Потому что мне без вас —
страшно.

(«В четырёх стенах темно...»)

Родился Глеб Яковлевич 4 октября 1931 года в семье «романтиков-учителей», преподававших русский язык и литературу, но при живых родителях обречён был на раннее сиротство. Отца Якова Алексеевича арестовали в 1937 году, а мать Галина Ивановна Суханова осталась в блокадном Ленинграде в то время, когда сын оказался на оккупированной немцами Псковщине – в Порхове, затем в Прибалтике. «Был я беспризорником и вместе с собаками, кошками, птицами и грызунами устремился на запах немецких помоек и полевых кухонь – за обедками», – рассказывал Горбовский в книге «Апостолы трезвости» (Псков, 1994). Отирался возле госпиталей, где у немцев служили влазовцы. Они ему, ради смеха, французского коньяка налили, а потом стали подначивать, чтобы фри-

цев дразнил. Осмелевший пацанёнок скоморошничал, получая за это то оплеуху, то подзатыльник, а дважды немцы чуть не расстреляли его, уличив в том, что подкладывает он в госпитальные печи то гранатные детонаторы, то патроны, то осветительные ракеты.

Когда Глеб после детских домов вернулся к матери, ему было тринадцать. Определился в ремесленное училище, где нередко в кочегарке вместе с истопником-фронтовиком прикладывался к бутылке. Боролся поэт с пьяной страстью в дальнейшем долгое время и даже успешно – вёл совершенно трезвую жизнь десятилетиями. Но это потом. А за ремесленным и практикой на фабрике клавишных инструментов предстояла ему ещё исправительная колония в городе Марксе, побег из неё в Ленинград, потом побег к высланному отцу в заволжские леса, где окончил семилетку в Кенишме, «армия-стройбатовка» с 286 сутками гауптвахты, два года Ленинградского полиграфического техникума, географические и геологические экспедиции – Сахалин, Якутия, Камчатка, Средняя Азия. Возвращение в Ленинград. Проба пера в литературных объединениях. С 1960 года – сборники стихов. Приём в Союз писателей в 1963 году. И страшные обвинения критиков от идеологии: в 1968 году вышла из печати огромным тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров четвёртая книга поэзии «Тишина», а через несколько месяцев в газете «Советская Россия» появилась статья В. Коркина «Рыжий зверь во мне сидит» – по поводу сборника стихов Глеба Горбовского «Тишина». Книга попала в разряд вредных, поэта обвинили «в пессимизме, фашизме, антисоветизме». Часть тиража изъяли из продаж и пустили под нож. Было из-за чего загоревать...

«Во все времена, спасаясь, люди на земле, по исчерпанию всех доступных средств, обращались за помощью к силам надмирного, запредельного порядка, то есть – к Богу. Вот и моя последняя, теперешняя попытка, лишённая какого-либо расчёта, зиждется исключительно на раскаянии и уповании, на смирении и вере, на совмещении усилий человеческих и милости Христовой», – признавался Глеб Яковлевич в исповедальной книге «Апостолы трезвости».

Милосердный Господь не оставил Горбовского своим заступлением. Пройдя тяжёлые испытания, Глеб Яковлевич, щедро одарённый талантом, прожил долгую, плодотворную жизнь, оставив потомкам семь книг прозы, тысячи стихов (25 сборников и шесть книг стихов для детей), высоко оцененных взыскательным и благодарным читателем. Среди многочисленных наград – Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1984) за книгу стихов «Черты лица» (1982), премия правительства Санкт-Петербурга в области литературы (2005), православная литературная премия Святого князя Александра Невского (2005), премия Союзного государства (2012).

В 2014 году, когда Фонд памяти поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996) готовил к изданию сборник стихов по итогам первого международного конкурса лирико-патриотической поэзии, Глеб Яковлевич, не медля, откликнулся на предложение принять участие во внеконкурсном разделе. Но не просто любезно предоставил свои стихи, а написал к ним вступление «От благодарного сердца моего...» с искренними словами признательности, обращёнными к поэтам-фронтовикам, в том числе к Игорю Григорьеву, за братскую поддержку на литературном пути и за победу над немецкими захватчиками: «Я на всю жизнь возненавидел войну и проникся чувством горячей благодарности к своим спасителям и освободителям, ценой своей крови и жизни добывшим Победу в Великой Отечественной войне».

Не только с поэтом И. Григорьевым свела судьба Глеба Горбовского, но и с сыном его, врачом и протоиереем о. Григорием, доктором медицинских наук и доктором богословия, профессором. С его помощью в начале девяностых годов прошлого века определился поэт на временное жительство в восстанавливающийся Зеленецкий монастырь, где не только написал Зеленецкий цикл стихов, но возвратилась и окрепла вера в Бога.

В атмосфере дремучей, объёмной,
за лесами, за Свирью-рекой –
слушать издали гомон церковный,
обливаясь звериной тоской...
Лес гудит, как ночная машина,
ветром-ухарем взят в оборот...
А душа, как стальная пружина:
не опомнишься – грудь разорвёт!
Как поют они чисто и мятно

В тесном храме, ничьи голоса...
Неужели тебе не понятно:
там от века – синей небеса!
Только там, за оградой церковной,
Там, под сводами горней мечты, –
Обиталище Воли Верховной.
Так войди же под своды и ты!
Обогни неслепую ограду,
отыщи неглухие врата,
и получишь свободу в награду.
И любовь. И уже – навсегда!

(«В атмосфере дремучей, объёмной...»)

Известный лексикограф Анатолий Павлович Бесперстных из белорусского города Новополоцка, собиратель образного русского слова, посвятил замечательному поэту словарь « 1000 эпитетов из поэзии Глеба Горбовского». Работая над книгой, он неустанно восхищался простым и в то же время удивительно совершенным, точным языком Глеба Яковлевича. Всё-то у него живое: костёр, деревья, душа, травы, мир... Весёлое – лучик, песенка, речка, рожицы... Белое да светлое: дни, часы, цветок, думы, душа, парус, рубаха, камушек, мельник... Божье и родное: Горбово, земля, глобус, города, парки, храм, суд... Русское – дух, язык, печь, поле, птица, телега, царевна... И даже «Волга пахнет расставаньем и Русью».

Медленно и постепенно учился поэт «отвыкать от себя», может быть, потому так часто встречается в его строках одиночество – один, одинокий, одинок (как фантастично был он одинок; один в холодном классе...) – *Я один / вот я встал... В переплетенье льдин, / в северном сиянии... Один (Вольные сонеты).*

Да, он был такой один – поэт Глеб Горбовский! Неповторимый, как всякий человек, талант, каким бывают немногие, «вселенская душа», озарившая мир.

Памяти Глеба Горбовского

Не дождался весны, улетел лёгкой птахой из мира.
Мягкий снег засыпает поэта земные следы.
Отзвучала его незабвенная звонкая лира,
Высох щедрый ручей животворно-прозрачной воды.

Но весна пробудилась и полнится тайною силой,
Капля талая точит и точит могучие льды,
А под ними сокрыта стихов златоносная жила,
В оживающих струях – поэзии русской черты.

Отпечатки следов заполняет весенняя влага,
Припадают к ней птицы, чтоб чище и радостней петь.
И капель, и ручьи, и следы – всё небесное благо,
А в руках у поэта сверкает и золото, и медь!

Критика

Людмила Яцкевич

Людмила Григорьевна Яцкевич (Калачёва) родилась в г. Череповце Вологодской области. Доктор филологических наук, профессор. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти книг: «Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнувших времён: Имена собственные в поэзии Н.А. Клюева», «Народное слово в произведениях В.И. Белова», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка: язык малых жанров фольклора» и др. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на который В.И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером»

По былинам нашего времени

О повести Николая Олькова «Мать сыра земля»

В статье пойдёт речь о сибирском эпосе писателя Николая Максимовича Олькова, нашего современника. Его малой (да и не очень-то малой) родиной является Тюменский край. Последние десятилетия он живёт в районном селе Бердюжье. В 2018 году вышло из печати собрание сочинений Н.М. Олькова в пяти томах. Читая его произведения и знакомясь с его героями, я думаю: былинные времена... Обычно так говорят о Древней Руси, о том времени, когда жили русские князья и богатыри, когда зарождалась русская культура и государственность. Так говорят о легендарных временах, воспетых в былинах.

XX век породил своих князей и богатырей, появились и «иных времён татары и монголы», по словам поэта Н. Рубцова. Новые герои действуют в иных обстоятельствах, но, вероятно, ещё более напряжённых и трагических. Русская литература запечатлела великие противоречия и беды, и, вопреки им, великие достижения и победы нашего народа в эту эпоху. Современные писатели обычно используют методы критического и социалистического реализма. Однако их оказалось недостаточно, чтобы в художественной форме осмыслить и прочувствовать до конца то, что произошло с нашим Отечеством и понять, куда мы идём. Видимо, поэтому в XX веке мастера слова снова стали обращаться к поэтике фольклора. В устном народном творчестве эпические жанры угасли, но они, впитав все достоинства фольклора, живы в творчестве русских писателей XX века. Достаточно, например, вспомнить творчество писателей Михаила Шолохова, Федора Абрамова, Бориса Шергина, Василия Белова, поэтов Николая Клюева, Юрия Кузнецова.

Особенность творчества писателя Н.М. Олькова, уникальная в наше время, заключается в том, что нередко одни и те же персонажи, изображаемые места и судьбоносные события встречаются в разных его произведениях. Такую переключку героев, событий и мест можно встретить только в былинах, быличках и сказках. Спаянность героев, событий и места действия, их сквозная преемственность делают собрание сочинений писателя сибирским эпосом XX века и наших дней.

Повесть Николая Олькова «Мать сыра земля» можно определить, с одной стороны, как былинку нашего времени, а с другой стороны, это сказ, поскольку главный герой и повествователь совпадают. При этом речь рассказчика – это говор сибирского крестьянина, насыщенный диалектными словами и оборотами речи. Фольклорная закваска этого произведения угадывается уже в его названии. Старинное выражение «*мать сыра земля*» пришло из устного народного творчества, из русского поверья о земле как главном сокровище народа, которое представлено в трёх ипостасях: земля – кормилица, рождающая хлеб, мать – женщина, рождающая человека и, наконец, Богородица, родившая Спасителя – Иисуса Христа. На эти три основных смысла наслаиваются и многие другие, как более архаичные, так и более поздние.

Академик В.Н. Топоров, вслед за другими историками славянской культуры и религии, исторически возводит образ матери сырой земли к древней языческой богине славян Мокош, Великой Матери [4; 11]. В отличие от фольклора, в художественной литературе эта этимологическая связь уже не осознавалась, поскольку в русской культуре преобладало православное самосознание, однако она не исчезла бесследно. Достаточно вспомнит такие произведения, как: «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова –Щедрина, «В лесах и на горах» П. И. Мельникова-Печерского, «Братья Карамазовы» и «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Власть земли» Г. И. Успенского, рассказы В.И. Даля и других писателей XIX века.

В двадцатом веке, эпохе страшных войн, революций и крушения цивилизационных устоев, эта мифологема в преобразованном виде вновь стала актуальной во всей своей многозначности и многозначительности, поскольку в ней отразилась сама основа человеческого существования в мире. В матери сырой земле, в Великой Матери, искали защиты и спасения. Неслучайно многие наши писатели и поэты, несмотря на различие своих политических мировоззрений, обратились к этому образу. Вспомним «Песнь о Великой Матери» Н.А. Клюева (1932), «Мать сыра-земля» Б. А. Пильняка (1924), «Взвихренная Русь» (1917–1924) А. М. Ремизова.

Мифологема матери сырой земли неоднократно исследовалась и по-разному объяснялась отечественными филологами и философами, начиная с Ф.И. Буслаева. В начале XX века, в филологической культуре серебряного века к этой древней мифологеме проявился небывалый интерес [2; 6; 7; 9; 12 др.]. Если кратко сформулировать её первоначальное содержание, реконструированное историками культуры и религии, то Великая Мать, она же мать сыра земля, это космическое женское божество – прародительница, жизнедательница всего сущего, вселенной и она же – смертная утроба, поглощающая всё живое. Как и любая мифологема, она синкретична, о чём пишут многие исследователи, и парадоксально совмещает в себе противоположные смыслы [12: 447; 9: 107–122; 4; 10; 11; 13].

Архаичный смысловой слой этой мифологемы, воплощающей в себе понятия рождения и смерти, а значит жизни и неумолимого времени, нашёл отражение в лирическом сюжете стихотворения И. Мандельштама:

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идёт ....
Её влечёт стеснённая свобода
Одушевляющего недостатка.
И, может статься, ясная догадка
В её походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – *праматерь гробового свода,*
И это будет вечно начинаться.

Есть женщины, *сырой земле* родные.
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождают воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра только очертанье...
Что было поступь – станет недоступно...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И всё, что будет, – только обещанье.

Современный поэт-пророк Юрий Кузнецов в 1984 году также обратился к философскому осмыслению образа матери сырой земли как Великой Матери в своём стихотворении «Сито»:

Наша истина – сито полное,
В чьих руках оно, ты не спрашивай...

Сито частое мать с гвоздя брала,
 Против солнышка муку сеяла,
 Из муки простой вышел хлеб святой.
 Старший ел его да похваливал,
 Средний ел его да покрякивал,
 Младший ел его да помалкивал,
 Да на вольный свет все поглядывал.
 Вон звезда горит, вон еще одна,
 Много в небе дыр, да не выскочить,
 Крепко дух сидит в белых косточках.
 Вон старик идет, еле тащится,
 Из него давно дух повыскочил,
 Из него давно песок сыплется.
Мать-сыра земля – наша истина,
 Через девицу сеет восточки,
 Через матушку сеет косточки,
 Через старицу сеет высежки.
Мать-сыра земля не про нас с тобой.
Через белый свет, через истину
Племена прошли – не задумались,
Времена прошли – словно не были.
 Мы пройдем насквозь – не задержимся,
 Ничего от нас не останется,
 Что останется – будет лишнее.

Философский сюжет этого стихотворения имеет мифологическую основу, поэтому его можно понять, только если учитывать соответствующий культурно-исторический контекст. Великая Мать, мать сыра земля, в древнем представлении «дважды всемогучая, дважды побеждающего всякого – страстью и смертью – и дважды приемлющая в себя каждого – в рождении и в погребении. Но в древнем веровании не было этого раздвоения Земли на Смерть-губительницу и Любовь-родительницу. ... Земля была и той и другой вместе, – короче, она была Судьбой, мировой Необходимостью, Временем» [9: 110]. В стихотворении Ю.П. Кузнецова этот образ человеческого бытия и неумолимого времени-рока воплощается очень ярко.

Совершенно не случайно, что к этому грандиозному и проникновенному образу обращаются в эпоху тяжёлых испытаний и наивысшего напряжения физических и душевных сил человека. Ярким свидетельством этого является трагическая поэма «Сын» Павла Антокольского, которую он написал в 1943 году после гибели сына Владимира. Духовная и эстетическая сила мифологемы «мать сыра земля» так велика, что поэт-коммунист, на словах признающийся даже в этой поэме в своём атеизме, вдруг обращается к мифологическому сознанию, без которого, действительно, невозможно создать эпическое произведение. Приведу отрывок из поэмы, где он описывает гибель сына:

Он видел все до точки, не обидел
 Сухих травинки, согнутых огнем,
 И солнышко в последний раз увидел,
 И пожалел, и позабыл о нем.
 И вспомнил он, и вспомнил он, и вспомнил
 Все, что забыл, с начала до конца.
 И понял он, как будет нелегко мне,
 И пожалел, и позабыл отца.
 Он жил еще. Минуту. Полминуты,
 О милости несбыточной моля.
 И рухнул, в три погребели согнутый.
И расступилась мать сыра земля.
И он прильнул к земле усталым телом
И жадно, отучаясь понимать,
Шепнул земле – но не губами – целым
Существованьем кончившимся:
«Мать».

Эти строки обладают огромной поэтической и духовной силой, и её таинственный источник – древний образ матери сырой земли. Поэма называется «Сын» и посвящена она младшему лейтенанту, сыну, но речь в ней идёт не только о сыне поэта. Это эпический собирательный образ – молодого героя Отечественной войны, защищающего Родину-Мать.

Таким образом, в этом ёмком образе – «*мать сыра земля*» – соединились нераздельно Природа, Человек и Небо. Такое древнее архетипическое представление о мироздании сохраняется в русской культуре до наших дней, характерно оно и для крестьян, не утративших связи с родной землёй. Об этом свидетельствуют произведения писателей «почвенного направления». О таких творцах слова в своё время написал Н.А. Клюев образно и глубоко по мысли:

В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил.

О Николае Максимовиче Олькове также можно сказать: он – писатель, который «*голос уловил Кормилицы мирской и пестуны могил*». Писатель изображает героев своих произведений с неподдельной любовью. Это дети матери-земли, крестьяне, любящие свою мать и не покинувшие, а наоборот, защищающие её от многообразным врагом: будь то завоеватели, или пришлые люди, одурманенные идеологической химерой или жаждой наживы. Любовь эта взаимна. Еще Ф. И. Буслаев в своей книге «Русский богатырский эпос» (1887) отметил: «Итак, сама мать сыра земля любит Микулу Селяниновича и весь его род-племя» [3].

Сравнительно небольшая повесть «Мать сыра земля» охватывает огромный период нашей российской истории: с XVIII до середины XX века. Столь же масштабно не только время повествования, но и его пространство: вся Россия от Онежского озера и западных границ до Сибирских просторов. Обычными методами художественного повествования, характерного для критического реализма, уложить всё это в одну повесть было бы непосильной задачей. Например, чтобы изобразить жизнь России только первой четверти XIX века, Л.Н. Толстому потребовалось написать толстые тома. Свообразие повести Н.М. Олькова заключается в том, что он использует совершенно иную поэтику композиции, пожалуй, более характерную для устного народного творчества и древнерусской литературы: широта и обобщённость видения пространства и времени, мифологичность и одновременно предельная конкретность бытовых описаний. Всё это служит средством изображения жизни сибирских крестьян как высокой трагедии.

Повесть начинается с семейных легенд, которые передают из поколения в поколение уже двести лет из уст в уста: «*Дед Максим любил рассказывать эту историю, потому что остался самым старым в деревне и, пожалуй, один помнил деда Маркела и его повествование*». И дальше вглубь времени о русских богатырях: «*Сказывал эту быль дедушка покойный, а он сто пять годиков прошарашил по земле, в семьдесят женился на молодухе, да ещё двоих ребятишек издалил*». И опять вглубь времени: «*Так вот, дед Маркел Епифантьевич как-то рассказывал, ... что отец его Епифан Демидович шёл в эти края аж от Онежского моря...*» [8: 295]. Получается, если подсчитать, в этом селе прошла жизнь семи поколений, пока не появился на свет главный герой – *Лаврентий Акимушкин*, или просто по-деревенски *Лавря, Лавруша*. В этой семейной были повествуется, как зародилась деревня, какие стихийные и рукотворные беды она пережила и выстояла к середине XX века – переломного в истории России.

Далее после этого зачина весь сюжет повести пронизан неявными противопоставлениями, на которых держится композиция повествования: вольная крестьянская жизнь семьи на своей земле и колхозный подневольный труд на отчуждённой земле; мир и война, любовь и ненависть, любовь и смерть, любовь земная и любовь небесная, самопожертвование в борьбе с врагом и трусливое предательство. Само повествование также «двоится», создавая особый художественный узор, соединяющий как настоящее с прошлым, так и происходящие события с внутренним монологом повествователя. Значимой находкой писателя Н.М. Олькова является особое построение былины-сказа, при котором повествователь от первого лица, сказителя, обращается всё время к самому себе, и использует поэтому не местоимение я, как обычно, а местоимение ты, или даже называет себя по имени. Вот пример: «*Охвати, Лавруша, большую свою голову руками, сдави, сожми, стисни, пусть мозги из последних сил соберут всё в одну точку, чтобы понял ты, почему всё так получилось*»

[8: 316]. В результате возникает впечатление, что все события пропущены через сознание героя, через его думы – добрые, счастливые, или печальные, трагические. И сознание читателя включается в эти думы, расстояние между сказителем и слушателем (читателем) сокращается, а при внимательном чтении совсем исчезает.

Главный герой Лаврентий Акимушкин – образ удивительный, сокровенно русский. Это наш русский герой, о котором многие писатели уже забыли, и хорошо, что Н.М. Ольков нам о нём напомнил. Главная его черта – искренность и честность, которая позволяет людям безнравственным считать его дурачком. Да, образ типичный для русского фольклора и художественной литературы: от Ивана-дурака, крестьянского сына, до героя Ф.М. Достоевского – князя Мышкина, «идиота». Вместе с тем, это личная авторская находка, несмотря на предшественников. Следует заметить, что в наше время этот образ приобретает особую значимость. Он заставляет нас, современников, вспомнить основы русской нравственности. Создав этот образ, писатель Н.М. Ольков обращает наш взор к вечному вопросу русской историософии, который обычно становится актуальным в переломные, смутные, времена в жизни нашего отечества. Это вопрос о народном характере и крестьянстве и о русском нравственном идеале, определяющем ход истории. Образ матери сырой земли, архаичный и вечно живой, в художественной форме помогает ответить на этот вопрос. Действительно, в XX веке этап за этапом происходило отчуждение народа от родной земли: разрушение крестьянской общины, Октябрьская революция и последующая коллективизация, затем укрупнение деревень и, наконец, нынешняя «приватизация» земель, лишившая крестьян земли. Подробно, с привлечением документов и статистики эти процессы рассмотрены, например, в статье В.Я. Кириллова «Отчуждение Родины» [5].

К сожалению, природная связь крестьян с землёй, общинный строй их жизни у многих представителей интеллигенции, подверженных западному влиянию, вызывали неприятие. В 1918 году известный религиозный философ Н.А. Бердяев в своей книге «Судьба России», противопоставляя западное рыцарство и русскую душевность, писал: *«Вселенский дух Христов, мужественный вселенский логос пленён женственной национальной стихией, русской землёй в её языческой перво-родности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. ... Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт»* [1: 10]. Сказано очень сердито. Кроме этого, умный философ и публицист Н.А. Бердяева рассуждает слишком абстрактно. Удивляет, что эти мысли пришли к нему в тот момент, когда он наглядно видел, какой хаос наступает, когда народ оторван от земли войной и другими обстоятельствами! И как страшно смотреть, когда красные и их противники мужественно проливают свою кровь! А проливают они её за землю и за власть над ней! Нет, трудно согласиться с Н.А. Бердяевым. Его современник о. Сергей Булгаков рассуждал иначе, сердцем был близок Ф.М. Достоевскому и писал: «Это именно чувствовал и провозгласил наш прозорливец «матери земли» Ф.М. Достоевский в словах своих: «Богородица *мать-сыра земля есть*, и великая в том заключается для человека радость»» [2].

Именно мать сыра земля, Великая Мать и Богородица всегда спасали русского человека. В наше время мы забыли об этом, и поэтому огромные пространства брошенной русской земли заросли чертополохом и кустарником.

В повести Н.М. Олькова с большой любовью показано, что кровная связь крестьянина с землёй начинается с раннего детства: *«Это ещё в единоличные времена было, Акимушкины пахали на своих наделах тридцать десятин пашни, ты совсем малым был, без штанов лазил, следом за отцом или дедом ходил свежей бороздой. Земля мягкая, жирная, плужок её отвалит в сторонку, основание ровное и плотненькое, детская ножонка только влажный следок оставляет. Ты любил присесть на нетронутую твердь, ноги в пахоту засунуть и ждать, когда отец или дед круг сделают...* [8: 313]. Вспоминает Лаврентий и свою первую пахоту как самое главное в жизни событие: *«Ты и сейчас помнишь, как высоко взлетела душа, когда первый пласт вспаханной тобой земли легонько отвалился в сторону ...»* Дед Максим именно так высоко ценил это событие и считал, что с него начинается настоящая жизнь мужика: *«На всю жизнь запомни этот день, ласковой да сердешной. Первая в жизни своя борозда, на своей земле, матери-кормилице А на чужой – ничто не в радость, одна, одна усталость. ... Потом женим тебя, ну, я не доживу, а отец тебе отведёт и пашню, и покосы, станешь хозяин, а когда человек сам себе хозяин – запомни, Лавруша,*

он ни перед кем шапку не ломат, окромя Господа» [8: 315]. Важно подчеркнуть, что философию жизни и её цель дед Максим исповедует перед внуком на пашне, на земле, а не абстрактно-обобщённо как это делают кабинетные мыслители. Крестьян учит сама мать-земля.

В этой статье мы размышляли только над некоторыми важными вопросами, которые поставил в своей повести «Мать сыра земля» Николай Максимович Ольков, талантливый писатель, знающий русскую почву и глубоко понимающий русскую судьбу. Эта повесть достойна того, чтобы к ней снова вернуться и продолжить наши размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М.: Изд-во МГУ. 1990. – 256 с.
2. *Булгаков, С. Н.* Свет Невечерний: созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.
3. *Буслаев Ф. И.* Русский богатырский эпос. 1887.
4. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа. Сборник «Балто – славянские исследования. 1982.
5. *Кириллов В. Я.* Отчуждение Родины // «Берега» Литературно-художественный и общественно-политический журнал. – № 6 (24). – Калининград, 2017. – С. 8–18.
6. *Коринфский А. А.* Мать – Сыра Земля // Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. – М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. – С. 1–18.
7. *Максимов С. В.* Мать – Сыра Земля // Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильворг, 1903. – С. 251–274.
8. *Ольков Н. М.* Мать сыра земля // Соб. Соч. Том 5. – М.: «Российский писатель», 2018. – 295–384.
9. *Священник Павел Флоренский.* Первые шаги философии // Священник Павел Флоренский. Соч. в четырех томах. Том 2. Москва: «Мысль», 1996. – С. 61–130.
10. *Толстой Н. И.* «Покаяние земле» // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003.
11. *Топоров. В. Н.* К реконструкции балто-славянского образа Земли-Матери *Zemia & *Mate (Mati). Сборник «Балто – славянские исследования 1998 – 1999. XIV. – М.: Индрик, 2000. – С. 239–271.
12. *Трубецкой С. Н.* Этюды по истории греческой религии // Собр. Соч. Том II. – М., 1908.
13. *Шокальский Ежи.* Посвящение в материнство (о реликтах древних мистерий в лирике Ключева) // In memoriam: Эдуард Брониславович Мекш. – Daugavpils Universitātes Akadēmiskais Apģāds «Saule», 2007. – С. 129–141.

Берега памяти

Станислав Федотов

Федотов Станислав Петрович, сибиряк, окончил радиотехнический факультет и аспирантуру Томского университета, член Союза писателей с 1973 года, автор поэтических книг, романов и пьес, лауреат Международной премии имени Валентина Пикуля и премии «Рукопожатие», в настоящее время живет в наукограде Реутове Московской области

Свидание с отцом

Я смотрел по телевизору парад на Красной площади в честь семидесятилетия Великой Победы. Вернее, не сам парад – меня как-то мало волновали танки, бронемашин и прочая военная машинерия, – я вглядывался в лица ветеранов, камеры нет-нет да и выхватывали их из общей массы гостей на трибунах возле Мавзолея, прикрытого по случаю парада какими-то нелепыми декорациями.

Настоящие ветераны!.. Морщинистые лица... блеклые, почти потерявшие цвет глаза... На мужчинах – армейские фуражки с разного цвета околышами, немного морских, чёрных с «крабами» над козырьками, на женщинах – военные береты. Многие с офицерскими погонами, полученными, как правило, уже «в запасе», некоторые с сержантскими лычками, но все – с орденами Отечественной войны, медалями и бесчисленными юбилейными значками. Помнится, когда-то я относился к этим знакам с изрядной долей иронии – чем бы, мол, старички ни тешились! – и только с годами начал понимать: это же для них отметки жизни и памяти! Вот, мол, ещё сколько-то лет прожито после войны, а нас не забывают. Хотя и сегодня, через семьдесят лет, не у всех есть нормальное жильё.

Смотрел я на них, смотрел и вдруг ощутил, как что-то когтистое схватило сердце, крепко сжало – аж из глаз брызнуло – и медленно-медленно отпустило. А в голове одна мысль осталась: «Господи, да ведь в этом году моему отцу исполнилось бы сто лет!» СТО ЛЕТ! Сума сойти!

Отца я, в общем-то, не знал. Он ушёл сначала на Финскую войну рядовым, потом ненадолго вернулся, а в июле 41-го был снова призван и направлен в школу лейтенантов. В детской памяти осталось: мы стоим в тесной прихожей – мама с большим животом (она была на шестом месяце, беременна двойней), высокий отец в серой шинели и я, трёхлетний, у них в ногах, обнимаю сапог отца, а пола его шинели колюче трёт мою щёку.

Ещё помнится случай, кажется, из 42-го года. Но к нему – маленькое предисловие.

Был у нас большой, накрытый половиком домашней вязки, сундук. Что в нём хранили, не знаю, но помню, как, свернувшись калачиком, на нём спал мой прадед Матвей Федорович Ставцев, вернувшийся из ссылки. Его в начале 30-х раскулачили (все детали я узнал много позже от мамы). Моя бабушка, её в нашей семье звали мама Поля, приходилась ему дочерью. Трёх сыновей раскулачивание не задело: отец их вовремя отправил из села, а жизнь раскидала по России. Деда, Гордея Антоновича Свечникова, мы называли папкой; он служил в звании старшего лейтенанта бухгалтером в военном госпитале. Деду полагался пистолет. Однажды он его забыл, я, конечно, добрался до него и случайно нажал на курок. Пуля чуть не попала в спящего прадеда, срикошетила о порог комнаты, оставив на нём дугообразную обугленную щербину. Меня не наказали, а папке от мамы Поля досталось: чтоб не оставлял без присмотра опасные вещи.

Так вот, об отце. Вспоминается сумрачный вечер, мама сидит на этом сундуке с запелёнутыми моими братишками на руках и воет, запрокинув голову к потолку. Не плачет, а именно воет, на одной тоскливой ноте. Мама Поля суетится вокруг, пытается забрать деток, но мама прижала их к себе, не отдаёт... Оказывается, пришло письмо от фронтовой жены отца, в котором та категорически заявляла, что Пётр к семье не вернется. Знал ли об этом письме сам лейтенант Федотов, для меня осталось неизвестно. Полагаю – знал, а самому написать – рука не поднялась. Смалодушничал.

Как потом неохотно рассказывала мама, отец был мужчиной весьма любвеобильным. По отношению не только к ней. Из тех, кого называют в народе просто и ёмко – бабник. Но, наверное, было в нём что-то

такое, что неотвратимо притягивало женщин. Вот и мама моя, юная ФЗУшница, повелась, и в результате появился я, всего через два месяца после её восемнадцатилетия. Но надо отдать должное молодому технику Федотову – он не отмахнулся от сына, а, узаконив отношения, дал мне фамилию и отчество.

Однако воющую маму с двумя пищащими свёртками на руках я, будучи уже студентом, решил не прощать отцу никогда.

Многие годы я не думал о нём, жил своей детской жизнью, с её мелкими радостями и печалью. В Томске было голодно и холодно. Как-то зимой у нас на кухне замёрз мешок картошки, и мы – две моих тетки и дядька (старшей, Тамаре, четырнадцать лет, Зине двенадцать, а Гене – девять) – радостно грызли нечаянное лакомство: картошка заменила нам недоступные сладости. Ещё помню, как мы бегали в центр города, там, в переулке Батенькова, в полуподвале, была пекарня, и мы подолгу стояли у открытых форточек, впитывая запахи свежее испечённого хлеба и разглядывая суесящихся внизу женщин в белых халатах. Может быть, надеялись, что угостят хоть корочкой. Не угостили.

В нашей семье работали два человека – папка (дед) и моя мама. Дед, как я уже говорил, в госпитале, мама – на теплоэлектростанции ТЭЦ-1, лаборанткой (она там работала до пенсии). Бабушка, мама Поля, занималась детьми и хозяйством. По карточкам на семью в девять человек получали кирпич серого пеклеванного хлеба, его делили на равные части, и каждый мог со своей долькой делать что угодно – растягивать на весь день или сразу съесть. Зимой мы зарывали куски хлеба в сугроб возле крыльца и потом грызли их, замороженные до каменного состояния. Было очень вкусно! Я часто прятал свою пайку в какой-то пустой чемодан; зачем – не знаю, может быть, копил на случай худшего времени. После войны перетряхивали вещи и в чемодане нашли кучу заплесневелых сухарей – это был сэкономленный мною хлеб.

Летом ели много разной травы, особенно когда выбирались в лес. Там росли таёжные сиреневые лилии-саранки, мы выкапывали и ели их луковицы; срезали высокие с большими зонтиками «дудки» – если их очистить от грубого верхнего слоя, под ним была съедобная трубка. В мае собирали черемшу – от нас до середины июля пахло диким чесноком. Думаю, за счёт этой зелени я набрался здоровья на всю оставшуюся жизнь.

Дом наш был двухэтажный (он и сейчас стоит на улице Мамонтова, недалеко от Белого озера, природной жемчужины старого Томска). Низ – кирпичный, верх – деревянный. Наша квартира находилась наверху, туда вела, как мне помнится, жутко высокая и крутая лестница, а внизу жила семья какого-то торгового начальника. Летом из их кухни во двор выползали потрясающе вкусные запахи. Однажды мой дядька Геннадий, тогда уже десятилетний пацан, нашёл дохлую кошку и, раскрутив её за хвост, запустил в открытое окно. За окном стоял стол, семья ответственного работника собралась за ним обедать и на первое у них был куриный суп. Кошка влетела как раз в тот момент, когда хозяйка поставила на стол и открыла кастрюлю. Лохматый вонючий снаряд попал точно по назначению и вызвал большое волнение. Таких многоголосых воплей наш двор не слышал ни до, ни после. Генку папка выпорол офицерским ремнём, но не по-настоящему: так, мазнул пару раз для порядка, а Генке приказал орать – и тот тоже базлал благим матом. Я стоял рядом и плакал «за компанию». Мне шёл пятый год.

Я не скучал по отцу. Может быть потому, что в круге сплошной безотцовщины я был такой же, как все, а может, благодаря деду. Не случайно же все мы называли его папкой, единственного в семье мужчину.

Настоящая фамилия деда не Свечников, а Татько. Родом он был с Полтавщины, потомок запорожского казака. Так что я могу считать себя на четверть украинцем, так сказать, квартирантом. Наверное, из-за деда семья наша тесно связана с Украиной: три его дочери из четырёх и одна внучка были замужем за украинцами – так что у меня родня есть и в Западной Украине, и на Одессине, и в Донбассе. Правда, я её не знаю, а спросить не у кого.

Семью Татько понесло в Сибирь ветром столыпинской реформы. Шли пешком, где-то заразились тифом, и родители Гордейки умерли, а его самого усыновили русские Свечниковы. Новая семья была большая, жили скудно, однако Гордей не только учился в школе, но и курсы счетоводов закончил, и жениться сумел – на дочке зажиточного крестьянина Ставцева. Того самого Матвея Федоровича, которого я едва не застрелил. Не кулака, как его объявили при советской власти, но крепкого хозяина, тоже из переселенцев, из Орловской губернии. Крепким он стал, потому что вместе с сыновьями работал от зари до зари, не пил и не курил. Гордей тоже не пил, не курил и служил, не считаясь со временем. А тут – Первая Мировая, и двадцатилетний счетовод оказался на фронте, оставив беременную жену. Курсы счетоводов спасли парня от окопов: грамотных не хватало, и до Февральской революции, до развала фронта Гордей писарил в штабе полка. Вернулся без наград и званий, зато – живой.

Гражданская тоже обошла его стороной. Уж как умудрился откосить от колчаковской мобилизации и партизанского добровольчества – не ведаю, не спрашивал, но факт остаётся фактом: все бурные годы он прослужил в сельском кооперативе (были такие и во времена Колчака). Росли две дочери – Полина и Мария (моя мама), родились и быстро умерли два сына – Гордей работал и жил в полном соответствии со своим именем. Гордо и независимо.

Внешность у него была не ахти какая: росточка небольшого, ноги кривоватые, на лицо – самый обыкновенный, без изъяна, но и без красоты – а вот чем-то приглянулся дочери богатея Ставцева, и сельская красавица благосклонно принимала его знаки внимания. Зато трём ее братцам-здоровякам счетовод «шибко не пондравился», они попытались его отвадить кувалдами-кулаками, но не тут-то было: ухаждёр от сестры не отстал, а та, заметив синяки и ссадины на физиономии «милёнка», тут же всё поняла, устроила своим заботникам скандал и, в пику им, а заодно и отцу, тоже не жаловавшему кандидата в зятя, пошла под венец без благословения. Пелагея была любимицей отца, и тот, скрепя сердце, осенил иконой молодых уже во время свадьбы. Братья тоже любили сестру и тоже смирились, но поставили Гордею условие – жить в семье Ставцевых и работать на неё. Однако молодожёны их требование не принял: жену после свадьбы забрал в крохотную квартирку, выделенную кооперативом, и продолжал служить на прежнем месте. Жили молодые на одно жалованье счетовода, все попытки тещи помочь Гордей пресекала на корню. Правда, пока служил в армии, Пелагея, родив Полину, приняла помощь семьи, за что Гордей, вернувшись, едва не выгнал её из дому. Простил из-за дочки.

Детей папка любил до самозабвения – и своих, и меня, первого внука, а потом и моих братьев. Наверное, невольно перенял я это его душевное качество, потому что мои дети для меня всегда были на первом месте. Вспоминается случай сорока с лишним лет давности. Я тогда работал в оборонном институте и много курил. Как-то, вернувшись из командировки в Москву, пообедал и тут же закурил – хотел насладиться привезёнными из столицы импортными сигаретами. Гляжу: подходят ко мне, бок о бок, мои пацаны – старшему тогда было тринадцать, младшему семь, – и старший говорит таким ломающимся баритончиком:

– Батя, ты вот учишь нас не курить, а сам смолишь.

Не знаю, сами они до этого додумались или мать подучила, но я посмотрел в их ясные глаза, погасил сигарету и сказал:

– Всё, ребята, больше не курю.

И выполнил обещание полностью. Не мог не выполнить.

Отец снова появился на нашем горизонте в 50-м году. Я тогда жил у маминой старшей сестры, тети Поли (у неё не было своих детей, и она в 45-м взяла меня на воспитание; я прожил с ней все школьные годы), поэтому о приезде отца узнал от мамы, когда уже стал студентом.

Он приехал из лагеря, где отсидел три года за растрату своей жены. Она работала продавщицей в киоске, ревизия выявила недостачу, и отец взял вину на себя. Пока отбывал срок, жена его бросила. Он пришёл к маме в старом плаще и опорках на босу ногу, попросился обратно. Ему было тридцать пять лет, маме – двадцать восемь. Казалось бы, вернулся блудный муж, можно было всё начать сначала, однако мама его выгнала. Сказала мне, что побрезговала, но я думаю, что не смогла ему простить ту фронттовую жену, а может быть, проявленное малодушие.

Да, вспомнился ещё один эпизод, имеющий отношение к отцу. Тетя Поля с мужем, дядей Саввой Хоменко, и я жили тогда в Шадринске, районном городке Курганской области. Я учился в шестом классе. Тётка держала меня, что называется, в ежовых рукавицах. Однажды она сильно на меня рассердилась и несколько раз стегнула ремнём. И до этого случая мне ремешка доставалось, но я относился к наказаниям довольно равнодушно, а тут что-то стало до того обидно, что я вспомнил – да тут же неподалёку, всего-то километрах в ста к северу, город Талица, откуда родом мой отец. Может, он там и живёт – уйду к нему! Не выгонит же родного сына!

Дело было зимой. Недолго думая, встал на лыжи и отправился в поход. Пройдя сколько-то километров по снежной пустыне, проголодался, тут и смеркаться начало, впереди же, да и вокруг, ни огонька, ни светинки – а что, если волки по степи шастают?! В общем, струхнул я и повернул назад. Не состоялось свидание с отцом.

Дом наш на улице Равенства (хорошее название, но в 61-м её переименовали в улицу Гагарина – власть нашла, чем пожертвовать), как ни странно, очень походил на прежний, что на Мамонтова: те же два этажа, низ кирпичный, верх – деревянный, и мамина квартирка на втором этаже – меньшая

часть когда-то единых на весь этаж апартаментов. Большую занимала старая дантистка (приём на дому) с внуком. На общей с соседкой кухне нашими были шкафчик, конфорка на дровяной плите и стол. В выдвижном ящике стола среди всякой мелочёвки я случайно обнаружил медаль «За отвагу» на маленькой прямоугольной колодке без муаровой ленточки. Помню, меня неприятно поразило, что такая почётная для солдат и младшего командного состава награда валяется в каком-то затрапезном виде, но больше – озадачило, что край медали оплавлен. Было понятно, что сюда ударила пуля, и медаль спасла человека, моего отца. Тогда, пожалуй, впервые у меня в груди отозвалось болью это слово – «отец». И – разозлило.

– Я тебя ненавижу! – вслух сказал я, бросив медаль обратно в стол. – Ты предал всех нас, предал даже свою отвагу. Не хочу о тебе слышать, не хочу тебя знать!

Такой вот излился горький пафос.

Один лишь раз отступил я от своих слов. Вернее, не отступил – ситуация напомнила о них. Почти сорок лет спустя. Жил я тогда благополучно и счастливо в Благовещенске, славном городке на Амуре. Вследствие не очень приятных событий был вторично женат, родилась дочка. Вспомнил как-то свои школьные годы, первую любовь – жена упрекнула меня:

– Что же ты её не отыщешь? Первая любовь, она ведь навсегда – первая.

Жена много меня моложе, но и настолько же и мудрей – не раз убеждался. Потому послушался, написал в адресное бюро того города, где, как я знал, жила моя школьная подруга, и получил ответ с адресом. Завязались ностальгическая переписка, разговоры по телефону. «И чуть больше стало доброты, ярче солнце, веселее смех...» – стихи эти по другому поводу, но весьма созвучны случившемуся.

Несколько раз говорила жена и про отца: «Разыщи! Разыщи!» – но тут я упёрся, как баран, и ни в какую! Почему? Наверное, потому, что в памяти моментально всплывало: сумерки... сундук... воющая мама...

Жена оставила меня в покое, но я чувствовал, что не покидает её мысль о розыске. Однажды во время передачи телевизионной «Жди меня» сказала:

– Какой молодец этот парень! Никогда не видел отца, но разыскал аж через сорок лет! – и глянула на меня.

Я промолчал.

Сейчас я всматриваюсь в лица ветеранов на Красной площади. Мог ли быть отец среди них? Нет, не мог: сто лет – не шутка! Я задаю себе вопросы – спрашивать-то больше некого – и как бы заново оцениваю то, что мне известно.

Вопрос: можно ли считать его подлецом и предателем за роман на фронте? Молодые люди, каждый день под огнем, в любой момент могли быть убиты, а любить-то хочется, ласки и нежности хочется, тем более среди беспощадной грубости и жестокости войны. Нет, думаю я сейчас, нельзя его осуждать, не имею права. Вспомнился эпизод из михалковского фильма, когда обгорелый юный танкист на последних минутах жизни просит такую же юную медсестру показать ему обнажённую грудь, а то умрёт, не насладившись, хотя бы взглядом, женской красотой. Многие из-за этого обвиняли великого режиссёра в пошлости, а для меня та сцена пронзительна до слёз.

Другой вопрос: достойным ли человеком был тот, кого мама выгнала, да ещё и с презрением? Он взял на себя вину близкого и пошёл на три года в лагерь, а там не пряниками потчуют. Почему он так поступил? Теперь, на остывшую за многие годы голову, понимаю: он считал, что как мужчина должен защитить женщину, тем более любимую. А за то, что, преданный той любимой, попытался вернуться к детям, разве можно презирать? Одна утрата напомнила о другой, в которой повинен уже он сам. Попытался исправить, покаяться. За покаяние и не такие грехи прощаются.

Ещё вопрос: как же он, мужчина, воин, бросил заслуженную награду, боевую медаль, спасшую ему жизнь? Но, если пришёл из лагеря с медалью, значит – дорожил ею, берёт, и, может быть, она была его главным аргументом, что он всё-таки не последний человек из живущих. Уходя, изгнанный, оставил её на память детям, а выбросила медаль как раз та, что презрела его в драном плаще и опорках, не увидевшая его покаяния. Моя мама Мария, названная при крещении именем Богородицы.

...Я смотрел на парад, на ветеранов, пил водку, думал и плакал.

Прости меня, отец!

Берега памяти

Олег Черницын

Олег Анатольевич Черницын родился 18 августа 1956 года в городе Нижний Тагил Свердловской области. Служил в Советской Армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в Органах внутренних дел. Лауреат Премии «Национальный Олимп». Печатается в журналах «Берега» и «Тобол», на порталах «Православие.RU» и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества; Минск). Переводился на азербайджанский язык. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в литературном конкурсе OEBF «Open Eurasian-2016», Лондон. Номинант Премии Российского Союза писателей «Писатель 2016». Живёт в Екатеринбурге

Иваныч

С каждым годом, а их за плечами Александра Ивановича было уже более семидесяти, его зимы становились всё длиннее и тоскливее. С детства привыкшие к физическому труду руки требовали работы тяжёлой, мужской. Рано лишившись опеки родителей, мальчишкой с краюхой хлеба за пазухой, он ушёл из родной деревни в город, в люди, и чтобы добыть себе пропитание, приходилось браться за любую работу. А какие дела могут быть у глубокого пенсионера зимой в городской двушке? Всё побелено-покрашено. Обслуживал Александр Иванович себя сам: это на предмет постирать, сходить в магазин или обед приготовить. Дети взрослые, состоявшиеся люди. Прадедом стал недавно. Правнучку обожал и часто навещал её. С трепетом носил на руках, всматривался в маленькое, ещё не сформировавшееся личико и искал что-то от себя и покойной жены. А уходя, целовал в белокурую головку, с благоговением крестил, чуть слышно шепча: «Господи! Спаси и сохрани чадо безвинное!»

И чем ближе была весна, тем маетнее становилось Александру Ивановичу. Душа просилась вон из мегаполиса на природу, в деревню, где его ждал по случаю приобретённый небольшой домик. Его бывшие хозяева давно скончались. Их дети съехали в город, и брошенный дом выживал, как мог, уже не надеясь на свою вторую жизнь. А пойдти по деревне – сколько ещё таких забытых избёнок насчитаешь: покосившихся, с заколоченными крест-накрест окнами, провалившимися крышами...

Александр Иванович частенько проводывал свой деревенский дом зимой. Не нахулиганил ли злой человек, снежок покидать да и здешним старушкам, подружкам своим, гостинцев привезти. А уж те, давно овдовевшие, были несказанно рады городскому гостю. И даже негласно соревновались меж собой за внимание своего кавалера: кто блинов с горкой напечет, кто румяный пирог приготовит, кто щи суточные изладит: по-деревенски – в чугушке да в печи! А уж стопочку поднести – это, как говорится, святое дело! И все бы на этом, так нет – эти божьи одуванчики ещё глазки строить ему умудрялись! Знали, как приветят Иваныча, так тот по теплу и помощь окажет. А дел на селе невпроворот: дров нарубить, крышу подлатать, забор поправить, огород вскопать. Да мало ли ещё чего? Про коровушек уж и не заикались. Корова – она, конечно, кормилица, но кто сено заготовит, на пастбище её, милую, выгонит? Поэтому от силы несколько старушек держали кур, а на большее уж и не замахивались.

Руки у Александра Ивановича золотые, мастеровые: чем только в своей нелёгкой жизни не пришлось заниматься. Он и по плотницкому делу мастер, и по слесарному, и в огороде знаток. Свой дом без посторонней помощи перекроил. А сколько ему за его труды односельчане здоровья по-

желали – на сотни лет, не меньше! Бывало, стоит избёнка, поди ещё при царском режиме рубленая, цвета чёрного, венцы нижние – труха, кособокая, а поколдует над ней Александр Иванович, и глядь – терем!

И вот в какой-то год позвал меня мой друг и коллега по работе Владимир, он же сын Александра Ивановича, съездить к отцу в эту деревню. Мол, два великих дела сделаем. Во-первых, поможем огород под картошку вскопать. Весна в тот год выдалась ранней и дружной: земля рано оттаяла и просила ухода. Хоть и бодрится отец, гоголем ходит, но годы берут своё, как ни крути! А ещё с Днём Победы поздравить. По телефону этого не сделать – их в деревеньке только один в сельсовете остался (сотовой связи в то время ещё и в помине не было).

С войной у Александра Ивановича, свой личный счёт: с первого чёрного её дня до счастливого последнего прошагал он по её кровавым полям. И под родным небушком, и под чужим довелось. А где-то ползком по-пластунски: служил-то он в полковой разведке. Вот и приходилось к фрицам «в гости ходить» то за языком, то за разведанными, то в засаду. Но зато в поверженном Берлине стоял простой русский солдат по имени Александр в полный свой рост, развернув во всю ширь молодецкую грудь: «Всё, отвоевался! Победа! Знай наших!»

* * *

В общем, как сговорились, так и сделали. Заранее определились с Владимиром по электричке, чтобы часов в девять утра уже быть на месте. Распределили, кто и что прикупит из съестного. Электричка оказалась полупустой. Оно и понятно: народ 9-го мая поближе к праздничному столу, к телевизору. Без труда выбрали удобные для сна места (разговоры можно было отложить на день), чтобы добрать ещё минут сорок утреннего сна. Владимир тут же закивал головой, поддавшись убаюкиванию покачивающегося вагона и размеренному перестуку его колёс. Я тоже намеревался вздремнуть, но вместо сна пришли воспоминания.

Когда я впервые осознал 9 мая как Великий День, как дату Великого праздника? К моему удивлению и восторгу чётко, словно это были воспоминания о вчерашнем дне, я увидел себя мальчишкой неполных девяти лет. И ясный солнечный, как на заказ, день 9 мая 1965 года...

Да, абсолютно верно, это было двадцатилетие Победы! Казалось, все жители города вышли на его улицы. Это был город счастливых лиц! Незнакомые люди запросто поздравляли друг друга. Из уличных колоколов-громкоговорителей гремела музыка. И, конечно же, ветераны, нарядные, радостные, с букетами цветов, хмельные от всеобщего внимания. Как много их было тогда! Помню, как завораживал перезвон их наград, как слепил глаза золотой блеск орденов и медалей. И мы, пацаны, жмурясь и открыв рты от восторга, смотрели снизу вверх на героев-фронтовиков!

– Дяденька! А это что за медаль?

– Дяденька! А за что вам её дали?

– Да не медаль это, а орден! – нарочито важно опережал ветерана кто-то из старших ребят, показывая свою осведомлённость. – И награды не дают, ими награждают!

Ветераны, приобняв нас, радушно и с охотой удовлетворяли наше любопытство, стараясь доходчиво объяснить, за что получена та или иная награда и как она называется.

– Дяденька! А подарите медальку! – какие мы были непосредственные и наивные...

Многое в то 9 мая 65-го года было впервые. Не ведали мы, мальчишки, что на груди ветеранов в их иконостасе боевых наград появилась тогда ещё первая юбилейная медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» На Красной площади в Москве был проведен парад – впервые после Парада Победы 24 июня 1945 года. И ещё – 9 мая было объявлено нерабочим днём и всенародным праздником! Гордость за страну, осознание её силы и значения на планете Земля невидимой, но крепкой нитью связывало воедино всех нас, тогдашний народ Великого Советского Союза.

В тот 1965 год произошло ещё одно событие, потрясшее меня и оставившее в моей впечатлительной детской душе глубокую зарубку. Зарубку на память. Это фильм «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма. Фильм страшный и жестокий своей правдой, который смотрели заводами, колхозами, воинскими частями, школами, семьями. Смотрели без ограничения по возрасту.

Почему в наши дни не показывают этот фильм хотя бы 9 Мая? Хотя бы один раз в два-три года? Это в далеких шестидесятых телевизор имелся не в каждой семье, и практиковался коллективный выход в кинотеатр. Но сейчас? Чтобы ещё раз отдать дань замученным и павшим, чтобы знали и помнили новые молодые поколения!

Помню, как на просмотре этого фильма замирало моё сердце, и холодело в груди от вида груды голых изможденных тел замученных узников концлагерей. До сих пор перед глазами стоит страшная картина ненасытных жерл газовых печей, дымящихся труб крематория и длинной вереницы едва живых людей. Очередь за избавлением от нечеловеческих мук?

Помню тишину в зале кинотеатра, когда сотни людей, прикованных взглядами к полотну экрана, затаив дыхание, всматривались в каждый кадр жуткой кинохроники, вслушивались в каждое слово автора фильма-разоблачения.

Помню, как через время и расстояние на меня смотрели дети: дети лагеря смерти – сквозь колючую проволоку, оторванные от матерей, в полосатых ветхих робах, с выколотыми номерами на тонких, как плети, ручонках. Смотрели молча голодными, но ещё на что-то надеявшимися огромными глазами, ввалившимися в чёрную бездну десниц...

И ещё мне вспомнился разрывающий сердце случай, произошедший в нашем городе, о котором я слышал от своих родителей. При просмотре «Обыкновенного фашизма» в одном из детей, узников концлагеря, женщина узнала своего ребёнка, потерянного ей во время войны. Была истерика, обморок, скорая помощь. Просмотр остановили. Чем закончилась эта жуткая история, я не знаю...

* * *

Дом Александра Ивановича стоял в конце улицы. Тыл дома поджимала стена мачтового соснового леса, откуда доносилась морзянка невидимого трудяги-дятла. С фасада же открывался вид достойный кисти пейзажиста. По уклону горы, словно мозаикой, рассыпаны разноцветные крыши домов и квадраты с зимы необработанных приусадебных участков. Центральной частью этого полотна был пруд. Правая его сторона, сужаясь, подбиралась к деревне, левая же растянулась на многие километры и скрывалась где-то в набирающей зелень тайге. На противоположной стороне пруда раскинулся небольшой поселок, над которым возвышался храм или, правильнее сказать, то, что от него осталось. Но даже обезглавленный и заброшенный он выглядел гордо, и в этом угадывались его тайная торжественность и непокорность. Чем он был десятки последних лет? Клубом? Складом стройматериалов? Местом мальчишеских игр в войнушку или распивочной местных пьянчужек? Реставрировать бы его, купола позолотить. Вот сказочная красота была бы, – подумалось мне тогда. Наверное, об этом же подумал и Владимир, также как и я, заворожённый великолепием открывшегося нам вида.

– Правильно мыслите! Такая красотища пропадает! Мне бы материалов да помощников с десяток, я бы эту церквушку, голубу мою, за пару месяцев поднял. Стояла бы, как невестушка, и людей своей красотой радовала!

Я вздрогнул от неожиданности – за нашими спинами стоял Александр Иванович. Щурясь, он всматривался вдаль, как художник или скульптор, изучающий и впитывающий в себя мельчайшие нюансы предмета своего интереса перед тем, как перенести его на ещё пустой холст или оживить ещё мертвый камень.

– Отец?!

– Александр Иванович! Мы вас и не слышали! Как вы так незаметно?!

Мы искренне удивились его внезапному появлению.

– А вот так! Зря я что ли всю войну прослужил в разведке!

Мы все крепко обнялись, поздравив фронтовика с праздником.

– Ну, заходите-заходите, вы тут не гости – свои! Располагайтесь, отдыхайте!

С первого взгляда была видна рука мастера, рука хозяина. Свежевыкрашенный палисадник из резного штакетника перед домом, образцовый забор вокруг усадьбы. Сам же дом требовал отдельного внимания. Ему хотелось улыбнуться: такой он был ладный и весёлый. Все в доме было сработано собственноручно Александром Ивановичем, добросовестно и с любовью. Высокий завалинок выложен диким камнем. Стены дома обиты вагонкой и пущены под лак.

Крашенные голубым двери и оконные рамы в обрамлении искусно вырезанных наличников с хитрым авторским узором и рисованными кистями красной рябины. Пушкинский золотой петушок украшал конёк заново перекрытой крыши.

– И всё сам-сам! Меня не допускал, гвоздя забить не дал! – шутя, пожаловался Владимир мне, специально погромче, чтобы услышал отец.

– Да... Старый-то дом на ладан дышал, когда я его присмотрел, – пояснил Александр Иванович. – Но ничего, потихоньку-полегоньку и ожил дом, задышал!

– Ну что, пап, командуй. «Пока желанием горим, пока сердца для чести живы...» – Владимир взял на плечо прислонённую к веранде лопату и с готовностью посмотрел на отца.

– Так я же уже сказал вам – располагайтесь и отдыхайте! Сейчас по бутербродику-другому с дороги, и в баньку! А потом отобедаем и праздник отметим!

– ?

Мы недоумённо переглянулись с Владимиром.

– Так мы же помочь тебе приехали! Сам же говорил, что огород под картошку вскопать надо!

– Да вскопал я его уже, вскопал! Вчера днём начал, а сегодня поднялся с солнышком – оно-то прямёхонько из-за пруда встаёт и мне в спальню светит – и «добил» это дело! Чего я вас ждать-то буду?!

– Пап, ты шутишь, наверное, как всегда! Не верю! Пошли на огород!

Александр Иванович, предчувствуя своё торжество, бодро пошагал впереди, увлекая нас за собой. Зайдя за дом, мы с Владимиром остановились в полной растерянности. Не шутил ветеран: перед нами лежал внушительный по размерам квадрат вскопанной земли, где уже бойко хозяйничали юркие пичуги, добывая потревоженных жучков и червей.

– Вот так-то, сынки! Подвижное-то оно в подвижном! Отдохну с вами маленько и соседкам ещё подсоблю!

Да уж... Вот оно деревенское начало! «Богатыри – не мы!» – подумал я тогда, позволив себе несколько исказить известное лермонтовское изречение.

Владимир попытался пожурить отца за такой трудовой героизм, но был тут же категорически остановлен им:

– Так, разговорчики в строю! Быстро перекус и в баню – заждалась уже, голуба моя!

* * *

Баню Александр Иванович срубил тоже сам. Как и положено на деревне – небольшую, уютную, сложенную в «лапу» на мох, с печкой-каменкой.

От Владимира я знал, что Александр Иванович слыл знатным парильщиком. Парился по два, а то и три раза в неделю и основательно, до десяти заходов!

– Александр Иванович! А при какой температуре паритесь? – поинтересовался я у «профи», и тут же был удостоен такого уничтожающего взгляда, что пожалел о вопросе.

– Это у вас, городских изнеженных, термометры да гигрометры! А у нас, деревенских, топят, пока уши трубочкой не свернутся. У нас всё по-простому, без вычурности. Вот был я давеча у одного тутошнего дачника-нувориша, просил он совета у меня по бане, что и как? Да вон его гамазина стоит у пруда! Вы проходили мимо, когда поднимались.

Действительно, нельзя было не заметить четырехэтажный монстр-новодел красного кирпича без каких-либо архитектурных фантазий. Дом фасадом выходил на пруд, на противоположном берегу которого стоял облюбованный нами храм, который даже в полуразрушенном плачевном состоянии давал фору в изяществе и красоте этому безвкунному современному творению.

– Так вот баня у этого деятеля, – продолжил Александр Иванович, – поболее моего дома будет: с баром, бильярдной и ... библиотекой! Это вдруг Александра Сергеевича почитать с жару захочется или со Львом Николаевичем партейку разыграть. Но главное, парилка там – человек на двадцать, хоть взвод на помывку заводи!

– И что посоветовали?

– Что посоветовал?.. Посоветовал бульдозер подогнать и снести это горе-зодчество к чертям собачьим! Обиделся паренек на меня. Сейчас стороной обходит, чтобы, значит, не здороваться.

Александр Иванович усмехнулся по-доброму и посмотрел в сторону дома-гиганта.

– Надо будет зайти помириться. Мне, конечно, его денег не жалко: по приходу и расход. Но то, что баньку души лишил, идею извратил – нехорошо!

И что, казалось бы, старику так огорчаться? Его дело стороннее! А вот как переживает, словно живое существо покалечили!

– А это дело оставь, захочется – после бани примете. – Александр Иванович указал на несколько банок с пивом в руках Владимира. – В моей баньке только чаёк в почёте, край, квасок! Выбирайте, кому что по душе будет: чабрец, зверобой, душица, мята. А здесь сбор травяной или, по-вашему, по-современному, микс, значит.

Александр Иванович с любовью продемонстрировал подписанные им баночки, рядом стоящие с пузатым самоваром на резной полке. Она тоже вышла из-под его мастерской руки. Нельзя было не заметить продуманность устройства небольшого предбанника: полки, небольшой стол, скамейки были закреплены на стенах и поднимались или опускались при необходимости.

– Ну, молодежь, заходи по одному, проверю вас, кто сколько стоит!

Раздевшись, Александр Иванович взял два пахучих берёзовых веника и угрожающе потряс ими перед нами:

– Ну, кто смелый?!

Я невольно поразился телу этого лишь по годам пожилого человека с юношески рельефной мускулатурой, без лишнего грамма жира и с прошлогодним загаром:

– Александр Иванович! Да вас для глянцевого журналов снимать можно! – попытался пошутить я с нескрываемым восхищением. – И как вам это удается?

– А мой рецепт простой: «Поменьше мучного, побольше ночного!» – ловко отшутился Иваныч.

Мы с Владимиром многозначительно переглянулись. Вот уж действительно: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок».

Уже на третьем заходе в парилку мне казалось, что душа покинула меня, оставив брэнное тело на верхнем полке этой деревенской бани. Зато Александр Иванович без усталости поддавал пару ещё и ещё, нахлестывал меня фирменными веничками:

– Мелюзга пузатая! Мужское племя позорите! За что вас только девки любят?

– Поцади, Иваныч! Инквизитор! – умолял я нашего банщика, пытаюсь сползти с полка и скрыться от экзекуции.

– Терпи, казак, атаманом будешь! Всю хворобу, всю дурь из вас выбью!

Добравшись до своего любимого занятия, Александр Иваныч колдовал надо мной веничками, о самоличной заготовке которых он предварительно прочитал нам настоящую лекцию: где и когда их следует резать, как сушить и запаривать. Ловко загребая пар откуда-то из-под потолка парилки, он гонял его веничками вдоль уже не принадлежащего мне тела, искусно обволакивая его волнами горячего воздуха. Затем проминал спину через их раскалённую листву, словно промокал покидающую меня хворь и другую нечисть, втирая в очищенное тело волшебный эликсир берёзовых рощ.

– Свободен, сачок! Зови следующего! – Александр Иванович с отяжкой от души одарил меня напоследок похудевшим веником по мягкому месту.

– Тебя на ковер требуют! – на выдохе, пулей пролетая через предбанник, я передал команду Владимиру. Вырвавшись на свободу, зачерпнул ведром холодной воды, загодя приготовленной в стоящей у бани бочке. И, прокричав куда-то в небо: «Господи, благослови!» – я обреченно опрокинул его на себя... Сердце моё на секунду остановилось, дыхание перехватило. Глубокий вдох, и душа вновь вернулась в очищенное тело!

Владимир не потянул третий «поход» в парилку, за что был обруган отцом слабаком и филоном. Грузный телом, в маму, он вполне довольствовался двумя заходами в отцовское «чистилище». Степенно баловал себя ароматным чаем и упивался негой, уютно укутавшись в махровый халат. Медленно спускаясь с седьмого неба, я с удовольствием присоединился к нему. Чай продолжил начатое в парилке колдовство, разгоняя по телу неопишное блаженство и восстанавливая силы, оставленные на полке.

Сольный заход Иваныча в парилку длился минут пятнадцать – двадцать. Любил он это дело и относился к нему также добросовестно, как и ко всему другому, за что брался. Чего мы только

с Владимиром не слышали сквозь взрывы воды, подбрасываемой им на раскалённые камни печи и хлёсткие шлепки веников! И куплеты о гордом «Варяге», не сдающемся врагу, и про пионеров, которые дети рабочих, и про хана Булата, чья сакля бедна. И еще множество присказок и поговорок между сотнями «Ах!», «Ух!» и «Ох!» Многое, кроме сквернословия, которого Александр Иванович не употреблял сам и не терпел от окружающих.

На половине моего третьего стакана чая дверь парилки распахнулась, и вместе с волной жара и ароматом распаренных веников оттуда вывалился наш бравый ветеран – счастливейший из счастливых! Его очищенные лёгкие, как кузнечные меха, жадно поглощали литры свежего воздуха. Горящее тело, густо покрытое берёзовой листвой, испаряло клубы пара.

Высочив из бани, он трижды перекрестился и, прошептав что-то, вылил на себя три ведра ледяной воды. Казалось, что раскаленное тело должно было бы треснуть и расколоться на мелкие кусочки, как фарфоровая статуэтка, но оно с честью выдержало это испытание, вобрав живительную силу огня, пара и воды. Наперед скажу, что таких знатных парильщиков в своей жизни я более не встречал...

* * *

Стол, по нашим городским понятиям, был накрыт Александром Ивановичем изысканно и споро. Как заправский фокусник, он в мгновение ока украсил его деревенскими деликатесами, конечно же, собственного производства. Даже при жизни ныне покойной жены домашними заготовками занимался он лично, видя в этом наслаждение и некое искусство.

– Вовка! Кыш от стола! – любящий во всем порядок и организованность, прикрикнул Александр Иванович на сына.

Но было уже поздно, симпатичный огурчик с хрустом исчез во рту Владимира. А стол действительно зачаровывал и манил. Солёные огурчики один к одному, в пупырышках, будто продрогли, дожидаясь в подполе своего выхода в свет. Хрустели они так, что казалось, было слышно в соседнем дворе. В одной компании с ними красовались ядрёные маринованные помидорчики, в любую секунду готовые взорваться своим соком. Калиброванные груздочки, рыжики и маслята соперничали своей красотой и словно шептали: «Выбери меня! Выбери меня!» Но безусловной королевой стола была сваренная в чугушке картошечка, белоснежная и рассыпчатая...

Привезённые нами сырокопчёная колбаса, янтарный балык, шпроты и икра были чужаками среди этого местного деревенского сообщества.

– Пап, а как у вас здесь выборы губернатора прошли? За кого пенсионеры голосовали? – Владимир «дохрумывал» второй сташенный огурчик, пока Александр Иванович завершал сервировку стола.

– Да как прошли? Организованно, с музыкой и песнями. – Александр Иванович намеренно сделал ударение на «я». – Мы ведь, старики, ещё при Иосифе Виссарионовиче приучены всем народом голосовать. Как тогда говорили: «Единым блоком коммунистов и беспартийных». И нынче проголосовали дружно. Сговорились с нашими старушенциями и голосовали за нынешнего губернатора, дай Бог ему здоровья!

– Почему ж за него, а не за других кандидатов?

– А он на гармошке хорошо играет! Давеча по телевизору показывали.

– ?

Да уж, точно сказано Федором Ивановичем Тютчевым: «Умом Россию не понять! Аршином общим не измерить...»

Накрыв на стол, Александр Иванович удалился из комнаты и вернулся через минуту-другую. На его пиджаке сияло с десятков орденов и медалей, чей блеск отражался в счастливых глазах ветерана. Мы с Владимиром, как замороженные, смотрели на него и любовались героем-фронтовиком. Какой же красивый он был, вдруг помолодевший, подтянутый, праздничный! Видя наш нескрываемый восторг, Александр Иванович позволил себе чуть попозировать, превратив это в шутку: «Я не тщеславный, но тщеславие мне не чуждо!..»

Дав себя сфотографировать, Иваныч объявил о закрытии торжественной фотосессии и набросил пиджак на спинку стула.

– Ну что, сынки, спасибо, что приехали старику помочь и с праздником поздравить! – Александр Иванович налил по первой из запотевшей, обжигающей холодом бутылки. – День сегодня святой. Сколько же, вдуматься, людей наших погибли на фронтах, в концлагерях и в тылу?! Сердце разрывается... Сколько семей резануло по живому?! Как просмотрели, как допустили?! Помирать буду – не пойму и не прощу! Всё вынес, всё выдюжил народ наш великий, победитель и освободитель! За него давайте и выпьем! С праздником! С нашим великим праздником!

Выпили стоя, поздравив и расцеловав ветерана.

– Ешьте, ребятки, ешьте! Всё своё, без нитратов разных и пестицидов! Ведь у нас разведчиков поесть – дело не последнее! Это в пехоте перед атакой есть не полагается.

– ?

– Да потому, что какому бедолаге полный желудок пуля прошьёт, или осколок вспорет, гибель неминуемая! Или там же на поле боя помрёшь, или в операционной – так это ещё, если тебя девчушка-санитарка найдет, или бойцы-товарищи дотащат. А мы, разведка, сытыми под завязку на задание уходили. Кто знает, когда еще подзаправиться удастся?

Со мной на эту тему случай был. Возвращаемся с задания – вымотанные, но довольные. Приказ выполнили, да ещё с первого раза, а это не всегда получается! Тут фрицы нас и обнаружили да как давай минами сыпать! От всей души окучивали! Страшное это дело, ребяташки! Летит она, окаянная, завывает, а где шлёпнется, одному чёрту известно. И вот слышу – летит! Печёнкой почувствовал: моя... конец! Внутри всё так и опустилось! И только хотел глаза закрыть, смертушку свою встретить, как словно земля передо мной расступилась – воронка! Огромная такая, глубокая. От бомбы, видимо, авиация работала. Я кубарем туда, а товарищ мой, тезка – Александр, не успел...

Александр Иванович на минуту замолчал, перевел дыхание:

– Когда пришел в себя – отдышался, глаза протер, уши продул. Затащил, значит, я Сашка в воронку, а у него живот распорот осколком от мины, и кишки по земле, а из кишок... Скалитесь Сашок от боли, стонет, слёзы ручьем и внутренности руками опять в живот запикивает... А потом вдруг улыбнулся и процедил чуть слышно сквозь зубы: «Я добро своё не кину...» Так с улыбкой и представился, родимый. Обнял я его, поцеловал по-братски, перекрестил, сам перекрестился и к нашим, донесение нужно было передать срочно, хоть кровь из носу!

Ох, сколько же я товарищей своих боевых вот так, закрывши им глаза, оставил на той стороне! А сколько сам в землицу проводил...

* * *

Часы-ходики отсчитывали секунды весны, заполняя комнату своим перестуком, даря ощущение домашнего спокойствия и уюта. В открытое окно задувал шальной ветерок, несущий ароматы ближнего леса и бойкий пересвист беспокойных пичуг. Мы с Владимиром молча и с искренним сопереживанием смотрели на Александра Ивановича, поникшего под бременем тяжёлых воспоминаний. Сквозь набежавшие слезы он всматривался куда-то в окно, будто там вот-вот должны показаться лица дорогих ему погибших фронтовых друзей...

Выпили по второй, стоя, не чокаясь, за погибших.

– Александр Иванович, а как вы в разведку попали? – поинтересовался я.

– Вот так и попал: не думал-не гадал. Я ведь в пехоте воевать начал: «Эй, пехота! Прошёл сто верст, ещё охота!» Да... А случилось это в аккурат после моего первого боя. Вызвали меня к командиру батальона. Я ещё после боя толком не отошёл, а тут такое дело! У меня мысли разные: что к чему, зачем? За что? А как комбат мне руку пожал, так у меня сразу и отлегло на душе. «Ты, – и по имени-отчеству меня, молодого, – говорят, бился смело, физподготовку хорошую имеешь и приёмами владеешь. Так что собирайся и дуй в подразделение разведчиков, там уже в курсе». А я действительно перед войной самбо увлекался, и силушкой меня Бог не обидел. Гирей и сейчас перекрещусь. Вот так и стал разведчиком. Без малого четыре года в разведке повоевать пришлось, под самую завязку. Сколько раз на задание с товарищами ходили и не сосчитать уже: и за языком, и дислокацию фрицев изучить, и сколько у них чего из техники имеется. И, бывало, в глубоком тылу у немца гостили. Туда-то потихоньку, «на цыпочках», а обратно и с боями вырываться приходилось. Со стороны кажется, что разведка – элита. Сходил на задание, туда-сюда, и награду получай! А на деле-то не так выходит! К концу войны наша разведрота более чем на две трети обновилась!

Бывало, уходит группа в пять-шесть человек, а возвращаются двое-трое, а то и один... А случалось, что и все погибали...

А ну, ребятки, давайте по третьей! Как говорится: «Без троицы и изба не строится!» А тут такое дело – праздник великий, всенародный! Потому, как всем досталось, всем лиха хватило: и в тылу, и на фронте. И генералам, и нашему брату-солдату! За народ наш советский, за народ наш великий и поднимем по полной!

Встав, ещё раз поздравили друг друга, дружно и с чувством опустошили стопки.

– Александр Иванович! – скоро закусив, обратился я к отставному солдату. – Вот сколько книг о войне прочитал, фильмов документальных и художественных пересмотрел, а никак не могу представить, как это пойти на таран, закрыть собой амбразуру ДЗОТа? В здравом уме подняться в атаку под пули, на верную смерть? Ведь, если откровенно, это же противоестественно для нормального человека с его природным чувством самосохранения? Что это – бесстрашие, запредельная ненависть, принуждение? Что?..

Александр Иванович одарил меня глубоким тяжелым взглядом, таким, что мне стало не по себе, и я пожалел о заданном вопросе. Он как будто осунулся, морщины на лбу и вокруг глаз стали чётче, на скулах обозначились желваки. Долгой нам показалась минута его раздумий!

– Трудный вопрос, ребятки мои дорогие, очень трудный! И не просто ответить на него с кондачка. И чтобы честно, не как с трибуны пионерского слёта: без пафоса и высоких слов о любви к Родине! Я ведь в штыковую только один раз и ходил, до разведки. Высотку мы брали. Но и этого раза на всю жизнь хватило. Я из того боя до сих пор не вернулся...

Конечно, страшное это дело – из окопа выскочить! Руки-ноги не твои, словно ватные. Виски, того и жди, что разорвутся. Сердце, как бешеное, колотится! Не наркомовские бы сто грамм, совсем туго было бы! Так вот, как сейчас помню, взводный наш, младший лейтенант, по окопу мечется, волнуется. Молодой, года на два старше меня был. Только окончил ускоренные курсы младшего комсостава, и бой этот у него также первый. Сам, родимый, бледнющий, губу прикусывает. И всё на свои часы смотрит – время начала атаки не проспять! А дело это серьёзное – трибунал за задержку! «Вы уж, – говорит нам, солдатам, – простите меня, если что. И не подведите меня, пожалуйста...» И смех, и грех, право! Даже я, юнец не обстрелянный, и то сквозь дрожь свою подлюю в рукав улыбнулся. И так захотелось мне подойти к нему, обнять, расцеловать по-братски! А кто-то из бойцов, который уже порошу понюхал-повоевал, и говорит ему не по уставу, конечно, по-человечески, душевно: «Не дрейфь, лейтенант, не подведём, дружно поднимемся! Сам не подкачай! А прощать – не прощать после боя решим!»

Не подкачал взводный! Как время подошло, глаза закрыл, прошептал что-то, пистолет из кобуры, и – вон из окопа! «В атаку-у-у!» – первым из нас пошёл, красиво...

Тут в головушке моей перевернулось всё: день ли, ночь? Лезу на бруствер, а тело к землематушке так и тянет: упал бы здесь же и лежал всю жизнь! Все, о чём помполит наставлял перед боем, советы бойцов бывалых, кто ты и зачем здесь, всё из головы вмиг выветрилось! А слева-справа народ из окопа высыпает, штыки к винтовкам примыкает. И лейтенант наш впереди уже, рука с пистолетом вверх и кричит на весь белый свет: «За Родину! За Сталина!» Агитплакат во время войны был, так точь-в-точь с нашего взводного срисованный!

Знали бы вы, ребятки, как тошно и стыдно мне стало за трусость свою! Когда всего лишь на долю секунды я представил себя после боя в кругу судящих меня товарищей, которым я и не товарищ более, а трус и предатель! И правильное их решение по законам военного времени: расстрелять Сашку-подлеца к чёртовой матери!

И вот отталкиваюсь я, значит, но встать в полный рост – никак! Но, главное, переборол себя, сделал первый шаг! Так и бежал сначала полубоком, полусогнутый! В глазах всё как застыло: вырванные взрывами земляные столбы, почерневшее небо, чьи-то спины, лейтенант. В голове звон, треск – то с одной стороны снаряд рванёт, то с другой! А впереди с высоты, вспышки, вспышки, вспышки! Это немчура пулемётным да автоматным огнём нас встречает, как косой косит! Пули свистят, ввек такого пересвиста не забудешь! То слева слышу, стайкой шальной пролетели, то справа очередь, аж ветерком щёку приласкала! А то прямо перед тобой землю вспашут! Бегу, ошалевший, и жду: «Ну, где же ты, моя окаянная? Куда угодишь? В лицо? В грудь?» Бегу и жмурюсь – страшно! И как меж двух пружин: одна вперед толкает всё сильнее и сильнее, а другая

в грудь давит, ходу не дает! Но отпускает, отпускает помаленьку, слабеет... А потом вдруг в тебе как переворачивается что-то! Заглатываешь воздух полной грудью, взхлёб, а он горький от пороха, на зубах скрипит! И цепь, которой ты был прикован к своему окопчику, рвётся, как тонкая нить! Голова становится ясная, ты встаёшь в полный рост и...

Я слушал рассказ ветерана, его исповедь, и на секунду представил себя рядом с ним... Меня передернуло, волна озноба пробежала по спине. Владимир, нахмурившись, сжимал пальцы рук и, судя по всему, переживал то же самое. Александр же Иванович смотрел куда-то мимо нас, и казалось, рассказывал всё это не нам, а самому себе. Может быть, впервые, а может, в сотый раз, не таясь своих человеческих чувств и не стыдясь за себя... Налив в свою стопку водки на плоток, выпил, не закусывая, и о чем-то глубоко задумался. Прошло какое-то время, прежде чем он вновь вернулся к нам и продолжил рассказ, будто и не прерывал его:

– ...и кричишь! Бежишь и кричишь, тупо уставившись в одну из огненных точек, плюющую в тебя металлом! И даже не кричишь, а орёшь! На всю вселенную! Во всю глотку! Так, что всё утро твоё того и гляди выскочит наружу: «Ура! Ура-а-а!!!» И такая, ребяташки, злоба охватывает тебя, такая ненависть к этой немчуре проклятой! Какого хрена припёрлись сюда?! Кто звал?! На мою страну руку поганую подняли! На Родину мою! Чтобы я в свои двадцать неполных годков, не пожив толком, девчонок не целовавший, смерть от вас принял, ироды окаянные?! Чёрта вам лысого! Щас мы вам покажем, кто тут хозяин, мать-перемать вашу!

И уже не бежишь, а рвёшься вперёд! Обречённый на верную смерть, но сделавший этот выбор осознанно: выбор между «вперёд!» или «назад!» Рвёшься, как заворожённый! И уже не прячешься за спины товарищей и собственный крик, а бежишь молча, до хруста сжав зубы! Через воронки, через тела солдат наших павших! И взрывы тебе – не взрывы, пули – не пули, смерть – не смерть! Сливаешься с этим неземным хаосом и уже не осознаёшь, кто ты, что это и почему это? Почему лейтенант встал, как вкопанный? Будто наткнулся на невидимую стену и сползал по ней, ломая ногти! Почему Тарас Сушко, здоровяк и весельчак из Полтавы, рухнул на колени? Почему кричал он и куда подевались его руки? Одно было в моей голове: «Только бы добежать до этого чёртового окопа! Только бы добежать! А там, держитесь, гады!»

Наш рассказчик перевёл дыхание и вытер со лба выступившую испарину.

– Слава Богу, дотянулся я всё-таки до их окопа! Их окопа на нашей земле! Долго же был путь до него, ох, как долго!

И вот они – фрицы! Зверьё в человеческом облики! Я-то их вблизи впервые видел. И вдруг – стоп! Будто в стену прозрачную врезался, как взводный мой, и сквозь неё в меня целится кто-то. Время, сынки мои, остановилось, кровь в жилушках застыла! «Всё! – пронеслось в голове. – Уж это точно конец!» А фашистюга тот автомат к груди подобрал, на меня навёл и смотрит глаза в глаза через прицел. Он-то в окопе, а я наверху ещё. То ли рассматривал меня, то ли еще что, только эта секунда мне вечностью показалась! А потом вдруг вздрогнул он, глаза закатил и осел. Срезал его старшина наш. Финскую прошёл и на этой войне не в одну атаку хаживал. Ох, и окрестил же он меня тогда по нашей российской матушке! Коротко, но с душой! До сих пор свечку за него ставлю!

А потом опять всё, как в угаре. Только и помню – крики, мат, кровь... Но страха уже не было, как рукой сняло! Только злоба звериная! С нашими-то винтовками в окопе никуда – штыку простор нужен! Так мы, кто штык отомкнул, кто сапёрную лопатку долой с ремня, а у кого ножи были, наши или финки трофейные – и вперёд! Вспомнить страшно, как сотни здоровых мужиков рубили, резали, душили друг друга... Только каски звенели да кости трещали! Тут-то силушка и довоенные тренировки мне и пригодились! Вот такие и были у меня боевые «крестины». Вот и решайте сами – как оно на самом деле выходит...

Все молчали. Мы с Владимиром смотрели на Александра Ивановича и, наверное, думали об одном и том же: «Из какого металла отлиты наши отцы? Какую нечеловеческую силушку, физическую и духовную, надо иметь, чтобы пройти всё это? А смог бы я?»

Александр Иванович словно прочёл наши мысли и продолжил:

– А коли, сынки мои, у нас с вами разговор по душам получился, скажу вам ещё что. Если бы не Господь, – ветеран перекрестился на иконы в углу комнаты, – не дошёл бы я до Берлина! Я же с

молитвой вставал, ел-пил с ней и на задания уходил. И крестным знаменем себя осенял: то тайно, шинелькой укрывшись, а то и прямо в строю, незаметно. Хоть пупок, но перекрещу! Был у меня поначалу и крестик. Носить его не носил, но хранил, сколько мог. Но как попал в разведку, изъяли его отцы-командиры. Во-первых, какие могли быть крестики в Красной армии! Во-вторых, мы ведь на ту сторону «чистыми» ходили: без документов и наград, без фотографий и писем из дома. Зато сейчас он всегда при мне, защитник мой!

Александр Иванович трепетно поцеловал свой нательный оловянный крестик. Затем, усмехнувшись, продолжил:

– Жизнь-то – она штука хитрая! Бывало, возвращаешься с задания, поспешишь, обнаружишь себя, ну, фриц и давай из минометов окучивать – провожать, значит. Жуть! Тут уж, партийный-беспартийный, валимся вповалку и давай Бога вспоминать! В крик! Кстати, я недавно шутку меткую по этому поводу слышал, что атеизм – он ведь до первой тряски в самолёте! Вот ведь, братцы, какой коленкор получается!..

Наполнив стопки, мы с Владимиром встали.

– За тебя, отец, за подвиг твой, за то, что жив остался!

– За вас, Александр Иванович! За Победу! До гробовой доски вам обязаны!

Александр Иванович встал по стойке смирно, в глазах блеснула искра, плечи развернулись, тело напряглось и казалось, будет команда – вновь пойдет в бой бывший разведчик!

– Спасибо, родные! Не за меня – за солдатшек наших, за народ наш советский давайте поднимем! За тех, кто смерть за нас принял и до светлых дней этих не дожил!

* * *

Долго мы ещё сидели за нашим праздничным столом: хорошо, по-семейному. О здоровье говорили, о проблемах деревенских да городских, и, как водится, о государственных делах посудачили. Ведь как там без нас разберутся – что и как? И ещё бы говорили и говорили, если бы не ранний подъём и не радушный приём: то Владимир, то я начали кивать носами, проваливаясь в сон, что не ускользнуло от отцовского глаза:

– А сейчас, сынки, давайте-ка поспите! Это после баньки да стопочки самое милое дело!

Не сразу удалось мне уснуть – не отпускал рассказ фронтовика.

...А потом вдруг оказалось, что мы с Владимиром и его молодым отцом рядом в глинистом сыром окопе. Вместе, крича и задыхаясь, бежим под вражеским огнём: «Ура-а-а!» Вот и безымянный лейтенант: не бежит – летит впереди нас, словно архангел! И Тарас Сушко рядом с ним... И опять «Ура-а-а!» Вражеский окоп. Немцы огромные, каски с рогами! Схватка жестокая, беспощадная... Дед мой, тоже воевавший, Фёдор Артемьевич, и тоже молодой! А он-то как здесь? Прикрывает меня короткими очередями. И вдруг тишина... Победа? Победа!

Полуденная дрема окончательно овладела мной. И я уснул, по-детски совершенно счастливый: мы с Володькой, Александр Иванович, лейтенант, Тарас Сушко, мой дед и все-все наши остались живы и невредимы! Слава тебе, Господи! Слава вам, дорогие мои старики!

Берега молодых

Сергей Цей

Сергей Русланович Цей – заведующий кафедрой филологии МАОУ лицея № 17, город Калининград

ЗВЁЗДНЫЙ ВЕТЕР

Год за годом двадцать лет
Мальчик, стоя на балконе,
Ждёт единственный ответ,
Руки вытянув в поклоне.

Вот уж пыль засеребрилась,
Иссинь чёрная метёт,
И на твердь людей спустился
Тот, что век со мной бредёт.

Кто ты, гость мой долгожданный?
Что принёс ты мне со звёзд?
Вопреки чему туманный
Строишь призрачный помост?

Как знакома эта грива!
И бесстрашный глаз коня!
Где же был ты мой, ретивый,
Весь исполненный огня?

Ветер Звёздный, Аватар,
Парень ждал тебя, маня.
Пробил час! Возьми в пожар,
Дай пожить судьбой огня!

ЧЁРНЫЙ БОГ

Чёрный Бог! Разложи мне все карты,
Разомкнись над неверием крыш.
Обезумят в колоде солдаты,
Как проклятье за то, что не спишь.

Сонный город на лезвии смерти,
Сонный город пытается быть.
Мы не боги, мы чёртовы дети,
Будто овцы на волчью състь.

Чёрный бог разложил мне все карты,
Волчий глаз разгорелся во мгле.
Хищник в сердце ночном и на старте
Шепчет мне: «Parade... allé!»

ПУТЬ

Я книгу открою на новой странице –
Пусть вьюги прогонят ветрами людей,
Пусть всё, что увижу, скорее случится,
И звёзды подскажут тот путь, что светлей.

Собака у ног засопела привычно,
Привычно надел свитер чёрный и вдруг...
Ротонда золотая и отблеск кирпичный
В забралах играют под грохот кольчуг...

Ночами не спится ни стенам, ни людям,
И мне не заснуть до конца этих глав...
Прогоркло и больно, что путь мой так скуден,
Но сладко уснуть, свою сущность познав.

КАЛИНА

Верной россыпью калина
Мчит сентябрь по земле.
Даже сладко, что отныне
Память больше не во мне.

Горечь больше не печалит,
Осень листья не кружит ...
Слово, камень уж не ранят,
Крест любовь мою хранит.

Мой металл в душе отныне
Сам живёт. А я молчу.
Тот металл всё шьёт калине
Злато-пряную парчу...

НАД ЛЕСОМ НОЧЬ ВЗМАХНЁТ КРЫЛОМ

Над лесом ночь взмахнёт крылом,
Таким булгаковским и нежным.
Шепнёт ветрами тихо мне:
«Прожить тебе на свете грешным...».

Возьму рюкзак, ржаного хлеба,
И компас... Только вот зачем?
Пусть путь проложат иссинь неба
И твердо сжатый мной тотем.

Спешу к тебе, мой друг ночной,
Тебе несю ржаного дать!
Твоей вперёд пойду тропой,
А звёзды выстелют кровать...

В НОЧИ

Как страшно вновь глаза открыть...
Мне лунный свет всего дороже.
Как просто взять да всё забыть,
Не рубцевать по детской коже.

Глаза в глаза. Я так боюсь,
Что завтра снова умирать.
Но я готов, в ночи клянусь,
Души твоей не потерять.

Уже так поздно. Голос твой
Тревожно жажду в тишине.
Твой образ прямо предо мной,
А холод хлещет по спине...

Берега молодых

Наталья Алейникова

Алейникова Наталья Алексеевна родилась на Полесье (Республика Беларусь), живёт в Минске. Поэт, художник. Окончила факультет прикладной психологии Белорусского Государственного Педагогического Университета им. М. Танка. Стихи опубликованы в журналах «Нёман», «Маладось», еженедельнике «Літаратура і Мастацтва», газетах «Гомельская правда» и «Маяк Палесся», коллективном сборнике «Мы – Маладыя».

В 2018 году, написанная на белорусском и русском языках, издана первая авторская книга поэзии и живописи «Ажыццяўляюся табою» («Осуществляюсь тобою») в серии Минского городского отделения Союза писателей Беларуси.

* * *

Проснулся день!
Вступая в полномочья,
он побежал мальчишкой по столетию.
И яркий Свет открыл небес замок.
И гонит солнце тень златою плетью.
Боишься тень, луч наступил на пятки:
«А-ту, её!.. а-ту!.. а-ту!.. а-ту!..».
А в час луны, она играет в прятки,
ныряя серой кляксой в темноту.

Закатами, рассветами любуюсь...
Что наша жизнь? – фортуны бравый фант.
Перед уроками, как должно быть, волнуясь,
что первоклассница, судьба завяжет бант,
и тянет руку первой отвечать.
Как знать о том заранее, как знать...
На тройку, аль пятёрку, аль десятку;
экзамен будет устно иль в тетрадку;
а всё одно – ответ тебе держать.
И нам ли, миром всем, не знать
каноны праведного века? –
где мир¹ – в том мудрость человека.

* * *

*Медной грязью сельские дороги
расписала Осень золотая,
в глину золочёную рыдая...*

Ветер погоняет старый пепел,
листья покрываются дождём...
Будет день ещё великолепен, будет!
Непогоду переждём.

Листопад ворвётся ностальгией,
«бабье лето» паутинкой в дверь...
Наступают времена благие.
Осень, не капризничай теперь.
Выплакав взъерошенную душу
без смущенья, прихотям взамен,
пожелание моё и ты послушай, –
вызолоти рваный гобелен!

* * *

Свет прощенья да доброе дело
ты старайся всё время нести,
чтобы главное уцелело,
чтобы главное в жизни твоей
удалось донести до людей.

* * *

...Вы знаете, очень важно
наследникам мир передать,
и это без саботажа
народы должны соблюдать.

* * *

Рассвет бежит в озёрную волну.
Зарянка стебелёк качает.
Кудлатый лес зелёную копну
встряхнул. Мир утро новое встречает!..

И я встречаю этот новый день,
встречаю, затаив дыханье –
где ещё так красиво утро, где?
В ответ воды озёрной колыханье...

¹ Мир – в значении – жить в согласии. *Примечание автора.*

Рассвет бежит в озёрную волну.
Зарянка стебелёк качает.
Кудлатый лес зелёную копну
встряхнул. Поэта Мир встречает!..

* * *

Теперь, когда сады пусты,
осенний дождь тропинки заливает,
его, с избытком чистоты,
гонимого разлукой, вспоминаю...

* * *

Живу одна – в душе с тобой;
поэзию слагаю.
И поздней осени порой
о многом вспоминаю...
...И скулы ревности твои
я вспоминаю тоже,
но всё же... Бархатцы¹ цвели
в аллеях бездорожья...

* * *

Да, между нами решено.
И лишь душа с тех пор тоскует.
В садах прохладный ветер дует.
С тобой он, видно, заодно?
Накрапывает мелкий дождь.
А я всё жду, что ты придёшь,
как прежде...

Я ВСПОМНИЛА О ТЕБЕ

...Я вспомнила о тебе.
Яркой Лирой
сверкнули глаза поэтессы.
И высь чудотворной палитрой
в ночь звёздную
пишет мне тексты.
И я предалась размышленьям,
и взгляд устремила вдаль,
и звёзды,
небес украшенья,
смягчили
мою печаль.

Хотелось бы верить –
ты тоже

¹ Бархатцы – цветы, символизирующие верность.
Примечание автора.

сейчас на созвездья глядишь
и мысли наши
похожи...

* * *

Цветок акации полнее дышит утром!²
Идёт по маю ранняя гроза
за городом... Встречаюсь с давним другом.
И пляшет молния, что егоза...
...Хоть искра ненадолго. Но мгновенье
наполнит чувством то, что отреклось.
В весенней истине ёсть сила проявленья.
А в нас есть то,
что так и не сбылось.

* * *

В тихой заводи, вереск³ сорвав,
провожаю я клин журавлиный.
...Вытру слёзы. Увы.
Прав, не прав, –
всё равно, если чувств нет взаимных.
Обманул он меня. Что же, пусть.
Для него я была просто гостья.
И от этого тихая грусть.
Не гоню я её, слышишь, осень?!
Не гоню...
Должно время пройти.
Должно выстрадать это прощанье.
Должно сил для полёта найти,
хоть душа не даёт обещанья
мне не думать,
не думать
о нём
день за днём.

* * *

Мне было хорошо с тобой, любимый.
Плескали чувства через край по волнам.
Лишь ветром одинокий лист гонимый
кружил над летом бархатным фривольно.

Мне было хорошо. Ещё так будет?!
«Ещё так бу-у-удет...» – Эхо повторило.
Корабль новый по-морю прибудет.
Сильнее бы душа заговорила...

² В мае цветок акации сильнее пахнет утром – к грозе.
Народная примета. *Примечание автора.*

³ По древним поверьям из вереска девушка плела венок и дарила парню в том случае, если отношения у них не складывались. *Примечание автора.*

* * *

...В мыслях о Малой Родине

О, Нимфа рощ,
купаешь стопы
с зарёй
в серебряной росе,
и трелью соловьиной тропы
украшив звонко по весне,
прохлады ищешь
в лоне грота,
где бьёт источник ключевой,
где мох,
брусничник у болота,
там золотится волос твой
тенетами
промеж деревьев,
как колдовские кружева,
свисая густо
до кореньев
сосны пушистой
подле рва,
за коим
Днепр широкий
в воле...

Подует
ветер свежий:
«Гу-у...».
И вижу –
аист ходит
в поле,
там,
на далёком
берегу...

* * *

Окрепли с зеленью кусты!
В саду – живительная свежесть,
вдыхаю яблони цветы –
меня переполняет нежность –
тогда вокруг мир расцветает,
рассудок вдохновенье держит,
душа Поэзию слагает...
Но появилось ощущение,
что Вечность этой красоты,
не что иное, как мгновенье...
...Мгновенье близок был и ты.
Слетают с дерева цветы.
Я не волнуюсь.
Иду по мягким лепесткам,
любуюсь...

ПОЮЩИЙ КАМИН

Язык пламени вычертил след,
береста на дровах, затрещав, обгорела.
На колени набросила я тёплый плед.
И на золото искр посмотрела...

Что ж, советчик рубиновый мой,
греешь душу, огонь краснощёкий,
я к тебе обратилась под полной луной
рассказать про свой час одинокий.

И чуть вечер, к теплу устремляюсь,
забывая о мире насущном,
в пылком жаре страстей растворяюсь,
в ярком свете,
в камине поющем...

По бездорожьям королевства...

Бережок

Алексей Клыков

Клыков Алексей Николаевич родился в 1970 году. В 1994 окончил российский открытый университет, философский факультет. Автор трёх сборников: «Детство во дворе», 2006; «А облака снова-ли...», 2008; «Для детей и взрослых», 2011. Печатался во всероссийском журнале «Лиффт», 2016; «Эхо-2017». Лауреат российского конкурса «Спасибо тебе, солдат!», 2005, конкурса «Мы вместе», 2011, номинант международного конкурса «Филантроп», 2014

* * *

А облака сновали,
Как лодочки в реке.
И белыми бывали,
И чёрными в тоске.
В небесном океане
Их радовал простор.
А снизу, из тумана,
Торчали рифы гор.
А облака всё плыли,
Им был неведом мрак,
И солнышко светило,
Как золотой маяк.

* * *

Кто там бегаёт по крыше?
У кого бы нам спросить?
Это Миша? Или Гриша?
Близнецов не отличить.
Даже мама их не может
Сразу различить порой.
До того они похожи
Меж собою, Боже мой!

* * *

Я хочу похулиганить,
Так хочу, что спасу нет.
Знаю, мама отругает,
И меня осудит дед.
Вы меня за всё простите,
Но иначе мне не жить,
Так хочу я соль рассыпать,
Или суп на пол пролить.
Хулиганить бы повсюду,
Всю одежду разбросать!
Но постойте,... нет, не буду,
Самому ведь убирать.

* * *

В соседней комнате игрушки,
Небрежно в ящике лежат.
Там есть и куклы, и зверушки,
Отряд проверенных солдат.

Мне б стало весело, я знаю,
Когда б в ту комнату вошёл.
Но я сегодня отдыхаю:
Без них мне нынче хорошо.

* * *

Как облака несутся быстро,
Их ветер все собрал в охапку.
Я размышляю о Лариске,
Моей соседке по площадке.
И эти мысли так приятны,
Что ветер не мешает мне.
Люблю Лариску я, понятно
Любому, думаю, вполне.
И что тут делать, я не знаю,
Но мне не грустно, мне не жаль.
Я про Лариску вспоминаю,
А облака несутся вдаль.

* * *

Я падал и видел вокруг облака,
Кричал облакам я: – Прощайте! Пока!
Потом я летел мимо двух небоскрёбов,
Давал им советы, не важничать чтобы.
А после парил над землёй с голубьями,
И с ними мы стали большими друзьями...
Я столько увидел, я столько успел,
Пока, просыпаясь, с кровати летел.

ДВЕРИ СЕРДЦА

Раскрой пошире двери сердца!
Не гаснут пусть в окне огни.
Тому, кто просится согреться,
Ворота сразу распахни.
Ему ворота открывая,
В лихую стужу не губя,
Возможно, что ворота рая
Ты тем откроешь для себя.
Так сердце раскрывай пошире,
Не запирайся в тишине.
Немало тех, кто в этом мире,
В огни лишь верует в окне.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал // www.mosjour.ru
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргмак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru